

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на шѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 37.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года 12 сентября.

Содержаніе: I. „Свободное воспитаніе“ съ христіанской точки зрѣнія. Свѣщ.
В. Пестряковъ.—II. Къ изъясненію третьяго прошенія великой ектен-
ніи (окончаніе). Н. Пальмовъ.—III. Мои воспоминанія. (Продолже-
ніе). Проф. В. Пѣвницкаго.—IV. Забѣтка. Памяти миссіонера-тру-
женника.

„Свободное воспитаніе“ съ христіанской точки зрѣнія.

Принципы такъ называемаго свободнаго воспитанія
впервые были провозглашены на западѣ; родоначальникомъ
ихъ является Руссо. Въ послѣднее время глашатаями нова-
го „свободнаго воспитанія“ являются на западѣ такіе
выдающіеся ученые и педагоги-практики, какъ Литцъ, Бер-
тольдъ, Отто, Артуръ Шульцъ и особенно Эвальдъ Гауфе.
Сторонники свободнаго воспитанія считаютъ Гауфе „величай-
шимъ педагогическимъ гениемъ нашихъ дней“ и проектиру-
емую имъ свободную школу—школой будущаго,—благосло-
веннымъ даромъ для будущихъ поколѣній¹⁾.

¹⁾ Естественное воспитаніе. К. Эбергъ Штокишгеръ. Переводъ М.
Левитиной. Москва 1910 года.

На западѣ мы находимъ и первые опыты практическаго примѣненія идей свободнаго воспитанія: въ настоящее время тамъ не мало уже есть школъ, устроенныхъ на новыхъ началахъ, носящихъ разныя названія; таковы: лѣсная школа въ Шарлотенбургѣ, сиротскій домъ Прево—во Франціи, сельскіе воспитательные дома, свободныя школьныя общины и т. д. Особенно широкаго развитія такія школы достигли въ Америкѣ. При разнообразіи названій и различіи внѣшняго устройства, всѣ такія школы ставятъ себѣ одну цѣль: воспитывая дѣтей среди живой природы, давая имъ „не мертвое знаніе“ современной школы, а лишь матеріаль, цѣнный для современной культуры, создать изъ дѣтей цѣльныя гармоническія личности, воспитать „свободныхъ“ людей.

Въ педагогическихъ своихъ статьяхъ графъ Л. Н. Толстой въ 60 годахъ перенесъ идеи свободнаго воспитанія съ запада къ намъ въ Россію. Въ своемъ имѣніи—въ Ясной Полянѣ—онъ сдѣлалъ попытку примѣненія своихъ педагогическихъ взглядовъ въ открытой имъ школѣ, каковая попытка оказалась, кстати сказать, неудачной и недолговѣчной.

Въ послѣдніе годы надъ Россіей ураганомъ пронеслось такъ называемое освободительное движеніе; крушеніе его не только матеріальное, но и моральное привело многихъ къ тому выводу, что причиной его краха служила неподготовленность общества къ возрожденію и обновленію современной культуры, къ созданію высшей, „истинно-человѣческой жизни. Для того, чтобы открыть свободный путь въ страну свѣта, солнца и свободы, по которомъ-де стасковалось современное человѣчество, необходимо воспитать и обработать въ надлежащемъ духѣ кадры будущихъ новыхъ работниковъ, создать новую болѣе стойкую рать, а первое къ тому средство—школа, воспитаніе. Этими соображеніями объясняется, по нашему мнѣнію, увлеченіе части нашего общества въ послѣдніе годы такъ называемымъ „свободнымъ воспитаніемъ“: начиная съ 1905/6 года, у насъ является не только обширная литература и спеціальныя журналы („Свободное воспита-

не“), посвященные проповандѣ идей свободнаго воспитанія, но и новыя, послѣ Толстого, попытки практическаго осуществленія этихъ идей ¹⁾. Такъ какъ народное образованіе и школьное воспитаніе въ Россіи находится надъ руководствомъ и строгимъ наблюденіемъ правительственныхъ учреждений, то эти попытки выразились пока въ устройствѣ селлементовъ, дѣтскихъ клубовъ и лѣтнихъ колоній.

Въ общихъ чертахъ идеи свободнаго воспитанія, насколько онѣ выясняются изъ брошюръ и статей послѣдняго времени, представляются въ слѣдующемъ видѣ.

„Здоровый ребенокъ, утверждаютъ сторонники свободнаго воспитанія, родится на свѣтъ, вполне удовлетворяя требованіямъ безусловной гармоніи въ отношеніи правды, красоты и добра... Учить и воспитывать ребенка нельзя и безсмысленно по той простой причинѣ, что ребенокъ стоитъ ближе меня, ближе cadaго взрослого къ тому идеалу гармоніи, правды, красоты и добра, до котораго я, въ своей гордости, хочу возвести его. Сознаніе этого идеала лежитъ въ немъ сильнѣе, чѣмъ во мнѣ. У ребенка есть смутное и вѣрное представленіе о цѣли этой жизни, которую онъ видитъ въ счастья, достигаемомъ любовнымъ общеніемъ людей“ ²⁾. Признавая дѣтей совершенными, считая дурныя качества, наклонности и привычки въ нихъ результатомъ ложнаго направленія воспитанія и дурнаго вліянія среды, сторонники свободнаго воспитанія весь прогрессъ школы полагаютъ „въ освобожденіи ребенка отъ внѣшняго и внутренняго гнета для доставленія ему возможности свободнаго и безпрепятственнаго гармоническаго развитія всѣхъ сторонъ его природы, всей его индивидуальности въ ея цѣломъ. Осво-

¹⁾ Московское О-во „Селлементъ“, устроившее дѣтскіе клубы и колоніи на началахъ свободнаго воспитанія въ 1905 и 1906 году, издало объ этомъ и особую книгу: „Дѣти-работники“.

²⁾ Журналъ Свободнаго Воспитанія 1908 года № 12 стр. 47,—48. Взято изъ книги А. М. Обухова „Свободное воспитаніе и дисциплина“. Москва 1910 года. 4 стр.

боженіе ребенка и доставленіе освобожденному ребенку всѣхъ положительныхъ данныхъ для развитія его своеобразной индивидуальности, его свободной личности, для развитія его наиболѣе полного развертыванія всѣхъ дремлющихъ въ немъ творческихъ силъ—такова то идеальная цѣль, къ осуществленію которой должна стремиться школа“ ¹⁾.

Сравнивая свою идеальную школу будущаго съ современной казенной школой и воспитаніемъ со стороны принциповъ, сторонники свободнаго воспитанія указываютъ между ними ту коренную и существенную разницу, что вторая имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, развитіе интеллекта и памяти; свободная же школа своею исходною точкою будетъ брать развитіе воли путемъ свободнаго творчества, „такъ какъ воля является центральнымъ фактомъ душевной жизни и высшею точкою развитія душевной жизни“.

Новые педагогическіе принципы требуютъ и новыхъ методовъ въ дѣлѣ воспитанія. Въ современной школѣ руководящая роль въ воспитаніи отводится воспитателю, ему предоставлена вся полнота власти и широта вліянія на дѣтскую душу; строительство школьной жизни и ея порядка всецѣло находятся въ рукахъ педагоговъ. Школа будущаго будетъ создаваться при участіи самихъ дѣтей; здѣсь они сами будутъ учиться, чему захотятъ, къ чему почувствуетъ интересъ и влеченіе, установятъ порядки, взаимныя отношенія, а равно и со старшими, распредѣлятъ время и работу. Свободная школа, или „домъ свободнаго ребенка“, какъ его у насъ называютъ, не будетъ имѣть никакой напередъ установленной программы, никакого заранѣе установленнаго раздѣленія на классы, никакого даже напередъ приглашеннаго учительскаго персонала. И истинная, настоящая, свободная дѣйствительно школа первоначально должна быть таковой, т. е. школой безъ

¹⁾ Новые пути воспитанія и образованія дѣтей К. Н. Вентцель. Москва, 1910 года стр. 8.

программъ, безъ классовъ, безъ учителей“. 1) Роль воспитателей и учителей въ новой свободной школѣ сводится до minimum'a, — учитель это старшій товарищъ, помогающій ученикамъ въ самостоятельныхъ изысканіяхъ, указывающій имъ путь, какъ дойти самостоятельно до рѣшенія того или другого вопроса. О какомъ-либо учительскомъ авторитетѣ, уваженіи къ нему, послушаніи, а тѣмъ болѣе о правахъ, въ новой школѣ не можетъ быть и рѣчи. Особенно на что будетъ обращено въ „домѣ свободнаго ребенка“, — это общественное воспитаніе; ему отводится очень большая роль. „Безъ строй жизни“ дома свободнаго ребенка, какъ свободной педагогической общины, будетъ способствовать тому, чтобы дѣти получали въ этомъ учрежденіи истинное общественное воспитаніе, чтобы въ нихъ зарождались и крѣпли здоровыя общественныя стремленія и чувства“ 2) Личность здѣсь будетъ воспитываться не въ качествѣ раба общества, а въ качествѣ его творца, свободно трудящагося надъ расширеніемъ и усовершенствованіемъ общественной жизни.

Оригинальны и заслуживать особаго вниманія взгляды сторонниковъ свободнаго воспитанія на религіозно-нравственное воспитаніе въ школѣ, которому большинство родителей пока еще придаетъ большое значеніе: открытаго отрицанія религіи и ея значенія мы у нихъ не находимъ, но высказываемыя ими мысли таковы, что неизбежно ведутъ къ отрицанію всякой вообще религіи. О Божествѣ, какъ личномъ Существовѣ, Творцѣ, Промыслителѣ и Спасителѣ міра, сторонники свободнаго воспитанія не говорятъ ни слова. Изъ расплывчатыхъ и туманныхъ ихъ фразъ видно, что подъ религіей они понимаютъ стремленіе къ идеалу, пантеистическое благоговѣніе къ жизни во всѣхъ ея формахъ. „Религія это — вознесеніе самаго глубокаго въ человѣкѣ къ высшему идеалу въ священные возвышенные часы его жизни... Рели-

1) Вентцель. Какъ создать свободную школу стр. 7.

2) Новые пути воспитанія стр. 47.

гія есть чувство божественнаго, или поддержанія божественнаго огня, который живетъ въ каждомъ человѣкѣ“... Въ религіозномъ отношеніи мы должны дать дѣтямъ „книгу познанія природы и идеализмъ, воодушевляющійся всѣмъ благороднымъ и высокимъ; мы должны научить молодежь великой любви къ идеальнымъ цѣлямъ человѣчества, любви къ природѣ такъ, чтобы все живое и не только животныя, а и нѣмыя растенія были святы для ребенка“ ¹⁾).

Религіи, говорятъ сторонники свободнаго воспитанія, учить нельзя, такъ какъ религія можетъ быть только личная; она должна вырости свободно и непринужденно изнутри самого ребенка, должна быть плодомъ его внутренней самостоятельной работы. Задача руководителей „дома свободнаго ребенка“ должна заключаться не въ сообщеніи дѣтямъ тѣхъ или другихъ ортодоксальныхъ нравственныхъ или религіозныхъ воззрѣній, а въ дѣятельной помощи въ выработкѣ ребенкомъ собственныхъ самобытныхъ воззрѣній. Излагая свои личные взгляды по религіознымъ вопросамъ предъ ребенкомъ, воспитатель долженъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы его взгляды не оказали какого-либо давленія на пробуждающуюся мысль дѣтей, на независимость ихъ сужденія; онъ долженъ стремиться къ тому, чтобы дать дѣтямъ возможность „широко ознакомиться съ поисками человѣчества высшихъ формъ религіи и нравственности, дать имъ возможность пережить, почувствовать эту великую и грандіозную работу человѣчества“ ¹⁾).

Говорить „свободное воспитаніе“ и о нравственности, о необходимости развитія внутренняго человѣка. Нравственность въ субъективномъ отношеніи понимается здѣсь, какъ полная свобода отъ всякихъ внѣшнихъ посягательствъ и вліяній, а въ объективномъ—ограничивается работою для общества, движимою желаніемъ „быть творцомъ и строителемъ

¹⁾ Естественное воспитаніе стр. 26—29.

²⁾ Новые пути воспитанія стр. 44—47.

такихъ высшихъ формъ жизни и свободнаго существованія, о которыхъ мы въ настоящее время едва ли въ состояніи даже составить себѣ представленіе“...

Русское общество, вообще падкое на всякую новизну, въ новомъ педагогическомъ направленіи, кромѣ новизны, можетъ подкушиться увлеченіе, страстность и настойчивость, съ которыми пропагандируются новыя педагогическія идеи. Не мало встрѣчается въ литературѣ новаго воспитанія дѣльных замѣчаній, полезныхъ педагогическихъ совѣтовъ; правда, въ большинствѣ случаевъ такіе полезные совѣты не новы, давно высказанные въ педагогической литературѣ, но иногда и старыя мысли, такъ часто забываемыя, не вредно повторять. Справедливо замѣчаніе одного критика и о томъ, что сторонники новаго воспитанія «много сдѣлали для критики существующей школы и методовъ воспитанія, нападая на ихъ недостатки въ самомъ основаніи. Горячая ихъ проповѣдь, ѣдкія насмѣшки, ѣдкое вскрытіе язвъ, навѣрно заставили задуматься очень и очень многихъ педагоговъ, родителей и заставили тѣхъ и другихъ пошевелиться и хоть немного измѣнить, смягчить свой режимъ» ¹⁾).

Вдумываясь однако въ основныя положенія, или принципы новаго воспитанія, разсматривая ихъ съ христіанской точки зрѣнія, «мы должны признать» такъ называемое свободное воспитаніе ложнымъ въ самомъ его существѣ и вреднымъ.

«Свободное воспитаніе» исходнымъ своимъ пунктомъ имѣетъ предположеніе о какомъ-то мнимомъ совершенствѣ дѣтской природы; дѣти—это совершенныя существа, которыхъ старшіе могутъ только портить своимъ вмѣшательствомъ. Категорическія сужденія объ этомъ совершенствѣ, обычно ничѣмъ не доказываемыя, стоятъ въ полномъ противорѣчій какъ съ наблюденіемъ и опытомъ, такъ, что всего главнѣе, съ христіанскимъ ученіемъ и порчѣ челоуѣческой природы, какъ

¹⁾ Свободное воспитаніе и дисциплина А. Обуховъ стр. 94.

слѣдствіе грѣха. Выше мы отмѣтили, какъ смотрять сторонники свободнаго воспитанія на религію; открытаго отрицанія вѣры въ Бога у нихъ мы, правда, не видимъ; въ свободной школѣ предоставляется каждому создавать свою религію. Но такое желаніе можетъ исходить только отъ тѣхъ педагоговъ, которые сами ни во что не вѣруютъ, ни одну религію не считаютъ за истину и къ религіознымъ запросамъ дѣтской души относятся съ полнымъ равнодушіемъ. Заботясь о томъ, чтобы дать въ свободной школѣ ребенку дѣйствительно полезныя знанія, чтобы облегчить и упростить работу дѣтскаго ума, сторонники свободнаго воспитанія только въ религіозномъ отношеніи наваливаютъ на дѣтей,—по непонятнымъ причинамъ,—сизифову работу — «пережить и перечувствовать поиски человѣчества религіозныхъ идеаловъ, начиная отъ самыхъ примитивныхъ и грубыхъ», вмѣсто того, чтобы раскрыть имъ этотъ идеаль.

Въ христіанскомъ ученіи, въ богодухновенныхъ книгахъ священныхъ писателей мы имѣемъ цѣлую систему христіанскаго воспитанія, которую «свободное воспитаніе» совершенно игнорируетъ и не принимаетъ во вниманіе. Идеаль, къ которому долженъ стремиться каждый христіанинъ—есть Отецъ нашъ Небесный; цѣль всякаго христіанскаго воспитанія—богоуподобленіе: будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ есть. Идеаль новаго воспитанія—«совершенный» человѣкъ, съ единственнымъ признакомъ «свободный»...

Въ сравненіи съ христіанскимъ идеаломъ новое «свободное воспитаніе» крайне убого и бѣдно содержаніемъ. Задачи человѣческой личности оно ограничиваетъ только землей—соціальнымъ раемъ и земнымъ благополучіемъ. Совершенство человѣческой личности оно полагаетъ въ «свободѣ», при чемъ терминъ этотъ, взятый изъ христіанства и понимаемый здѣсь прежде всего, какъ свобода отъ грѣха, понимаетъ только какъ свободу отъ всякихъ внѣшнихъ ограниченій, отъ всякихъ авторитетовъ.

Не понимая (справедливѣе отрицая) христіанства, какъ богооткровенной истины, сторонники свободнаго воспитанія не могутъ понять и современнаго религіознаго воспитанія. Съ особою силою они нападаютъ на догматическій тонъ религіознаго обученія и воспитанія, забывая то, что предметы этого наученія есть Богъ непостижимый и премудрость Божія, въ тайнѣ сокровенная, а поэтому сколько бы человѣкъ „ни переживалъ религіозныхъ исканій человѣчества, истины онъ самъ не нашелъ бы, если бы Богъ, по любви Своей, не пришелъ ему на помощь“.

Рисуемый свободнымъ воспитаніемъ идеаль человѣка стоитъ въ полномъ противорѣчїи съ христіанскимъ нравственнымъ ученіемъ: о любви къ Богу, о смиренїи, самопожертвованїи и самоусовершенствованїи, о борьбѣ со зломъ и страстями „свободное воспитаніе“ не говоритъ ни слова; о долгѣ если и говоритъ, то только въ отношенїи родителей и воспитателей къ дѣтямъ, а не наоборотъ.

Изъ сказаннаго, думаемъ, ясно къ какимъ результатамъ можетъ привести такъ называемое свободное воспитаніе: не „совершенные творцы свободной жизни“, а жалкіе, безпринципные себялюбцы, ничего не жалающіе знать, кромѣ своего, отъ всего свободнаго „я“—вотъ тѣ работники, какихъ только и можетъ воспитать „свободная школа“. Въ религіозномъ отношенїи она воспитаетъ дѣтей совершенно безразличныхъ къ вѣрѣ и даже враждебныхъ всякой вообще религїи. Такъ называемая „свѣтская“ школа, свободная отъ всякаго религіознаго воспитанія, существуетъ теперь во Франціи,—результаты ея на лицо: отъ равнодушїя и безразличїя къ религїи тамъ постепенно переходятъ къ гоненїямъ на вѣру, и все это совершается во имя свободы. Неужели такой участи можно желать и для нашей православной вѣры въ православной Россїи! А это несомнѣнно будетъ, если дѣло народнаго воспитанія, вмѣсто церковныхъ и правительственныхъ школъ, будетъ осуществляться въ разныхъ селлементяхъ, домахъ свободнаго ребенка, колонїяхъ, гдѣ все дѣло сводится только къ одному—„свободѣ“... Свящ. В. Пестряковъ.

Къ изъясненію третьяго прошенія великой ектеніи.

(Окончаніе¹⁾).

Обратимся теперь къ положительному выясненію, что подъ τῶν πάντων разумѣтся весь родъ человѣческій.

Можетъ ли *литургическая древность* дать намъ какой-нибудь матеріалъ къ рѣшенію вопроса о τῶν πάντων въ указанномъ смыслѣ?—Можетъ, и она даетъ его прежде всего тѣмъ, что указываетъ два варианта въ текстѣ прошенія о соединеніи всѣхъ, именно, одинъ: „О соединеніи всѣхъ свягыхъ Божіихъ православныхъ церквей“—ὑπὲρ τῆς ἐνώσεως πασῶν τῶν ἁγίων τοῦ Θεοῦ ὀρθοδόξων ἐκκλησιῶν, и—„О соединеніи всѣхъ“—ὑπὲρ τῆς ἐνώσεως τῶν πάντων. О чемъ могла бы свидѣтельствовать такая двойственность текста?—Разумѣтся,—о томъ, что въ одномъ случаѣ церковь предлагаетъ молитву о единеніи между отдѣльными частями вселенской Православной Церкви, а въ другомъ—о духовномъ единеніи между всѣми людьми на землѣ. Никто не скажетъ, что это—одно и то же, и вотъ фактъ различія между однимъ моленіемъ и другимъ и находитъ себѣ выраженіе въ различеніяхъ ектенійнаго текста.

Ту же мысль о различіи между указанными моленіями убѣдительно подтверждаетъ различеніе древняго славянскаго текста, на которое мы уже указывали: „о кѣгстоунии стѣи кѣиѣи цркви и съкѣкоупленн всѣ.“ По этому чтенію выходитъ, что *единеніе всѣхъ* есть нѣчто отдѣльное отъ соединенія православныхъ *церквей* въ одну вселенскую святую церковь. О послѣднемъ нѣтъ моленія въ приведенномъ текстѣ; въ немъ есть лишь моленіе о *ближестоянн* святой Божіей церкви—вселенской. И это моленіе въ славянскомъ памятникѣ (онъ—отъ XV в.), отдѣльное отъ моленія о соединеніи всѣхъ, весьма напоминаетъ распространенное моле-

¹⁾ См. № 25—36-й за 1910-й г.

ніе о Церкви въ литургіи Апостольскихъ Постановленій: „О святой вселенской и апостольской церкви, отъ концевъ до концевъ сущей, помолимся, чтобы Госнодь соблюдалъ и сохранялъ ее нешотрясаемою и непоколебимою до кончины вѣка, основанною на камнѣ“. Далѣе въ литургіи Апостольскихъ Постановленій слѣдуютъ моленія: „о здѣшней святой области“, т. е. объ опредѣленной епископіи, о всемъ епископствѣ, и идетъ длинный перечень лицъ, за которыхъ возносится моленіе¹⁾. Такимъ образомъ, при сходствѣ въ важномъ для насъ пунктѣ, различіе между обоими литургическими памятниками состоитъ въ томъ, что въ литургіи Апостольскихъ Постановленій общее моленіе о вселенской церкви сопровождается и частнымъ, а по славянскому, *болѣе позднему* памятнику моленіе о вселенской Церкви исчерпывается однимъ общимъ и частныхъ не касается. Но за то въ славянскомъ памятникѣ къ общему моленію о благогощеніи святой Божіей церкви присоединено другое общее моленіе о соединеніи всѣхъ.

Надо сказать, что устраненіе частныхъ и, гдѣ можно, обобщеніе ихъ составляютъ обычное явленіе, замѣчаемое въ литургическихъ памятникахъ болѣе поздняго происхожденія, по сравненію ихъ съ памятниками древнѣйшими. Обильныя содержаніемъ и богатыя словесною формою выраженія произведенія богослужебно-религіознаго творчества древности сокращаются послѣдующими поколѣніями и со стороны содержанія, и со стороны словесныхъ формъ. Одинъ изъ примѣровъ этого представляютъ ектеніи. Что такое ектенія?—Толкователи богослуженія учатъ, что ектенія есть распространенное²⁾ или протяженное (по своей многосодержательности)³⁾ моленіе. Но мы не замѣчаемъ, на самомъ дѣлѣ, въ ектеніяхъ ни особенной протяженности, ни распространенно-

¹⁾ „Собр. др. литургій“, с. 107—109.

²⁾ См., напр., „Новую Скрижаль“, ч. 2 по Моск. изд. 1816 г. и Сиб. 1848 г., с. 10.

³⁾ *Прот. Г. Дебольскаго*—„Попеченіе православной церкви о спасеніи міра“. Сиб. 1843 г., с. 66.

сти содержания, когда слушаемъ ихъ теперь. Однако, даваемое толкователями опредѣленіе ектеніи необходимо признать правильнымъ, если имѣть въ виду *древнія ектеніи*. Достаточно хотя бы бѣгло познакомиться съ ектеніями въ древнихъ литургіяхъ, чтобы убѣдиться, какъ значительно отличаются древнія ектеніи своими размѣрами отъ нынѣшнихъ. Нынѣшнія ектеніи—сокращеніе древнихъ, достигнутое отчасти чрезъ устраненіе нѣкоторыхъ частныхъ, а отчасти чрезъ обобщеніе ихъ и замѣну сложныхъ словесныхъ формъ болѣе простыми. Это обстоятельство необходимо принять во вниманіе при изслѣдованіи вопроса $\acute{\upsilon}\tau\epsilon\rho\ \tau\eta\varsigma\ \epsilon\nu\acute{\omicron}\tau\epsilon\omega\varsigma\ \tau\acute{\omicron}\nu\ \pi\acute{\alpha}\nu\tau\omega\nu$.

Въ самомъ дѣлѣ, если нынѣшнія ектеніи по сравненію съ древними оказываются сокращенными моленіями, то истолкованіе выраженія $\acute{\upsilon}\tau\epsilon\rho\ \tau\eta\varsigma\ \epsilon\nu\acute{\omicron}\tau\epsilon\omega\varsigma\ \tau\acute{\omicron}\nu\ \pi\acute{\alpha}\nu\tau\omega\nu$ не должно ли сводиться къ разрѣшенію вопроса: содержатся, или нѣтъ, въ древнихъ ектеніяхъ моленія о соединеніи въ лонѣ Православной Церкви всѣхъ людей: равно какъ—и тѣхъ, которые еще не познали Христа, и тѣхъ, которые хотя и познали, но враждебно относятся къ Его ученію, передаваемому св. Церковью? Моленіе такого рода дѣйствительно содержится въ древнихъ ектеніяхъ, при чемъ моленіе о врагахъ и гонителяхъ церкви выражается иногда въ формѣ обращенія къ Богу, чтобы Онъ самъ выступилъ на брань противъ питающихъ къ христіанамъ вражду и обуздалъ ихъ ярость, гнѣвъ, ненависть, козни, злословія и сдѣлалъ безопасными для христіанъ, а иногда еще и съ присоединеніемъ прошенія, чтобы Господь обратилъ враговъ церкви „къ тому, что благоугодно“ Ему.

Вотъ выдержки изъ древнихъ моленій.

Въ литургіи Апостольскихъ Постановленій, въ концѣ пространнаго діаконскаго возглашенія—ектеніи, стоитъ обращеніе къ присутствующимъ за богослуженіемъ: „О врагахъ и ненавидящихъ насъ помолимся; о гонящихъ насъ за имя Господне помолимся, чтобы Господь, укротивъ ярость ихъ,

разсвѣяль гнѣвъ ихъ противъ насъ.—О внѣшнихъ и заблуждшихъ помолимся, чтобы Господь обратилъ ихъ¹⁾.

Подъ „внѣшними“ (οἱ ἕξω ὄντες) здѣсь разумѣются, конечно, язычники, а подъ „зablуждшими“ (πεπλανημένοι)—еретики, потому что въ такомъ же значеніи выраженія οἱ ἕξω ὄντες и πεπλανημένοι (πλανῶμένοι) употреблены у ап. Павла: 1 Кор. 5, 12 — *что бо ми о внѣшнихъ (τοὺς ἕξω) судити*; 2 Тим. 3, 13 — *Лукавіи же чelовѣцы и чародѣи преуспѣвають на горшее, прелщающе и прелщаеми (πλανῶντες καὶ πλανῶμένοι)*. Такимъ образомъ, приведенныя изъ литургіи Апостольскихъ Постановленій слова показываютъ, что древняя Церковь возносила молитвы и о врагахъ своихъ, и объ язычникахъ, и объ еретикахъ, одушевляясь желаніемъ видѣть враговъ—укрощенными, а язычниковъ и еретиковъ обратившимися ко Христу и вступившими въ лоно Церкви.

Слѣдуетъ, однако, сказать, что моленіе объ этомъ послѣднемъ предметѣ въ литургіи Апостольскихъ Постановленій раскрыто не съ особенною подробностью. Въ другихъ литургіяхъ оно распространеннѣе. Такъ, въ сирійской литургіи св. Василія Великаго, послѣ пресуществленія Даровъ, положено прошеніе: „Заблуждшихъ и разсвѣянныхъ собери (Господи) и приведи всѣхъ въ стадо Твое, чтобы было одно стадо и одинъ Пастырь“... „Помяни, Господи, нашихъ царей, достойныхъ славной памяти, вѣнчай ихъ надеждою (Твоего) благоволенія и шлемомъ спасенія, сохрани ихъ въ здоровой вѣрѣ, покори ихъ самихъ подъ иго Твоего царства, а народы варварскіе, враждебные христіанскому обществу, подчини ихъ власти“. Варіантъ: „Господи, Господи! умиротвори царства, которыя ратуютъ противъ святыхъ церквей Твоихъ посредствомъ ересей и расторгаютъ единокорное тѣло (состоящее изъ) членовъ-христіанъ и разсвѣяваютъ духовныхъ овецъ стада Твоего и коварно, подъ обманчивымъ покровомъ религіозности, поднимаютъ бури обольщенія,—обрати ихъ

¹⁾ „Собраніе древн. литургій“, с. 109 и примѣч. 1; см. также с. 129.

къ тому, что благоугодно Тебѣ“¹⁾. И еще: „Помяни, Господи, тѣхъ, которые постояли за вѣру до крови и пасли Твое священное стадо праведно и свято... и по ихъ молитвамъ и усерднымъ прошеніямъ собери отдѣлившихся членовъ Церкви къ одному исповѣданію и апостольской вѣрѣ, чтобы у всѣхъ была единоголасная и одушевленная хвала“²⁾.

Въ „заблудшихъ“ и „отдѣлившихся“ отъ церковнаго общенія нельзя не признать еретиковъ. Но кого слѣдуетъ разумѣть подъ „разсѣянными“? Не язычниковъ ли, которыхъ такъ называли іудеи за то, что, по объясненію св. Іоанна Златоустаго, „тѣ были повсюду разсѣяны и безпрепятственно смѣшивались одни съ другими“³⁾? И дѣйствительно, при перечисленіи въ литургіи Василя Вѣликаго лицъ, вошедшихъ въ лоно Церкви и имѣющихъ, по вразумленію Божію, войти туда, не доставало бы именно язычниковъ, если бы подъ „разсѣянными“ мы стали разумѣть не ихъ, а отщепенцевъ отъ Церкви.

Въ коптской литургіи св. Кирилла Александрійскаго предъ освященіемъ Даровъ положенъ длинный рядъ моленій. Къ нашей цѣли имѣетъ отношеніе слѣдующее мѣсто. „*Диконъ*: Молитесь о семь собраніи нашемъ и о всякомъ собраніи православныхъ народовъ, чтобы Христосъ Богъ нашъ благословилъ и совершилъ ихъ въ мирѣ и отпустилъ намъ грѣхи наши. *Священникъ*: Идолослуженіе совершенно истреби изъ міра; сатану и всѣ злыя силы его скоро сокруши и низложи подъ ноги наши; соблазны и виновниковъ ихъ укроти, чтобы окончились пагубныя раздѣленія ересей; гордость сердца враговъ святой церкви Твоей, Господи, какъ всегда, такъ и нынѣ, ниспровергни; скоро сдѣлай имъ из-

¹⁾ „Собр. др. литургій“, продолж. отдѣла перваго, с. 100.

²⁾ Ibid., с. 102.

³⁾ „Святаго отца нашего Іоанва, архіеп. Константинопольскаго, Златоустаго.—Бесѣды на Евангеліе св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова, т. II. Сиб. 1855 г. См. бес. 50 на Іоанн. VII, 25 и дал., с. 199.

вѣстною слабостью ихъ; обуздай ихъ ненависть, лукавства, и козни, и злословія, которыми они возстаютъ на насъ, и сдѣлай ихъ всѣ—тщетными; разсѣй замыслы ихъ, Боже, разсѣявшій совѣтъ Ахитофела (2 Цар. 15, 34). Возстань, Господи Боже, и да разсѣются всѣ враги Твои, и да бѣгутъ отъ лица Твоего всѣ, ненавидящіе святое имя Твое (Пс. 67. 2), а народъ Твой съ благословеніями тысящу разъ тысящными и десять тысячъ разъ десятитысящными, да творить волю Твою. *Діаконъ*: Сидящіе встаньте. *Священникъ*: Освободи плѣнныхъ, избавь тѣхъ, которые терпятъ нужду, насыть алчущихъ, укрѣпи малодушныхъ, возстанови падшихъ, утверди стоящихъ, обрати заблуждающихся, приведи всѣхъ ихъ на путь спасенія Твоего, причисли всѣхъ ихъ къ народу Твоему; избавь насъ отъ грѣховъ нашихъ; будь, Господи, для насъ стражемъ и покровителемъ во всемъ¹⁾).

Ранѣе произнесенія священникомъ приведенныхъ словъ моленія, діаконъ предварялъ молящихся, что послѣдуетъ моленіе о томъ, чтобы „Христось Богъ благословиль и совершилъ въ мирѣ“ настоящее „собраніе“ и вообще „всякое собраніе православныхъ народовъ“. Слѣдовательно, слова священника послѣ діаконскаго замѣчанія не что иное, какъ моленіе о мирѣ Церкви и ея торжествѣ. Когда же восторжествуетъ Церковь? Тогда, когда истребится на землѣ идолослуженіе, когда прекратятся церковные соблазны въ видѣ ересей, исчезнетъ гордость враговъ Церкви, пропадетъ ихъ ненависть къ церкви, исчезнутъ лукавство и козни, которыя строятъ враги Церкви противъ вѣрныхъ, прекратятся злословія,—словомъ, когда разрушится дѣло сатаны, а самъ сатана, со всѣми злыми своими силами, будетъ сокрушенъ и ниспровергнутъ. Тогда-то вѣрный народъ Божій, избавленный отъ грѣховъ и численно умножившійся, будетъ творить волю Господню.

¹⁾ „Собр. древн. литургій“, отд. второй, литургіи александрійскія, с. 63—64.

Итакъ, о чемъ же молится священникъ съ народомъ въ литургіи св. Кирилла Александрійскаго? — О томъ же единомъ стадѣ церкви Христовой, о той же единой волѣ Божіей въ душѣ людей, о томъ же царствіи Божіемъ на землѣ, о чемъ всегда молилась, о чемъ и теперь продолжа-етъ молиться Церковь, взывая ко Господу о соединеніи всѣхъ.

Въ литургіи апостоловъ Фаддея и Марія изложена слѣдующая молитва священника при совершеніи евхаристіи: „Господи Боже Саваоѣ! Помилуй всѣ твари, пощади виновныхъ, обрати заблуждающихся, возстанови угнетенныхъ, даруй покой страждущимъ, исцѣли немощныхъ, утѣшь печальныхъ и склони къ милосердію совершающихъ судъ во имя Твое святое... Господи Боже Саваоѣ! да будетъ принято сіе приношеніе за всю святую соборную церковь, и за священниковъ, царей, князей“ (и прочихъ, перечисляемыхъ лицъ). Это — молитва за вѣрныхъ, состоящихъ въ общеніи съ церковью. Но далѣе священникъ расширяетъ молитву: „Господи Боже нашъ!“ молится священникъ: „даруй намъ тишину и миръ Твой, во всѣ дни вѣка сего, чтобы всѣ жители земли познали Тебя, что Ты—Богъ Отецъ, единый, истинный; и Ты послалъ Господа нашего Іисуса Христа, Сына Твоего и возлюбленнаго Твоего, а Онъ, Господь и Богъ нашъ, пришелъ и научилъ насъ всякой чистотѣ и святости“¹⁾.

Въ выраженіи: „всѣ жители земли“ нельзя не видѣть указанія на чаяніе и моленіе о соединеніи всего человѣческаго рода въ единую церковь Христову, чрезъ познаніе единаго истиннаго Бога и Его же послалъ Богъ—Іисуса Христа, Господа нашего.

Наконецъ, беремъ литургію константинопольскаго архіепископа Несторія. Несторій былъ осужденъ церковью за

¹⁾ „Собр. древн. литургій“, отдѣлъ третій, литургіи месопотамскія, стр. 28.

ересь на третьемъ вселенскомъ соборѣ (431 г.). Литургія Несторія, хотя и не свободна отъ вліяній его лжеученія о лицѣ Іисуса Христа и достоинствѣ Богоматери, но, въ общемъ, она удерживаетъ древнѣйшія формы евхаристическаго богослуженія. Въ молитвѣ возношенія на этой литургіи, послѣ перечня лицъ, за кого приносится жертва, читаются слѣдующія строки: „Также умоляемъ милосердіе Твое, Господи, по благодати Твоей, за всѣхъ враговъ нашихъ и ненавидящихъ насъ и за всѣхъ, помышляющихъ противъ насъ злое, не въ осужденіе и отмщеніе, Господи Боже Саваоѣ, но къ помилованію, и спасенію, и прощенію грѣшниковъ, такъ какъ Ты желаешь, чтобы всѣ люди были живы и обратились къ познанію истины. Ибо Ты чрезъ возлюбленнаго Сына Твоего, Господа нашего Іисуса Христа, заповѣдалъ намъ молиться за враговъ нашихъ и за тѣхъ, которые ненавидятъ насъ, и за тѣхъ, которые поступають съ нами жестоко и несправедливо“¹⁾).

Если въ глазахъ Несторія „врагами“, „ненавидящими насъ“ и „помышляющими противъ насъ злое“, были тѣ, которые, не принявъ лжеученія столичнаго іерарха, стойко боролись за истину православнаго ученія и оберегали отъ Несторіевой ереси православныхъ христіанъ, то, во всякомъ случаѣ, обоснованіе Несторіемъ молитвы за враговъ на волю Божіей, чтобы всѣ люди были живы и пришли къ познанію истины, какъ бы подчеркиваетъ для насъ несомнѣнность моленія древней церкви за враговъ ея, кто бы они ни были—язычники, враждебные христіанству, или еретики, искажавшіе правильное ученіе вѣры. Такимъ образомъ, и литургія Несторія сохранила свидѣтельство о древнемъ моленіи, чтобы Господь привелъ язычниковъ и еретиковъ къ познанію и усвоенію православной Христовой вѣры, и чтобы изъ всей совокупности рода человѣческаго, когда онъ познаетъ истиннаго Бога, образовалось единое святое стадо съ пастыреначальникомъ Христомъ во главѣ.

¹⁾ Ibid., стр. 49—50.

Полагаемъ, что наличность въ древнихъ литургическихъ памятникахъ частныхъ и подробныхъ моленій о группахъ и лицахъ, вступленія которыхъ въ стадо Христово желаетъ Православная Церковь, даетъ основаніе считать выраженіе въ великой ектеньѣ: „о соединеніи всѣхъ“ за формулированное въ общей формѣ моленіе о томъ же самомъ предметѣ. Идеаль Православной Церкви тотъ, что она должна обнять всѣхъ людей, населяющихъ землю, къ какой бы національности они ни принадлежали и какихъ бы религіозныхъ взглядовъ и убѣжденій они ни держались, и—соединить ихъ въ единое истинное стадо Христово. О томъ училъ Глава церкви Христосъ ¹⁾, о томъ заповѣдалъ молиться апостоль ²⁾, о томъ же и св. Церковь наставляетъ молиться, когда предлагаетъ нашему вниманію нарочитое моленіе „о соединеніи всѣхъ“.

По формѣ словеснаго выраженія, моленіе „о соединеніи всѣхъ“, отмѣчаемое характеромъ *общности*, можетъ быть поставлено въ параллель съ двумя другими моленіями въ томъ третьемъ прошеніи великой ектеніи: „о мирѣ всего міра“ и „о благостояніи святыхъ Божіихъ церквей“. Эти моленія—тоже общаго характера. Въ древности они сопровождались и частными моленіями, какъ бы раскрывающими содержаніе общихъ, но затѣмъ, когда частныя моленія подверглись сокращенію, остались они одни—моленія общаго характера ¹⁾.

¹⁾ Іоанн. 10, 16: *И ины овцы имаю, яже не суть отъ двора сего: и тыя ми подобаетъ привести, и гласъ мой услышатъ: и будетъ едино стадо и единый пастырь.*

²⁾ 1 Тим. 2, 1: *Молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся чловѣки.*

¹⁾ Напр., въ литургіи ап. Іоакова: „Умири множество народа... прекрати войны“. „Собр. др. лит. отд. первый, с. 180; въ литургіи Несторія: „Умоляемъ Тебя, чтобы Ты разсѣялъ отсюда народы, желающіе войны“. Ibid. отд. третій, с. 49. Въ литургіи ап. Ѡаддея и Марія подробно исчисляются церковная іерархія и клиръ. Ibid. с. 23.

Точно также и моленіе о соединеніи всѣхъ выражено было въ древности рядомъ опредѣленныхъ указаній, объ обращеніи или возвращеніи кого въ свое спасительное лоно молить Господа Церковь. Съ теченіемъ времени эти частныя моленія были оставлены, и вмѣсто всѣхъ ихъ стало возноситься на великой ектеніи одно общее моленіе. Для моленій частныхъ, нѣкогда тѣсно сливавшихся съ литургіей, стали составляться отдѣльные богослужебныя чины и послѣдованія, которые вошли теперь частію въ требникъ, частію въ книгу молебныхъ пѣній, а частію въ другія церковно-богослужебныя книги.

Но по свойству у нашего ума, мы не можемъ довольствоваться одними, такъ называемыми, общими положеніями. Когда таковыя представляются намъ, мы, не довольствуясь ими, стараемся опредѣлить частности. Это не всегда легко удается. Особенно затрудняется дѣло, когда приходится считаться съ выраженіями архаическими. Тогда представляется необходимымъ предпринимать спеціальныя экскурсіи въ область старины, чтобы узнать, какой смыслъ соединился съ извѣстнымъ выраженіемъ въ тѣ времена, когда оно появилось. И уже только послѣ этого возможна рѣчь объ опредѣленіи современнаго значенія, коль скоро архаизмъ продолжаетъ существовать. Примѣнительно къ литургическому выраженію: „о соединеніи всѣхъ“ это общее правило обращенія съ архаизмами имѣетъ то значеніе, что обязываетъ толкователя, посредствомъ историческихъ справокъ въ памятникахъ Богослуженія, сначала опредѣлить, въ какомъ смыслѣ употреблялось это выраженіе въ древности, а затѣмъ уже постараться примѣнить выраженіе къ наличнымъ обстоятельствамъ религіозной жизни, разъ моленіе о соединеніи всѣхъ доселѣ существуетъ въ церковномъ употребленіи.

Мы видѣли, что древняя Церковь молилась объ обращеніи къ Христовой истинѣ язычниковъ и заблуждшихъ. Въ сравненіи съ древними временами, внѣ ограды церковной и теперь стоятъ не иныя группы и лица, но тѣ же язычники и заблуждшіе, т.

е. тѣ же еретики и раскольники, только подъ новыми названіями. Можетъ быть, представляютъ нѣчто неизвѣстное древней церкви современные сознательные язычники изъ христіанъ, свергшіе съ себя званіе христіанъ, въ которомъ родились. Но и ихъ, какъ и все разнообразіе нынѣшнихъ „новыхъ христіанъ“, можно подвести подъ категорію „заблуждшихъ“, исходя изъ убѣжденія, что не разумъ, но недостатокъ разума или же извращеніе его, заставляеть современныхъ враговъ и „новыхъ христіанъ“ бѣжать отъ свѣта истины и безпорядочно блуждать въ дебряхъ человѣческихъ измышленій.

Итакъ, невѣдущіе Бога грубые язычники и великое множество „заблуждшихъ“, начиная отъ добровольно свергшихъ съ себя христіанское званіе и объявившихъ себя сознательными язычниками, включая сюда всѣхъ еретиковъ и раскольниковъ и оканчивая проповѣдниками и послѣдователями „новаго“ христіанскаго (будто бы) ученія, ими по своему исправленнаго и передѣланнаго,—теперь, какъ и въ древнія времена, стоятъ внѣ ограды Православной Церкви. Нельзя при этомъ сказать, что и въ оградѣ церковной царить желанное единомысліе среди чадъ христовыхъ...

Долгъ cadaго православнаго христіанина—молиться о соединеніи съ спасающею Церковью однихъ и о взаимномъ примиреніи другихъ.

Но молясь о соединеніи съ Православною Церковью и другъ съ другомъ всѣхъ, можно, конечно, мысленно выдвигать ту или иную группу, съ которою молящемуся почему-либо ближе приходится соприкасаться. Кругозоръ идей и общее духовное направленіе могутъ подсказывать, за кого онъ прежде всего долженъ вознести молитву. Миссіонеру, напр., работающему по внѣшней миссіи, естественно привести себѣ на мысль непросвѣщенныхъ свѣтомъ Евангелія язычниковъ и помолиться, чтобы Господь сподобилъ ихъ узрѣть свѣтъ правой вѣры. Миссіонеру, проповѣдующему среди сектантовъ и раскольниковъ, естественно вознести молитву объ обращеніи ихъ къ православію. Пастырю — проповѣднику Христова ученія

среди интеллигенции ближе всего помолиться о ней, чтобы Господь привелъ ее на спасительный путь православнаго христіанства. Ревнующему о прекращеніи религіозной розни внутри самого христіанства представляется случай вознести молитву о соединеніи церквей. А болѣющему сердцемъ въ виду распрей и всевозможныхъ несогласій среди собратій по вѣрѣ—развѣ не свойственно перенестись мыслью къ враждующимъ единовѣрцамъ и съ душевною теплотою помолиться о соединеніи ихъ въ прекрасный союзъ мира и взаимной любви, дабы *единодушно и едиными усты* славить Бога и Отца Господа нашего Іисуса Христа (Римл. 14, 6)?

Общее моленіе допускаетъ столько частныхъ, сколько оно можетъ обнять ихъ собою, а способность и нашего духа сосредоточиваться преимущественно на чемъ-нибудь одномъ разрѣшаетъ выбирать изъ нѣсколькихъ частныхъ одно, наиболѣе намъ любезное. Но избраніе одной частности не должно вести къ ограниченію ею всего содержанія моленія. Нельзя, напр., утверждать, что въ моленіи о соединеніи всѣхъ заключено одно моленіе о соединеніи съ Православною Церковью инославныхъ церквей. Безспорно, и эта молитва содержится въ прошеніи о соединеніи всѣхъ, и для ея констатированія нѣтъ никакой надобности дѣлать дополненіе къ тексту новыхъ словъ или заподозривать составителей ектенійнаго моленія въ іезуитскомъ обращеніи съ текстомъ. Но не надо забывать, что молитва о соединеніи церквей—одна изъ частныхъ, которая, на ряду съ другими, входитъ въ общее моленіе о соединеніи всего рода человѣческаго въ единую духовную семью Божію. Правильнаго метода при толкованіи третьяго прошенія великой ектеніи держался кievскій митрополитъ Арсеній въ своемъ „Изъясненіи Божественной Литургіи“ (Кіевъ 1874 г.). Указавъ, что въ молитвѣ о мирѣ (такъ м. Арсеній называетъ первыя прошенія великой ектеніи) есть мудрая послѣдовательность, заключающаяся въ томъ, что Церковь сначала предлагаетъ помолиться о мирѣ вообще, а затѣмъ повелѣваетъ распространить же-

ланний миръ на всю вселенную, на всё церкви и на всё народы, и сказавъ затѣмъ, что „христіанинъ долженъ просить Бога, чтобы всё люди соединились вмѣстѣ союзомъ православной вѣры подъ единымъ Главою Церкви—Христомъ“, — м. Арсеній прибавляетъ: „Къ глубокому прискорбію, надо сказать, что недостатокъ любви и заботы о мирѣ произвелъ раздѣленіе даже среди христіанскихъ церквей. Разсѣянные по всему лицу земли и раздѣленные мѣстностями, онѣ раздѣлились еще больше человѣческими мнѣніями, привнесенными въ евангельское ученіе. Церковь восточная православная, какъ мать всѣхъ церквей—и по времени происхожденія и по мѣсту, въ коемъ провелъ земную жизнь Свою и гдѣ проповѣдывалъ ученіе Свое Христосъ Спаситель, и откуда начали проповѣдь свою апостолы, не можетъ не скорбѣть о своевольномъ отторженіи отъ нея чадъ своихъ и не можетъ также не желать и не просить Господа о возвращеніи ихъ въ материнскія свои нѣдра. Вмѣстѣ съ вселенскою Церковью молить о томъ же и Церковь греко-россійская, воспріявшая сокровище православной вѣры изъ чистаго источника ея“¹⁾.

Ничто не препятствуетъ усматривать въ словахъ: „о соединеніи всѣхъ“ и молитвы о болѣе тѣсномъ единеніи другъ съ другомъ православныхъ христіанъ, но опять таки—подъ условіемъ признанія этой молитвы за *часть* общаго моленія о соединеніи всѣхъ. Юридически православные христіане уже находятся другъ съ другомъ въ единеніи, потому

¹⁾ Выдержка приведена въ общедоступномъ изъясненіи „Божественной литургіи св. Іоанна Златоустаго“, изд. ж. „Рук. д. с. п.“ Кіевъ, 1906 г. с. 58—59. Насколько однако утвердился взглядъ, что въ 3-мъ прошеніи въ екетеніи исключительно содержится молитва о соединеніи церквей, показываетъ внесеніе его даже въ нѣкоторые учебники, напр. въ учебникъ *прот. І. Гапонова*: „Руководство къ христіанской молитвѣ, въ духѣ православномъ, и изъясненіе, приспособительно къ юношескому возрасту, болѣе употребительныхъ и особенно важныхъ молитвъ, пѣснощній, священнодѣйствій и обрядовъ ирав. Церкви“. Харьковъ. 1861 г. изд. 3. с. 133--134.

что состоять членами единой, святой, соборной и апостольской Церкви Христовой. Но нельзя закрывать глаза на раздоры въ средѣ православныхъ, особенно увеличившіеся въ наши печальные дни. Нельзя думать, что внѣшнее единеніе, само по себѣ, избавить насъ отъ всѣхъ бѣдъ. Надо молить Господа о дарованіи внутренняго единенія. Безъ сомнѣнія, объ этомъ-то внутреннемъ единеніи непрестанно и поучаетъ Православная Церковь насъ теперь, какъ нѣкогда о томъ же внутреннемъ единеніи поучали апостолы первыхъ христіанъ, убѣждая ихъ прекратить „раздѣленія“ и стать единокорными и единомысленными (1 Кор. 1, 10; 1 Петр. 3, 8). Однако, считать молитву о духовномъ единеніи православныхъ между собою исчерпывающею все содержаніе моленія о всѣхъ, было бы неправильно. Христіанскій долгъ побуждаетъ насъ молиться не только другъ за друга. Онъ внушаетъ намъ молиться еще о просвѣщеніи язычниковъ свѣтомъ Христова евангелія, о соединеніи съ Православною Церковію инославныхъ христіанъ и объ обращеніи къ православной Церкви разнаго рода заблуждшихъ, да *все* едино будутъ.

Прекрасно объединилъ частности общаго моленія о соединеніи всѣхъ, повторимъ, блаженный Симеонъ Солунскій, когда въ истолкованіи моленія выразился, что оно есть моленіе о соединеніи всѣхъ людей въ одинъ духовный союзъ,—чѣмъ? Правой вѣрою, любовію и богоугодною жизнью ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, что разъединяетъ людей и нарушаетъ миръ между людьми, какъ не всегда одно и то же: разность въ вѣрѣ, не-

¹⁾ См. „Писанія св. отцовъ и учителей Церкви, относящіяся къ истолкованію правосл. Богослуженія“, т. II. СПб. 1856 г. с. 449. Толкованія блажен. Симеона Солунскаго принято въ „Новой скрижали“. Вотъ какъ объяснено здѣсь все 3-е прошеніе великой ектеніи: *о миръ всего міра, яко отъ Бога подаемому намъ, и его же ради Богъ снисхель на землю, воплотился и пострадалъ: благодѣиіи святыхъ Божіихъ церквей, ради сущаго въ вѣрѣ міра и церковнаго житія и о соединеніи всѣхъ, въ правой вѣрѣ и любви и боголюбезномъ жителствѣ*“, по моск. изд. 1816 г. и Спб. 1848 г. ч. 2, с. 10—11.

достатокъ любви во взаимныхъ отношеніяхъ, а въ личной жизни каждаго—отсутствіе подвига добродѣтели! Утвердись правая вѣра на землѣ, восторжествуй любовь между людьми, явись въ нетлѣнной своей красотѣ добродѣтель,— и тогда настанетъ во всей силѣ *царствіе Божіе* съ его свѣтомъ, радостію и блаженствомъ.

Н. Пальмовъ.

М о и в о с п о м и н а н і я .

(Продолженіе ¹⁾).

Высокоторжественное засѣданіе общества было 30 іюня 1855 года, въ день роспуска студентовъ, и наканунѣ разѣзда ихъ по окончаніи курса. На это засѣданіе приглашались всѣ студенты курса,—даже монашествующіе. При этомъ приглашеніи указывалось на то, что въ засѣданіи имѣеть быть торжественное прощаніе съ академією, въ которой мирно прожили мы четыре года, и наше взаимное прощаніе другъ съ другомъ предъ разѣздомъ нашимъ въ разныя стороны. Помнится, не отказался присутствовать на этомъ засѣданіи упомянутый мною раньше іеромонахъ Меодій Семеновъ, предназначенный въ бакалавры академіи. На прежнихъ частныхъ засѣданіяхъ были только чтенія, рассказы, разсужденія и споры, по поводу такихъ или иныхъ докладовъ, но никогда не предлагалось никакого угощенія. А на послѣднемъ прощальномъ засѣданіи угощеніе составляло одну изъ существенныхъ частей. Изготовление этого угощенія заказано было ректорскому повару, который выполнилъ порученіе, за условленную плату, достоюльнымъ образомъ.

Была составлена особая программа засѣданія, которая напередъ подвергается была обсужденію товарищей, интересующихся засѣданіемъ. Вотъ нѣкоторые пункты этой программы: 1; Всѣ студенты являются въ 12 №, гдѣ имѣеть быть

¹⁾ См. №№ 35—36-й за 1910-й г.

засѣданіе, въ полной формѣ, т. е. „во фракѣ и фракномъ жилетѣ и брюкахъ. 2, Члены комиссіи, которымъ поручено изготовить все нужное для засѣданія, должны позаботиться, чтобы къ четыремъ часамъ пополудни было все готово, исключая жаркого, которое должно было послѣть не позже восьми часовъ: 3, Члены комитета должны запастись по крайней мѣрѣ двумя дюжинами тарелокъ, такимъ же количествомъ вилокъ и ножей и нѣсколькими дюжинами стакановъ и рюмокъ: 4, по входѣ въ назначенное мѣсто, гдѣ будетъ поставлено нѣсколько столовъ въ рядъ, всѣ занимаютъ опредѣленные мѣста, слѣдуя указанію секретаря совѣта. 5, Когда всѣ размѣстятся приличнымъ образомъ, президентъ общества (Поморцевъ) приглашаетъ всѣхъ выпить на прощаніе заздравную чашу. 6. Секретарь подноситъ чару всѣмъ членамъ по порядку, начиная отъ президента и переходя до конца столовъ. 7. Президентъ можетъ сказать при этомъ привѣтствіе, а прочіе члены пьютъ молча. 8. По выпитіи наконецъ самимъ секретаремъ и по занятіи имъ своего мѣста, открываются чтенія.

Открыть собраніе рѣчью предоставлено было мнѣ, какъ старшему того номера, въ которомъ были частныя засѣданія общества, и въ которомъ должно было происходить послѣднее высокаторжественное или прощальное собраніе, и я при этомъ сказалъ слѣдующую рѣчь, которую передаю въ нѣсколько сокращенномъ видѣ.

„Дорогіе друзья-товарищи!

Когда я представляю себѣ всю торжественную важность настоящей минуты, когда вникаю въ глубокую знаменательность нынѣшняго собранія, послѣдняго прощальнаго собранія, я прихожу въ крайнее замѣшательство, и недоумѣваю чѣмъ начать достойно рѣчь свою, и чѣмъ занять ваше вниманіе. Языкъ мой нѣмѣетъ отъ избытка сердечнаго волненія. Я не знаю, смогу ли я сказать что-либо больше того, о чемъ такъ сильно и выразительно говорить видѣ всего нашего товарищества, собравшагося во едино попрощаться другъ съ

другомъ, и волнуемаго одинаковымъ чувствомъ. Мнѣ хотѣлось бы быть простымъ зрителемъ нынѣшняго знаменательнаго явленія, простымъ безмолвнымъ участникомъ товарищескаго собранія. Но вы ждете отъ меня слова, вы обязали меня сказать рѣчь. Въ этой рѣчи я буду высказывать то, что и безъ меня довольно внятно говоритъ каждому изъ насъ самое время. Итакъ, господа, не мнѣ внимайте, а слушайте голоса самага времени.

Прежде всего нѣсколько словъ посвящу я нашему студенческому обществу, которое нынѣшнимъ высокаторжественнымъ засѣданіемъ заканчиваетъ свое существованіе. Если когда мы можемъ понимать и чувствовать все благодѣтельное и высокое значеніе нашего общества и дѣйствовавшего въ немъ совѣта, то именно теперь, при видѣ настоящаго собранія. Много переменъ испытало и пережило наше общество, со времени своего перваго основанія и смѣло преодолѣло опасности. Юношеская игривость, положившая ему твердое начало, постоянно подготовляла для него пищу и содержаніе, и никогда не переставала указывать ему должное и занимательное направленіе. Студенческая общительность помогала ей скрѣплять во едино разрозненныхъ членовъ общества. Труды, писанія и рассказы усерднѣйшихъ блюстителей интересовъ общества украсили его славою и именемъ ученаго и литературнаго, и придавали много жизни и занимательности нашимъ засѣданіямъ. Не скрою, да и вы сами знаете, сколько саркастическихъ насмѣшекъ раздавалось надъ нашимъ обществомъ и избраннымъ его совѣтомъ, при первомъ его возникновеніи. А иные полнѣйшимъ равнодушіемъ хотѣли убить наше общество въ самомъ зародышѣ его жизни. Но совѣтъ нашъ нимало не колебался отъ насмѣшливыхъ возгласовъ, а равнодушныхъ хотѣлъ заинтересовать и привлечь къ себѣ занимательною постановкою своихъ засѣданій, и весьма скоро успѣлъ въ этомъ. Жизнь текла своимъ чередомъ. Общество съ теченіемъ времени, не смотря на нѣкоторыя неблагопріятныя обстоятельства, все болѣе и болѣе

крѣпло. Засѣданія его стали посѣщаться все большимъ и большимъ количествомъ членовъ, и къ концу нашего настоящаго учебнаго года, подъ кровомъ общества, объединился, можно сказать, весь курсъ нашъ. Теперь можно смѣло сказать и другу и недругу: прійди и смотри, что за совѣтъ нашъ, и что за общество у насъ. Теперь ясно стало, что совѣтъ обладаетъ большею силою жизни и окрѣпъ въ своихъ внутреннихъ силахъ. Въ настоящемъ собраніи наше общество и его совѣтъ достигли апогея своего величія, и ему не стыдно будетъ, если придется прекратить свое существованіе, хотя видимое и внѣшнее. Мы всѣ чувствуемъ приближеніе конца нашимъ засѣданіямъ; но привѣтливость взаимнаго обращенія, веселое выраженіе спокойнаго ожиданія на лицахъ доказываютъ, что мы не считаемъ бѣдствіемъ видимое прекращеніе нашего общества. Общество вполне совершило и выполнило свое назначеніе. И если оно не будетъ существовать въ своихъ видимыхъ засѣданіяхъ, то никогда не исчезнетъ изъ памяти своихъ членовъ, никогда не перестанетъ доставлять отраду и удовольствіе, какъ знавшимъ его и участвовавшимъ въ немъ, такъ и слышащимъ о немъ и имѣющимъ услышать о его задачахъ въ послѣдующіе годы. Живой геній, одушевляющій наше общество, всегда будетъ съ каждымъ изъ насъ: онъ не умретъ и не исчезнетъ послѣ того, какъ мы разойдемся въ разныя стороны, а будетъ соединять насъ крѣпкою, духовною связію, и дѣятельно будетъ продолжать начатое нами дѣло взаимнаго единенія, когда у насъ, частныхъ членовъ общества, отнимется возможность часто сходиться и бесѣдовать между собою...

Но не для одного общества нашего и его совѣта имѣеть смыслъ и значеніе наше настоящее чрезвычайное собраніе. Оно многое говоритъ намъ, какъ студентамъ вообще. Въдъ мы собрались сюда для послѣдняго прощанія нашего съ академіею и другъ съ другомъ, и на этомъ собраніи желали наиболѣе приличнымъ образомъ совершить этотъ прощальный обрядъ. Четыре года протекло нашей общей жизни въ однихъ

стѣнахъ, за одной партой и за однимъ столомъ. Теперь приблизился конецъ нашей общей жизни, наступило время разставаться. Нужно было, чтобы достойнымъ образомъ отпраздновано было наше четырехлѣтнее знакомство. Нужно было, чтобы хорошій торжественный конецъ увѣнчалъ нашу немаловременную совмѣстную жизнь, и чтобы всѣ наши многоразличныя сношенія заключены были величественнымъ выраженіемъ примѣрнаго единодушія. Благодаря нашему общему доброму желанію, уже положено начало къ осуществленію благой мысли, и я обращаюсь къ вамъ самимъ, къ вашему собственному сознанию, и спрашиваю васъ: достойны ли насъ тотъ конецъ, какимъ мы положили заключить и увѣнчать нашу академическую жизнь? Скажу болѣе: можно ли лучше отпраздновать намъ свое студенчество, нежели какъ празднуемъ его мы въ настоящее время? При видѣ настоящаго торжественнаго собранія, кажется, можно забыть всѣ невзгоды, какія суждено было испытать многимъ изъ насъ въ продолженіе академическаго курса, можно удалить изъ памяти всѣ непріятности, къ какимъ могли подать поводъ взаимныя столкновенія. А если и не всякій согласится на такую жертву ради настоящаго случая, то ужели въ чьемъ сердцѣ мрачная мысль о прошедшемъ ляжетъ тяжелымъ мучительнымъ осадкомъ? Пусть она погребена будетъ въ дали отъ нашего сознанія; пусть она не мутитъ той внутренней чистоты, съ какою каждый долженъ встрѣчать и провожать настоящія вожделѣнныя минуты. Если нужно, господа, разставаться съ мѣстомъ своего общественнаго и послѣдняго воспитанія подъ вліяніемъ возможно-святыхъ, радостныхъ и достопамятныхъ впечатлѣній, то гдѣ легче и удобнѣе найти ихъ, какъ не въ кругѣ, теперь образуемомъ нами, какъ не въ настоящемъ полнокурсовомъ торжественномъ собраніи нашемъ? Когда-то предо мною одинъ профессоръ нашей (Владимірской) семинаріи, окончившій курсъ въ Московской академіи, со слезами восторга и умиленія вспоминалъ о послѣднемъ прощаніи съ своими товарищами по академіи, и свидѣ-

тельствовавль, что воспоминаніе объ этомъ одно изъ самыхъ отрадныхъ для него воспоминаній. Едва ли не больше у насъ будетъ права и возможности гордиться и утѣшать себя подобными воспоминаніями; потому что врядъ ли когда такъ свѣтло и торжественно заключаемъ былъ академическій курсъ, какъ заключаемъ его теперь мы, студенты XVII курса.

Прощаясь съ академіею, простимся, господа, съ своею беззаботною молодостію. Она почти совершенно пролетѣла для насъ, и съ нынѣшняго дня постепенно все больше и больше будетъ удаляться отъ насъ, и будетъ только вспоминаться нами, когда мы вступимъ въ должность и начнемъ самостоятельную, для многихъ, вѣроятно, не легкую жизнь. Пожелаемъ же другъ другу всевозможнаго счастья и успѣховъ въ предстоящей намъ жизни и дѣятельности. Намъ предстоитъ, въ предстоящую вакацію, рзѣхаться въ разныя стороны, ожидать назначенія на должность и хлопотать о мѣстахъ. По опредѣленіи на мѣсто, уже не придется намъ жить такимъ тѣснымъ кружкомъ, какимъ мы жили въ академіи, и врядъ ли встрѣтимъ мы такихъ веселыхъ и беззаботныхъ товарищей, какими окружены были доннѣ. Въ ожидающей насъ средѣ, въ которой придется намъ вращаться, мы по всей вѣроятности меньше встрѣтимъ преданной любви, чѣмъ эгоизма и своекорыстія...

Мы скоро должны будемъ обзавестись своимъ домкомъ и своимъ семействомъ. И каждый изъ насъ будетъ искать себѣ, кто богатства и денегъ, кто чести и славы, кто видныхъ успѣховъ на служебномъ и литературномъ поприщѣ, кто доброй подруги жизни. Неразгаданнымъ стоитъ предъ нами будущее, и сколько сулитъ и обѣщаетъ для надежды, столько грозитъ для предусмотрительной осторожности. Не каждому изъ насъ придется въ будущемъ пить однѣ радости и удовольствія. Многимъ, можетъ быть, достанется тяжелая, трудная доля... Но зачѣмъ омрачать свѣтлость настоящаго дня?..

Пойдемъ впередъ съ надеждою и лестными ожиданіями, и теперь пожелаемъ другъ другу,—кому хорошей невѣсты, кому ученой славы, кому орденовъ и почестей, кому богатства и денегъ, а всѣмъ мирной, счастливой, довольной жизни, и прежде всего скорого полученія желаемого мѣста. Пусть эти взаимныя благожеланія будутъ напутствіемъ для каждаго изъ насъ на будущую жизнь, и пусть вселять и укрѣпляютъ они въ насъ надежду на исполненіе нашихъ добрыхъ желаній.

Итакъ, господа, отпразднуемъ конецъ своей академической жизни, и съ успокоительною мыслию о прошедшемъ, съ лестною надеждою на будущее приготовимся къ послѣдней разлукѣ. Поклянемся не расторгать того союза единодушія и любви, который утвердило между нами время четырехлѣтней совмѣстной академической жизни. Пріятно жить въ видимомъ общеніи съ добрыми друзьями; не менѣе пріятно жить въ духовномъ тѣсномъ союзѣ съ добрыми людьми. Не забудемъ этого послѣ того, какъ нужда заставитъ насъ разлучиться другъ съ другомъ. и мыслию объ этомъ будемъ укрѣплять въ себѣ тотъ духовный братскій союзъ, къ какому подало поводъ внѣшнее случайное сближеніе наше, подъ кровомъ академическаго зданія.

Проф. *Василій Птовницкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Памяти миссіонера-труженика.

Безпошадная смерть безвременно скосила неутомимаго труженика на миссіонерской нивѣ, харьковскаго епархіальнаго миссіонера о. Василя Аввакумовича Черкесова. Свыше 10 лѣтъ потрудился о. Василій для Церкви Христовой въ званіи помощника епархіальнаго миссіонера, защищая чадъ православной Церкви отъ раскольничьихъ и сектантскихъ

лжеученій, а съ конца прошлаго года вступилъ въ должность харьковскаго епархіальнаго миссіонера. Дѣятельность о. Василія не ограничивалась рамками одной практической миссіи,—онъ съ удивительною энергіею трудился и на литературно миссіонерскомъ поприщѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ составлялъ, а журналъ „Кормчій“ въ сотняхъ тысячъ напечаталъ и распространилъ миссіонерскіе листки по многоразличнымъ (до 80) вопросамъ вѣры, пререкаемымъ раскольниками и сектантами. Безпрерывно, въ теченіе 8 лѣтъ, въ каждомъ № „Кормчаго“ печатались отвѣты о. Василія вопрошающимъ по всевозможнымъ отраслямъ религіозно-нравственной жизни. Отвѣты эти отличаются обширною эрудиціею въ богословской и святоотеческой литературѣ, прекраснымъ слогомъ, картинностью изложенія, сердечнымъ любвеобильнымъ отношеніемъ къ вопрошающимъ братьямъ и сестрамъ. А такихъ духовныхъ братьевъ и сестеръ во Христѣ у о. Василія было несмѣтное число по всей необъятной Россіи.

Не мало потрудился покойный о. Василій своими статьями и корреспонденціями и на страницахъ „Миссіонерскаго Обзорѣнія“ и газеты „Колоколъ“.

Прискорбно, что смерть подкосила такого труженика и въ то время, когда, поистинѣ, „жатвы много, а дѣлателей мало“... Въ половинѣ прошлаго года покойный о. Василій писалъ: „жизнь не ждетъ... надо бы скорѣе работать, а мы спимъ непробуднымъ сномъ“.

Но самъ о. Василій не спалъ: помимо своихъ прямыхъ обязанностей по миссіи и помимо сотрудничества въ „Кормчемъ“, „Вѣрѣ и Разумѣ“, „Миссіонерскомъ Обзорѣніи“, „Колоколѣ“, „Харьковскихъ Вѣдомостяхъ“ и другихъ изданіяхъ, онъ съ этого же времени сталъ печатать на страницахъ „Миссіонерскаго Обзорѣнія“ свой капитальный трудъ, плодъ свыше 10-лѣтней миссіонерской практики: „Пособіе для собесѣдованія съ сектантами“ (руководство къ быстрому подыскиванію противосектантскихъ библейскихъ текстовъ и

опытъ противосектантскихъ примѣчаній къ Библии). До боли жаль, что о. Василю не суждено было окончить этотъ полезнѣйшій для дѣла миссіи трудъ. Представляя послѣдній въ редакцію „Миссіонерскаго Обзорнія“, о. Василій только и умолялъ о томъ, чтобы поскорѣе начали печатаніемъ его рукопись и при этомъ добавлялъ: „Я думаю только объ интересахъ миссіи и православія и ни о чемъ больше“. А когда о. Василій вступилъ въ должность епархіального миссіонера, то писалъ: „Теперь вся моя забота и старанія направлены къ тому, чтобы насадить въ каждомъ приходѣ кружки ревнителей православія“ (Совр. лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 31-го августа 1910 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на шѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 38.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года сентября 19-го дня.

Содержаніе: I. Архипастырская попечительность м. московскаго Филарета во время холерной эпидеміи. Н. П—въ.—II. Батюшку сосватали. Свящ. В. Пестряковъ.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣвняцкій.

Архипастырская попечительность м. московскаго Филарета во время холерной эпидеміи.

Въ 1830 году,—слѣдовательно, восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ,—Москву и Московскую губернію въ большихъ размѣрахъ посѣтила страшная заразная болѣзнь,—хорошо, впрочемъ, ставшая уже извѣстною и нашему времени,—холера. Болѣзнь, выхватывавшая жертву за жертвою и часто въ нѣсколько часовъ дѣлавшая ее бездыханною, производила великое смятеніе и среди интеллигенціи и, еще больше, среди народа. М. Филаретъ сумѣлъ однако сохранить въ себѣ полное спокойствіе духа и далъ московскому духовенству цѣлый рядъ указаній касательно успокоительныхъ мѣръ воздѣйствія на народную массу, взволнованную и болѣзнію и самыми способами борьбы съ болѣзнію, практиковавшимися то-

гда въ медицинѣ. Указанія эти такъ основательны и цѣлесообразны, что мы предполагаемъ познакомить съ ними настырей-читателей нашего журнала, въ надеждѣ, что они извлекутъ изъ наставленій мудраго святителя Филарета нѣчто полезное и для нынѣшняго времени.

М. Филаретъ прежде всего счелъ необходимымъ, въ годину народнаго бѣдствія, призвать чрезъ духовенство свою паству къ покаянію и умилоствленію Бога, ибо смотрѣлъ на болѣзнь, постигшую Москву и московскую губернію, какъ на наказаніе Божіе за грѣхи однимъ, и какъ на средство вразумленія другимъ. Призывъ къ молитвѣ слышится въ двухъ предложеніяхъ, данныхъ м. Филаретомъ московской консисторіи отъ 23 сентября 1830 г., вскорѣ по обнаруженіи первыхъ случаевъ холеры. „Поелику“, пишетъ м. Филаретъ въ первой резолюціи, „и наказаніе и милость Божія открываются вмѣстѣ; наказаніе—въ томъ, что признаки губительные болѣзни примѣчены на нѣкоторыхъ въ самомъ семъ градѣ, милость же въ томъ, что зло не распространяется, то надлежитъ московскому духовенству и православнымъ людямъ съ ревностію и упованіемъ на Бога пребывать въ молитвахъ и со вниманіемъ употреблять все, что къ возбужденію духа молитвы и пріобрѣтенію благодати Божіей способствовать можетъ. Общимъ крестнымъ ходомъ столь обширнаго града обнять не можно: полезно же, чтобы, по возможности, всякое мѣсто ознаменовано было молитвою, присутвіемъ святыни и благословеніемъ Церкви. Посему, 25-й день сего сентября, день преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Сергія, древняго богопріятнаго молитвенника за область московскую, назначается для совершенія по всѣмъ церквамъ столицы молебствія съ крестнымъ ходомъ по чину, приспособленному къ обстоятельствамъ.“¹⁾... Во второмъ пред-

¹⁾ Предложеніе м. Филарета моск. д. консисторіи по случаю холеры въ 1830 г. напечатаны въ т. II, в. 3, „Полнаго собранія резолюцій Филарета, митрополита московскаго“, подъ редакціей протопресвитера Моск. Б. Уси. собора В. С. Маркова. М. 1905 г. На это изданіе мы и будемъ далѣе ссылаться.

ложеніи отъ того же 23 сент. м. Филаретъ даетъ общее распоряженіе, „чтобы по всей епархіи приносимы были Господу Богу, на литургіи и прочихъ службахъ, моленія о сохраненіи отъ губительныхъ болѣзней, а гдѣ опасность представится болѣе близкою, тамъ въ воскресные дни, а по усердію и въ другіе, совершаемо было по литургіи особенное молебствіе по предписанному чину“¹⁾).

Не смотря на принятые московскими врачами мѣры, болѣзнь увеличивалась. 12 октября въ Большомъ Успенскомъ соборѣ предстояло молебствіе объ избавленіи Москвы отъ враговъ—французовъ. М. Филаретъ отмѣнилъ это молебствіе и вмѣсто него распорядился совершить въ соборахъ и прочихъ московскихъ церквахъ молебныя пѣнія объ избавленіи отъ холеры. 9-го октября м. Филаретъ писалъ въ московскую консисторію: „хотя въ слѣдующій воскресный день, 12 сего мѣсяца, по обычаю прошедшихъ лѣтъ, слѣдовало собраться всему духовенству въ Кремль для благодарственнаго молебствія о избавленіи Москвы отъ враговъ: но поелику продолжающееся прещеніе Божіе губительною болѣзнію призываетъ насъ къ молитвамъ просительнымъ о избавленіи отъ настоящаго бѣдствія; и поелику приходскому духовенству нужно быть всегда въ близости къ своимъ прихожанамъ ради скорого посѣщенія внезапно занемогшихъ: то необходимость заставляеть на сей годъ въ означенный день поступить слѣдующимъ образомъ. 1) Приходскому духовенству оставаться при своихъ мѣстахъ, и по Божественной литургіи совершить въ своихъ церквахъ молебное пѣніе о избавленіи отъ губительныхъ болѣзней. 2) Духовенству соборовъ и мужскихъ монастырей, по примѣру 25 дня прошлаго мѣсяца, собраться въ большой Успенскій соборъ для сообразнаго съ потребностію времени молебствія и крестнаго хода“²⁾).

По человѣческой слабости, нѣкоторыя изъ священнослужителей московскихъ, командированные для напутствія боль-

¹⁾ Стр. 67.

²⁾ С. 72.

ныхъ холерой, тяготились возложеною на нихъ обязанностью и старались освободиться отъ нея. М. Филаретъ весьма строго отнесся къ такимъ явленіямъ и постарался пресѣчь ихъ въ началѣ. Такъ, на донесеніи, что священники подъ разными предлогами уклоняются отъ требованія во вновь открытой больницѣ для холерныхъ въ Арбатской части, м. Филаретъ, отъ 2 окт. 1830 г. положилъ резолюцію: „Ближайшимъ къ мѣсту больницы священникамъ чередоваться при ней для исполненія требъ. А если кто будетъ отказываться нною требою, менѣе нужною, или другими предлогами неосновательными, доносить. Богъ сохранивъ благоговѣйнаго и человѣколюбиваго служителя вѣры: недостойный отъ суда Его не заградить себя предлогами и оборотами“¹⁾. Къ другой временной больницѣ, въ Срѣтенской части г. Москвы, были прикомандированы три ближайшихъ приходскихъ священника, съ обязательствомъ являться, по требованію больничнаго начальства, ежедневно по утрамъ въ 9 ч. и послѣ обѣда въ 5 ч. для напутствованія больныхъ и умирающихъ. „Всѣмъ троимъ объявить“, пишетъ м. Филаретъ отъ 26 окт. 1830 г., „чтобы каждый въ день своей чреды при больницѣ, есть ли и не будетъ требованъ, одинъ или два раза, по удобства, посѣщаль оную, для утѣшенія и назиданія больныхъ, и для удостовѣренія, не имѣють ли въ немъ особенной нужды. А какъ Успенскій священникъ признался, что одного больного исповѣдывалъ стоя вдали въ дверяхъ (что для тайны исповѣди неудобно), будто бы по недоставленію ему въ больницѣ требованныхъ предохранительныхъ средствъ: то объявить ему, что сія невѣроятная и поздно объявленная оговорка уважена быть не можетъ, что онъ долженъ, употребляя предохранительныя средства дома или въ больницѣ, исполнять свою обязанность со всякою точностію, какъ священническая присяга обязываетъ, подъ опасеніемъ запрещенія священнослуженія“²⁾.

¹⁾ С. 70.

²⁾ С. 84.

Простой народъ, уstraшенный быстро распространяющеюся смертоносною болѣзною взволновался. Карантинныя и санитарныя распоряженія начальства казались ему или излишними, или направленными къ какому-то вреду. Въ народѣ ходили превратные толки о врачахъ и объ ихъ лѣченіи.

М. Филаретъ счелъ необходимымъ призвать сельскихъ священниковъ къ участию въ борьбѣ съ ложными толками по поводу болѣзни и ясно указалъ священникамъ, въ чемъ именно должна состоять здѣсь ихъ дѣятельность. Въ предложеніи своемъ отъ 11 окт. 1830 г. м. Филаретъ пишетъ: „консисторіи предписать повсемѣстно священникамъ, * чтобы они, при всякомъ благопріятномъ случаѣ внушали обывателямъ, что имъ должно тщательно и вѣрно употреблять предохранительныя и лечебныя средства противъ заразной болѣзни, и таковыя внушенія подкрѣплять вразумительными разсужденіями, свидѣтельствами и примѣрами, наипаче изъ священныхъ источниковъ. Напримѣръ: въ 38 главѣ Іисуса Сирахова написано: „Господь созда отъ земли врачеванія, и мужъ мудрый не возгнушается ими“. Находящійся въ заразной болѣзни, называемой проказою, по повелѣнію Божію, отлучаемъ былъ отъ здоровыхъ и отъ ихъ жилищъ; и одежды, и вещи, имъ зараженныя, частію очищаемы, а частію вовсе сожигаемы были. Теперь иная болѣзнь: но подобныя нужны предосторожности: и должно всякому употреблять оныя по наставленію отъ начальства. Внушать также народу и то, что въ опасности общественнаго бѣдствія не должно предаваться унынію, и еще менѣе безпорядкамъ, которые вновь прогнѣвляютъ Бога, и увеличиваютъ зло. Но должно каждому приносить Господу Богу покаяніе и молитву и убѣгать злыхъ дѣлъ, дабы гнѣвъ Божій на милость предложить, и благодатію Божіею спастися душевно и тѣлесно“ ¹⁾.

Смуту раздували въ народѣ раскольники, воспользовавшіеся случаемъ открыть проповѣдь о пришествіи на землю

¹⁾ С. 141—142.

антихриста и наступленіи его царства, а православныхъ священниковъ обвинить въ бездѣтельности и чрезъ то отвратить простой народъ отъ Церкви. Распространеніе раскольниками соблазнительныхъ толковъ въ народѣ побудило м. Филарета 24 окт. 1830 г. дать консисторіи новое предложеніе. „Самымъ вѣрнымъ образомъ до свѣдѣнія моего дошло, что въ подгородномъ у. г. Коломны селѣ Сандыряхъ, гдѣ устроены карантинъ, раскольники, превратно толкуя распоряженіе начальства, сдѣланныя для предохраненія народа отъ заразной болѣзни, внушаютъ простымъ, будто настало время антихристово, будто карантинный билетъ есть печать или знаменіе антихристово, и проч., и таковыми внушеніями стараются отвратить народъ отъ Церкви. Болѣзненно, между прочимъ, слышать, что раскольники разсѣвая лжеученія, въ подкрѣпленіе своихъ мнѣній недостоинство православныхъ священниковъ стараются доказать тѣмъ, что они ничему не учатъ въ настоящее время. Коломенскому и прочему духовенству надлежитъ всемѣрно стараться какъ о томъ, чтобы успѣхи лжеученія остановить, также и о томъ, чтобы не подавать повода къ обличенію себя въ недостаткѣ благочестивой ревности, вредномъ православію, выгодномъ расколу, и, слѣдственно, тяжко осудительномъ для духовенства. Надлежитъ духовенству въ простыхъ, вразумительныхъ поученіяхъ при богослуженіи, и, кромѣ того, при всѣхъ благопріятныхъ случаяхъ, въ собесѣдованіи домашнемъ, внушать народу, что настоящее Божіе посѣщеніе многихъ мѣсть опасностію отъ заразной болѣзни и самою болѣзнію послано для временнаго наказанія грѣховъ нашихъ, для возбужденія насъ къ молитвѣ, покаянію, укрѣпленію въ вѣрѣ, исправленію житія и такимъ образомъ для предохраненія насъ отъ осужденія вѣчнаго. Итакъ, долженъ каждый обратиться къ симъ средствамъ временнаго и вѣчнаго спасенія: къ молитвѣ, къ покаянію, къ крѣпкой вѣрѣ въ Бога и Господа нашего Іисуса Христа, къ исправленію житія: а не влятися и скитатися всякимъ вѣтромъ ученія, во лжи челоуѣческой, въ коварствѣ

козней лыценія, къ горшему осужденію за невѣрность предъ Богомъ и Его Церковію. Губительная болѣзнь была и при благочестивомъ царѣ Давидѣ: но сіе не означало того, будто Богъ оставилъ Церковь Свою. И въ отечествѣ нашемъ была заразительная болѣзнь въ 1771 году; и тогда употреблялись карантинныя предосторожности, по необходимости причинявшіе нѣкоторое затрудненіе народу: всякій видитъ, что то не было антихристово время; ибо время бѣдствія, по благодти Божіей, прошло и никакого антихриста не явилось: подобнымъ образомъ всякій разсудить можетъ и о настоящемъ времени. Святая вѣра въ настоящее посѣщеніе Божіе не только ничѣмъ не стѣсняется, но и получаетъ новую силу, по дѣйствию Провидѣнія Божія, которое и наказаніе обращаетъ въ благодѣяніе, и зло въ добро. Въ Москвѣ и, по свѣдѣніямъ, повсюду въ другихъ мѣстахъ святыя храмы необыкновенно наполнены молящимися, кающимся, приобщающимися святыхъ Таинъ: не благодать ли Христова внушаетъ сіи спасительныя дѣйствія? Слѣдовательно, не Христось ли царствуетъ? Въ Москвѣ и изъ раскола въ сіе время обращаются къ Церкви болѣе обыкновеннаго. Что касается до карантинныхъ предосторожностей, ихъ приняли въ Москвѣ и сами раскольники того и другого толка, и поповщина и безпоповщина; и больницу для пользованія отъ холеры учредили; и врача отъ начальства приняли: слѣдственно, и сами раскольники не видятъ тутъ никакого знаменія антихристова. Таковыя и смят подобныя внушенія, смотря по ближайшимъ мѣстнымъ свѣдѣніямъ, и усмотрѣнію потребности, духовенство должно дѣлать со всевозможнымъ тщаніемъ, предлагая, что можно и прилично, въ церковныхъ поученіяхъ, а чего въ церковныхъ поученіяхъ представить неудобно, то дополнительно изъясняя въ благочестивыхъ собесѣдованіяхъ, кромѣ богослуженія“ 1)...

Отъ того же 24 окт. 1830 г. Филаретъ даетъ консисторіи общаго характера предложенія: „стараться и побу-

1) С. 78—80.

дать духовенство внушать народу особенную въ настоящее время потребность молитвы, покаянія, общенія святыхъ Таинъ, исправленія жизни, а также и долгъ повиновенія начальству въ предохранительныхъ и врачебныхъ мѣрахъ: ибо какъ повиновеніе начальству во всемъ, что не противно Богу, словомъ Божіимъ предписывается, такъ и употребленіе врачебныхъ пособій словомъ Божіимъ одобряется, хотя, безъ сомнѣнія, всего паче уповать должно на Бога, и отъ Его милосердія ожидать помощи и спасенія¹⁾.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ, не видя возлѣ себя острыхъ проявленій холеры, отказывался вообще вѣрить въ существованіе заразительной болѣзни и не слѣдовалъ въ точности указаніямъ начальства о соблюденіи необходимыхъ мѣръ предосторожности противъ нея. По этому поводу м. Филаретъ, отъ 30 окт. 1830 г., далъ такое предложеніе консисторіи: „до свѣдѣнія моего дошло, что во ввѣренной мнѣ епархіи нѣкоторые изъ простаго народа, особенно въ селахъ и деревняхъ, или по своей простотѣ и невѣдѣнію, или по внушенію людей неблагомыслящихъ, не вѣрятъ, что есть въ настоящее время болѣзнь, называемая холерою, и что болѣзнь сія опасна и заразительна; и потому неохотно или небрежно употребляютъ предписанныя отъ начальства предосторожности. Къ прискорбію, прикосновеннымъ къ поступкамъ сего рода оказался и одинъ священникъ, именно, подмосковнаго села Карачарова, который за сіе и удаленъ отъ должности, и поступки его подвергнуты законному разсмотрѣнію. По такимъ обстоятельствамъ, въ предупрежденіе безпорядка и вредныхъ послѣдствій, духовенству московской епархіи, особенно приходскимъ сельскимъ священникамъ, предписывается, со всевозможнымъ тщаніемъ и благоразумною осмотрительностью исполнять слѣдующее: 1) сомнѣвающихся изъ народа, при всякомъ удобномъ случаѣ, удостовѣрять, что болѣзнь, называемая холерою, точно въ настоящее время въ

¹⁾ С. 82.

Москвѣ, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, есть, и что она заразителна. Въ доказательство и въ примѣръ сего можно, между прочимъ, поставить московское духовенство. Кромѣ того, что въ каждую изъ учрежденныхъ больницъ ходятъ по очереди, по нѣскольку ближайшихъ священниковъ, для исповѣданія и причащенія святыми тайнами больныхъ, и для напутствованія отходными молитвами умирающихъ, двадцать депутатовъ отъ духовенства опредѣлено по всѣмъ частямъ столицы, изъ архимандритовъ, протоіереевъ и священниковъ, для содѣйствія свѣтскимъ особамъ, начальствующимъ въ каждой части надъ попеченіемъ о больныхъ, и надъ употребленіемъ предохранительныхъ средствъ противу усиленія заразы. Благодатію Божіею и силою вѣры и святыхъ таинствъ, при употребленіи предохранительныхъ средствъ, большая часть московскихъ священниковъ не заразилось болѣзнію; нѣкоторые, не многіе, заразясь, излѣчились и выздоровѣли; а нѣкоторые, или по недостатку осторожности, или по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, заразясь, скончались: именно, одинъ строитель монастыря, одинъ протоіерей, восемь священниковъ приходскихъ и одинъ священникъ домовоі церкви. 2) Вразумлять народъ, что предписываемыя начальствомъ предосторожности противъ заразителной болѣзни употреблять должно послушливо и вѣрно. Ибо есть ли кто, поступающій въ противность симъ предосторожностямъ, внесетъ заразу въ селеніе, гдѣ онъ живетъ: таковой дастъ Богу отвѣтъ, какъ за нарушеніе заповѣди повиновенія начальству, такъ и за то, что сдѣлался виною бѣды для своихъ братьевъ. 3) Въ церковныхъ поученіяхъ, съ соблюденіемъ приличія, упоминать, что Праведный Богъ послалъ сію губительную болѣзнь въ наказаніе за грѣхи наши, и возбуждать народъ къ молитвѣ, покаянію и исправленію житія, и къ укрѣпленію и освященію себя причащеніемъ святыхъ Христовыхъ таинъ, что въ самой Москвѣ уже исполняется православными чадами Церкви съ самаго появленія болѣзни до нынѣ, почему, кажется, и начинается здѣсь являться милосердіе Бо-

жіе въ уменьшеніи числа занемогающихъ и силы болѣзни. 4) Есть ли гдѣ въ селахъ можно имѣть вѣдомости, издаваемая въ Москвѣ о ходѣ заразительной болѣзни, и объ относящихся къ сему предмету обстоятельствахъ: то изъ сихъ вѣдомостей прочитывать народу статьи, нужнѣйшія для вразумленія о истинѣ, и для опроверженія ложныхъ мнѣній. Сему чтенію можно быть въ домѣ священника, или въ домѣ мѣстнаго управленія; а есть ли, для удобнѣйшаго распространенія свѣдѣній, окажутся нужнымъ, то дозволяется, на сей разъ, производить таковое въ церковной трапезѣ, кромѣ времени богослуженія. 5) Самое сіе предписаніе можно прочитать въ сельскихъ церквахъ при народѣ, гдѣ то, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, для вразумленія народа нужнымъ окажется“¹⁾.

Если въ однихъ мѣстахъ Московской губерніи народъ вообще не вѣрилъ въ появленіе холеры и въ ея заразительность, а къ предохранительнымъ средствамъ относился невнимательно, то въ другихъ мѣстахъ, изъ-за боязни докторовъ, народъ скрывалъ заболѣвшихъ и намѣренно не давалъ знать о нихъ начальству, отъ чего еще больше, конечно, распространялъ болѣзнь вокругъ себя. Въ виду этого, отъ 7 дек. 1830 г. м. Филаретъ счелъ необходимымъ дать духовенству, особенно—сельскому, чрезъ консисторію новое предложеніе. Ссылаясь на предыдущія свои предписанія, м. Филаретъ признаетъ нужнымъ „по долгу чловѣколюбія и попеченія о безопасности всѣхъ и cadaго, вновь предписать въ руководство и къ исполненію слѣдующее. 1) Внушать недоразумѣвающимъ, чтобы занемогающихъ въ домахъ не утаивали, а объявляли о нихъ, кому отъ начальства приказано, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше: сего требуетъ польза больнаго: потому что, чѣмъ скорѣе употреблены будутъ врачевныя пособія, тѣмъ надежнѣе врачеваніе. Сего требуетъ польза и всего семейства: потому что, когда въ домѣ, особенно при

¹⁾ С. 86—87.

тѣсномъ помѣщеніи, у скрываемаго больного болѣзнь усилится, тогда и другіе члены семейства отъ нечистоты воздуха могутъ заразиться, и такимъ образомъ сдѣлается тутъ гнѣздо болѣзни, опасное для цѣлаго селенія. 2) Тѣмъ изъ простаго народа, которые, по непривычкѣ, боятся повѣрять себя врачамъ, представлять въ убѣжденіе священное слово: „почитай врача противу потребъ честію его: ибо Господь созда его“ (Сир. 38, 1). При томъ изъяснить, что въ Москвѣ въ нынѣшнее время лѣчено было врачами болѣе семи тысячъ больныхъ холерою; слѣдовательно было довольно случаевъ узнать болѣзнь и способы лѣчить отъ нея; слѣдовательно здѣшніе врачи, а по ихъ наставленіямъ дѣйствующіе въ уѣздахъ, безъ сомнѣнія, лучше будутъ умѣть помочь больному холерою, нежели обыватель, который первый разъ отъ рода увидѣлъ ее въ своей горницѣ. 3) На случай, есть ли гдѣ найдеть нужнымъ окружить стражею домъ, въ которомъ оказался больной или умершій холерою, внушать обывателямъ, что и сему распоряженію надлежитъ повиноваться вѣрно и безропотно. Есть ли кому холера приключилась отъ невоздержанія, какъ то нерѣдко замѣчено; или есть ли кто по несоблюденію предосторожностей занесъ холеру въ домъ свой: то виною бѣды онъ самъ; и домъ его стерегутъ за дѣло. Есть ли же къ кому болѣзнь пришла и отъ неизвѣстной причины: то и въ семъ случаѣ, какъ самую болѣзнь, такъ и прочія трудности съ нею соединенныя, онъ долженъ принять съ христіанскимъ терпѣніемъ, какъ Іовъ. Начальство же, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, поступаетъ человѣколюбиво и благодѣтельно, когда окружаетъ стражею зараженный болѣзнію домъ, чтобы стеречь другіе дома, или цѣлое селеніе. 4) Давать уразумѣть народу особенное вниманіе Государя Императора обывателямъ Москвы и Московской губерніи, оказанное тѣмъ, что Его Величество Высочайше повелѣть соизволилъ открыть сообщеніе Москвы прежде совершеннаго окончанія въ ней холеры и черезъ то Всемилостивѣйше послѣшилъ доставить обывателямъ разныя общежи-

тельные удобства: почему каждый обыватель долженъ принять такое разрѣшеніе отъ предосторожностей общихъ и какъ благодѣяніе, и какъ довѣренность къ предосторожностямъ частнымъ; и слѣдственно каждый тѣмъ съ большею точностію долженъ исполнять предписанныя частныя и домашнія предосторожности противъ холеры, дабы неточностью и невѣрностью въ сихъ частныхъ и домашнихъ предосторожностяхъ не усилить вновь болѣзни и не довести правительство до необходимости вновь употребить строгія общія мѣры⁴ 1).

Особенно настаивалъ м. Филаретъ на исполненіи самымъ тщательнымъ образомъ санитарныхъ предписаній въ монастыряхъ. Митрополитъ имѣлъ въ виду преимущественную угрожаемость монастырей отъ холеры вслѣдствіе постоянного притока къ нимъ богомольцевъ изъ разныхъ мѣстъ, а также и возможность широкаго распространенія холеры изъ монастыря, если бы она здѣсь появилась, и поэтому издалъ для монастырей особыя предписанія - правила, которымъ они неуклонно должны были слѣдовать, „чтобы“, какъ выразился м. Филаретъ, „и отъ чужихъ больныхъ беречь своихъ здоровыхъ, и отъ своихъ больныхъ беречь чужихъ здоровыхъ“. 26 сент. 1830 г. митрополитъ предписываетъ монастырямъ: „1) объявленные отъ гражданскаго начальства предохранительныя средства употреблять неопустительно. 2) На случай открытія болѣзни въ монастырѣ, чтобы удобнѣе подать больному пособіе, и охранить другихъ отъ сообщенія съ нимъ, заблаговременно имѣть для помѣщенія сомнительнаго больного въ готовности отдѣльную, нетѣсную келлію, которую привести въ больничное положеніе. 3) Не пренебрегать и не таить сомнительныхъ случаевъ, чтобы не упустить благовременности для употребленія предосторожностей. 4) Паче всего предохранять и подкрѣплять себя средствами и

⁴) С. 98—99.

пособіями святаго вѣры“ 1). Отъ 3 окт. эти предписанія дополняются „правилами“: 1) „Ворота монастыря имѣть затворенныя и при нихъ сторожа. 2) Отъ окончанія вечерни до благовѣста къ литургіи, безъ чрезвычайной надобности, постороннимъ входа въ монастырь не дозволять. И въ утреню въ праздники допускать съ осторожностью, смотря по обстоятельствамъ. 3) Между временами богослуженія по выходѣ и предъ входомъ молящихся употреблять въ церкви очищающія воздухъ средства, какъ на примѣръ: ставленіе по мѣстамъ хлористой воды и крошеніе сѹ пола; и потомъ курить ладномъ. 4) Приходящимъ въ монастырь на богослуженіе предоставить свободный ходъ отъ воротъ до церкви и обратно, отъ церкви до воротъ, а не болѣе. 5) Приходящихъ въ монастырь кромѣ богослуженія и по нуждамъ выходящихъ изъ монастыря и возвращающихся отпустить и принимать по употребленіи предохранительныхъ и очистительныхъ средствъ. 6) Выходъ изъ монастыря дозволять не иначе какъ по необходимымъ надобностямъ и приказаніямъ начальства въ удобнѣйшіе дневные часы. 7) Начальствующій въ монастырѣ обязанъ примѣнять сіи правила къ мѣстнымъ обстоятельствамъ по лучшему своему разумѣнію, со всевозможнымъ тщаніемъ, чтобы и отъ чужихъ больныхъ беречь своихъ здоровыхъ, и отъ своихъ больныхъ беречь чужихъ здоровыхъ“ 2).

Извѣстно, что напутствованіе умирающаго отъ холеры весьма затруднительно, какъ по роду самой болѣзни, такъ и по скоротечности ея. Заболѣвшій можетъ скончаться въ то время, пока его близкіе побѣгутъ за священникомъ, и тотъ явится. Соображая все это, м. Филаретъ съ одной стороны предписывалъ священникамъ подавать „возможныя пособія вѣры“ холернымъ больнымъ, а съ другой стороны внушалъ имъ совѣтовать прихожанамъ исповѣдь и приобщеніе св.

1) С. 68.

2) С. 71.

Тайнъ, пока они здоровы. Въ данномъ случаѣ интересна резолюція м. Филарета отъ 5 ноября 1830 г. на выраженное въ рапортѣ митрополиту однимъ протоіереемъ недоумѣніе, какъ преподавать больному холерой св. Тайны, когда болѣзнь сопровождается рвотою. „Недоумѣніе“, пишетъ м. Филаретъ, „разрѣшено словами предписанія: *подавать возможные пособія вѣры*. Сіе не можетъ имѣть ближайшаго значенія какъ то, чтобы приобщать только тѣхъ, кои неодолимы рвотою, или другимъ препятствіемъ, къ безопасному приобщенію. Господь сказалъ: *ядите, пейте*; у кого рвота, тотъ не можетъ ясти и пити, доколѣ способность сія не возобновится прекращеніемъ рвоты. Больного, которому предстоитъ препятствіе приобщиться, надлежитъ успокоить разрѣшеніемъ по исповѣди и совѣтомъ предаться съ вѣрою благодати Христовой невидимой, по невозможности получить видимое напутствіе. А для предупрежденія сей нечаянности, надлежитъ совѣтовать исповѣдь и приобщеніе св. Тайнъ здоровымъ, чтобы, въ случаѣ болѣзни, не быть въ искушеніи лишенія сей многомогущей помощи“¹⁾.

Помимо страха умереть безъ напутствія, всякій, во время холеры, долженъ считаться и съ возможностью быть погребеннымъ безъ совершенія надъ тѣломъ положенныхъ Церковію обрядовъ, молитвословій и пѣснопѣній, потому что опасность зараженія здоровыхъ холерою отъ покойника заставляетъ торопиться преданіемъ тѣла землѣ, не стѣсняясь даже ночнымъ временемъ. Лишеніе холерныхъ покойниковъ церковнаго погребенія тяжело отзывается на сердцѣ ихъ родственниковъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ вызываетъ даже раздраженіе противъ начальства. М. Филаретъ признавалъ разумность поспѣшнаго преданія землѣ холерныхъ больныхъ, но, съ другой стороны, раздѣлялъ и естественныя чувства живыхъ, а потому постарался создать при заочномъ погребеніи такую церковную обстановку, при которой естественное чув-

¹⁾ С. 89—90.

ство какъ бы нѣкоторой обиды за дорогого покойника находило для себя успокоеніе. Священникамъ митрополитъ внушалъ, чтобы они разъясняли народу пользу для души умершаго этого заочнаго погребенія, которое по необходимости совершается во время губительной болѣзни. „Какъ отъ гражданскаго начальства требовано“, предлагаетъ м. Филаретъ консисторіи отъ 27 сент. 1830 г., „чтобы по настоящимъ обстоятельствамъ, тѣла усопшихъ принимаемы были на кладбище и ночью; изъ чего надлежитъ заключить, что иногда по скорости и предосторожностямъ, употребляемымъ при похороненіи умершихъ опасною болѣзнію, не будетъ удобства отпѣвать ихъ по чиноположенію въ приходскихъ церквахъ: то, дабы таковыя умершіе не лишены были церковныхъ молитвъ, по нуждѣ употребить слѣдующее распоряженіе. 1) Съ тѣломъ умершаго неотпѣтаго отправлять на кладбище записку приходскаго священника, въ которой означить имя умершаго, то, что онъ принадлежалъ къ Православной Церкви, и что, по обстоятельствамъ, отпѣваніе его въ приходской церкви не совершено. 2) Кладбищенскому причту, по полученіи одной или нѣсколькихъ таковыхъ записокъ, въ тотъ же, или слѣдующій день совершить погребальное пѣніе съ молитвами за наименованныхъ умершихъ и, смотря по возможности, выходить съ литією къ мѣсту, гдѣ похоронены тѣла ихъ“¹⁾. Въ подобномъ же предложеніи отъ 17 ноября 1830 г. м. Филаретъ въ п. 3 прибавлялъ: „чтобы въ семъ послѣднемъ случаѣ (т. е. при заочномъ погребеніи) священники изъяснили народу, что и въ отсутствіи тѣла молитвы по умершемъ не менѣе дошешолезны и богоугодны, поелику относятся къ благу души усопшаго“²⁾.

Холерная эпидемія замѣтно начала ослабѣвать въ Москвѣ къ празднику Рождества Христова. Въ виду этого, м. Филаретъ 24 дек. 1830 г. издалъ распоряженіе: „По облег-

¹⁾ С. 68—69.

²⁾ С. 93.

ченіи благодатію Божію Москвы отъ болѣзни и по случаю наступающаго праздника, разрѣшается предписанныя молебны по литургіи отложить, исключая тѣ мѣста, гдѣ особенныя обстоятельства и желанія прихожанъ того потребуютъ: а прошенія на ектеніяхъ и молитву на литургіи продолжать впредь до предписанія“ ¹⁾). Окончательное прекращеніе болѣзни послѣдовало въ началѣ марта мѣсяца 1831 года. Это обстоятельство вызвало со стороны м. Филарета такое распоряженіе. „Какъ съ десятаго дня сего мѣсяца занемогающихъ холерою не оказывается, да и больныхъ уже не оказывается: то, по совѣщанію моему съ г. московскимъ генераль-губернаторомъ, положено: въ слѣдующій вторникъ, 17 дня, принести Подателю всѣхъ благъ Богу о прекращеніи сего общественнаго бѣдствія благодарственное моленіе“. Далѣе начертывается самый порядокъ моленія: „1) Церковное Богослуженіе въ сей день совершить по примѣру того, какъ бываетъ въ торжественные дни, случающіеся во время поста. 2) Предъ литургіею совершить во всѣхъ церквахъ столицы общую панихиду о упокоеніи душъ рабовъ Божіихъ отъ губительнаго болѣзни скончавшихся, при чемъ желательно, чтобы въ приходскихъ церквахъ на великой ектеніи панихиды и на литургіи помянуты были по именамъ въ каждой усонишіе своего прихода, поколику имена ихъ извѣстны. 3) По литургіи быть благодарному молебну со звономъ. 4) Соборному служенію быть въ каѳедральной церкви Чудова монастыря, при полномъ собраніи духовенства, какое бываетъ въ соборѣ въ торжественные дни. 5) Съ сего времени молитвы, кои приносимы были по случаю болѣзни, прекратить. 6) Предписать по всей епархіи, чтобы въ ближайшій праздничный день совершенно было во всѣхъ церквахъ благодарственное молебствіе о прекращеніи губительнаго болѣзни, а молитвы, бывшія по случаю болѣзни, были прекращены. 7)

¹⁾ С. 103.

Прекратить не женодѣльные донесенія о благосостояніи въ отношеніи болѣзни“¹⁾).

Мы не изобразили бы во всей полнотѣ архипастырскую попечительность м. Филарета во время холерной эпидеміи 1830 года, если бы не упомянули о созданіи владыкою при московской архіерейской кафедрѣ благодѣтельныйшаго учрежденія подъ названіемъ: „Временный Комитетъ о пособіи бѣднымъ“. Составленный изъ пяти духовныхъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ викарнаго епископа Иннокентія, при особомъ казначеѣ, Комитетъ долженъ былъ облегчать способы пропитанія для бѣдныхъ людей, а также открывать имъ доступъ къ нѣкоторымъ удобствамъ жизни, чрезъ выдачу денежныхъ пособій. Правомъ на полученіе денежныхъ пособій изъ Комитета прежде всего могли пользоваться бѣдные духовнаго званія, затѣмъ—свѣтскія лица, принадлежащія къ духовному вѣдомству: канцелярскіе чиновники и низшіе служители консисторіи, и, наконецъ—бѣдные всякаго званія. Въ распоряженіе Комитета м. Филаретъ сразу же предоставилъ пять тысячъ рублей отъ московской архіерейской кафедры и разрѣшилъ Комитету принимать добровольныя приношенія отъ монастырей и другихъ, „желающихъ участвовать въ дѣлахъ человеколюбія“, а въ руководство для дѣятельности далъ нѣкоторые указанія, оговорившись при этомъ, что „впрочемъ, съ помощію Божіею, законъ любви къ ближнимъ и состраданіе будетъ для Комитета достаточнымъ руководствомъ“²⁾.

Подводя общій итогъ дѣятельности м. Филарета въ холерное время, мы не можемъ не замѣтить, что она представляетъ собою наглядный примѣръ того, какимъ образомъ у истинныхъ служителей Христа забота о духовномъ благѣ пасомыхъ находитъ удобное сочетаніе съ заботою о внѣшнемъ ихъ благополучіи. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ, какъ не заботою

¹⁾ С. 170—176 предлож. отъ 14 марта.

²⁾ С. 82—83, предл. отъ 25 окт.

объ этомъ послѣднемъ, дышать всѣ распоряженія и увѣщанія м. Филарета о тщательномъ и безропотномъ исполненіи медицинскихъ предписаній, всѣ разъясненія, что начальство предлагаетъ лучшія мѣры противъ болѣзни, и встаютъ противъ нихъ только люди неразумные или неблагонамѣренные? () чемъ свидѣтельствуешь и такое крупное дѣло, какъ открытіе комитета для выдачи пособій бѣднымъ, если не объ этого же рода архиастырской заботливости м. Филарета? И однако, предписывая бдительность въ исполненіи медицинскихъ распоряженій, м. Филареть никогда не оставляетъ безъ вниманія духовныхъ средствъ врачеванія болѣзни. Всякое наставленіе пользоваться медицинскими средствами противъ болѣзни онъ сопровождаетъ увѣщаніемъ обратиться къ Богу, покаяться и исправить жизнь. Почему это? Безъ сомнѣнія, потому, что вѣрный служитель Христовъ ни на минуту не сомнѣвался и не забывалъ, что коль скоро страшная болѣзнь постигла людей отъ Бога въ наказаніе за грѣхи и беззаконія, то только отъ Господа Богъ и надо людямъ ждать милости и избавленія. Эту-то истину и не переставалъ внушать м. Филареть своей паствѣ, призывая ее къ покаянію и исправленію жизни.

Н. П.—вз.

Батюшку соватали.

Глухо ронтали крестьяне на своего приходскаго настыря, о. Григорія Исполлатова, лишь до времени не принимая противъ него рѣшительныхъ мѣръ. Мужики терпѣливы: около года сносили они „поведеніе“ о. Григорія, но терпѣніе ихъ истощилось, и дѣятельность священника стала предметомъ обсужденія всей честной громады.

Шумный сельскій сходъ приходилъ уже къ концу, и крестьяне спѣшили скорѣе рѣшить текуція свои дѣла. Причина для такой спѣшки была основательна. Передъ сельскимъ старостой лежали три красненькихъ—признательный даръ

міру на угощеніе за благопріятно рѣшенныя дѣла,—почтеннымъ старикамъ предстояло распить не меньше двухъ ведерокъ водки, а на это требуется время. Даже глуповатый Омелько Вертипорохъ хранившій на сходахъ молчаніе, довольно громко и для всѣхъ понятно выразилъ мысль о томъ, что несравненно пріятнѣе было бы теперь посидѣть на зеленой травкѣ, за горѣлкой, чѣмъ рѣшать дѣла, въ которыхъ мало что разберешь. Побуждаемый выразительными восклицаніями, староста собрался было упрятать знакъ своей власти въ широчайшій карманъ своихъ шароваровъ, какъ впередъ громады, вплотную къ старостѣ, вышелъ Степанъ Бондарчукъ.

И всегда онъ такъ, этотъ Степанъ, чтобъ ему ни дна, ни покрышки: во время схода больше молчить, а когда запотѣютъ лбы, покраснѣются лица, потекутъ слюнки у болѣе завзятыхъ питуховъ, Степанъ обязательно выскочить съ какимъ-нибудь вопросомъ и настойчиво будетъ требовать его разрѣшенія. Сколько уже разъ собирались помять ему за это бока—нѣтъ, не кается. Слова нѣтъ,—голова - мужикъ, умнѣющій, газету читаетъ, если загнетъ заковыку міру, такъ три часа будетъ громада ломать голову надъ вопросомъ; только нужно же и совѣсть имѣть и громаду пожалѣть—время подходящее найти,—а то вѣдь и къ ночи не то, что ведерками распорядиться, а и домой не прійти.

— Господа громадяне, началъ свою рѣчь Бондарчукъ, надо бы намъ еще потолковать, какъ намъ съ батюшкой быть...

— Не выдержалъ таки Степанъ, чтобъ ему нудно было.

— Въ другой разъ потолкуемъ о батюшкѣ.

— Не надо, послѣ...

— Какое тебѣ дѣло, Степанъ, къ батюшкѣ? заговорили съ разныхъ сторонъ мужики.

— А такое, что о. Григоріемъ вся парафія недовольна, народъ жалуется; приходъ въ разстройство приходитъ...

Вопросъ, поднятый Степаномъ, затрогивалъ многихъ крестьянъ за больное мѣсто и нашелъ у большинства схода интересъ и поддержку.

— Бондарчукъ правду сказалъ: пора намъ съ батюшкой что-нибудь дѣлать.

— На что это похоже? Батюшка былъ какъ батюшка, а съ годъ уже трудно узнать человѣка. Недоступный сдѣлался, какъ и подступитъ къ нему, не знаешь. Спросишь что-нибудь, буркнетъ: хорошо, сдѣлаю,— и отвернется.

— Заперся въ хатѣ и никуда глазъ не кажетъ; службу и ту съ трудомъ, видно, исполняетъ. Какой это батюшка?

— Вотъ бы намъ, братцы, такого батюшку, какъ покойникъ о. Ѳеодоръ былъ, царство ему небесное! Добрѣющій былъ человѣкъ!

— Такихъ, какъ о. Ѳеодоръ, мало людей бываетъ; только завидитъ бывало мужика, что по дѣлу къ нему идетъ, самъ на встрѣчу первый выйдетъ и всѣхъ по имени отчеству называлъ. Начнешь про дѣло, а онъ ласково и внимательно и про семью и про хозяйство тебя тутъ разспроситъ. И для всякаго у него доброе слово и наставленіе найдется для стараго и для малаго. Да что дѣтей? каждаго теленка и курицу на селѣ онъ, кажется, зналъ. А тѣмъ временемъ, какъ съ батюшкой, о. Ѳеодоромъ, толкуешь, матушка бывало и чайкомъ попить—самоваръ у покойника всегда подъ парами былъ—мужику и пріятно, что съ нимъ какъ съ ровней, обращаются.

— Положимъ, заговорилъ скептикъ и большой либераль Никола Довгій, любилъ о. Ѳеодоръ и лишнюю рублевку при случаѣ получить, а за вѣнчанья такъ и совсѣмъ дорого бралъ...

— Не правда... Никого о. Ѳеодоръ не неволилъ, умѣлъ человѣка расположить и платили ему съ охотой—потому ласковый человѣкъ былъ.

— Батюшка на то и ставится, чтобы Богу за народъ молился и человѣческое обращеніе къ людямъ являлъ. Кто,

только нашего брата не ругаетъ и взашей не толкаетъ? Земскій, становой, урядникъ, фершалъ, старшина—всѣ тебѣ начальство, всѣ командуютъ, кричатъ, чуть и что,—всякой ругней потчуютъ. А батюшка—нѣтъ: тому такихъ правовъ не положено: онъ долженъ всякую кротость и тихость проявлять...

— И еще, батюшка долженъ людей учить, закону христіанскому наставлять, а о. Григорій норовитъ, какъ бы поскорѣй службу Божию справить, да домой или на кладбище убѣжать. Когда мы слышали проповѣдь-то въ храмѣ?

— И служить о. Григорій сталъ по-чудному; то заспѣшитъ, то не договоритъ, либо на половинѣ слова остановится. Молчитъ батюшка, молчитъ и дьячекъ, не зная, что ему дѣлать—пѣть, читать или ожидать, пока батюшка надумается. Никитчука молодого вѣнчалъ—забылъ молодымъ благословеннаго вина дать. Тепера молодуха хвораеть, а Никитчукъ пьянствуетъ.—На батюшку жалуются: говорятъ, не до вѣнчалъ.

Недовольный на батюшку отсутствіемъ къ нему вниманія и отличія, сельскій староста резюмировалъ, наконецъ, пренія.

— Я такъ думаю, православные, что пора намъ къ архіерею бумагу писать и просить, чтобы намъ другого батюшку дали, а этого забрали. Но хуже мы людей,—польстиль онъ мужикамъ. Слава Богу, приходъ у насъ не бѣдный: батюшка голодень не будетъ. О. Ѳедоръ сколько лѣтъ жилъ и дѣтей въ люди вывелъ...

За батюшку заступился степенный сѣдоусый Данило Наймитенко, исполнявшій обязанности церковнаго старосты. Не имѣлъ онъ такой власти, какъ сельскій староста, но авторитетомъ пользовался не меньшимъ, чѣмъ тотъ.

— Не дѣло вы, православные, задумали. Никого изъ васъ о. Григорій не оскорбилъ и никому зла не сдѣлалъ. За что хотите обидѣть челвѣка, да еще своего духовника? Отдалился отъ людей батюшка... такъ развѣ всегда онъ та-

кой былъ?.. Пока жива была матушка, нечего намъ было Господа гнѣвать, а схоронилъ ее—самъ не свой сталъ. У мужика на селѣ и сосѣдѣ, и родня, и односельчане—все свои люди, и то не легко намъ такое горе переносить, а какъ же ему, бѣдному? Одинъ онъ и кромѣ дьяка да насъ, сѣромахъ, никого не видитъ и ни въ комъ близкаго человѣка не имѣетъ. Бѣлой сорочки въ недѣлю, и то подать нѣкому и не съ кѣмъ словомъ перекинуться. И такъ не годъ и не два—а всю жизнь... Какъ тутъ не засумовать и не загоревать человѣку? Трудно человѣку и безъ бабы жить, да хозяйство править; а заведетъ батюшка въ хатѣ бабу, хоть старую и безногую, сами же начнете пальцами тыкать да брехню разводить...

Для Бондарчука наступилъ самый удобный моментъ высказать мысль, какую онъ давно выносилъ въ головѣ и теперь рѣшилъ повѣдать міру.

— Спасибо, Наймитенко, что дѣло къ настоящей точкѣ повелъ. Я такъ думаю, господа громада, что надо намъ непременно женить батюшку,—тогда онъ опять повеселѣетъ и для насъ опять хорошъ станетъ.

Легкій смѣхъ пронесся среди толпы.

— Что ты, Степанъ, съ большой учености съ ума видспятилъ. Гдѣ это слыхано, чтобы батюшка въ другой разъ женился? Развѣ это можно?

— А можно. Недавно я самъ читалъ въ газетѣ, что вдовы батюшки хлопчутъ, и скоро выйдетъ такой законъ, что имъ можно будетъ жениться. Вотъ и будемъ просить благочиннаго, чтобы нашему батюшкѣ скорѣе дозволено было въ бракъ вступить. А нѣтъ—мы и до владыки дойдемъ. Долженъ архіерей уважить, если его вся грамада просить будетъ.

— Молодецъ. Степанъ. То-то ученье да грамота—не то, что мы—темные!..

— Мы о. Григорію и невѣсту сосватаемъ. Въ Млинкахъ есть вдовица матушка, молода и собой пригожая. Просфоры печать, — куда нашей дьячихѣ—не годится!..

— Хорошая была бы намъ попадья, только не пойдетъ она замужъ. Сказываютъ, сваталь ея самъ земскій—большой панъ и при деньгахъ... Куда тебѣ! За честь, говорить, спасибо вамъ, только замужъ я не пойду. Не найти мнѣ человѣка, кто бы добрѣе и лучше моего покойника Васеньки былъ...

— Земскій-то другое дѣло—чужакъ, а батюшка свой человѣкъ—за батюшку пойдетъ. И своихъ сиротъ пристроить, и нашего сироту—батюшку доглянетъ. Вотъ и хорошо будетъ.

А ну, писарь, берись-ка ты за перо, да настрочи ты намъ прошеньице къ самому архіерею: такъ и такъ моль, владыко святой, просить тебя громада, чтобы нашему батюшкѣ дозволено было другой разъ въ законный бракъ вступить!..

Любилъ послѣ схода пройтись невзначай, а потомъ и посидѣть съ громадой на земной травкѣ, старый дьячекъ Прокопъ Семеновичъ. Не такъ привлекалъ его сюда запахъ зелена вина, хотя и не отказывался старикъ стомаха ради пропустить стаканчикъ-другой, сколько пріятная бесѣда съ крестьянами нараспашку и тотъ видимый почетъ, какимъ окружали его, какъ образованнаго человѣка, въ своей компаніи мужики. Тутъ можно было узнать самыя свѣжія новости, тутъ не разъ мужики сткровенно излагали дьячку и свои претензіи къ причту. Раза три прошелся уже невзначай Прокофій Семеновичъ мимо сборнаго пункта, но мѣсто оставалось пустымъ, и никакихъ признаковъ престоющаго отдохновенія, пріятной бесѣды не было.

— Что за казія? время не раннее, а сходъ все еще не окончился. Видно дѣло какое-нибудь хитрое обмозговываютъ, а можетъ быть Стенана тузять за позднія рѣчи и упрямство—давно уже на него злы...

Сгорая отъ любопытства, Прокофій Семеновичъ не выдержалъ и завернулъ на сходъ.

Стоя сзади мужиковъ, онъ молча выслушалъ крестьянскія хлопоты о женитьбѣ батюшки. Когда дѣло дошло до бумаги, старикъ не выдержалъ и вмѣшался въ дѣло.

— Послушайте меня, старика, люди добрые: не дѣлайте вы того, что задумали; а то на весь міръ крещеный только смѣху надѣлаете, всѣ васъ дурными назовутъ,—а батюшку въ большую неловкость предъ владыкой вы поставите. Словомъ Божиимъ, законами церковными, запрещено священникамъ второй разъ жениться, и не только архіерей, и никто на землѣ измѣнить того не можетъ: какъ первому человеку одна жена Ева была Господомъ дана, такъ и священнику можно только разъ жениться...

— А какъ же, Семеновычъ, мы? Намъ же можно и другой и третій разъ жениться; не грѣхъ это?

— Мы—міряне, а батюшка во всемъ долженъ выше насъ стоять. Если послалъ ему Господь испытаніе и отобралъ жену, то пусть онъ покажетъ терпѣніе и явить міру, что онъ Божіе попущеніе съ покорностію Ему принимаетъ... Тяжело нашему батюшкѣ у насъ, что и говорятъ: здѣсь каждый уголь, всякая вещь ему о семейномъ счастьѣ напоминаетъ. На кладбище каждый день ходитъ, надъ могилкой жены по цѣлымъ часамъ просиживаетъ, да слезы проливаетъ. Нужно бы, очень нужно о Григорію мѣсто перемѣнить... Благочинный и другіе совѣтуютъ ему, чтобы онъ ѣхалъ учиться; есть такое училище—академіей называется—изъ него въ архіеріи и большіе люди выходятъ. Вотъ туда бы нашему батюшкѣ!..

— Вотъ это такъ дѣло!

— Спасибо за умное слово, Семенычъ!

— А лестно будетъ, когда нашъ батюшка да въ архіереи выйдетъ!..

— И къ намъ послужить пріѣдетъ.

— Такъ мы и предложимъ, братцы, о. Григорію ѣхать учиться, чтобы быть ему архіереемъ...

— Надо сдѣлать это. заговорилъ опять Семенычъ, такъ, чтобы не обидѣть батюшку,—подумаетъ, что поскорѣе сплавить хотите.

— Когда же, какъ Прокопъ Семенычъ, ты посовѣтуй намъ...

— А вотъ какъ. О. Григорій служитъ недавно, копейку еще не зашибилъ, а на поѣздку и на ученіе денегъ нужно не мало. Вотъ вы ему и помогите,—часто вѣдь зря деньги общественныя тратите... Дьячокъ выразительно посмотрѣлъ на кредитки, сложенные передъ старостой...

Засѣданія подъ вербами, на земной травкѣ въ тотъ вечеръ не было: совѣтъ стараго дьячка крестьянами былъ принятъ, и три красненькихъ, для начала дѣла, были вручены о. Григорію.

Года черезъ два группа крестьянъ, человекъ въ пятнадцать, медленно двигалась по главной улицѣ одного изъ нашихъ виднѣйшихъ губернскихъ городовъ. Впереди робко жавшихся другъ къ другу людей, озирающихся по сторонамъ шель самый образованный изъ нихъ, знакомый намъ Степанъ Бондарчукъ. Внимательно вычитывалъ онъ вслухъ вывѣски магазиновъ, банковъ, техническихъ конторъ, но нужной вывѣски все не попадалось; наконецъ, проходившее по улицѣ духовное лицо рассказало богомольцамъ, какъ найти училище, гдѣ учать на архіерея. Долго провозился ветеранъ академіи глуховатый швейцаръ Агафонъ, пока разобралъ, чего хотятъ отъ него кретьяне, толпой ввалившіе въ темноватый вестибюль академіи, и разыскалъ на самомъ верхнемъ этажѣ—такъ называемомъ Аеонѣ,—о. Григорія.

— Угодникамъ поклониться пришли, заговорили крестьяне, и васъ отыскали, батюшка.

— Спасибо, мои родные, спасибо за память, отвѣчалъ улыбаясь о. Григорій.

Долго рассказывали ему крестьяне о своемъ деревенскомъ житьѣ-бытьѣ, и радостно имъ было видѣть, что просвѣтлѣло и ласково стало лицо ихъ батюшки, и со вниманіемъ онъ слушалъ ихъ простыя рѣчи.

— Не прогнѣвайтесь, батюшка, за наши рѣчи—каемся теперь:—когда-то мы сватать васъ думали...

— Знаю, рассказывалъ мнѣ тогда Прокофій Семеновичъ,—давай вамъ Богъ всѣмъ здоровья. Большую вы услугу тогда мнѣ оказали, силы и бодрости придали... Не жегну, а родную мать нашель я въ академіи, душею здѣсь ожилъ...

— А вы, батюшка, не монахъ и не владыка еще будете?

— Нѣтъ, обыкновенный священникъ я; а что?

— Привезли¹⁾ мы вамъ гостинца деревенскаго: хлѣба нашего сельскаго, колбасы, сала; и холста еще бабы прикинули—можетъ на рушникъ сгодится...

— Будете владыкой, батюшка,—насъ не забудьте—послужить къ намъ прїѣзжайте. Помолитесь за насъ, батюшка, просили крестьяне на разставаньи.

— Молюсь и буду молиться, пока жить буду, съ дрожью въ голосъ отвѣчалъ имъ о. Григорій.

Священникъ *В. Пестряковъ.*

Мои воспоминанія.

(Продолженіе¹⁾).

Послѣ этой рѣчи, слѣдуя программѣ, прочиталъ прощальные стихи товарищамъ, Ѳеодоръ Самойловичъ Надеждинъ.

Итакъ, друзья, конецъ концовъ.

Оконченъ подвигъ воспитанья,

Даны научныя^{III} намъ знанья.

¹⁾ См. № 37-й за 1910-й г.

Но нѣтъ, не все... Вотъ рядъ годовъ,
 Рядъ постоянныхъ испытаній,
 Иныхъ трудовъ, иныхъ заботъ,
 Иныхъ надеждъ, иныхъ желаній.
 И что же въ будущемъ насъ ждетъ?
 Обширно жизненное море,
 Его не всякій проплыветъ
 Съ одною радостью, безъ горя...
 Друзья! Не одному изъ насъ
 О жизни нынѣшней взгрустнется.
 И померъ нашъ, и садъ, и классъ,
 Столовая и даже квасъ
 Довольно сладко вспоманется...

Послѣ этихъ стиховъ слѣдовалъ гимнъ въ честь членовъ совѣта общества. Гимнъ, неважный по содержанию, и не художественный по изложенію (составленъ былъ Александромъ Михайловичемъ Сперанскимъ). Но онъ положенъ былъ на ноты, и не прочитанъ, а пропѣтъ былъ въ собраніи. Изъ него достаточно помѣстить одну строфу.

Вершины мы славы достигли съ тобой,
 Ужъ больше желать не осталось
 Парнасъ и Олимпъ вотъ подъ нашей стопой,
 Ученость, искусство,—все намъ досталось
 О! слава твоя никогда не умретъ,
 Хоть члены твои разойдутся по свѣту.
 За ними, какъ тѣнь, она всюду пойдетъ
 И всякій узнаетъ въ немъ члена совѣта...

За тѣмъ выступилъ со стихомъ Викторъ Данилыч Юркевичъ, братъ извѣстнаго профессора философіи сначала въ Кіевской академіи, а потомъ въ Московскомъ университетѣ. Юркевичъ почувствовалъ стихотворный зудъ, лишь только образовалось наше общество, и весьма часто въ засѣданіяхъ общества, для потѣхи товарищей, предлагалъ свои стихи, по характеристикѣ ихъ президентовъ, отличавшіеся дикостію

фантазіи и оригинальністю стихосложенія, и возбуждавшія то смѣхъ, то безотчетное изумленіе. Не могъ онъ пропустить такого случая, какъ прощальное высокаторжественное засѣданіе студентовъ, чтобы не отозваться своимъ потѣшнымъ стихомъ. Своему послѣдному прощальному стиху онъ далъ заглавіе: „Безсмертіе Совѣта“. Можетъ быть, читатели не воздадутъ автору большой похвалы за его стихи. Но я, рѣшившись сообщить подробныя свѣдѣнія о томъ, какъ велось наше послѣднее засѣданіе, не могу опустить ихъ. Вотъ эти стихи:

Мы жили всѣ дружно.
 Одного хотѣли,
 И болѣй, чѣмъ нужно,
 Трудились, потѣли.

—
 Чего жъ мы хотѣли?
 Изъ-за какихъ нуждъ
 Былъ потъ нашъ и трудъ?
 Ужели безъ цѣли?

—
 Трудъ столь умныхъ главъ
 Ужель былъ для смѣха?
 Ужель для потѣхи?
 Ужель для забавъ?

—
 Но есть родъ забавы,
 Среди ряда другихъ,
 Искать ради славы
 Именъ дорогихъ.

—
 Въ слѣдующихъ строфахъ, въ рифмованныхъ стихахъ перечисляются имена наиболѣе усердныхъ членовъ совѣта и общества. Кончается стихотвореніе слѣдующею неудавшеюся автору строфою:

Безсмертіе намъ
 Лучшимъ сынамъ,
 Въ потомствѣ будетъ,
 Потомство насъ не забудетъ.

Центральное мѣсто въ высокаторжественномъ засѣданіи 30 іюня 1855 года, между другими чтеніями предоставлено было, по программѣ, докладу А. Ив. Поморцева, признаннаго президентомъ студенческаго общества, и онъ въ своемъ докладѣ представилъ подробную исторію того общества, которое избрало его своимъ президентомъ. Докладъ его очень обширенъ: онъ изложенъ на пяти, мелко исписанныхъ полулистахъ. Всего доклада я приводить не буду: для стороннихъ читателей онъ, пожалуй, покажется мало интереснымъ. Читая докладъ, серіозные люди могутъ подумать, что пустяками занимались студенты. Но я приведу изъ него нѣкоторыя выдержки, чтобы дать понятіе о томъ обществѣ, исторія и дѣятельность котораго изображается въ докладѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этого доклада вырисовывается характерная личность его автора, не даромъ почтеннаго званіемъ президента общества.

„Милостивые Государи! (Такъ начинается докладъ свой А. И. Поморцевъ). Въ послѣдній разъ собрались мы нынѣ для того, чтобы всѣмъ вмѣстѣ отпраздновать, и отпраздновать торжественно полугодичное существованіе нашего общества. Въ этотъ достопамятный для насъ вечеръ естественно мысль наша обращается на наше достославное общество; естественно у каждаго изъ насъ рождается вопросъ: что мы дѣлали, и что сдѣлали въ продолженіе существованія нашего общества? Каждый ждетъ отвѣта на этотъ вопросъ.

Отвѣчать на этотъ вопросъ долженъ я, почтенный вами званіемъ президента. Чувствую, что ни мои силы, ни мои труды не соотвѣтствуютъ оказанной мнѣ чести. Но дабы не остаться неблагодарнымъ за благосклонное ваше вниманіе, дабы исполнить возложенную на меня обязанность, приступаю къ отчету о дѣятельности нашего общества.

Прошу, господа, вашего вниманія и снисходительности.

Что сдѣлало наше общество? Вотъ вопросъ, разрѣшеніемъ котораго я долженъ заняться. Но прежде, нежели начну отвѣчать на него, считаю нужнымъ отвѣтить на нѣкоторыя, не менѣе важныя, предварительныя вопросы.

Первый вопросъ: откуда наше общество! Какъ образовалось оно? Какъ отвѣчать на этотъ вопросъ? Я думаю, что яснаго и отчетливаго отвѣта на него не въ состояніи дать никто изъ васъ. Всѣ важнѣйшія вещи, самыя основныя учрежденія, Богъ вѣсть, какъ образуются... Трудно сказать, откуда взялся совѣтъ, кто первый изобрѣлъ его идею, и кто осуществилъ ее. Это совершилось такъ просто, такъ незамѣтно, какъ совершается развитіе нашего сознанія“...

Въ докладѣ подробно излагается въ хронологическомъ порядкѣ, какъ велись наши субботнія засѣданія, отъ ихъ начала до конца, и что дѣлалось и предлагалось на каждомъ изъ нихъ. При этомъ ему, какъ главному дѣятелю общества, не разъ пришлось упоминать о себѣ и своихъ заслугахъ. „Когда я (говоритъ онъ между прочимъ) 22 генваря предложилъ свое первое чтеніе, общество, не ожидавшее слышать ничего подобнаго, пришло, смѣю сказать, безъ лести самому себѣ, въ восхищеніе“. Тотчасъ же, послѣ того, многіе стали записываться въ члены общества, и между ними нѣсколько было такихъ, таланты и труды которыхъ послужили къ усиленію вліянія общества и возвышенію его авторитета.

.

„Одна изъ цѣлей образованія общества доставлять своимъ членамъ пріятное и поучительное препровожденіе времени. Вполнѣ увѣренъ, милостивые государи, что вы времена, посвященнаго вами совѣту, не считаете потеряннымъ. Многіе трудились для засѣданій съ усердіемъ и любовію, и въ этихъ трудахъ находили пріятное отдохновеніе послѣ ежедневныхъ своихъ занятій. Другіе съ удовольствіемъ слушали сочиненія, предлагавшіяся въ засѣданіяхъ совѣта. Но главное самое высшее удовольствіе совѣтъ доставилъ своимъ членамъ, даже нѣ-

которымъ, не принадлежащимъ къ нему, лицамъ, тѣмъ, что тѣснѣе соединилъ насъ между собою. Какъ хотите, господа, а мы теперь гораздо ближе и тѣснѣе между собою, чѣмъ были до существованія совѣта. Правда, и прежде товарищи сходились и проводили время вмѣстѣ; но большая разница провести нѣсколько отдѣльныхъ вечеровъ, провести случайно,—и сходиться вмѣстѣ постоянно, и заниматься однимъ дѣломъ, не возбуждающимъ ничего, кромѣ смѣха и удовольствія. А что добро, или что красно, но еже жити братіе купѣ? Не безъ удовольствія провели мы двадцать пять вечеровъ, устроенныхъ совѣтомъ; не безъ удовольствія будемъ вспоминать объ этихъ вечерахъ, на которыхъ получала свободу наша фантазія, и раскрывались наши чувства. Вспомнимъ, вспомнимъ мы это время, господа, порой, можетъ быть, со слезами.

Изъ трудовъ совѣта составился довольно значительный архивъ, вмѣщающій въ себѣ много пьесъ, заслуживающихъ полнаго вниманія. Совѣтъ опредѣлилъ раздѣлить этотъ архивъ между всѣми членами. Секретарская коммиссія исполнила это опредѣленіе съ возможною тщательностію и безпристрастіемъ. Каждый членъ получить нынѣ избранный имъ участокъ архива, на память объ обществѣ. Всякій, по мѣрѣ уваженія къ послѣднимъ днямъ своей юношеской жизни, да хранить доставшееся ему. Что касается меня, то я въ теченіе полугода хранилъ архивъ совѣта, какъ величайшее сокровище. Я положилъ его въ возглавіе себѣ и спалъ на мѣстѣ ономъ. Это было открыто только двумъ моимъ помощникамъ для того, чтобы, въ случаѣ моей смерти, они нашли достояніе совѣта. Пройдутъ десятки лѣтъ, можетъ быть, и сотни; насъ уже не будетъ; но въ какомъ-нибудь темномъ углѣ сундука сохранится отдѣлъ изъ нашихъ журналовъ. Потомство, нашедши его, будетъ читать его съ удовольствіемъ, пожалуй, отпечатаетъ и предастъ на память своему потомству“.

Очертивъ исторію и дѣятельность общества, президентъ (Поморцевъ) предлагаетъ присутствующимъ воздать благодар-

ность наиболее усерднымъ дѣятелямъ общества, гиперболически, въ юмористическомъ тонѣ, изображая ихъ труды и подвиги, и перечисляя читанныя ими произведенія, которыя въ свое время, по его словамъ, не только заслужили полное одобреніе, но и возбуждали удивленіе у всѣхъ, слушавшихъ ихъ. Между другими членами общества онъ предложилъ воздать особенную благодарность мнѣ, указавъ главную мою заслугу въ томъ, что я далъ приютъ обществу и его совѣту. „Будь у него (говорилъ онъ) поменьше благородства и великодушія, совѣтъ или вовсе не существовалъ бы, или же прекратилъ бы свое существованіе“.

Проф. *Василій Пивницкій.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 15-го сентября 1910 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

ЛЛ

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 39.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года 26 сентября.

Содержаніе: I. Законъ или требованіе жизни? Н. Пальмовъ.—II. Посчита-
лись. Свящ. В. Пестряковъ.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе).
Проф. В. Цѣвницкій.—IV. Свято-Никольское общество трезвости
въ селѣ Орѣховѣ, Владимірской епархіи. У.

Законъ или требованіе жизни?

Рѣчь будетъ о поминовеніи усопшихъ въ воскресные и праздничные дни.

Церковный уставъ запрещаетъ творить гласное поминове-
ніе въ воскресные и праздничные дни по усопшимъ, от-
водя для поминовеній нарочитые, субботніе дни. Дни воскрес-
ные и праздничные—дни радости; омрачать ихъ скорбными
воспоминаніями значить вносить въ нихъ дисгармонію. Та-
кова идея устава.

Но, между тѣмъ, прихожане не перестаютъ обращаться
къ священнику съ просьбою о поминовеніи ихъ умершихъ
родныхъ и близкихъ въ запретные дни и бываютъ очень
огорчены, когда получаютъ отъ священника отказъ въ поми-

ношеніи со ссылкой на церковный законъ. Чтобы нѣсколько успокоить ждущихъ церковной молитвы, священники предлагаютъ прихожанамъ ограничиться въ воскресные и праздничные дни такъ называемымъ негласнымъ поминовеніемъ—на проскомидіи, а гласное поминовеніе—съ чтеніемъ заупокойнаго апостола и евангелія, съ заупокойною ектеніей, съ литіей или панихидою—отложить до ближайшаго будничнаго дня. Но обыкновенно, какъ священникъ ни доказываетъ своимъ прихожанамъ важность поминовенія на проскомидіи, все-таки прихожане остаются неудовлетворенными объясненіемъ, а иногда и прямо выражаютъ священнику свое недовольство за отказъ въ гласномъ поминовеніи. Прихожане не настаиваютъ на соблюденіи непременно всѣхъ особенностей заупокойной службы, на чтеніи, напр., заупокойныхъ апостола и евангелія, но очень просятъ не лишить ихъ возможности слышать имена усопшихъ въ возглашеніи священника или діакона. Прихожане указываютъ при этомъ на особенное чувство духовнаго утѣшенія и удовлетворенія, которое они испытываютъ, когда слышатъ имена поминаемыхъ за упокой родныхъ своихъ и близкихъ въ устахъ священника или діакона, а также—на чувство отрады отъ сознанія и созерцанія того, что иногда къ молитвѣ священнослужителей присоединяется еще и молитва нѣкоторыхъ присутствующихъ въ храмѣ, которые тоже были близки къ поминаемымъ, или просто знали ихъ, а теперь, услышавъ знакомыя имена, по чувству братолюбія, присоединили собственныя молитвы къ молитвамъ священнослужителей и родственниковъ.

Что сказать по поводу такихъ заявленій прихожанъ? Осудить ли священника, удовлетворившаго просьбу прихожанъ о гласномъ поминовеніи усопшихъ въ воскресный или праздничный день? Заподозрить ли въ немъ корыстные расчеты, когда онъ рѣшается нарушить положительный церковный законъ?

Намъ кажется, обвиненіе въ корыстныхъ расчетахъ должно быть разъ навсегда исключено при обсужденіи во-

проса о гласномъ поминовеніи умершихъ въ неразрѣшенные закономъ дни. Конечно, за поминовеніе священникъ получаетъ известное вознагражденіе; но за какую же потребу онъ не получаетъ его? Если за всякую службу прихожане, по мѣрѣ возможности, стараются вознаградить и вознаграждаютъ священника, то неужели каждая совершаемая священникомъ треба можетъ дать основаніе къ обвиненію его въ корыстолюбіи? Такъ и въ даномъ случаѣ. Священника прихожане просятъ совершить поминовеніе усопшихъ въ воскресный или праздничный день,—онъ соглашается; послѣ поминовенія, ему вручаютъ денежное вознагражденіе,—онъ принимаетъ. Гдѣ же здѣсь большее того, что всегда, во всякіе дни, и при всякой требѣ дѣлается? Вѣдь священникъ не настаиваетъ же на излишнемъ вознагражденіи, не высказываетъ недовольства, что по случаю праздника и въ виду отступленія отъ правилъ, его вознаградили такъ же, какъ и всегда вознаграждаютъ, а не больше, какъ слѣдовало бы? Онъ не рядился прежде, чѣмъ согласиться на просьбу прихожанъ? Онъ не вымогалъ отъ нихъ особой прибавки къ принятой платѣ? Слѣдовательно, обвиненіе въ корысти должно быть отвергнуто.

Знаемъ, что своей защитой мы не убѣдимъ тѣхъ, кто привыкъ смотрѣть на священника, какъ на обиралу и вымогателя, и каждый шагъ его пастырской дѣятельности объяснять мотивами низкой пробы. Заводить священникъ чтеніе акаѳиста въ праздничные дни, говорятъ: хочетъ побольше дохода получить съ прихожанъ (какъ будто священникъ силой потащитъ ихъ въ церковь и станетъ тамъ шарить у нихъ въ карманахъ);—заведетъ священникъ внѣбогослужебныя чтенія и начнетъ часто произносить проповѣди, тотчасъ мудрыя головы подыскиваютъ объясненіе: хочетъ выслужиться предъ начальствомъ, получить награду (какъ будто священникъ обязываетъ ходить на внѣбогослужебныя чтенія и слушать проповѣди тѣхъ, кто не хочетъ этого дѣлать; какъ будто исполнять распоряженіе начальства—порокъ, и доблесть—

быть съ начальствомъ въ „натянутыхъ“ и даже „боевыхъ“ отношеніяхъ).

Надо же соблюдать справедливость и умѣть разбираться въ фактахъ! Представьте себѣ, въ селѣ—одна церковь, и служба совершается въ ней только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Какъ возможно отказать въ поминовеніи усопшихъ въ этомъ случаѣ?.. Проектируютъ заводить субботніе службы и на нихъ творить поминовеніе. Прекрасно; увѣрены, что со стороны священника этотъ проектъ не встрѣтитъ препятствій къ осуществленію. Но не надо забывать, что съ перенесеніемъ поминовенія на субботній день мы лишимъ возможности помолиться за усопшихъ самихъ ихъ родныхъ и знакомыхъ! Вѣдь суббота—рабочій день, и съ утра до вечера народъ—или въ полѣ, или на заводѣ, на фабрикѣ, на промыслѣ или, наконецъ, у себя дома за работой. Тяжелыя условія нынѣшней жизни, заставляющія человѣка усиленно работать, чтобы что-нибудь приобрести, не позволяютъ человѣку имѣть досуга больше, чѣмъ сколько предоставляется ему праздничными и воскресными днями. Утомленный недѣльнымъ трудомъ, рабочій человѣкъ уже въ вечеръ субботы не всегда способенъ бываетъ исполнить христіанскій долгъ—пойти помолиться въ церковь, и вотъ почему во многихъ мѣстахъ священники предпочитаютъ служить не съ вечера праздничныя всенощныя, но раннимъ утромъ, въ 4—5 часовъ, ограничиваясь съ вечера малою вечернею. Великое было бы наше счастье, если бы народъ нашъ хоть одинъ-то воскресный и праздничный день посвящалъ Богу и богоугодно проводилъ его!

И вотъ, въ одинъ—единственный, можетъ быть, день недѣли пришелъ человѣкъ въ храмъ и захотѣлъ помолиться о своихъ дорогихъ покойникахъ; подалъ поминаніе и ждетъ, когда священникъ станетъ возглашать записанныя въ поминаніи имена... Каково же его разочарованіе! Онъ не слышитъ заукойной ектеньи съ перечнемъ на ней дорогихъ ему именъ. Почему это? съ болью въ сердцѣ спрашиваетъ

человѣкъ и себя, и другихъ.— „Сегодня не поминаютъ“, слышитъ онъ объясненіе: „сегодня—воскресенье или такой-то праздникъ: поминать вслухъ нельзя“... Но когда же ему можно послушать гласное церковное поминовеніе,—поучаствовать своею молитвою въ немъ,—порадоваться, видя молитву и своихъ добрыхъ знакомыхъ, изъявившихъ усердіе раздѣлить съ нимъ, быть можетъ, жгучую скорбь и своимъ участіемъ до извѣстной степени умѣрить ее? Такого благоприятнаго времени для совершенія поминаній объ умершихъ въ распоряженіи рабочаго человѣка—нѣтъ, и вотъ, хотя ему и разъяснили въ церкви, что тайное поминовеніе на проскомидіи имѣетъ полную силу для тѣхъ, за кого оно возносится, но изъ церкви онъ вышелъ не такимъ удовлетвореннымъ, какимъ бы хотѣлъ выйти: ему не дали возможности присутствовать при общей церковной молитвѣ за родныхъ покойниковъ, не устроили ея для него!

Обыкновенно указываютъ на обременительность для молящихся слушать длинное вычитываніе именъ по поминаніямъ; иное вычитываніе длится, говорятъ, минутъ 20—40, а то и болѣе. Но, во-первыхъ, столь продолжительныя вычитыванія поминаній по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ—большая рѣдкость; болѣе 40 минутъ едва ли читаютъ поминанія и въ нарочитые поминальные дни. А во-вторыхъ, великая ли тягость для богомольца простоять лишнихъ 5—10 минутъ (не больше) въ храмѣ. куда онъ приходитъ, вообще говоря, не такъ-то часто, особенно имѣя въ виду, что эти 5—10 минутъ такъ дороги для подавшихъ поминанія?

Говорятъ, праздничная литургія—богослуженіе общественное и обращать ее въ богослуженіе частное, чрезъ чтеніе поминаній, не слѣдуетъ. Но тогда и на всякой литургіи нельзя читать поминаній, потому что всякая литургія есть богослуженіе общественное. Однако, неужели общественное богослуженіе исключаетъ всякую возможность соединенія съ нимъ тѣхъ или иныхъ частныхъ моленій? Не думаемъ. Въ древней церкви, частныя моленія, напротивъ,

именно были тѣсно связаны съ литургіей. Довольно сказать, что съ литургіей связывались тѣснѣйшимъ образомъ такія нѣбующія отношенія къ индивидуальной жизни каждаго таинства и чины, какъ, напр., крещеніе, бракъ, постриженіе въ разныя степени монашества. И въ этомъ соединеніи общихъ моленій съ частными въ древней церкви нельзя не видѣть глубокаго смысла, который будетъ ясенъ намъ, когда мы вспомнимъ искреннее братолюбіе, связывавшее въ древности тѣсною духовною связью всѣхъ членовъ той или другой „церкви“. Не отказываетъ и теперь Православная Церковь въ возношеніи частныхъ моленій на литургіи, и мы не знаемъ, почему нѣкоторые хотѣли бы настаивать на запрещеніи этихъ моленій на праздничныхъ литургіяхъ.

Указываютъ на радостный характеръ воскресной и праздничныхъ литургій, съ каковымъ несовѣстимы, будто бы, поминовенія усопшихъ. Но если скорбь глубоко объяла душу человѣка, то не изгонять ее представленіе величія и свѣтлости праздника,—скорѣе усилить! А для постороннихъ едва ли, омрачить радость праздника то, что они услышатъ въ церкви заупокойную ектенію, съ перечнемъ, напр., новопреставленныхъ Перенестись на молитву мыслью къ недавно почившимъ и сотворить за нихъ молитву—это не больше омрачить радость праздника, чѣмъ то поминовеніе святѣйшихъ патріарховъ православныхъ благочестивыхъ царей и благовѣрныхъ царицъ, создателей храма и всѣхъ преждепочившихъ отецъ и братій нашихъ и напоминаніе о нашей собственной кончинѣ и ожидающемъ каждаго изъ насъ страшномъ судилищѣ Христовѣ, каковыя поминовенія и напоминанія, въ екетійныхъ возглашеніяхъ, не оставляетъ дѣлать св. Церковь даже въ дни такихъ величайшихъ христіанскихъ праздниковъ, какъ Рождество Христово, Пасха, Троица.

Хорошо, конечно, всему давать свое мѣсто: радости—въ дни праздниковъ и церковныхъ торжествъ, скорби—въ дни сѣтованія. Но, съ одной стороны, какъ часто постигаетъ человѣка личная скорбь, по случаю, напр., утраты близкаго

человѣка, тогда когда настали дни общей радости, и какъ часто не бываетъ у человѣка иного времени разсѣять молитвою въ храмѣ эту скорбь, какъ въ дни воскресные и праздничные, которые одни только и остались свободными у него отъ работы! А съ другой стороны,—сильно ли омрачится общее праздничное настроеніе, когда присутствующіе въ храмѣ на литургіи услышатъ заупокойную ектенью и на ней нѣсколько именъ усопшихъ??

Думается, если священникъ не откажетъ просящему гласно помянуть его усопшихъ отецъ и братій въ праздничный день, то тѣмъ совершить для него истинно доброе дѣло: успокоить его и утѣшить; прочихъ же прихожанъ своихъ священникъ, во всякомъ случаѣ, не очень огорчить, если заставить простоять въ церкви лишнихъ 5—7 минутъ, при нежеланіи (?) присоединиться къ заупокойному моленію.

Н. Пальмовъ.

Посчитались.

Средней руки владѣлецъ дворянинъ Викентій Васильевичъ Мельшинъ въ округѣ слылъ за образцоваго хозяина: рабочіе у него ходили по стрункѣ, крестьяне его боялись; не зналъ онъ потравъ, порубокъ и мелкаго воровства, которые теперь всюду такъ изводятъ хозяевъ. Урожай удавались въ послѣдніе годы одинъ лучше другого.

Хозяйство Мельшинъ зналъ и любилъ, самъ онъ работалъ отъ зари до поздней ночи и того же требовалъ отъ рабочихъ.—Къ мужикамъ Мельшинъ относился съ мало скрываемымъ презрѣніемъ; въ дѣлахъ съ ними былъ требователенъ и беспощаденъ и смотрѣлъ на нихъ съ хозяйственно-экономической точки зрѣнія.

— Мужикъ—что скотина: корми его до отвалу, за то и работы требуй безъ пощады; тогда онъ будетъ тебя бояться и уважать, а въ этомъ первое условіе сноснаго веде-

нія хозяйства. Пьянствуютъ только, каналѣи, жаловался онъ, съ этимъ трудно бороться; однако я не церемонюсь: чуть замѣчу—гоню въ шею: безъ рабочихъ сидѣть не буду—голодныхъ на нашъ вѣкъ хватить. Откровенныя рѣчи Мельшина о мужикѣ коробили многихъ его знакомыхъ; за глаза его называли крѣпостникомъ и кулакомъ, и все же дикія рѣчи его о крестьянахъ съ лихвою покрывались прогрессивнымъ образомъ мыслей по многимъ другимъ вопросамъ. Въ политическомъ отношеніи онъ горой стоялъ за конституцію, лелѣя въ душѣ мысль попасть когда-нибудь въ депутаты; въ національномъ — требовалъ широкаго равноправія народностей; не было въ цѣлой округѣ болѣе грознаго и рѣзкаго обличителя „нашего сгнившаго бюрократическаго строя“; но исключительно прогрессивенъ былъ Мельшинъ въ вопросахъ религіи. Провинціальныя барышни приходили въ ужасъ отъ его рѣчей по этимъ вопросамъ: охали и закрывали уши. Люди взрослые называли его толстовцемъ и нищезанцемъ, а всѣ вообще считали ученымъ и необычайно умнымъ. Своихъ отрицательныхъ взглядовъ на религію Мельшинъ не скрывалъ и передъ простымъ народомъ, пользуясь всякимъ случаемъ пошутить и посмѣяться надъ вѣрой народа. Особого ума крестьяне въ этомъ не нашли, считая разговоры Мельшина о вѣрѣ—дурью, а самого барина—блажнымъ.

Потребовалось какъ-то въ деревнѣ починить и расширить церковь. Почтенные старики крестьяне явились и къ барину просить пособія. Мельшинъ ихъ вышутилъ.

— Зачѣмъ вамъ расширять церковь? довольно съ васъ и той, какая есть.

— Мала она для насъ, Викентій Васильевичъ.

— А вы порѣже въ церковь ходите, по очереди чтоли; одни—въ одинъ праздникъ, другіе—въ другой; и церковь не такъ скоро будетъ изнашиваться, и воздухъ будетъ легче—не такъ жарко. Чтобъ никому не было обидно, пусть староста очередь держать, кому когда въ церковь идти...

— Привыкли мы къ храму Божію, зазорнымъ у насъ считается, если кто службу Божію забываетъ; и какъ можно въ большой праздникъ въ церкви не помолиться—грѣхъ это великій.

— Въ большой праздникъ часть пойдетъ къ заутренѣ, часть къ обѣднѣ, вотъ и всѣ побываете въ храмѣ, если уже вамъ это такъ необходимо. Я вотъ такъ и дѣлаю: побываю на пасху у заутренн и ѣду домой, и никакой послѣ потери и недостатка не чувствую цѣлый годъ. Темнота народная!.. Не церковь вамъ расширять, а школу бы построить, фельдшера завести...

Мужики твердо стояли на своемъ, и Мельшину волей-неволей пришлось записать 10 рублей въ сборную книгу.

— Блажной; и правду говорятъ, что чудаковать нашъ панъ.

— Нехристь какой-то.

— Отъ науки большой у него, видно, разумъ помутило, дѣлились мужики впечатлѣніями послѣ бесѣды съ помѣкомъ.

Великимъ постомъ у Мельшина всегда выходило недоразумѣніе съ рабочими, просившими готовить для нихъ постный столъ.

— Пустяки рассказываете, говорилъ имъ Мельшинъ Я круглый годъ ѣмъ мясо и никакого въ томъ грѣха не вижу. Для Бога все равно, что вы будете жрать—солому или мясо. Что Ему до этого?

— Грѣшно это, баринъ, не хорошо.

— А это хорошо будетъ, что у васъ животы будутъ пухнуть отъ пустого борща, да куриной слѣпотой болѣть будете; какая тогда ваша работа будетъ? И чѣмъ прикажете кормить васъ великимъ постами? Не икрой ли да рыбой—такъ это дорого стоитъ.

Забѣжавшій въ деревню для пропаганды сектантъ—баптистъ провелъ у Мельшина дня три въ самой пріятельской и дружеской бесѣдѣ. Барину такъ хотѣлось познакомиться

съ „новыми теченіями русской религіозной мысли,“ — о нихъ такъ много писалось въ журналахъ и газетахъ. Сектантъ, видя барскую ласку, въ простотѣ сердца рассчитывалъ залучить въ свои сѣти такого крупнаго осетра.

Когда сектантъ хитро спросилъ барина: „не приобрѣлъ ли онъ новаго брата“, Мельшинъ расхохотался.

— Это, братъ, шалишь. Помѣщикъ обязанъ быть православнымъ; быть сектантомъ ему не подѣстать, да и переросъ я вашу вѣру, хотя и есть въ ней кое-что полезное. А вотъ нашимъ деревенскимъ дикарямъ не мѣшало бы вашего свѣта: надоѣли они мнѣ со своими постами, моленіями да праздниками.

И если помѣщикъ не оставилъ у себя проповѣдника для просвѣщенія работавшихъ на него „дикарей“ и кое-какъ развязался съ нимъ, то только потому, что замѣтилъ въ его рѣчахъ социалистическій душокъ, намеки на землю, на передѣлы.

— Это намъ не по двору, того и гляди рабочихъ распропагандируетъ—и забастовку сочинить.

Принципіальными взглядами Мельшина опредѣлялись и его отношенія къ приходскому священнику о. Владиміру Успенскому: истый отрицатель вѣры, онъ не могъ любить ея служителя. Вступивъ на приходъ, о. Владиміръ счелъ нужнымъ слѣлать помѣщику визитъ. Какъ ни воспитанъ и сдержанъ былъ Мельшинъ, онъ счелъ нужнымъ, уже при первой встрѣчѣ, раскрыть свои убѣжденія передъ священникомъ: наемкнулъ на Ренана, похвалилъ Толстого, посоветовалъ о. Владиміру прочесть Ницше; раза два тонко, едва уловимо, подшутилъ надъ духовенствомъ.

На рождественскіе праздники о. Владиміръ зашелъ сослуженіемъ Христа и къ помѣщику. Мельшины выслали черезъ прислугу три рубля, а батюшку видѣть не могли, или не пожелали. О. Владиміръ понялъ, что помѣщику, какъ священнику, онъ не интересенъ и не нуженъ.

Жили они съ той поры отчужденно, не сходясь и не ссорясь, довольствуясь однимъ шапочнымъ знакомствомъ. Мужики поведеніе батюшки одобрили.

— Не панскій прихвостень, а нашъ мужицкій батюшка, говорили о немъ крестьяне.

Бесѣды Мельшина о вѣрѣ съ крестьянами доходили до священника, онъ сдѣлалъ попытку при встрѣчѣ переговорить съ помѣщикомъ на что тотъ выразительно съ вѣсомъ, отвѣтилъ:

— Каждый живетъ, батюшка, и поступаетъ какъ онъ думаетъ и вѣритъ. Не могу я врать передъ мужиками и спокойно выслушивать ихъ басни и всякія суевѣрія.

— Смотрите, Викентій Васильевичъ, чтобы съ суевѣріями вы не нанесли вреда и вѣрѣ народа, — тому религиозному чувству, какое крѣпко живетъ въ его душѣ.

— Что вы называете вѣрой народа? что во время грома пророкъ Ілія на колесницѣ катается по небу, и что нужно праздновать св. Пророка, иначе конны молнія попадутъ?..

— Нѣтъ, наша вѣра не въ этомъ, а въ стремленіи чело-вѣка къ Богу, Высочайшему Существо, въ послушаніи Церкви Православной, въ желаніи жить по ея закону и заповѣдямъ.

— Въ этомъ смыслѣ, батюшка, я и самъ, пожалуй, вѣрующій... до нѣкоторой степени, не по вашему, но не меньше вашего... Вообще же разговоръ нашъ я считаю лишнимъ. Вы думаете и дѣлаете одно, я другое.. Зачѣмъ намъ заниматься сыскомъ другъ надъ другомъ?

— Это не сыскъ. Крестьяне сами передаютъ мнѣ ваши бесѣды съ ними о вѣрѣ, и мнѣ, какъ священнику, тяжело ихъ выслушивать.

— А вы не всякому слуху вѣрите; мало ли что наплетутъ наши мужики, — ихъ только послушай.

Столкнула жизнь о. Владимира съ помѣщикомъ и на матеріальной почвѣ. Одну мечту лелѣялъ Мельшинъ въ душѣ, она придавала ему силы, заставляла работать выше мѣры. Воскресить былую славу своего рода, возстановить гра-

ницы владѣній богатыхъ предковъ, легкомысленно пропущенныхъ дѣдомъ и отцомъ, хотя бы это стоило труда всей жизни,—этого хотѣлъ, къ этому стремился Мельшинъ. Мечта осуществлялась медленно, и на дорогѣ ея, къ несчастію о. Владиміра, оказался, между прочимъ, причтовый лужокъ. Занималъ тотъ лужокъ десятинъ около двадцати и былъ главной арендной статьей, цѣлымъ богатствомъ для причта, но нелѣпо и некстати врѣзался онъ четвереугольникомъ въ самую середину помѣщичьяго луга и стѣснялъ и раздражалъ Мельшина.

Разсказывали старики, что лужокъ тотъ былъ подаренъ причту прадѣдомъ Мельшина, еще при царицѣ Екатеринѣ, по такому случаю. Забрались въ тѣ времена поповы лошаденки съ жеребятами въ барскіе луга и сдѣлали траву. Всѣмъ пресытившійся магнать, скучавшій въ ссылкѣ отъ бездѣлья, приказалъ: лошадей не выпускать, а кто за ними придетъ, того бить плетями. Попробовалъ плетей священникъ, перепало кое-что и матушкѣ, но выручить лошадокъ съ луга имъ не удалось. Вмѣстѣ съ гостями и челядью скучающей Мельшинъ устроилъ затѣмъ охоту изъ пистолей на поповыхъ лошадей и поэтому случаю тамъ же, на лугу, устроено было великое пиршество. Разстрѣлянныхъ животныхъ поставили на лугу, какъ трофей, укрѣпили подпорками такъ, что получилась полная иллюзія мирно пасущихся животныхъ. Вечеромъ, когда стемнѣло, и когда всѣ уже были достаточно пьяны, приказано было привести на лугъ и священника, челоуѣка уже не молодого и довольно грузнаго.

Время тогда было лихое, и магнаты командовали священниками не хуже, чѣмъ крестьянами.

— Ты что же это, попъ, не смотришь за своей скотиной, а?

Священникъ упалъ на колѣни, прося милости и пощады.

— Безъ лошадокъ мнѣ нельзя обойтись, а своего пастища нѣтъ. Вотъ и рвутся лошади на чужое. Всегда ли

досмотришь? Не молодъ я, и трудно мнѣ угнаться за ними, если вырвуться со двора.

— Ну ничего, я добрый—бери своихъ лошадей, и въ другой разъ смотри за ними лучше.

Эй, гайдукъ, дай батюшкѣ уздечку.

Весь сіяющій отъ радости, затрусилъ батюшка къ своему добру и только хотѣлъ надѣть узду на первую лошадь, какъ она упала предъ нимъ на колѣни, совсѣмъ какъ цирковая, хорошо дрессированная лошадь. Радостный смѣхъ пронесся среди челяди; улыбался и магнать, наблюдая, какъ растерянный подслѣиватый батюшка возился со своими лошадами и, наконецъ, разрыдался, понявъ, какую злую шутку надъ нимъ сыграли.

— Не зануздать тебѣ, пошъ, своихъ лошадей, видно травки они обѣлись.

Новый одобрительный смѣхъ пронесся среди холопствующей толпы.

— Не сердись, батька, помиримся,—смягчился самодуръ. Ты говоришь, что нѣтъ у тебя сѣнокоса и негдѣ лошадей покормить; такъ вотъ тебѣ мой сказъ: бѣги поскорѣе, и сколько за два часа обѣжать кругомъ успѣешь, столько я твоей церкви луга подарю. Только смотри: не останавливайся и ровно къ назначенному сроку на мѣстѣ будь. Ну, что же ты стоишь, или мнѣ не вѣришь,—сердито спросилъ онъ.

— Митька, позвалъ онъ старого слугу, ровесника батюшкѣ. Бери мои часы и бѣги съ батюшкой для веселости. да смотри—не зѣвай... чтобы все было въ порядкѣ.

Былъ ли лакей налаженъ баринкомъ, пожалѣлъ ли онъ поруганнаго и униженнаго священника, но только, пробѣжавъ полчаса по прямой линіи, подсказалъ, что пора повернуть, а на поворотѣ мѣтку положилъ. Такъ сдѣлали они четвереугольникъ и ровно черезъ два часа, едва держась на ногахъ, оба они были передъ помѣщикомъ. Лакей получилъ за это полную волю. Слово барское было крѣпкое, и поповъ

лужокъ, какъ его стали называть съ той поры, перешелъ въ пользованіе причта.

Въ старину бумаги боялись и избѣгали.

Кормилось отъ лужка нѣсколько поколѣній церковныхъ людей, но документовъ на это кормленіе не имѣли. На этотъ лужокъ сталъ зариться обнищавшій правнукъ самодура.

Пробовалъ Мельшинъ купить или обмѣнять лужокъ—о. Владиміръ рѣшительно отказалъ; тогда помѣщикъ повелъ дѣло черезъ судъ, представилъ документы, взялъ опытнаго адвоката. Выставилъ о. Владиміръ свидѣтелей, доказывавшихъ давность владѣнія церкви. Но испуганные торжественной обстановкой, на половину не понимая, о чемъ ихъ спрашивали, сбитые съ толку адвокатомъ, свидѣтели несли такую чепуху, которая ничего не доказала и никого ни въ чемъ не убѣдила, и лужокъ возвратился къ своимъ исконнымъ владѣльцамъ. Долго грустилъ о потерѣ лужка о. Владиміръ, пока примирился на томъ, что на все воля Божія, и что съ сильнымъ не борись. И какъ часто это случается съ обидчиками, Викентій Васильевичъ еще больше сталъ нерасположенъ къ батюшкѣ и смѣлѣе въ своихъ выходкахъ противъ вѣры православной.

Свящ. В. Пестряковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Мои воспоминанія.

(Продолженіе¹⁾).

Послѣ рѣчи президента (Шморцева), секретарь общества (Брейловскій), по порученію совѣта, изображаетъ дѣянія и произведенія самаго президента, которыя въ свое время вызвали восторженныя похвалы, и приглашаетъ всѣхъ принести ему усерднѣйшее выраженіе благодарности. Затруд-

¹⁾ См. № 38-й за 1910-й г.

няясь и не надѣясь на собственное умѣнье достойнымъ образомъ восхвалить необычайныя дѣянiя президента, секретарь рѣшилъ ограничиться выпискою изъ журналовъ засѣданiй общества, которые всѣ наполнены произведенiями президента и выраженiями ему общей благодарности за нихъ. Перечень произведенiй Поморцева, представленный секретаремъ, свидѣтельствуетъ, какъ много и неустанно трудился онъ для общества, или собственно для потѣхи своихъ товарищей, приготавливая къ каждому засѣданiю что-нибудь новенькое и интересное. Такъ, 22 января 1855 года Поморцевъ читалъ повѣсть „Капитанъ Каверинъ и бабушка“. Эта повѣсть, какъ записано въ журналѣ, привела всѣхъ въ неописанный восторгъ, и авторъ ея, по просьбѣ товарищей, долженъ былъ другой разъ прочитать ее, что и исполнилъ 29 января, при увеличенномъ составѣ слушателей. Въ тотъ же день онъ читалъ новое произведенiе,—первую главу повѣсти „о Рыжемъ Панѣ“. Дальнѣйшiя главы этой повѣсти онъ читалъ въ послѣдующихъ засѣданiяхъ, 1-го февраля вторую главу, 5-го третiю, 5-го марта четвертую и пятую. 5-го февраля, кромѣ главы изъ повѣсти: „о Рыжемъ Панѣ“, прочитано было небольшое юмористическое сочиненiе подъ заглавiемъ: „Помни день субботнiй, а 5-го марта небольшой рассказъ „Видѣнiе“, гдѣ представлено загадочное происшествiе, вызывающее размышленiе. 12-го марта Поморцевъ началъ читать новое свое, довольно обширное, произведенiе,—юмористическую поэму, озаглавленную „Весна и Любовь“, гдѣ онъ забавнымъ образомъ рассказываетъ о похожденияхъ своей юности,—19 марта предложилъ вторую пѣснь поэмы, 8-го апрѣля—третiю и четвертую, 16-го апрѣля—пятую, 23-го апрѣля—шестую, 30-го апрѣля—седьмую 14-го мая—восьмую, 21-го—девятую. Въ тѣ же засѣданiя читаны были послѣднiя главы повѣсти „о Рыжемъ Панѣ“, 12-го марта—шестая, 19-го марта—седьмая и послѣдняя. Кромѣ указанныхъ произведенiй имъ изготовлено было и предложено собранiю сочиненiе „о сословiяхъ“, гдѣ изображены типы лицъ разныхъ сословiй обоого пола. Это со-

чиненіе читано было въ засѣданіяхъ 23-го апрѣля, 7-го, 14-го, 21-го и 28 мая и 11 іюня. Послѣднее произведеніе Поморцева „Путешествіе Музы на Олимпъ“ въ пяти картинахъ. Первая картина представлена 28-го мая,—вторая 4-го іюня, третья—11-го іюня, четвертая—18-го іюня, пятая—25-го іюня.

„Таковы дѣянія президента (заключаетъ свой докладъ секретарь). Эта сухая канцелярская выписка краснорѣчивѣе всего показываетъ цѣну заслугъ президента для общества, во все время служенія его обществу. Своими умными увлекательными чтеніями онъ въ высшей степени содѣйствовалъ процвѣтанію общества, и доставлялъ всѣмъ намъ невыразимое удовольствіе, котораго, я думаю, мы никогда не забудемъ“.

Послѣ этого всѣ встали и дружнымъ хоромъ благодарили президента Поморцева, и въ знакъ своей благодарности поднесли ему дипломъ на званіе „предостойнаго и незабвеннаго“; и самодѣльную медаль. Дипломъ и медаль просили его хранить, на память о своихъ товарищахъ и о нашей дружной совмѣстной жизни.

Въ программѣ, устанавливающей порядокъ, засѣданія между прочимъ значатся еще слѣдующія пункты.

1) Во время чтеній соблюдается всевозможная тишина: никто не долженъ разговаривать.

2) Отъ прибытія въ залу засѣданія и до конца чтеній всѣ должны сидѣть смирно и какъ бы притрепетно.

3) Если въ чтеніяхъ услышится что-либо смѣшное, позволяется членамъ смѣяться, но не безчинно, не громко, чтобы непристойнымъ смѣхомъ не оскорбить священной важности совѣта.

4) По окончаніи чтеній подписывается всѣми членами совѣта журналъ торжественнаго засѣданія.

5) Подписку производитъ членамъ, не вставая съ своихъ мѣсть: это нужно для тишины и порядка.

6) Послѣ всего этого, члены общества идутъ переодѣваться, а потомъ отправляются въ столовую залу. то есть, въ 12 № нижняго этажа, въ которомъ устроена для всѣхъ торжественная закуска.

7) На закуску можно быть не въ парадной одеждѣ, но и въ простомъ сюртукѣ, но отнюдь не въ шлафрокѣ или бурнусѣ.

8) Въ продолженіе закуски секретарь и члены комиссіи наблюдаютъ, что бы всѣ, присутствующіе въ засѣданіи, всѣмъ были довольны.

9) Когда члены насытятся, поется прощальный гимнъ, составленный вице-президентомъ Сперанскимъ.

Закуска, устроенная въ прощальный студенческій вечеръ, была не простая, сухая студенческая закуска, какая предлагалась въ день именинъ того или другого студента. Члены комиссіи, которымъ поручено было похлопотать о приготовленіи этой закуски, устроили настоящій парадный ужинъ, какой бываетъ въ хорошихъ домахъ или въ общественныхъ собраніяхъ. За ужиномъ всѣ тихо сидѣли, и велась веселая, оживленная бесѣда, въ которой вспоминались прожитые годы и высказывались надежды на будущее. Читій было довольно; но излишества никто себѣ не позволилъ, чтобы не оскорбить священной важности прощальнаго дня, которая всѣми была сознаваема.

По окончаніи ужина, всѣ стали въ рядъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ сидѣли во время чтеній, и началось товарищеское прощаніе. Всѣ другъ другу давали дружеское лобзаніе, и многіе при этомъ не могли сдержатъ слезъ своихъ. Но это были не горькія слезы, а сладкія слезы умиленія отъ избытка любви, связывавшей насъ въ одинъ крѣпкій союзъ.

До сихъ поръ, изображая бытъ студентовъ, я мало говорилъ о себѣ и своихъ личныхъ обстоятельствахъ. Я ука-

зываетъ общія условія студенческой жизни, которымъ я подчинялся, какъ одинъ изъ многочисленной семьи товарищей, жившихъ подъ одною кровлею, переживая то, что другіе переживали. Но въ періодъ моего студенчества были особыя обстоятельства, лично меня касающіяся и мною однимъ пережитыя, и объ нихъ я хочу повести рѣчь теперь.

На второй годъ моего студенчества, осенью 1852 года, меня постигла тяжкая, едва не смертельная, болѣзнь. Я перенесъ тифъ въ самой острой формѣ, отъ котораго едва не скончался. Лежалъ въ академической больницѣ, и мое состояніе во время болѣзни внушало многимъ опасенія за мою жизнь. Въ одну ночь показалось подлѣкарю Ивану Филипповичу Филиппову, завѣдывавшему академическою больницею не одно десятилѣтіе, и очень популярному у студентовъ, что наступаетъ мой конецъ. Въ двѣнадцатомъ часу ночи онъ идетъ къ ректору Антонію, и докладываетъ ему, что кончается Пѣвницкій,—сообщаетъ объ этомъ инспектору Даніилу и моему брату. Я былъ въ бреду и лежалъ безъ сознанія. На мгновеніе возвратилось ко мнѣ сознаніе. Я открылъ глаза и вижу: предъ моею кроватью стоятъ ректоръ Антоній, инспекторъ архимандритъ Даніиль, братъ мой и подлѣкаръ Филипповъ. Инспекторъ Даніиль спросилъ меня: узнаете ли вы насъ? Я сказалъ: узнаю, и тотчасъ опять впалъ въ безсознательное состояніе. Не знаю, долго ли они стояли надо мною, считая меня умирающимъ. Послѣ слышалъ я, что ректоръ, видя мое отчаянное положеніе, тотчасъ же послалъ за монастырскимъ духовникомъ, но духовника въ монастырѣ не оказалось. Духовникъ явился ко мнѣ въ шестомъ часу утра на другой день, а іеромонахъ, служившій раннюю обѣдню, по окончаніи литургіи явился въ больницу со святыми дарами, и я въ полномъ сознаніи приобщенъ былъ святыхъ таинъ. Послѣ причащенія болѣзненный кризисъ совершился въ благоприятную сторону,—тотчасъ же я почувствовалъ облегченіе, и силы мои, совершенно было ослабѣвшія и потухшія, начали оживать и прибывать. Я досихъ поръ свое исцѣленіе отъ

тяжкой болѣзни и укрѣпленіе своихъ силъ, приписываю дѣйствию благодати Божіей, сообщенной мнѣ во святомъ таинствѣ.

На другой день, послѣ опаснаго кризиса и послѣ принятія мною святыхъ таинствъ, заходилъ опять въ больницу ректоръ Антоній. Я былъ въ полномъ сознаніи и покушался встать; но онъ замахалъ рукою и сказалъ, чтобы я не вставалъ, а подлѣварю Филиппову приказалъ пригласить къ нему доктора, когда онъ пріѣдетъ въ больницу. Докторъ говорилъ онъ: (какъ передавалъ мнѣ Филипповъ) „сохраните намъ этого студента; онъ намъ нуженъ“. Заходилъ въ больницу посѣтить умирающаго студента и Іоанникій, впоследствии митрополитъ московскій и кievскій, въ то время молодой бакалавръ, читавшій обличительное богословіе. Я, тогда студентъ младшаго курса, не былъ его ученикомъ или слушателемъ: обличительное богословіе читалось студентамъ старшаго курса. Но извѣстіе о моей тяжелой болѣзни обезпокоило многихъ изъ учащаго персонала. Іоанникій, встрѣтивши моего брата, сказалъ ему: должно быть, умереть вашъ братъ, и затѣмъ явился въ больницу ко мнѣ, студенту, ему совершенно чуждому, не имѣвшему съ нимъ никакихъ сношеній. Онъ видѣлъ меня, когда я уже началъ поправляться и пожелалъ мнѣ скорѣйшаго выздоровленія. Я не могъ не оцѣнить вниманія ко мнѣ наставника, человѣка для меня совершенно сторонняго. Я тогда ничѣмъ не могъ заслужить его благорасположенія.

Поправленіе мое шло не быстро. Мнѣ прописали и покупали укрѣпляющее вино, котораго я выпилъ двѣ бутылки, выпивая по рюмкѣ каждый день. Не много укрѣпившись, я вышелъ изъ больницы и началъ ходить на лекціи. Но долго не легко мнѣ было подниматься на третій этажъ, гдѣ былъ тотъ номеръ, въ которомъ я жилъ.

Весною, 1853 года, предъ экзаменомъ, при переходѣ на старшій курсъ, меня посѣтила другая болѣзнь,—злокачественная лихорадка, да такая сильная и упорная, что не хотѣла

уступать самымъ большимъ приѣмамъ хинина. Пароксизмы были продолжительные, иногда съ обмороками. Помню, первый пароксизмъ былъ 7 мая, когда служилась литургія въ конгрегаціонной академической церкви, по случаю празднованія памяти святаго апостола и евангелиста Іоанна Божьего. Изъ церкви, не выстоявъ всей обѣдни, я прямо отправился въ больницу, и пробылъ въ ней нѣсколько дней. Послѣ сильныхъ приѣмовъ хинина болѣзнь меня оставляла по нѣскольку дней, а потомъ опять возвращалась, и это возвращеніе лихорадки повторялось нѣсколько разъ. Все лѣто я промучился съ нею. Мнѣ совѣтовали, въ качествѣ лѣкарственнаго средства, принимать мышьякъ. Но я отказался отъ этого лѣкарства, хорошо помня, что отъ него впала въ неизлѣчимую болѣзнь и скончалась мать моя. Прошло лѣто; начали съѣзжаться студенты, ѣздившіе къ роднымъ на вакацію. А меня не оставляетъ лихорадка; чрезъ каждые два дня регулярно повторяются лихорадочные пароксизмы. Я прямо приходилъ въ отчаяніе. Не видя никакого пособія отъ совѣтовъ и лѣкарствъ докторскихъ, я рѣшился прибѣгнуть къ героическому средству, рекомендованному простыми знахарями. Я купилъ арбузъ, и когда почувствовалъ приближеніе пароксизма, съѣлъ половину арбуза. Водки я не пилъ; но товарищи посоветовали мнѣ выпить порядочную дозу водки, какъ лѣкарство, и я выпилъ. И что же? Лихорадка прекратилась и пароксизмы болѣе не повторялись. Въ старшій курсъ я поступилъ совершенно здоровый, перенесши въ младшемъ курсѣ двѣ тяжкихъ болѣзни.

Проф. *Василій Пьвницкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Свято-Никольское общество трезвости въ селѣ Орѣховѣ. Владимірской епархіи.

За послѣднее время, какъ извѣстно, къ энергичной борьбѣ съ величайшимъ зломъ Россіи—алкоголизмомъ Св. Синодъ призываетъ все духовенство—городское и сельское. Поэтому, опыты того, что дѣлалось и дѣлается въ отношеніи борьбы съ пьянствомъ нашимъ духовенствомъ, получаютъ особенный интересъ. Въ настоящій разъ мы намѣрены познакомить читателей „Руководства для сельскихъ пастырей“ съ десятилѣтней исторіей Свято-Никольскаго общества трезвости въ большомъ фабричномъ центрѣ—селѣ Орѣховѣ.

Общество это было открыто въ августѣ 1900 года; учредителемъ его явился мѣстный о. протоіерей В. М. Рождественскій, совмѣстно съ двумя директорами фабрики Саввы Морозова—С. А. Назаровымъ (нынѣ покойнымъ) и доселѣ здравствующимъ С. П. Хрѣнниковымъ. Учредители общества на свои труды получили благословеніе нынѣ почившаго Владимірскаго архіепископа Сергія. Въ первый день открытія общества и записи въ него объѣтъ воздержанія дали 53 человекъ,—„не пить ни капли вина, пива и ничего хмельнаго“. Со дня на день запись увеличивалась, и къ концу перваго года трезвенниковъ было уже 2795, во второмъ записалось вновь 4533, въ третьемъ 6305, въ четвертомъ 6445, въ пятомъ 5754, въ шестомъ 6644, въ седьмомъ 7515, въ восьмомъ 7273, въ девятомъ 6806 и въ десятомъ 7003, а всего за 10 лѣтъ 61073 человекъ безъ различія пола, возраста, профессіи и даже мѣста жительства.

Ежедневно въ 2 ч. дня для желающихъ записаться въ члены общества о. предсѣдателемъ, прот. В. М. Рождественскимъ, служится молебенъ съ акаѳистомъ небесному покровителю общества—святителю и чудотворцу Николаю. Послѣ молебна ко всѣмъ вступающимъ въ число трезвенникамъ о. предсѣдатель обращается со словомъ назиданія и увѣщанія; затѣмъ записывающіеся даютъ торжественное обѣщаніе отка-

заться отъ употребленія спиртныхъ напитковъ въ теченіе извѣстнаго времени. Записываются на разные сроки: болѣе слабые на мѣсяць, другіе на три, третьи на полгода, записываются на годъ и на два, нѣкоторые на пять, болѣе сильные духомъ—на всю жизнь. Не выдержавшіе клятвеннаго обѣщанія приносятъ въ нарушеніи обѣта раскаяніе и послѣ пастырскаго вразумленія снова принимаются въ члены общества. Разъ выдержанный срокъ укрѣпляетъ волю,—трезвенники повторяютъ искусь и записываются на новый срокъ; рѣдкіе не возобновляютъ записи по истеченіи срока.

Во всѣ воскресные и праздничные дни для трезвенниковъ бываютъ чтенія. Чтеніями завѣдуетъ о. прот. В. М. Рождественскій, діаконъ В. А. Горскій и И. А. Платовъ. Общество имѣетъ собственныя свѣтоты картины, всего 129 чтеній на сумму 1367 рублей; имѣется даже свой синематографъ съ шестью лентами. Чтенія распадаются на четыре отдѣла: первый отдѣлъ духовный съ подотдѣлами: Вѣтхій Завѣтъ, Новый Завѣтъ и разныя темы религіознаго характера; второй отдѣлъ—русская исторія, третій—о пьянствѣ, и четвертый—разные рассказы. Чтенію обычно предшествуетъ бесѣда, предлагаемая о. предсѣдателемъ,—а въ перерывѣ между бесѣдой и чтеніемъ бываетъ общее народное пѣніе.

Одной изъ главныхъ заботъ учредителей общества трезвости было ввести общее хоровое пѣніе при богослуженіи, какъ средство дальнѣйшаго воспитанія трезвенниковъ въ духѣ Божіемъ и укрѣпленія въ нихъ религіозныхъ чувствъ. Теперь трезвенники уже научились хорошо пѣть всенощную, литургію, вечерню и молебны. Этимъ дѣломъ руководитъ псаломщикъ церкви с. Орѣхова Н. Г. Смирновъ. Хоръ рабочихъ пѣвчихъ трезвенниковъ имѣетъ свою кассу взаимопомощи нуждающимся членамъ. Помощь оказывается при смерти члена его семьѣ, при вступленіи въ бракъ жениху и невѣстѣ, при лишеніи заработка, при поступленіи на военную службу. Умершіе члены кассы записываются въ синодикъ для поминовенія въ теченіе 40 дней. При выносѣ и отпѣваніи почив-

шаго члена общества присутствуетъ обычно весь хоръ, а вы-
 ность совершаетъ всегда самъ о. предсѣдатель. Участниковъ
 кассы, открытой три года тому назадъ, пока всего 83 чело-
 вѣка, изъ нихъ 45 мужчинъ и 38 женщинъ. Во главѣ кас-
 сы стоитъ правленіе, въ составъ котораго входитъ предсѣда-
 тель-руководитель пѣвчихъ Н. Г. Смирновъ, псаломщикъ цер-
 кви села Орѣхова,—помощникъ предсѣдателя В. А. Горскій,
 діаконъ той церкви; староста и четыре учетчика. Орѣхов-
 ское общество трезвости имѣетъ свою библіотеку, въ кото-
 рой насчитываетъ 3691 книгу на сумму 4092 рубля 70 коп.;
 библіотека распадается на семь отдѣловъ: 1) св. исторія и
 жизнеописанія святыхъ, 2) исторія и обличеніе раскола, 3)
 церковная исторія, 4) богослуженіе и пѣснопѣнія, 5) священ-
 ное писаніе, творенія святыхъ отцовъ, сочиненія катехизи-
 ческія и богословскія, слова, бесѣды и поученія, 6) періоди-
 ческія изданія и журналы духовно-нравственнаго содержанія,
 7) о пьянствѣ и разные рассказы. Изъ періодическихъ жур-
 наловъ выписываются Церковныя Вѣдомости, Отдыхъ хри-
 стианина, Трезвая жизнь, Воскресный Благовѣстъ, Кормчій,
 Русскій Паломникъ, Богословскій Вѣстникъ, Странникъ, Бо-
 жія Нива, Воскресный день и др. Библіотекой завѣдуютъ двое
 изъ трезвенниковъ: И. А. Платовъ и В. В. Балашевъ; биб-
 ліотека бываетъ открыта съ 2 до 5 часовъ дня въ праздни-
 чные и воскресные дни всего года. Кромѣ того, при обществѣ
 трезвости села Орѣхова имѣется книжный складъ. Торгуютъ
 преимущественно изданіями синодальной типографіи, Алексан-
 дро-Невскаго общества трезвости, Коноваловой, Сытина и
 другими, но исключительно религіозно-нравственными изда-
 ніями.

За десять лѣтъ своего существованія Орѣховское Свя-
 то-Никольское общество трезвости стало крупной и видной
 единицей: оно обслуживаетъ громаднѣйшій, мѣстнѣйшій, фабрич-
 нѣйшій районъ съ прилегающими фабриками Московской губер-
 ніи. При записи въ члены разстояніемъ не стѣсняются: есть

члены, имѣющіе свои адреса въ Тулѣ, Рязани, Медыни и въ Москвѣ ¹⁾).

Въ истекшемъ августѣ Орѣховское общество трезвости скромно отпраздновало свое десятилѣтіе или „десять лѣтъ борьбы за сохраненіе въ человѣкѣ образа и подобія Божія“...

Ко дню десятилѣтія прибывала изъ С.-Петербурга особая делегация отъ Александро-Невскаго общества трезвости въ составѣ извѣстнаго дѣятеля по трезвости прот. П. А. Миртова и К. Т. Прозорова. О. председателю Орѣховскаго общества трезвости было поднесена св. икона и адресъ отъ рабочихъ трезвенниковъ, гдѣ между прочимъ сказано: „Вы, добрый пастырь, преобразили нашу жизнь. Вы воспламенили въ насъ ту искру Христой жизни, которая едва мерцала въ кучѣ мусора фабричной жизни и все больше потухала отъ непробуднаго пьянства.“

У.

¹⁾ Всѣ статистическія и фактическія данныя взяты изъ статьи г. Сев.—го: „Праздникъ воздержанія“ (Вл. Еп. Вѣд. № 34).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 21-го сентября 1910 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 40.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года 3 октября.

Содержаніе: I. Въ какомъ отношеніи стоитъ Евангеліе къ культурѣ? Прот. Д. Говоровъ.—II. Посчитались. (Окончаніе). Свящ. В. Пестряковъ.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкій.—IV. Совѣщаніе пастырей.—V. Замятка. Въ чемъ заключается секретъ хорошаго чтенія.

Въ какомъ отношеніи стоитъ Евангеліе къ культурѣ.

Евангеліе возвѣстило радость всѣмъ людямъ. О Христѣ Иисусѣ возрадовался весь родъ человѣческій. Предметомъ радости сдѣлалась и жизнь человѣческая; въ земной жизни вѣрующей въ Евангеліе нашель и побужденіе къ прославленію Бога.

Съ явленіемъ Христа засіяла новая заря, она освѣтила всю земную жизнь человѣка. Люди, озаренные свѣтомъ евангельскаго ученія, познали, въ чемъ смыслъ жизни, въ чемъ ея благо, и какимъ путемъ достигается это благо. Евангеліе для всѣхъ людей сдѣлалось тѣмъ, что солнце для всей вселенной. Свѣтъ солнца распространяется по всему земному пространству, проникаетъ и въ роскошные дворцы знатныхъ

и въ бѣдныя мастерскія скромныхъ ремесленниковъ; оно освѣщаетъ не только тѣхъ, которые обращены къ нему, но посылаетъ косвенные и отраженные свои лучи всюду, до крайнихъ предѣловъ земли. Оно даетъ и теплоту, и не только тѣмъ, которые видятъ его, но и тѣмъ, которые не видятъ сего источника этой теплоты. То же самое должно сказать и о Евангеліи; оно даетъ свѣтъ и теплоту всѣмъ живущимъ на землѣ.

Съ явленіемъ Христа начался новый строй жизни человѣка, началась новая эра въ культурномъ развитіи его.

Древняя культура — дохристіанская достигла высокой степени развитія. *Древній Вавилонъ изобиловалъ сокровищами, на высотѣ укрѣпилъ твердыню свою.* Твердыни Вавилона поражали воображеніе человѣка своимъ величіемъ и неприступностью. *Но Вавилонъ былъ золотою чашею, опьяняющею всю землю, и толстыя стѣны его до основанія были разрушены, высокія ворота его сожжены огнемъ. И такъ, говоритъ Слово Божіе, напрасно трудились народы, и племена мучили себя для огня.* (Іер. 51 гл.).

Древняя культура доставляла радости, но только временныя, мелочныя, которыя превращались въ печаль; она не давала полной радости, потому что на ней не было благословенія Божія; она зарождалась и возникала по горделивымъ расчетамъ, для угожденія плоти. Древняя культура рухнула.

На руинахъ ея создается культура новая—христіанская, на новой закваскѣ. Вѣками накопляются богатства духовныя и богатства матеріальныя, накопляются сокровища мысли и генія, распространяется духовное просвѣщеніе, не по горделивымъ расчетамъ и не для угожденія плоти, а безкорыстно и во славу Божію. Творецъ и двигатели христіанской культуры говорятъ: „не намъ, не намъ, а имени Твоему, Господи“!

Основаніемъ всѣхъ предпріятій въ новой эрѣ является водруженіе креста, а завершеніемъ—благодареніе и прославленіе Господа благодарющаго. Плоды всякихъ культурныхъ

предпріятій, во имя Господне, доставляютъ радость человѣку, не обыденную, мелочную, а совершенную (Іоани. 15, 2), и они дѣлаются достояніемъ не одного какого-либо честолюбца или горделиваго властолюбца, а всѣхъ людей безъ различія званія и положенія, потому что дѣланіе совершается во славу Божію и на пользу ближнихъ. Все, что есть лучшаго, что есть прекраснаго въ новомъ мірѣ—это плоды евангельскаго ученія.

Напрасно силится кичливый умъ человѣка порвать всякую связь Евангелія съ этимъ міромъ. Тотъ взглядъ, по которому всѣ явленія, весь строй культурной жизни христіанской выводятся изъ эгоистическихъ, грубо-утилитарныхъ принциповъ, утратимъ нынѣ свое обаяніе. На мѣсто утилитарно-позитивнаго міровоззрѣнія выступаетъ интересъ къ евангельскимъ истинамъ. Всѣ отрицательныя теоріи утрачиваютъ свой интересъ, утратятъ его и тѣ, которыя будутъ возникать въ послѣдующее время. Пустое мѣсто религіознаго нигилизма и индиферентизма занимаетъ нынѣ интересъ евангельскій. Свѣтская литература, какъ показательница современнаго настроенія людей, съ большимъ интересомъ относится къ проблемамъ религіознаго характера. Евангельскія основы, сколько бы ихъ ни отвергали, чѣмъ бы ихъ ни замѣняли, будутъ стоять твердо, какъ стоятъ онѣ уже около двухъ тысячъ лѣтъ. Лучи евангельскаго ученія проникаютъ во всѣ уголки человѣческой жизни и постепенно распространяются за предѣлы христіанскаго міра.

Намъ приходится нынѣ считаться только съ тѣми воззрѣніями, по которымъ, хотя и не порывается окончательно связь Евангелія съ жизнью, „но превратно понимается имъ Евангеліе или смыслъ земной жизни человѣка. Поэтому, для ясности изложенія нашихъ взглядовъ, необходимо кратко коснуться критически тѣхъ теорій, которыя устанавливають неправильныя отношенія Евангелія къ жизни вообще и къ культурѣ въ особенности, послѣ чего посильно изложимъ и свой взглядъ.

I.

Нынѣ большое распространеніе получаетъ возрѣніе такъ называемыхъ нео-христіанъ (Д. С. Мережковскій, В. В. Розановъ и др.).

По ихъ взгляду, евангельское ученіе не содержитъ всей полноты истины, потому что оно проповѣдуетъ идеалы не земной, а загробной жизни, проповѣдуетъ аскетизмъ, который ничего общаго не имѣетъ съ жизнью, и потому оно односторонне—въ своемъ отношеніи къ міру и плоти. Христіанство въ абсолютномъ своемъ значеніи, по ихъ взгляду, ушло въ пустыню, потому что оно не мирится съ земною жизнью. Антоній В. и Макарій Египетскій представляютъ изъ себя нѣчто совершенно иное, чѣмъ христіане, живущее въ мірѣ и наслаждающіеся радостями жизни. Христіанство враждебно міру, тогда какъ оно должно освятить начало естественной жизни. Нео-христіане желали бы втиснуть абсолютную религію жизни-христіанства въ рамки обыденной, будничной жизни, болѣе того,—въ рамки половой жизни. Въ дѣйствительности же они видятъ непроходимую пропасть между христіанствомъ и нынѣшнимъ культурнымъ состояніемъ. Слѣдовательно, по ихъ взгляду, и вопросъ объ отношеніи Евангелія къ культурѣ остается открытымъ. Своему взгляду нео-христіане стараются находить подтвержденіе и въ Евангеліи, которое, яко бы, проповѣдуетъ только вражду къ міру и свидѣтельствуетъ о враждѣ міра къ послѣдователямъ Евангелія. (Іоанн. 15, 19; 17, 15, 16; Іак. 4, 4; 1 Іоанн. 2, 15—17 и др.).

Можетъ ли мириться съ такимъ взглядомъ христіанское міровозрѣніе?—Это взглядъ нехристіанскій.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить въ этомъ взглядѣ то, что эсхатологическій идеаль царства Божія здѣсь совершенно отпадаетъ, тогда какъ безъ этого идеала немыслимо христіанское ученіе о царствѣ Божіемъ на землѣ. Царство Божіе на землѣ потому и существуетъ, что оно служитъ под-

готовленіемъ къ созиданію царства Божія на небѣ. Не вѣрно и то, что, какъ дальше увидимъ, Евангеліе проповѣдуетъ только одни загробные идеалы: оно проповѣдуетъ и правду на землѣ, чтобы все небесное и земное соединилось подъ главою І. Христа (Евр. 1, 10).

Далѣе, вѣрно въ этомъ взглядѣ то, что существуетъ брань между христіанствомъ и міромъ, какъ между духомъ и плотію. Но, по христіанскому пониманію, это не то значить, что христіанство отрицательно относится къ міру. Оно отрицаетъ матеріальный міръ, какъ самоцѣль. Зло не въ матеріи, а въ предпочтеніи ея духу. Новое направленіе проповѣдуетъ „культъ плоти“, и онъ получаетъ въ немъ философскую подкладку и нѣкотораго рода религіозную санкцію; требуется, чтобы и Церковь освятила плоть во всѣхъ ея проявленіяхъ и дала благословленіе всѣмъ ея актамъ и дѣйствіямъ, потому что все—*добро злы*. Практически установилось не христіанское отрицаніе міра, а языческое благоволеніе къ нему, въ силу чего проповѣдники этого ученія и многіе послѣдователи въ наше время, расходясь съ христіанскими принципами, придаютъ абсолютное значеніе временнымъ и матеріальнымъ цѣнностямъ, борятся за нихъ, признають примасть плоти надъ духомъ. По христіанскому сознанію должно быть наоборотъ. Подвижники-аскеты, напр. Антоній В. и Макарій Египетскій, сохранили полное равновѣсіе природы духовной и тѣлесной. Въ своихъ аскетическихъ подвигахъ они не доходили до тѣхъ крайностей и односторонности, что мы видимъ въ аскетизмѣ не христіанскомъ. Св. ап. Павелъ разсѣиваетъ неправильныя представленія нѣкоторыхъ христіанъ, которые избѣгали брака и не вкушали пищи, данной Богомъ (1 Тим. 4, 2, 3). Въ правилахъ апостольскихъ даже ограничивается неумѣренная ревность о дѣвствѣ и подвижничествѣ (Прав. 5 и 51)¹⁾. Свв. Антоній В. и Макарій Егип.—эти основатели аскетической жизни не порывали окончательно

¹⁾ Свяш. См. Лобачевскій: Св. Антоній Великій“ стр. 7.

связи съ міромъ и были полезны ему болѣе, чѣмъ общественные дѣятели; они вліяли своими наставленіями и писаніями на ученыхъ, философовъ, царей и на всѣхъ, кто нуждался въ нравственной помощи. Въ трудныя времена общественныхъ гоненій и смуть они являлись въ міръ и приносили большую пользу ближнимъ. Изъ исторіи христіанскаго аскетизма видно, что великіе подвижники благочестія были вмѣстѣ съ тѣмъ великими учителями словомъ и примѣромъ того, что трудъ на пользу ближнимъ благословенъ Богомъ и награждается въ нынѣшней и въ будущей жизни. Св. Іоаннъ Златоустъ указываетъ монахамъ своего времени на св. ап. Павла, какъ на достоподражаемый образецъ, трудами рукъ своихъ снискивавшего себѣ пропитаніе. Бл. Августинъ восхваляетъ прилежаніе древнихъ благочестивыхъ монаховъ, употреблявшихъ произведеніе рукъ своихъ на дѣла благотворенія. Кассіанъ Римлянинъ внушаетъ монахамъ соединять созерцательную жизнь съ дѣятельною, быть въ одно и то же время и евангельскою Марѳою и сестрою Марією. Великіе подвижники поощряютъ земледѣліе, садоводство, уходъ за больными, списываніе книгъ, обученіе дѣтей и пр. Эти подвижники не были чужды радостей отъ успѣховъ въ практическихъ занятіяхъ, и потому утвержденіе нео-христіанъ, что Евангеліе проповѣдуетъ вражду къ міру, къ плоти, какъ къ абсолютному злему началу— не справедливо. Такой взглядъ на міръ мы находимъ только въ буддизмѣ. По христіанскому ученію *плоть* (тѣло), не управляемая духомъ, есть источникъ искушеній, есть зло; но та же *плоть* (тѣло), управляемая духомъ, *есть храмъ Духа Святаго*, источника всякаго добра и жизни. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ *плоть*, какъ тѣло, и всѣ ея акты благословляются и освящаются христіанствомъ; въ этомъ только случаѣ она—*добро зло*.

Нынѣ получаетъ большое распространеніе другое міровоззрѣніе, въ основѣ котораго лежитъ пессимизмъ. „Самые счастливые изъ народовъ— народы некультурные, а въ культурномъ народѣ самые счастливые необразованные классы“

(Гартманъ). Выразителемъ у насъ пессимистическаго взгляда является Л. Н. Толстой. Во всѣхъ его позднѣйшихъ сочиненіяхъ проводится та мысль, что идеаль челоуѣка не впереди, а сзади (тоже Ницше), что развитіе челоуѣка есть только препятствіе къ достиженію идеала его. Подобно Руссо, онъ признаетъ, что природа челоуѣка совершенна, но что она извращается современною христіанскою культурою. „Что хорошаго и полезнаго произойдетъ отъ того, говоритъ гр. Толстой, когда всѣ люди будутъ знать всѣ науки, искусства, когда всѣ будутъ читать газеты, когда разовьются желѣзныя дороги, телеграфы, телефоны и т. д.“ Всѣ наличныя формы цивилизованной, культурной жизни, весь соціальныи строй—это, по его мнѣнію, формы животнаго существованія, ни на что негодныя, это цивилизованное рабство и развратъ, есть плодъ извращенія Евангелія. Цивилизація христіанская оправдываетъ войну и рабство. Въ виду всего этого Л. Н. Толстой желаетъ создать на землѣ другую культуру на основаніи истиннаго и исправленнаго имъ Евангелія. „Царство Божіе, говоритъ онъ, усиліями берется, и только дѣлающіе усилія восхищаютъ его. А это усиліе заключается въ отреченіи отъ всякихъ внѣшнихъ условій, отъ современной цивилизаціи образованія, религіи, искусствъ и пр.“¹⁾

Какъ первое изъ указанныхъ нами мировоззрѣній заключаетъ крайность въ сторону самоцѣнности внѣшней культуры, такъ и второе—въ сторону отрицанія всего, что создано на почвѣ христіанской. Если въ Евангеліи мы не находимъ оправданія всему, что дала намъ культура, то значить, все это грѣхъ, зло; тогда христіанство ничего общаго не имѣетъ съ земною жизнію, какъ не имѣетъ ничего общаго духъ съ плотію. Такимъ образомъ, предстоитъ одно изъ двухъ: или отвергнуть культуру во имя Евангелія, или наоборотъ—Евангеліе ради культуры.

¹⁾ „Царство Божіе внутри насъ“ стр. 336 338.

Во взглядъ Л. Н. Толстого можно признать вѣрнымъ то, что современная культура принимаетъ ложное направле- ніе. Но причина этого уклоненія не въ Евангеліи Иисуса Христа, а въ дурномъ направленіи нашей воли. И Слово Божіе и здравый смыслъ говорятъ, что ничего абсолютно дур- наго нѣтъ въ развитіи наукъ, искусствъ и пр. Существова- ніе войнъ, существованіе въ продолженіе долгаго времени рабства, по гр. Толстому, есть показатель ложности христіан- ской культуры. Взглядъ неправильный, односторонній. Если христіанскіе народы еще *не перековали свои мечи на орала, и копыя на серпы*, то многое уже сдѣлано, чтобы это совер- шилось. Нынѣ войны, подѣ влияніемъ евангельскаго ученія, составляютъ исключенія, тогда какъ въ до-христіанскомъ мі- рѣ онѣ были правиломъ жизни. Нынѣ войны не только у христіанъ, но и у не христіанъ сопровождаются проявлені- ями христіанскаго милосердія—кратковременность, великоду- шіе къ побѣжденнымъ и плѣннымъ, институтъ „краснаго кре- ста“ у язычниковъ и пр., чего въ до-христіанскомъ мірѣ не было. Война—зло въ жизни народовъ, и христіанство не оправдываетъ существованіе ея, а только констатируетъ, какъ неизбежное зло въ грѣшномъ мірѣ. Идеаль христіанства— окончательное прекращеніе войнъ. Къ осуществленію этого идеала христіанство и ведетъ человѣчество. Нынѣ кровопро- литная война постепенно замѣняется мирною войною, куль- турною. Культура лучшій способъ распространенія влиянія, господства и развитія идей христіанскихъ среди некультур- ныхъ народовъ. Нынѣ даже Турція рѣдко проявляетъ свои кровавые инстинкты въ отношеніи другихъ племенъ, потому что считаетъ это дурнымъ явленіемъ. Безъ христіанства ни- кому не пришла бы мысль, что война зло, что варваръ и скифъ, рабъ и свободенъ—братья. Безъ Евангелія каждый человѣкъ былъ бы воинъ, каждый народъ войскомъ, какъ въ древнемъ мірѣ. Безъ Евангелія не было бы единенія наро- довъ на началахъ братства.

Равнымъ образомъ Евангеліе смягчило положеніе рабовъ, затѣмъ окончательно уничтожило институтъ рабства, хотя и не объявляло войны противъ него. Не объявляло войны потому, что не придаетъ особеннаго значенія внѣшнему положенію человѣка въ соціальной жизни. Человѣкъ и въ рабскомъ состояніи можетъ имѣть цѣну предъ Богомъ и людьми и быть счастливымъ, и наоборотъ, будучи свободнымъ, можетъ утратить достоинство свое и не найти счастья. Въ 1908 г., въ день празднованія въ Америкѣ столѣтняго юбилея Авраама Линкольна—освободителя рабовъ, по просьбѣ толпы безработныхъ, однимъ сердобольнымъ пасторомъ устроенъ былъ аукціонъ, на которомъ голодающіе работоспособные были раскуплены богатыми людьми въ качествѣ рабовъ и тѣмъ улучшено было ихъ бѣдственное положеніе ¹⁾.

Этотъ фактъ можетъ служить подтвержденіемъ высказаннаго взгляда. Вотъ почему христіанство не объявило сразу же войны противъ ненормальныхъ, внѣшнихъ формъ жизни, а предоставило устраненіе ихъ разумнѣю и творческой дѣятельности человѣка, воздѣйствовало только на внутреннее развитіе, на просвѣщеніе его ума и сердца. Громадный переворотъ въ соціальной жизни христіанство произвело постепенно средствами внутренними. Оно преобразовало міръ, *непреломивъ надломленной трости*, оставивъ кое-что изъ существующаго *по жестокосердію* людей.

Что культура извращаетъ человѣческую природу, которая по существу будто совершенна, это положеніе не требуетъ и опроверженія. Это и не входитъ въ нашъ планъ. Мы могли бы только спросить Л. Н. Толстого: что хорошаго и полезнаго произойдетъ оттого, когда всѣ люди перестанутъ изучать науки, искусства, заниматься литературою, перестанутъ читать газеты, заниматься сельскимъ хозяйствомъ, ремеслами, ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ и строить ихъ, плавать по морямъ, когда уничтожать телеграфы, телефоны и

¹⁾ „Вокругъ свѣта“ № 11 1909 г.

пр.? Что хорошаго будетъ въ томъ, когда человѣчество употребить усиліе къ уничтоженію всего того, что въ *нотъ лица* насаждено трудами многихъ вѣковъ: памятниковъ архитектуры и другихъ родовъ искусствъ, благотворительныхъ просвѣтительныхъ и воспитательныхъ учрежденій и пр.?— Ничего хорошаго не получится. Въ этомъ выразился бы только протестъ человѣка противъ Бога Творца и Промыслителя, Который благословилъ честный трудъ на пользу и радость ближнимъ. Отъ воли человѣка зависитъ употребить все созданное культурою во благо или зло. Какъ въ индивидуальной жизни мы замѣчаемъ два направленія—къ добру и злу, такъ и въ жизни общественной міровой: *добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю* (Римл. 7, 19). Сила культурнаго движенія въ Евангеліи, но противоборствуетъ этой силѣ грѣхъ; онъ даетъ ложное направленіе культурѣ. Въ трудовой дѣятельности человѣка осуществляется идея царства Божія на землѣ; но тою же дѣятельностью можетъ распространяться и царство тьмы. Слѣдовательно, сказать, что современная культура сама по себѣ самодурство, развратъ, будетъ невѣрно, и отношеніе Евангелія къ культурѣ гр. Толстымъ устанавливается неправильное.

Протоіерей *Димитрій Говоровъ*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П о с ч и т а л и с ь

(Окончаніе ¹⁾).

II.

О. Владиміру съ вечера долго не спалось. Мысли, тяжелыя и нудныя, какъ осеннія тучи, не выходили у него изъ головы; сердце больно сжималось и ныло при мысли о

¹⁾ См. № 89-й за 1910-й г.

томъ, что творилось на Руси. Позорная война, безъ свѣтлаго луча, внутренніе беспорядки, вражда и раздоры... Когда и чѣмъ все это окончится? Кровавымъ маревомъ заволакивалась Россія: каждый день приходили изъ разныхъ мѣстъ сообщенія одно другого ужаснѣе, о забастовкахъ, бунтахъ, грабежахъ и убійствахъ. Уцѣлѣешь ли, родина-мать, или растащатъ тебя по клочьямъ злые враги, померкнетъ твоя былая слава, прахомъ пойдетъ трудъ дѣдовъ и прадѣдовъ, а добрый русскій народъ самъ себя отдастъ въ духовное рабство чужимъ для него людямъ, съ чужою вѣрою, съ чужими думами!

Сегодня о. Владиміру было особенно тяжело. Эхо городскихъ волненій и беспорядковъ докатилось и до его округи: заволновалось крестьянство, повисъ въ воздухѣ бессмысленный и безпощадный мужицкій бунтъ. По сосѣдству жгли экономіи, разбивали винныя лавки; каждую ночь темный небосклонъ озаряли яркіе огни: горѣли амбары, скирды хлѣба и сѣна; переносился по мѣстамъ огонь и на мужицкое добро, всюду неся съ собою разореніе, голодь, ненависть и проклятія...

Придетъ и къ намъ все это—всѣ признаки на лицо: угрюмы и замкнуты стали мужики; молодежь чаще стала собираться; о чемъ-то шепчутся, позабывъ игры и веселыя пѣсни...

При встрѣчахъ съ крестьянами о. Владиміръ, какъ могъ, успокаивалъ ихъ, но тѣ отмалчивались, про себя думая свою думу. Попробовалъ о. Владиміръ коснуться текущихъ событій въ проповѣди; мужики только глухо зароптали въ отвѣтъ. Кое кто изъ нихъ послѣ этого пересталъ батюшкѣ кланяться.

— Заряжены, ой какъ заряжены мои мужички, думалъ о. Владиміръ; нужно большого характера, чтобы ладить теперь съ ними, не упасть духомъ. Вотъ у Мельшина—завидный характеръ,—тотъ не унываетъ: другіе помѣщики мигомъ разбѣжались по городамъ, почувавъ бѣду, а этотъ—ничего; какъ дубъ стоитъ и не гнется отъ бури, только уцѣлѣетъ ли?

А сила и характер импонируютъ—доселѣ никакихъ выходовъ крестьянъ противъ него не было.

Съ мѣсяцъ назадъ Мельшинъ встрѣтился съ о. Владиміромъ и первый заговорилъ съ нимъ.

— Васъ поздравить, батюшка, нужно.

— Съ чѣмъ, Викентій Васильевичъ?

— Какъ съ чѣмъ?—съ прекрасной помощницей по дѣламъ православія.

— Это съ какой же?

— Да вотъ съ этой бабусей, что съ неба къ нашимъ мужикамъ свалилась. Видѣлъ я ее. Пренинтересная старушенція: религіозна и вѣру православную прекрасно знаетъ: начнетъ рассказывать про монастыри, аоны разные, подвижниковъ, тьму египетскую—заслушаться. А святостей разныхъ: просфоръ, иконокъ—цѣлая котомка, и каждому выдаетъ по первому требованію. Ворожить и заговорами лѣчить—лучше ненужно. Великая ревнительница православія!..

— Шутить изволите, Викентій Васильевичъ. Слышалъ я объ этой бабусѣ и думаю, что она такая же ревнительница помѣщичьяго добра, какъ и вѣры православной; подозрительной она мнѣ кажется.

— Чѣмъ же?

— Очень многимъ. Спрашивалъ я бабъ, сколько этой богомолкѣ лѣтъ; говорятъ разное: однѣ—сорокъ, другія—и всѣ шестьдесятъ, а для такихъ лѣтъ она больно живая. Матушкѣ бабы рассказывали, что по разговору бабуся—совсѣмъ простая, ласковая, всѣмъ понятная,—совсѣмъ наша,—а рубашка на ней легонькая, какъ паутиночка, и вся кружевами обшита. Для богомолки это—дѣло не подходящее.

— Ну что вы такимъ пустякамъ значеніе придаете? Отъ благодѣтельницы какой-нибудь получила, можетъ быть, и стянула, ничего подозрительнаго я тутъ не вижу. Какія, однако, подробности ваша матушка знаетъ; что значить близко стоять къ народу и пользоваться его довѣріемъ, сязывилъ помѣщикъ.

— Видѣлъ я бабу, что заговоромъ странница вылѣчила. Заговоръ—заговоромъ—для отвода глазъ, а бинтъ на больной рукѣ сдѣланъ такъ, что и заправскій фельдшеръ не всегда сдѣлаетъ.

— А не слышали, батюшка, гдѣ теперь эта старушенція обрѣтается?

— Разное говорятъ: одни видѣли своими глазами, какъ старушка съ котомкой легенькой поступью направилась въ Мокрухино; другіе спорили и доказывали, что та же старушка на парѣ добрыхъ коней укатила совсѣмъ въ другую сторону.

— Значить таинственная бабуся?

— По моему, да...

— А какъ крестьяне, о. Владиміръ?

— Хмуры и о чемъ-то крѣпко думаютъ.

— О чемъ имъ думать? Теперь мужики вездѣ о землѣ, да о помѣщичьемъ имуществѣ думаютъ. Только у насъ у кого они на все это разживутся? У меня на этотъ счетъ имъ будетъ скупо: кромѣ гороха свинцоваго, ничего не получатъ. Семью я отправилъ въ городъ, дворню вооружилъ и сплю спокойно,— пусть попробуютъ...

— А все-таки не спокойно и опасно у насъ стало: перемѣнились мужики...

— Трусливъ, и, видимо, очень хочетъ запугать меня. Все исторію съ лугомъ не можетъ забыть—думалъ Мельшинъ о священникѣ.

— Самоувѣренъ и недалъновиденъ, хотя и считаетъ себя очень умнымъ, думалъ священникъ о помѣщикѣ. Исторія бабуся для о. Владиміра была ясна, какъ день. Описывала странница мужикамъ не однѣ святыя земли, но и заморскія страны, гдѣ всѣ живутъ богато и счастливо, гдѣ порядки лучше нашихъ; говорила льстивыя рѣчи о мужицкой силѣ, которая вольна устроить жизнь по новому, по хорошему; врала и о золотой грамотѣ на землю, которую спрятали попы да паны. Это была одна изъ величайшихъ подлостей,

рожденныхъ лихольгьемъ, когда одни обманщики, подъ видомъ царскихъ слугъ, подымали народъ противъ власти, а другіе, въ одеждѣ странниковъ и богомольцевъ, съ фальшивыми рѣчами о вѣрѣ, будили въ народѣ инстинкты звѣря, толкали его на преступленія.

По отъѣздѣ мнимой странницы-богомолки стали ходить по рукамъ въ деревнѣ подпольные листки: сначала мужики называли ихъ манифестами, а позже—прокламаціями: больно сердито да ругательно въ нихъ написано...

— Что будетъ изъ всего этого, думаль о. Владиміръ, безнокойно бродя изъ одного угла своей комнатки въ другой и задумчиво всматриваясь въ темную ночь, глядѣвшую къ нему въ окно, какъ бы отъ нея ожидая отвѣта на мучившіе его вопросы.

Въ это время въ отдаленіи, тамъ, гдѣ расположена была барская усадьба, блеснулъ небольшой огонекъ.

— Папиросу раскуриваетъ кто-нибудь изъ парней. Не угомонные... То-то молодость да сила крестьянская! до полночи толкутся на улицѣ, а съ утренней зорькой выйдутъ на работу и цѣлый день, не разгибая спины, будутъ помахивать тяжелой косою.

— Что-же это такое? съ тревогой сказалъ о. Владиміръ, когда огонекъ блеснулъ съ другой стороны. Тутъ не папиросой, кажется, пахнетъ—не пожаръ ли?

— Палагея Ивановна, Поля! слышишь? да проснись же, Поля, скорѣе—никакъ пожаръ у насъ, сталъ онъ будить жену.

— Пожаръ?! гдѣ пожаръ? о Господи! схватилась жена съ кровати; за нею стали поднимать головы сонныя дѣти.

Оба они прильнули къ окну. Теперь уже ясно стало, что это былъ пожаръ. Стыдливо краснѣя за ту работу, какую дали ему злые люди, медленно тянулся огонь по двадцати саженой длинѣ скотнаго сарая, покрытаго соломой: черезъ нѣсколько минутъ здѣсь уже было сплошное море ог-

ня, но оно не было одинокимъ: горѣли барскій домъ, казарма для рабочихъ, конюшня, амбары съ хлѣбомъ.

Высоко поднимались языки огня въ тихомъ воздухѣ и казались они огненными рѣками, тянувшимися къ небу, молившими о прощеніи.

Бросился священникъ къ колокольнѣ, хотѣлъ ударить въ набатъ, но веревка къ большому колоколу оказалась обрѣзанной. Съ трудомъ разбуженный церковный сторожъ съ большой неохотой полѣзъ на колокольню, грубо замѣтивъ о. Владиміру:

— Не нужно это совѣмъ дѣло—звонить: все равно никто выручать пана не пойдетъ.

Долго еще горѣло пламя, то замирая, то снова расширяясь, и, глядя на него, тихими слезами оплакивалъ священникъ темноту народную и людскую злобу, такъ жестоко и такъ легкомысленно губившую чужой трудъ и чужое добро.

Громкій лай собакъ во дворѣ привлекъ въ это время вниманіе о. Владиміра, и онъ пошелъ къ сараямъ успокоить вѣрныхъ псовъ. Сѣрко, главный запѣвало, сидѣвшій на цѣпи, увидя хозяина, ласково завилялъ хвостомъ и снова бросился съ лаемъ къ саду; за нимъ на разные тоны заголосили нѣсколько мелкихъ дворняжекъ.

О. Владиміру становилось жутко; не безъ труда осилилъ онъ свою робость и направился въ садъ узнать, что тамъ дѣлается. На скамьѣ, подъ развѣсистой старой яблоней, замѣтилъ онъ сидѣвшаго человѣка.

— Кто тамъ? съ замѣтной дрожью въ голосѣ громко окликнулъ онъ сидѣвшаго, не подходя къ нему близко.

Но сидѣвшій на скамьѣ быстро подбѣжалъ къ о. Владиміру.

— Я Мельшинъ... Бога ради тише,—вы погубите меня.

— Викентій Васильевичъ, вы?! зачѣмъ вы здѣсь?

— Вы видѣли, что со мной сдѣлали крестьяне: отъ усадьбы моей только угли остались...

Надѣялся я на слугъ и на дворню, а какъ начался пожаръ, никого во дворѣ не осталось: всѣ разбѣжались или попрятались; я понялъ, что я оставленъ... Только чудомъ какимъ-то удалось мнѣ укрыться отъ озвѣрѣлой толпы, что хазяйничала у меня во дворѣ—не сдобровать бы мнѣ?.. Батюшка, моя жизнь теперь—въ вашихъ рукахъ спасите меня!

— Ахъ, Господи, бѣда-то какая!.. Чѣмъ же я могу вамъ помочь?

— Заря уже занимается, скоро утро; но уйти мнѣ сегодня некуда, а завтра ночью я уйду, быть можетъ и власти помощь пришлютъ. Ради Бога скройте меня на это время.—Крестьяне не догадаются, что я у васъ,—знаютъ, что мы съ вами... что я вамъ не мало зла сдѣлалъ... виноватъ я предъ вами, батюшка...

— Не нужно говорить объ этомъ, не вспоминайте теперь. Пойдемъ поскорѣй въ комнаты;—насъ могутъ видѣть.

Крадучись подъ плетнемъ, какъ преступники, прячась отъ людей и отъ чуткихъ псовъ, сторожившихъ батюшки дворъ, добрались они до квартиры.

Пелагея Ивановна, обезпокоенная долгимъ отсутствіемъ мужа, услышавъ шорохъ въ квартирѣ, бросилась къ мужу съ разспросами и остолбенѣла, увидѣвъ съ нимъ чужого человека.

— Володя, позвала она мужа: кто это?

— Это, Поля, Мельшинъ,—онъ проситъ укрыть его отъ крестьянъ на день—другой.

— Мельшинъ?! У насъ? Позабылъ онъ развѣ, что онъ намъ сдѣлалъ? Сколько лѣтъ онъ тебя высмѣивалъ, вредилъ твоему дѣлу, не постѣснялся отнять у насъ послѣднее...

Что ты, Поля? время ли считаться съ человекомъ, когда надъ нимъ повисла смертная опасность,—подумай ты объ этомъ...

— А о себѣ, о семьѣ ты думаешь, Володя? Ты не врагъ дѣтямъ и мнѣ. Узнаютъ мужики—сожгутъ и насъ, разорятъ,

убьютъ. Еще темно, проводи Мельшина садомъ—онъ успеетъ гдѣ-нибудь скрыться.

Въ горячей мольбѣ ловила она руки мужа, покрывая ихъ поцѣлуями

О: Владиміръ рѣзко оттолкнулъ ее.

— Безумная, что ты говоришь? Я—священникъ, мой долгъ—спасти человѣка, пусть это стоитъ мнѣ даже жизни. Не плачь; и не волнуйся, Поля, напрасно,—смягчился о. Владиміръ. Все обойдется хорошо: никто не видѣлъ и не узнаетъ, что у насъ перебудетъ сегодня Мельшникъ, а завтра ночью, когда уснутъ мужики, онъ проберется какъ-нибудь въ городъ...

Деревенскимъ экономнымъ архитекторамъ, сооружавшимъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ домъ для священника, и въ голову не могло прійти, какую службу они сослужатъ помѣщику. Устроить батюшкѣ на общественный счетъ отдѣльный погребъ крестьяне не захотѣли,—дорого стоитъ,—а вмѣсто этого сдѣлали небольшой погребъ подъ домомъ, съ люкомъ, выходившимъ, по неизвѣстнымъ соображеніямъ, въ маленькій кабинетъ священника. Отъ погреба всегда тянуло сыростью, почему зимою кабинетъ былъ совсѣмъ необитаемъ, но было въ этомъ погребѣ и нѣкоторое удобство: матушка сберегала въ немъ болѣе цѣнные продукты, особенно изъ тѣхъ, что не требовали низкой температуры: коробку сардинъ, на случай пріѣзда благочиннаго, банки съ вареньемъ, сухіе фрукты, грибы. Туда упряталъ о. Владиміръ Мельшина. На другой день позднимъ вечеромъ, никѣмъ не замѣченный, помѣщикъ оставилъ гостепріимный домъ священника.

Въ теплыя лѣтнія ночи, когда въ домѣ священника все спало, любила чернобровая наймишка Устя, крадучись тѣпью, пробѣжать чрезъ батюшкинъ садъ: условный свистъ звалъ ее на низъ сада, гдѣ, тѣсно сгрудившись надъ небольшимъ прудкомъ, нагнувшись вѣтвями къ самой водѣ, тихо шептались старыя вербы; тамъ ожидалъ ее Иванъ изъ экономіи Мель-

шина. Были они оба бѣдные, любили другъ друга и, служа по чужимъ людямъ,—съ мужицкимъ терпѣніемъ и упрямствомъ, сколачивали копейку, мечтая о томъ времени, когда можно будетъ купить клочекъ земли, построить хатку и зажить своимъ домкомъ. Далеко еще было осуществленіе этихъ плановъ, и это заставляло Ивана хмуриться, а черноглазую Устю не разъ поплакать. На третій день послѣ пожара явился Иванъ подъ вербы веселый, какимъ рѣдко бывалъ.

— Скоро конецъ нашей бѣдности, Устя; заживемъ мы съ тобою счастливо, заговорилъ онъ къ дѣвушкѣ, довѣрчиво прильнувшей къ нему.

— Какъ такъ, Ваня?

— А такъ. Скоро будемъ дѣлить землю панскую. Пановъ вездѣ повыкуриваютъ, какъ и нашего, а земля мужикамъ отойдетъ.

— Правда ли, Ваня?

— Правда, какъ то, что я передъ тобою стою.

— Ждемъ такой бумаги—вотъ-вотъ прійдетъ... Хотѣли наши мужики скорѣе дѣло обломать—не удалось. Пожаръ-то у Мельшина, думашь, самъ собою произошелъ—подожгли мужики, потому такой приказъ вездѣ вышелъ. Ловили мужики въ ту ночь пана, приготовили и бумагу, по какой онъ всю землю мужикамъ отдастъ, оставалось ему только подписать. Стеречь пана во время пожара мнѣ было поручено: мнѣ онъ вѣрилъ,—смотри, какой штукой вооружилъ меня; и какъ я его прозѣвалъ, въ толкъ не возьму. Всю деревню послѣ перерыли, нигдѣ не нашли—какъ въ землю ушелъ. Убѣжать онъ не могъ—всѣ кони сгорѣли; убѣжать то же—больно жирный. Спряталъ, какъ пить дать, спряталъ его кто-нибудь изъ мужиковъ.

— Ваня, знаешь что я тебѣ скажу...

— А что?

— А ты никому не скажешь, Ваня? Ей-Богу? Ну побожись. Смотри, Ваня, а то грѣхъ и мнѣ и тебѣ большой

будеть. Пана въ ту ночь, какъ пожаръ былъ, знаешь кто спряталъ?.. батюшка...

Иванъ разсмѣялся.

— Что ты сказки рассказываешь? во снѣ тебѣ видно приснилось. Батюшки панъ не выносилъ, другого слова о немъ, какъ „попъ“, не зналъ, лугъ у него отсудилъ, а ты такое рассказываешь...

— Кто тебѣ это наплелъ?

— Сама видѣла, Ваня.

— Расскажи, только не вѣрится мнѣ что-то.

— На другой день послѣ пожара, только вошла я въ комнаты полы вытирать, какъ замѣтила въ прихожей чужую шапку—здравствуй—прощай называется.

— Такую шапку какъ разъ носилъ лѣтомъ нашъ панъ, замѣтилъ Иванъ.

— Спросила я матушку, а она покраснѣла и послала меня спросить про шапку батюшку, а я не посмѣла. Вечеромъ замѣтила я, что батюшка въ своей комнаткѣ что-то хоронится: занавѣски опустилъ, выйдетъ или войдетъ,—сейчасъ дверь на ключъ. Вечеромъ самъ себѣ чай и ужинъ туда носилъ, чего раньше не было. Страсть какъ захотѣлось мнѣ тогда узнать, что такое съ батюшкой случилось. Улучила я тогда минутку, что матушка изъ комнатъ ушла, да къ замочной скважинѣ, въ батюшкиной комнатѣ припала. Смотрю на столѣ нетронутый чай и ужинъ стоитъ, а за столомъ, опустивъ голову, сидитъ Мельшинъ.

— Хорошъ попъ, удружилъ мужикамъ—спасибо ему; а еще мужицкимъ батюшкой считали. Не пройдетъ это ему даромъ, будетъ помнить,—съ гнѣвомъ заговорилъ Иванъ.

— Бога ты бойся, Ваня, помни, соколъ мой ласковый, что ты мнѣ обѣщаль и еще побожился. У батюшки меня всѣ жалѣютъ, а случится съ ними что-нибудь худое, то и любить тебя не буду, лучше мнѣ и не жить тогда.

— Тебя они, можетъ быть, и жалѣютъ—служишь ты имъ, а почему же онъ мужиковъ не пожалѣлъ и спряталъ пана въ такую нужную минуту?

Ну, ладно, не бойся; сама только не болтай о томъ, что видѣла.

— На другой день послѣ этого разговора, въ деревню прискакала полусотня голодныхъ, и сердитыхъ казаковъ: одного хотѣли измученные люди—отдохнуть и выспаться, но спать имъ въ ту ночь не пришлось: нужно было выносить скарбъ изъ дома батюшки и отстаивать отъ огня храмъ, на который два раза переносился огонь.

Иванъ сдержалъ свое слово—никому не сказалъ о томъ, что онъ слышалъ отъ Усти...

Священникъ *В. Пестряковъ*.

Мои воспоминанія.

Занятія студентовъ.

(Продолженіе ¹⁾).

Студенты посылались изъ семинаріи въ академію, а другіе поступали въ нее добровольно волонтерами, для полученія высшаго, не только богословскаго, но и гуманнаго образованія. Главная цѣль, которая должна была имѣться у нихъ въ виду и быть со всѣмъ усердіемъ преслѣдуема ими,—изученіе наукъ какъ богословскихъ, такъ и гуманныхъ, указанныхъ въ уставѣ академіи. Для этого они обязательно должны были присутствовать на лекціяхъ профессоровъ, которые въ опредѣленные часы, по росписанію, излагали предъ ними въ послѣдовательномъ порядкѣ содержаніе той или другой, порученной имъ, науки.

¹⁾ См. № 39-й за 1910-й г.

На лекціи наставниковъ студенты въ наше время ходили очень аккуратно, и были въ этомъ отношеніи несравненно исправнѣе нынѣшнихъ студентовъ, когда на лекціяхъ иныхъ наставниковъ сидятъ не десятки, а единицы. Такое небрежное отношеніе къ лекціямъ въ наше время было немислимо. Я, сколько помнится, не опустилъ ни одной лекціи въ теченіе четырехлѣтняго академическаго курса, за исключеніемъ того времени, когда по болѣзни долженъ былъ лежать въ больницѣ, что въ младшемъ курсѣ, къ моему крайнему сожалѣнію, было не рѣдко. А опустить лекцію по лѣности или по небрежности, или по желанію употребить учебные часы, когда читаются лекціи, на составленіе и обработку сочиненія я никогда не рѣшался. Могу засвидѣтельствовать, что въ этомъ отношеніи я не одинъ былъ такой исправный студентъ, не опустившій ни одной лекціи. Было нѣсколько такихъ моихъ товарищей, которымъ совѣстно было не пойти на лекцію, когда пробилъ звонокъ, приглашающій всѣхъ въ классы.

Между тѣмъ были уклоненія отъ посѣщенія лекцій и въ наше время, только не такія открытыя и не такъ частыя, какъ нынѣ. Когда мы учились въ академіи, были послѣобѣденные классы, назначаемые, главнымъ образомъ, для лекцій по языкамъ, древнимъ и новымъ. Вотъ на эти послѣобѣденныя лекціи нѣкоторые изъ товарищей лѣнились ходить, но и въ этомъ случаѣ отъ исполненія студенческаго долга они уклонялись съ опаскою. Во время лекцій они боялись попасться на глаза инспектору или наставнику внѣ аудиторій. Оставаясь въ номерѣ, уклонившіеся отъ посѣщенія послѣобѣденныхъ лекцій обыкновенно запирали изнутри свой номеръ и не оставляли его открытымъ. Инспекторъ иногда ходилъ по корридору, чтобы посмотреть, всѣ ли студенты пошли въ классы. При этомъ случалось ему поймать полѣвившихся пойти на урокъ, и послать ихъ въ классъ, если еще было не поздно. Не спасала иной разъ оставшихся въ номерѣ въ классное время и запертая дверь. У инспектора

были ключи отъ номеровъ, и онъ своимъ ключемъ иногда отпиралъ запертую дверь номера, въ которомъ, по его предположенію, остались не пошедшіе на урокъ, и, заставъ тамъ нарушителей школьной дисциплины, стыдилъ и журилъ ихъ.

Ослабленіе въ исправномъ посѣщеніи лекцій студентами замѣчалось еще въ послѣдній годъ академическаго курса, когда писались курсовыя сочиненія. И это зависѣло не отъ небрежности студенческой, а отъ желанія нѣкоторыхъ изъ студентовъ использовать время классныхъ уроковъ для составленія курсоваго сочиненія. Иные изъ студентовъ брали широкія темы, для послѣдняго сочиненія и запутывались въ ихъ разработкѣ, или вообще находили въ своемъ распоряженіи мало свободнаго времени, чтобы къ сроку изготovitъ заданную работу. Такіе, и числясь усердными и исправными студентами, скрѣпя сердце, находили себя вынужденными оставаться въ номерѣ для занятія своимъ сочиненіемъ, когда другіе уходили въ классъ. Но и при этомъ ряды слушателей не рѣдѣли въ аудиторіяхъ, какъ рѣдѣютъ они нынѣ, безъ всякой побудительной къ тому причины.

Въ этомъ отношеніи большая разница между нашимъ временемъ, временемъ сравнительно строгой дисциплины, и нынѣшнимъ временемъ, когда требованія школьной дисциплины значительно ослаблены и безнаказанно нарушаются студентами. Нынѣ идетъ наставникъ на лекцію, а на встрѣчу ему попадаютъ толпы студентовъ, которые должны бы слушать его лекцію, и это отнюдь не служитъ для нихъ конфузомъ. Приходитъ наставникъ въ классъ, и видитъ предъ собою пустыя парты, и нѣсколько единицъ, кой-гдѣ ютящихся на нихъ, и предъ этими единицами онъ долженъ излагать свой курсъ, можетъ быть, весьма тщательно имъ изготовленный. Какъ это неблагопріятно могло дѣйствовать на усердіе профессора къ исполненію своего долга, и какъ сильно могло охладить его энергію!

Были въ наше время репетиціи. Онѣ заставляли насъ внимательно относиться къ лекціямъ. Велись онѣ не у всѣхъ

наставниковъ одинаковымъ образомъ. Регулярно и однообразно, изъ года въ годъ, назначались репетиціи профессоромъ общей гражданской исторіи Андреемъ Демьяновичемъ Гранниковымъ. По прочтеніи трехъ, четырехъ лекцій онъ непременно назначалъ репетицію. Отвѣчать ему на репетиціи было не трудно. Для студентовъ это дѣло облегчалось тѣмъ, что онъ всегда почти спрашивалъ или вызывалъ къ отвѣту студентовъ, по порядку разряднаго списка, и студенты напередъ могли рассчитывать, чья очередь отвѣчать на репетиціи Андрею Демьяновичу, и эти очередные по списку усердно готовились къ репетиціи, а прочіе, не стоящіе на очереди, не считали нужнымъ особенно готовиться къ репетиціи. У него еще студенты раздѣлялись на два разряда. Изъ общаго числа студентовъ онъ выдѣлялъ нѣсколько записныхъ историковъ-эминентовъ, которые, по его предположенію, лучше другихъ занимались его предметомъ и больше, чѣмъ прочіе рядовые студенты, знали исторію. Такихъ онъ спрашивалъ, какъ говорили у насъ тогда, по конспекту, т. е., требовалъ отъ нихъ знанія разныхъ подробностей и мелочей. А когда спрашивалъ рядовыхъ студентовъ, не числившихся у него эминентами, довольствовался отъ нихъ общими свѣдѣніями, какія можно заимствовать въ учебникахъ. Я въ первый годъ не былъ у него въ числѣ записныхъ историковъ, но въ началѣ второго года мы писали сочиненіе по его предмету; мое сочиненіе обратило на себя его вниманіе, и онъ рѣшилъ выдѣлить меня изъ числа рядовыхъ студентовъ въ составъ избранныхъ знатоковъ исторіи. Для этого онъ подвергъ меня особенному испытанію,—спросилъ меня не въ очередь (чуть ли не единственный разъ въ этомъ случаѣ онъ отступилъ отъ своего обычнаго порядка), и спросилъ не по учебнику, а по конспекту,—о разныхъ мелкихъ историческихъ событіяхъ. Я не былъ готовъ къ отвѣту, не ожидая, что меня спроситъ наставникъ, но на вопросы давалъ нужныя объясненія, благодаря частію подсказыванію близъ меня сидящихъ товарищей. Рѣчь была о крестовыхъ походахъ, и въ частно-

сти о Петръ Пустынникъ, возбуждавшемъ народъ идти на освобожденіе святой земли отъ невѣрныхъ. Одинъ только мой отвѣтъ былъ невпопадъ и разсмѣшилъ профессора. Спрашивая меня, что дѣлалъ и какъ велъ себя Петръ Пустынникъ, онъ между прочимъ задаетъ мнѣ вопросъ: „а на чемъ Петръ Пустынникъ переѣзжалъ изъ селенія въ селеніе, изъ города въ городъ?“ вмѣсто того, чтобы сказать: „на ослицѣ“, я сказалъ: „на торжественной колесницѣ“. Я не слышалъ хорошо, что мнѣ подсказывали; а изъ формы вопроса, мнѣ предложеннаго, заключилъ, что послѣдующая дѣятельность Петра Пустынника противоположна тому смиренному виду, въ какомъ онъ прежде являлся. Но несмотря на такую грубую ошибку въ моемъ отвѣтѣ, профессоръ остался имъ въ общемъ доволенъ, и за сочиненіе я попалъ въ число лучшихъ историковъ своего курса: онъ записалъ меня въ своемъ разрядномъ спискѣ вторымъ. Пѣкоторую неудачу моего отвѣта онъ объяснялъ тѣмъ, что спросилъ меня врасплохъ, не въ очередь.

Другіе наставники, какъ Алексѣй Лукьянычъ Минерлингъ, преподававшій русскую, гражданскую и церковную исторію, предъ началомъ каждой лекціи спрашивали, о чемъ была предыдущая лекція, и заставляли кого-нибудь изъ студентовъ кратко повторить содержаніе этой лекціи. Третьи производили репетицію по окончаніи какого-либо цѣльнаго отдѣла науки и поднимали къ отвѣту не по списку, а случайныхъ студентовъ, какіе попадались на глаза, одного за другимъ, вступая съ ними въ бесѣду, по поводу прочитаннаго, разъясняемаго при повтореніи. Четвертые, во время чтенія лекціи, ставили вопросы и возраженія, къ рѣшенію которыхъ призывали студентовъ, поднимая то того, то другого. Иные заставляли говорить полную лекцію предъ товарищами, поручивъ напередъ приготовить ее. Такъ, по порученію профессора математики В. П. Чеховича, я долженъ былъ въ часть, назначенный для его лекціи, вмѣсто того говорить лекцію по алгебрѣ о логарифмахъ; а другой разъ

Чеховичъ моему товарищу Чепенѣ заказалъ прочитатъ лекцію тоже по алгебрѣ (забылъ, о чемъ заказана была ему лекція).

При такомъ порядкѣ классныхъ занятій, мы не могли быть только пассивными слушателями лекцій, предлагаемыхъ намъ профессорами. Вниманіе къ нимъ, независимо отъ ихъ содержанія, возбуждалось и поддерживалось тѣмъ, что отъ насъ, во всякое время, могли потребовать отвѣта и разъясненія по вопросамъ, обсуждаемымъ на лекціи. Но кромѣ этого мысль наша дѣятельно работала, когда ставили предъ нами возраженія и вопросы, и вызывали насъ на ихъ разрѣшеніе. А какое напряженіе мысли требовалось тогда, когда наставникъ вмѣсто себя заставлялъ студента въ своемъ присутствіи предъ всѣмъ классомъ говорить цѣлую лекцію, какъ мнѣ заказано было прочесть лекцію о логарифмахъ!

Можетъ быть, лекціи, какія намъ читались, были не такъ полны и содержательны, какъ лекціи нынѣшнихъ профессоровъ. Но намъ на лекціяхъ не только передавали содержаніе наукъ, положенныхъ по уставу, но вмѣстѣ съ тѣмъ будили нашу мысль и развивали наши интеллигентныя силы.

Проф. Василій Пивницкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Совѣщаніе пастырей.

Недавно въ г. Меленкахъ и въ селѣ Денятинѣ Меленк. уѣзда, подъ предсѣдательствомъ епископа Муромскаго Евгенія, происходили особыя, нарочитыя собранія пастырей. На этихъ собраніяхъ были поставлены вопросы объ оживленіи приходской жизни и объ усиленіи миссіонерской дѣятельности въ виду настойчивой по здѣшнему уѣзду пропаганды штундизма и адвентизма, о каковой пропагандѣ упоминалось уже въ „Москов. Вѣдомостяхъ“ за мартъ текущаго года.—Преосвященный Евгеній (Мерцаловъ) назначенъ на Муромскую кафедру спеціально для поднятія православно-миссіонерской

жизни и дѣятельности. Владыка ежегодно въ лѣтніе мѣсяцы объѣзжаетъ Муромскій и Меленковскій уѣзды, совершаетъ служеніе литургій по селамъ и торжественныхъ молебновъ по деревнямъ, лично и непосредственно знакомясь съ религіозными нуждами православнаго населенія. Въ послѣдній объездъ преосвященнаго Евгенія, по его иниціативѣ и подъ его предсѣдательствомъ, происходили указанная пастырскія совѣщанія, для чего собирались городскіе и сельскіе священники. Послѣ продолжительнаго обмѣна мыслей, совѣщаніе пастырей остановилось на слѣдующихъ мѣрахъ, скорое проведеніе которыхъ въ жизнь признано крайне желательнымъ.

Прежде всего для развитія религіознаго сознанія въ своихъ прихожанахъ: приходскіе пастыри признали необходимымъ усиленіе проповѣди въ формѣ живыхъ, непосредственныхъ бесѣдъ съ крестьянами; съ тою же цѣлію постановлено организовать при каждой церкви особыя приходскія бібліотеки со строгимъ подборомъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія; пользованіе этими книгами изъ приходскихъ бібліотекъ для каждаго должно быть бесплатнымъ. Далѣе каждый пастырь, особенно въ зараженныхъ сектанствомъ приходсахъ, на помощь себѣ привлекаетъ наиболѣе религіозныхъ, грамотныхъ и способныхъ мужчинъ и женщинъ, составляя ихъ нѣхъ особый кружокъ „ревнителей православія“, которые бы своей истинно-христіанскою жизнію могли воздѣйствовать на заблуждающихся. Особливаго вниманія заслуживаетъ послѣднее постановленіе совѣщанія, которое приводимъ цѣликомъ: „Въ виду высокаго значенія христіанской благотворительности, каждый приходской пастырь долженъ стоять во главѣ всего благотворительнаго дѣла своего прихода. Онъ заботится о тѣхъ изъ своихъ прихожанъ—бѣдняковъ, надъ которыми обрушилось какое-либо несчастіе (болѣзнь, пожаръ, падежъ скота и т. п.), заботится объ устройствѣ пріютовъ для бѣдныхъ и безпріютныхъ дѣтей, калѣкъ и другихъ несчастныхъ. Въ этихъ видахъ пастыри организуютъ церковно-приходскія попечительства, для которыхъ со-

ставляютъ средства по подписнымъ листамъ, посредствомъ кружечнаго сбора при богослуженіяхъ, а также посредствомъ эксплуатаціи выдѣленнаго на этотъ предметъ изъ общаго приходскаго земельного надѣла участка земли.

Подробный отчетъ о совѣщаніяхъ составленъ Влад. епархіальнымъ миссіонеромъ, свящ. Г. Орфеевымъ и представленъ на благоусмотрѣніе Высокопреосвященнаго архіепископа Николая, по благословенію котораго и происходили указанныя совѣщанія. У.

ЗАМѢТКА.

Въ чемъ заключается секретъ хорошаго чтенія?

На этотъ вопросъ нѣкто „Феофилъ“ въ „Екатеринославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ отвѣчаетъ такъ: „Въ желаніи чтеца установить связь со слушателями, въ желаніи *дать* имъ нѣчто цѣнное, *дать* имъ *смыслъ, чувство*. Кто не привыкъ *давать* слушателямъ, тотъ не разовьетъ своихъ декламаторскихъ способностей и часто впадаетъ въ неразборчивое бормотанье. Кто же вкусилъ сладости имѣть психическую связь со слушателями, исполненъ желанія *дать*, и *дать* имъ всегда, тотъ уже на половину артистъ слова. А на поприщѣ Божія слова желаніе всегда *дать* слушателямъ болѣе и болѣе цѣнное не даетъ ему покоя: онъ подыскиваетъ лучшія проповѣди, изучаетъ ихъ нанзустъ, находитъ способы къ ясному произношенію, бережетъ свой голосъ, развиваетъ его. Изъ желанія *дать* вытекаетъ желаніе послужить ближнимъ, во всемъ быть имъ образцомъ, вытекаетъ желаніе святости.

Что же касается церковнаго чтенія, то можно къ сему общему взгляду приложить слѣдующій практической совѣтъ: надо произносить за разъ по два, по три слова—не больше и всячески стараться *не сливать* согласныхъ буквъ: одной, стоящей въ концѣ слова, и затѣмъ другой, съ которой начинается слѣдующее; напримѣръ: „вниде Іисусъ въ весь

нѣкую“. Въ неразборчивомъ, небрежномъ чтеніи неграмотный, подозреваю, почуветь „веснѣ—кую“. Во-вторыхъ, въ каждомъ евангельскомъ чтеніи надо различать по крайней мѣрѣ двѣ части: одну спокойную, повѣствовательную, другую, такъ сказать, патетическую. Первую часть читать спокойно, тихо, вторую повышено, громко, съ особымъ подъемомъ чувства. Напримѣръ, отреченіе Петра: переговоры апостола во дворѣ Каиафы—это первая часть; а со словъ: *и помяну Петръ*—совсѣмъ другая, а заключительныя слова: *и изшедъ воиъ плакася горько*—ихъ надо сказать раздѣльно, съ чувствомъ, ихъ надо пропѣть, прорыдать... вспомнивъ и свои отреченія...

Помню, какъ протодіаконъ Т—кій читалъ о воскрешеніи сына Наинской вдовы. Во-первыхъ, идетъ спокойное повѣствованіе о наинскомъ погребальномъ шествіи; затѣмъ малый подъемъ чувства на словахъ: *„сына едиnorodна матери своей и та бѣ вдова“*. Далѣе болѣе чувства: *„и видѣвъ Іисусъ, милосердова о ней... Не плачи“*... Затѣмъ моментъ творческаго чуда: *„юноше, тебѣ глаголю, возстани!.. И страхъ пріяты встѣхъ“*,—протодіаконъ и самъ изъ глубины вѣковъ получилъ, видимо, страхъ сей, и намъ его далъ. Закончилось чтеніе въ ноту *ми*, но не вышло непристойнымъ крикомъ, а было такъ естественно, хорошо! Я держалъ тогда рипиду и видѣлъ, съ какимъ волненіемъ сердца читалъ добрый протодіаконъ евангеліе“.

При семь №-рѣ разсылается всѣмъ подписчикамъ бесплатное приложеніе къ ж. „Руков. для сельск. паст.“ за 1910 годъ. „Исторія и обличеніе новыхъ раціоналистическихъ сектъ“.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 28-го сентября 1910 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

LI.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 41.

Подписка принимается въ редак-
ци журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года октября 10-го дня.

Содержаніе: I. Нѣсколько мыслей объ эстетическомъ воспитаніи въ нашей духовной школѣ. Свящ. В. Пестраковъ.—II. Въ какомъ отношеніи стоитъ Евангеліе къ культурѣ? (Продолженіе). Прот. Д. Говоровъ.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкій.

Нѣсколько мыслей объ эстетическомъ воспитаніи въ нашей духовной школѣ

(примѣнительно къ ея специальнымъ задачамъ).

Сѣтованья на то, что наша духовная школа не развиваетъ въ своихъ питомцахъ вкуса къ изящному, что эстетическая сторона воспитанія находится въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ въ пренебреженіи, давно уже стала общимъ мѣстомъ. Жалобы эти, пожалуй, справедливы не только въ приложеніи къ нашей старой школѣ („бурсѣ“, какъ ее иные величаютъ), но также и къ школѣ современной. Въ какую бы область прекраснаго мы ни заглянули,—будетъ ли то поэзія, живопись, музыка,—вездѣ мы увидимъ, что наша духовная школа ничего не дала въ этихъ сферахъ, не вы-

двинула ни одного блестящаго имени, не создала ни одного шедевра, не воспитала въ своихъ питомцахъ, не говоримъ— любви, но просто вкуса къ прекрасному. Получается впечатлѣніе, какъ будто одна сторона человѣческой природы, чувство прекраснаго, въ цѣломъ сословіи не то атрофирована, не то заглушена такъ, что за долгіе годы ничѣмъ себя не обнаружила. Къ счастью, въ послѣдніе годы на этотъ дефектъ воспитательнаго дѣла духовно-учебныхъ заведеній обращено нѣкоторое вниманіе, и принимаются кое-какія мѣры къ его устраненію. Такъ, въ Высочайше утвержденномъ опредѣленіи Св. Синода „о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ строѣ духовныхъ семинарій и училищъ“, отъ 16/19 августа 1906 года, рекомендуется во внѣклассное время преподавать въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ другихъ необязательныхъ предметовъ, иконописаніе, музыку, живопись, ручной трудъ ¹⁾). Въ опредѣленіи своемъ отъ 2/29 іюля 1908 года, Св. Синодъ констатируетъ, что на эстетическое и физическое воспитаніе въ духовной школѣ, въ частности, на занятіе искусствами, на приученіе воспитанниковъ къ вѣжливости въ обращеніи, къ умѣнной держаніи себя въ обществѣ, приличію въ костюмѣ и вообще опрятности доселѣ не обращается должнаго вниманія. Мало того, желательно, чтобы жизненныя условія воспитанниковъ и самая обстановка въ общежитіи приобрѣли, по возможности, изящный семейный характеръ. Надо расширить доступъ къ полезнымъ и облагораживающимъ развлеченіямъ въ стѣнахъ самой школы путемъ устройства вечеровъ и чтеній ²⁾).

Не беремся судить, насколько и какъ отразились эти опредѣленія на жизни духовно-учебныхъ заведеній. Въ видѣ отклика на нихъ въ періодической печати появилось нѣсколько статей объ эстетическомъ воспитаніи въ духовной школѣ. Слабымъ пунктомъ такихъ статей является то, что онѣ за-

¹⁾ Церковныя Вѣдомости 1906 г. № 36, 391 стр.

²⁾ Ibid 1908 г. № 33, стр. 261.

бываютъ, или не берутъ во вниманіе спеціальныхъ задачъ нашей школы; отсюда теоретическія разсужденія ихъ объ эстетическомъ воспитаніи въ одинаковой степени приложимы ко всякой вообще школѣ; въ качествѣ возбудителей эстетическаго чувства выдвигаются средства общеобразовательныя и игнорируются средства, находящіяся въ преимущественномъ распространеніи школы духовной. Нѣсколько словъ объ этихъ средствахъ мы и хотѣли бы сказать въ настоящій разъ.

Нужно ли говорить о томъ, какимъ богатствомъ красоты отличается наше православное богослуженіе какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ. Высшее вдохновеніе создало церковныя гимны и молитвы и сочетало ихъ въ глубокую по содержанію и художественную по построенію композицію, называемую церковными службами и чинами. Художественное воздѣйствіе православнаго богослуженія съ особою силою испытали наши предки, свидѣтельствовавшіе о себѣ, что они не знали во время богослуженія въ Царь-градѣ, гдѣ они находились—на небѣ или на землѣ. Для того, чтобы богослуженіе производило полное свое дѣйствіе, необходимо, чтобы совершалось оно съ воодушевленіемъ и красиво, чтобы сами совершители поняли и прочувствовали всю полноту и красоту его содержанія, каждую мысль, каждое слово произнесли съ надлежающимъ чувствомъ и выраженіемъ. Это прежде всего требуется отъ священника потому, что онъ произноситъ важнѣйшія богослужебныя молитвы и даетъ тонъ или характеръ всей церковной службѣ. Не искусственное и дѣланное ломанье католическихъ ксензовъ разумѣемъ мы въ этомъ случаѣ, не его хотѣли бы видѣть въ православномъ храмѣ, а тотъ религіозный подъемъ и воодушевленіе, которые даются только нѣкоторымъ горячимъ и глубоко-религіознымъ пастырямъ. Въ религіозномъ воодушевленіи всегда есть элементъ прекраснаго. Каждый христіанинъ считаетъ лучшими, прекраснѣйшими тѣ счастливыя минуты, когда онъ горячо молился, или плакалъ за молитвой. Чистая горячая молитва въ дѣтствѣ, вмѣстѣ съ вѣрующей матерью

или няней, въ зрѣломъ возрастѣ, даже у людей невѣрующихъ, вызываетъ теплое и благодарное чувство. Совершаемое съ воодушевленіемъ и чувствомъ богослуженіе и на постороннихъ, даже враждебныхъ вѣрѣ людей, производитъ свое дѣйствіе. По нашимъ наблюденіямъ, иновѣрцы и невѣрующіе любятъ наше пасхальное богослуженіе, и это потому, что оно торжественно обставлено, а также и потому, что въ этотъ свѣтлый и радостный день и пастыри, и клиръ—все воодушевляются.

Необходимо, чтобы будущіе пастыри еще на школьной скамьѣ полюбили красоту православнаго богослуженія, пріиклились ею. Для этого прежде всего необходимо, чтобы въ духовныхъ училищахъ, а особенно въ семинаріяхъ, духовникомъ былъ лучшій въ епархіи, вдохновеннѣйшій совершитель церковнаго богослуженія, какого можно только найти въ епархіи. Въ средѣ духовенства любятъ говорить о голосистыхъ дьякахъ, о хорошемъ пѣніи и пѣвцахъ, но о совершеніи богослуженія, о его красотѣ, трактуютъ мало, а между тѣмъ народъ нашъ особенно любитъ и идетъ къ тѣмъ пастырямъ, которые „хорошо молятся“. Этому умѣнью хорошо молиться молодежь, будущіе пастыри, и должны прежде всего научиться въ школѣ отъ духовниковъ; тутъ собственно и учиться нужно—тутъ одинъ примѣръ на всю жизнь оставить слѣды. Къ сожалѣнію, въ духовники духовно-учебныхъ заведеній у насъ нерѣдко выбираются не лучшіе священники, опытные проповѣдники, умѣлые совершители богослуженія, а заслуженные старцы, ищущіе городскихъ удобствъ, покойнаго житія.

Самое богослуженіе въ церквахъ духовно-учебныхъ заведеній во многихъ мѣстахъ отпращивается слѣшно. При такихъ условіяхъ о какомъ возвышающемъ дѣйствіи богослуженія можно говорить?!

Въ статьѣ своей о возрожденіи церковнаго искусства архіепископъ волынскій Антоній пишетъ, что „наши предки горячо любили одинъ, въ послѣднее время почти утерянный

видъ благороднаго искусства—храмовое благолѣпіе. Что здѣсь разумѣлось? Не только самая архитектура, иконопись, пѣніе, но сверхъ того, расположеніе или группировка иконописи по храму, устройство иконостаса, подсвѣчниковъ, ракъ со святыми мощами и паникадиль, затѣмъ и устройство отдѣльныхъ священныхъ предметовъ—крестовъ, сосудовъ, евангелій, облаченій клиру и на престоль, хоругвей, кадилаицъ, сіоновъ и пр. Такими предметами славилась святыя храмы, а любители благолѣпія—архіереи, іереи, цари, бояре, дворяне, купцы и крестьяне почитали за счастье любоваться на эти предметы, когда имъ было возможно достигнуть въ тотъ или иной знаменитый храмъ, а въ своемъ храмѣ дожидаться праздника, въ который износились та или иная церковная драгоценность“.

Слабо развиваютъ наши духовно-учебныя заведенія вкусъ и къ этому благородному, святому, сказали бы мы, искусству. такъ какъ мало для него даютъ простора домовыя церкви нашихъ семинарій. Церкви эти представляютъ четырехъ-угольныя залы (часто рядомъ съ рекреационнымъ заломъ) съ однояруснымъ иконостасомъ, съ скудной живописью лишь впереди храма. Болѣе счастливы въ этомъ отношеніи тѣ рѣдкія теперь учебныя заведенія, которыя имѣютъ храмы не въ стѣнахъ школы, а отдѣльно отъ нея.

Для оживленія религіознаго чувства, для развитія вкуса къ церковному благолѣпію весьма полезно возможно чаще водить воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній въ монастыри, соборы, приходскіе храмы, гдѣ церковное благолѣпіе представлено полнѣе и совершеннѣе, чѣмъ въ домовыхъ церквахъ.

„Ничто не возбуждаетъ, не окрыляетъ такъ духа, ничто такъ не отрѣшаетъ его отъ земли и узъ тѣлесныхъ, говоритъ Св. Іоаннъ Златоустъ, ничто такъ не наполняетъ любовью къ мудрости и равнодушіемъ къ житейскимъ дѣламъ, какъ пѣніе стройное, какъ пѣснь священная. Подъ дѣйствіемъ ихъ мысль человѣка невольно отрѣшается отъ всего зем-

ного, чувственного и стремится въ высь, туда гдѣ обитаетъ правда, истина, красота, гдѣ обитаетъ самый источникъ красоты и гармоніи—Богъ“. Область церковнаго пѣнія—не есть ли это самая родная и для насъ близкая сфера прекраснаго? Между тѣмъ, жалобы на неудовлетворительную постановку церковнаго пѣнія въ приходскихъ храмахъ (даже городскихъ, гдѣ есть и средства и люди)—самое обычное явленіе; жалуются на это газеты, журналы, скорбятъ епископы, послѣ архіерейскихъ поѣздокъ и ревизій, печалются многіе горячіе ревнители церковнаго благолѣпія.

Причинъ неудовлетворительной постановки церковнаго пѣнія въ нашихъ приходскихъ храмахъ по сторонамъ можно набрать и указать не мало, но самая-то главная недалеко—въ насъ самихъ, въ недостаткахъ нашего эстетическаго воспитанія. Въ приходскихъ нашихъ храмахъ (всего чаще въ зависимости отъ священника, его пониманія и интереса къ церковному пѣнію) хоровъ или же совсѣмъ нѣтъ, или же если есть, то занимаются они исполненіемъ чуждыхъ нашему богослуженію итальянскихъ распѣвовъ, услаждающихъ и мало возвышающихъ душу. Объясняется это до пѣкоторой степени постановкой церковнаго пѣнія въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Хотя пѣніе по уставу и является общеобязательнымъ предметомъ для воспитанниковъ, но часто только на бумагѣ. Голосистыхъ, правда, еще въ духовныхъ училищахъ отмѣчаютъ, учать пѣть, ставятъ въ хоръ, дѣлаютъ всякія льготы, а безголосную посредственность, (такой вездѣ—большинство) садятъ обычно на заднюю скамейку, предоставляя полную свободу заниматься чѣмъ угодно, съ однимъ условіемъ—не мѣшать отборнымъ дѣлать дѣло—разучивать къ богослуженію избранные номера итальянскихъ партесныхъ распѣвовъ ¹⁾).

Въ погонѣ за хорошими пѣвцами, за искуснымъ пѣніемъ въ училищномъ храмѣ, въ низшихъ духовныхъ учили-

¹⁾ Не вездѣ такъ.

щахъ часто игнорируются люди со средними голосовыми и слуховыми способностями, и не усвоивши азбуки пѣнія, такіе неудачники поступаютъ въ семинарію и въ результатѣ ничего не выносятъ отъ долготѣннаго обученія этому предмету.

Въ торжественныхъ случаяхъ, въ журнальныхъ статьяхъ, духовенство говорить и пишетъ о значеніи обиходнаго пѣнія, о его несравненномъ превосходствѣ передъ партеснымъ пѣніемъ. Въ этомъ смыслѣ дѣлаются распоряженія епархіальными начальствами, выносятся резолюціи духовенствомъ, но все это дальше пожеланій не идетъ, да и какъ можно требовать обиходнаго простого пѣнія въ приходскихъ храмахъ, когда въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, соборахъ, даже монастыряхъ всюду преобладаетъ пѣніе партесное? Интересный въ этомъ отношеніи случай произошел со мною. Въ день Св. Кирилла и Меодія повезъ я какъ-то учениковъ своей школы на торжество церковно-приходскихъ школъ въ соборъ, гдѣ собраны были десятки школъ съ сотнями учащихся, окончившихъ ц.-приходскую школу. Здѣсь, кажется, можно было бы услышать простое дѣтское, незатѣйливое пѣніе, но увы, пѣніе было партесное, весьма вычурное. Но обратномъ пути мать одной изъ привезенныхъ мною ученицъ въ простотѣ сердца спрашивала меня: „а почему это, батюшка, въ соборѣ не поютъ „вѣрую“?—„Вѣрую“ въ соборѣ, конечно, пѣли, но такое вычурное, что разобрать въ немъ слова простому человѣку оказалась не по силамъ.

Для того, чтобы обиходное пѣніе распространялось въ приходскихъ храмахъ, необходимо, чтобы его знали и исполняли почаще въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Такъ какъ партесное пѣніе вывести невозможно, (да это и ненужно), то необходимо практически знакомить семинаристовъ съ лучшими произведеніями нашихъ композиторовъ, для того, чтобы будучи пастырями, они могли выбрать лучшее, а то вѣдь теперь многимъ изъ насъ на вопросъ регента о томъ, что бы вы желали, чтобы я разучилъ съ хоромъ, приходится только отмалчиваться.

Наконецъ, кромѣ изученія теоріи пѣнія—ключей, гаммъ, трезвучій въ семинарскомъ преподаваніи пѣнія, слѣдовало бы обратить самое серьезное вниманіе по обученію регентскому дѣлу, такъ какъ теперь его постигаютъ только тѣ, кто участвуетъ въ хорѣ.

Изобразительныя искусства—живопись и архитектура—несутъ значительную службу въ дѣлѣ благоуукрашенія храмовъ; на служеніе вѣрѣ и Церкви Христовой, они выработали свои правила и образцы, создали замѣчательныя художественныя произведенія, которыя вѣками будутъ храниться, какъ замѣчательнѣйшія созданія человѣческаго генія на религіозные мотивы. И въ этихъ областяхъ мы, пастыри, мало что знаемъ и понимаемъ и навѣрное большинство изъ насъ не отличить работы выдающихся художниковъ отъ работы самыхъ посредственныхъ мастеровъ. Отъ нашего непониманія и отсутствія развитого вкуса нерѣдко гибнуть или, варварски коверкаются замѣчательныя произведенія художественнаго искусства¹⁾. Не чрезъ это ли живопись во многихъ храмахъ отличается удивительнымъ безвкусіемъ, не смотря на значительныя средства, расходуемыя на украшеніе храмовъ.

То разумѣется хорошо, что хотя въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ преподаются живопись и иконописное искусство, но, къ сожалѣнію, далеко не во всѣхъ семинаріяхъ, и учатся этому искусству только болѣе способные и энергичные. Для общаго эстетическаго развитія всего духовенства слѣдовало бы, чтобы въ программы семинарій внесенъ былъ краткій курсъ исторіи церковной живописи и архитектуры, хотя бы

¹⁾ Недавно, по сообщенію газетъ, однимъ любителемъ стариннаго письма былъ найденъ возлѣ Петербурга совершенно случайно старинный иконостасъ, сданный за ветхостію въ архивъ и замѣненный новымъ. Оказывается, что старыя иконы этого иконостаса принадлежатъ кисти Брюллова, Бассина и другихъ выдающихся художниковъ, жившихъ здѣсь на дачѣ при росписи Исаакіевскаго собора и пожертвовавшихъ свои эскизы для украшенія скромнаго деревенскаго храма („Кіевлянинъ“ 1910 года. 167 №)

только отечественной, по возможности нагляднаго характера, который по образцамъ знакомилъ бы учащихся съ существовавшими иконами живописнаго искусства, его лучшими представителями и выдающимися ихъ произведеніями, какими не бѣдна наша Русская Православная Церковь.

Область слова есть преимущественная сфера прекраснаго: ни одно искусство не располагаетъ такимъ могущественнымъ аппаратомъ для выраженія и изображенія прекраснаго, какъ поэзія и словесное искусство. Насъ, пастырей, называютъ служителями слова, указывая этимъ, что мы проповѣдуемъ Христа, Божіе Слово и Божію Премудрость; главнымъ средствомъ, которымъ мы выполняемъ свой пастырскій долгъ, служить слово, проповѣдь, наученіе въ разнообразныхъ его видахъ; этимъ указывается и на то, что въ идеалѣ наше слово должно приближаться къ тѣмъ вѣчнымъ словесамъ жизни, какія мы имѣемъ въ книгѣ живота—Библии, съ ихъ силою, непреходящей красотою, съ ихъ вліяніемъ на сердца людскія. О томъ, какое значеніе имѣетъ основательное знаніе Библии, свидѣлствуютъ проповѣди знаменитыхъ проповѣдниковъ какъ вселенскихъ такъ и нашихъ отечественныхъ. У святителя Димитрія Ростовскаго есть проповѣди, почти сплошь составленныя изъ текстовъ Св. Писанія, отличающіяся воодушевленіемъ, силою и красотою. Св. Іоаннъ Златоустъ въ своихъ проповѣдяхъ также широко пользуется библейскимъ матеріаломъ. У нашихъ древнихъ книжниковъ и грамотеевъ въ распоряженіи была очень скудная литература, но за то они превосходно были начитаны въ Словѣ Божіемъ, и это отражалось на красотѣ ихъ писаній, дошедшихъ до насъ. Безжизненный характеръ и сухость, какими отличаются большинство нашихъ современныхъ проповѣдей, въ значительной степени и объясняются тѣмъ, что мы мало начитаны въ Словѣ Божіемъ, знаемъ изъ него только отрывки, отдѣльныя фразы. Поверхностность въ изученіи Библии, будучи большимъ минусомъ во многихъ отношеніяхъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ значительный минусъ и въ нашемъ эстети-

ческомъ и литературномъ развитіи. Два пожеланія можно бы высказать нашимъ духовно-учебнымъ заведеніямъ,—это, чтобы воспитанники изучали какъ можно больше наизусть отдѣловъ изъ Св. Писанія (и не одного только Ветхаго Завета) и еще въ школѣ приобрѣли привычку къ ежедневному чтенію Слова Божія, и что бы центръ изученія Св. Писанія былъ сосредоточенъ прежде всего на изученіи текста, а не одной исагогики съ экзегетикой.

Самымъ значительнымъ факторомъ эстетическаго воспитанія въ средней школѣ является изученіе теоріи и исторіи литературы. Не входя въ подробное разсмотрѣніе преподаванія этого предмета въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, считаемъ нужнымъ отмѣтить одинъ недостатокъ, бросающійся здѣсь въ глаза. Область вѣры и религіи столь всеобъемлющи, что ни одинъ изъ поэтовъ и писателей не обходилъ ее молчаніемъ, и въ твореніяхъ каждаго изъ нихъ есть отдѣльныя произведенія, посвященныя этимъ вопросамъ. Ученику духовной школы и будущему пастырю такихъ нельзя не знать страницъ, хотя бы такія произведенія и не были типичными для даннаго писателя. Между тѣмъ, въ семинаріяхъ на такія произведенія вниманія обращается не много; поэтому семинаристы знаютъ баллады Жуковскаго, но не читали его религіозно—философскихъ произведеній; читали и разбирали „Ревизора“ и „Мертвыя души“ Гоголя, но незнакомы съ его религіознымъ міровоззрѣніемъ, взглядамъ на православіе. Достоевскій—этотъ христіаннѣйшій писатель, другъ униженныхъ и оскорбленныхъ, въ семинаріяхъ и вовсе не изучаются. Помню по себѣ, въ какое довольно затруднительное положеніе поставлены мы были въ академіи на вступительномъ экзаменѣ, когда намъ предложена была тема по литературѣ о религіозномъ міровоззрѣніи Пушкина на основаніи его произведеній: съ этой стороны его творенія въ семинаріи вовсе не рассматривались ¹⁾. Сказаннымъ мы, разумѣется, не отри-

¹⁾ Не лишень въ этомъ отношеніи интереса примѣръ нашихъ сектантовъ: изъ русскихъ поэтовъ они составили сборники религіозно-прав-

наемъ значенія и необходимости изученія въ семинаріяхъ поэтовъ и писателей въ ихъ литературныхъ мірскихъ произведеніяхъ, но это изученіе слѣдовало бы расширить въ указанную нами сторону.

Писанію сочиненій въ духовныхъ семинаріяхъ отводится почетное мѣсто и значеніе, но, къ сожалѣнію, пишутся исключительно разсужденія и совершенно отсутствуютъ повѣствованіе и описаніе. Не оттого ли наши писанія приобрѣтаютъ специфическій „семинарскій“ характеръ, не оттого ли наши духовные журналы, будучи наполнены научнымъ, часто очень цѣннымъ матеріаломъ, такъ бѣдны назидательнымъ популярнымъ чтеніемъ, повѣстями, рассказами. Не этимъ ли объясняется и то, что жизнь духовенства почти исключительно живописуютъ люди свѣтскіе, духовенству чуждые и часто враждебные, само же духовенство молчитъ.

По біографіямъ нашихъ поэтовъ и писателей мы знаемъ, какое значеніе въ жизни и направленіи всей ихъ дѣятельности имѣли такъ называемые ученическія литературныя изданія: журналы, газеты, сборники. Здѣсь впервые сказывались дѣтскія и юношескія склонности, проблески дарованія, которые потомъ разгорались яркимъ пламенемъ. При умѣломъ руководствѣ, и снисходительности, отъ такихъ издавій была бы не малая польза и для духовнаго юношества: это было бы прекраснымъ отдыхомъ и дополненіемъ къ урочнымъ сочиненіямъ, на отвлеченныя, иногда сухія и скучныя темы.

Въ эстетическихъ и воспитательныхъ цѣляхъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ въ послѣднее время кое-гдѣ стали устраивать такъ называемыя ученическія экскурсіи. Этому симпатичному дѣлу можно пожелать, чтобы оно приобрѣло широкое распространеніе и не носило случайнаго характера,

.....
 ственныхъ стихотвореній, правда, добавивъ къ нимъ посредственныя псалмы своихъ доморощенныхъ поэтовъ, и эти сборники, въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, распространили среди своихъ единомысленниковъ.

чтобы экскурсіи прежде всего направлялись на изученіе ближайшихъ знаменитыхъ въ историческомъ и эстетическомъ отношеніи мѣстъ, существующихъ въ каждой почти епархіи, чтобы ученикъ прежде, чѣмъ взглянуть на широкій міръ Божій, умѣлъ цѣнить и понимать свои родныя святыни и красоты.

Свящ. В. П.

Въ какомъ отношеніи стоитъ Евангеліе къ культурѣ ¹⁾).

Быстрое и широкое развитіе фабрично-промышленной дѣятельности въ Европѣ выдвинуло нынѣ на сцену рабочей вопросъ. Онъ является исходнымъ пунктомъ къ разрѣшенію проблемы благополучія и счастья на землѣ. Разрѣшеніе этой проблемы взялъ на себя социализмъ. Онъ въ настоящее время имѣетъ доминирующее значеніе въ ряду современныхъ теорій, диктующихъ законы культурнаго развитія человѣчества. Рабочій вопросъ—это вопросъ жизненный; казалось бы, что и социализмъ долженъ имѣть такой же характеръ. Между тѣмъ, онъ представляется намъ въ теоретическомъ отношеніи не научнымъ и слишкомъ отвлеченнымъ, а въ практическомъ—не имѣющимъ подъ собою твердой почвы. Прежде всего отмѣтимъ то, что социализмъ стремится разрѣшить свою проблему помимо Евангелія, которое онъ считаетъ пережиткомъ минувшаго періода исторіи. Приверженцы социализма говорятъ, что если бы Іисусъ Христосъ жилъ въ наше время, то Онъ училъ бы иначе. Тѣмъ не менѣе они, гдѣ находятъ нужнымъ, подкрѣпляютъ свою теорію словами Н. Завѣта (Дѣян. 2, 44—46 и др.), толкуя понятія о равенствѣ, братствѣ и свободѣ подъ своимъ угломъ зрѣнія—въ смыслѣ дѣлежа имущества и произвола. Іисуса Христа селятся изобразить въ видѣ социалиста, даже въ видѣ агитатора противъ богатыхъ и анархиста. Далѣе, социализмъ исходнымъ пун-

¹⁾ См. № 40-й за 1910-й г.

ктомъ культурнаго развитія человѣчества считаетъ рѣшительный переворотъ въ государственномъ и общественномъ строѣ, безъ чего, по его теоріи, нельзя улучшить положеніе рабочаго люда, страдающаго отъ сосредоточенія капитала въ рукахъ хозяевъ. Необходимо силою захватить власть и уничтожить капитализмъ. Онъ призываетъ пролетаріевъ всѣхъ странъ соединиться и идти борьбою и войною противъ богатей всѣхъ странъ. Для этого онъ прежде всего желаетъ уничтожить власть, уничтожить государство; онъ отрицаетъ собственность, личность, религію и загробную жизнь; жизнь человѣка онъ ограничиваетъ интересами земнаго благополучія.

Соціализмъ, какъ видимъ изъ приведенныхъ положеній, противорѣчитъ безусловно Евангелію, и потому онъ никоимъ образомъ не можетъ привести человѣка къ земному счастью. Хотя соціальная организація и является важнымъ условіемъ для устроенія земнаго благополучія, но послѣднее не зависитъ отъ первой. Какіе бы перевороты въ жизни соціальной мы ни совершили,—всегда найдется мѣсто коварству, злу, разрушительному началу земнаго счастья. Равнымъ образомъ, какъ бы мы достойнѣе земное и капиталы ни дѣлили между людьми,—всегда будутъ люди, обладающіе неодинаковымъ количествомъ талантовъ (Мѡ. 25, 14—30). „Соціализмъ покоится на ложныхъ экономическихъ принципахъ, и если бы онъ, говоритъ Катрейнъ, хотя на время былъ осуществленъ, то разрушилъ бы культуру, которую принесло намъ христіанство, возвратилъ бы насъ къ временамъ грубаго варварства“.

Христіанская точка зрѣнія на устроеніе земнаго счастья человѣка иная—индивидуалистическая. Основной элементъ всякой организаціи, по христіанскому ученію, личность человѣка. Она самоцѣнна, она надѣлена всѣми духовными силами, которыя даютъ ей возможность самостоятельно и свободно распоряжаться средствами, данными ей Богомъ для благополучной жизни. Учениковъ Своихъ, а въ лицѣ ихъ cadaго истиннаго послѣдователя Своего, Иисусъ Христосъ называетъ солью семли и свѣтомъ міра (Мѡ. 5, 13—16).

Солью земли называется потому, что отъ личности зависитъ устройство общества и предохраненіе его отъ нравственной порчи; называется свѣтомъ міра, и значить, отдѣльная личность распространяетъ просвѣщеніе на окружающую среду, а не наоборотъ. А по социалистической теоріи личность не свободна, она поглощается и захватывается потокомъ общественной жизни, дѣятельность ея сводится къ нулю, въ общемъ міровомъ прогрессѣ она не имѣетъ никакой инициативы. Это—взглядъ, ничего общаго съ Евангеліемъ не имѣющій. Никакіе доводы сторонниковъ социализма не могутъ объяснить зависимость благополучія человѣка исключительно отъ общественнаго строя, потому что самый лучший строй всегда можетъ быть орудіемъ злыхъ, своекорыстныхъ людей, разрушающихъ общее благо. Внѣшній порядокъ требуетъ внутренней дисциплины, воспитанія отдѣльнаго человѣка. Съ развитіемъ отдѣльнаго члена общества постепенно развивается и общество. „Когда въ человѣкѣ происходитъ нравственный переворотъ подъ дѣйствіемъ Св. Духа, когда онъ развивается лично, тогда въ немъ является потребность передать свое чувство во внѣшній міръ, осуществить свою мысль внѣ себя“ (слова Гизо). Какъ совершается эта передача чувствъ,—для насъ это незамѣтно, какъ незамѣтно вскисаніе тѣста отъ небольшой закваски. Спаситель все дѣло спасенія рода человѣческаго и устройство счастья его направилъ исключительно на внутреннюю жизнь, на жизнь индивидуальную, изъ которой слагается жизнь общественная, государственная. Онъ не принималъ роли устроителя или распорядителя земной жизни, предоставивъ это творческой дѣятельности человѣка. Евангеліе влагаетъ въ душу человѣка чувство справедливости, любви и не вмѣшивается въ борьбу партій національныхъ, политическихъ, не даетъ программы жизни, а указываетъ основу, на которой не можетъ быть никакой борьбы.

Итакъ, хотя Евангеліе и не даетъ никакой внѣшней формы социальной жизни и не указываетъ на предпочтитель-

ное значеніе того или другого строя, но эти формы жизни въ христіанскомъ мірѣ создаются подѣ впливіемъ Евангелія и развиваются, соотвѣтственно внѣшнимъ условіямъ—географическимъ, климатическимъ, этнографическимъ и пр., путемъ медленнаго процесса чрезъ индивидуальную личность,— незамѣтно. Это устроеніе царства Божія на землѣ. Оно, говоритъ Спаситель, *подобно тому, какъ если человекъ броситъ сѣмя въ землю: и спитъ и встаетъ ночью и днемъ, и какъ сѣмя всходитъ и растетъ, не знаетъ онъ* (Мрк. 4, 26—28). Законъ медленнаго поступательнаго развитія царства Божія на землѣ—фактъ историческій. „Пути провидѣнія, говоритъ Гизо въ своихъ лекціяхъ въ Парижскомъ університетѣ, неограничены тѣсными предѣлами; оно не имѣетъ надобности извлекать сегодня же выводъ изъ поставленнаго вчера принципа; оно извлекаетъ его по прошествіи вѣковъ, въ назначенный къ тому часъ; медленность, съ нашей точки зрѣнія, его разсужденій нисколько не вредитъ логичности ихъ. Провидѣніе широко распоряжается временемъ... Сколько прошло вѣковъ, сколько совершилось событій, прежде чѣмъ нравственное обновленіе человека христіанствомъ оказало свое великое и законное влияніе и на преобразование общественнаго быта? А влияніе это существуетъ; кто нынѣ могъ бы не признать этого!“ 1)

Соціализмъ, уловляющій въ свои сѣти истинами, взятыми изъ Евангелія, подѣ своимъ угломъ зрѣнія, не можетъ дать, какъ мы видѣли, счастья человеку и не можетъ содѣйствовать культурному его развитію; не можетъ дать этого и потому, что благо человека онъ полагаетъ только во временныхъ, матеріальныхъ интересахъ, отбрасывая жизнь вѣчную и блага духовныя. Между ними и христіанствомъ такое разстояніе) какъ между землею и небомъ. Соціализмъ призываетъ всѣхъ къ классовой борьбѣ, къ враждѣ;—христіанство—къ согласію и единенію. Соціализмъ призываетъ про-

1) Гизо: „Исторія цивилизаціи Европы“, стр. 13.

летаріевъ п всѣхъ рабочихъ къ мятежу; христіанство ищетъ способы къ уврачеванію соціальныхъ недуговъ и созданію условій, благопріятствующихъ поднятію нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія рабочихъ. Для соціализма борьба есть средство захватить власть; для христіанства миръ есть основа культурнаго развитія, и борьбу оно проповѣдуетъ только съ дурнымъ направленіемъ воли, препятствующимъ устроенію на землѣ благодатнаго царства Божія. Соціализмъ заботится только о матеріальномъ благополучіи и временныхъ благахъ: христіанство стремится поднять нравственный уровень человѣка и постоянно напоминаетъ ему о благахъ вѣчныхъ, духовныхъ. Соціализмъ говоритъ только о земномъ; христіанство о земномъ и небесномъ. Такимъ образомъ, не только нѣтъ согласія въ принципахъ между христіанствомъ и соціализмомъ, но явно обнаруживается противоположность двухъ міровоззрѣній. Соціализмъ не даетъ разъясненія вопроса объ отношеніи Евангелія къ культурѣ, и самъ нисколько не служитъ культурѣ, точно такъ же, какъ нео-христіанство и толстовство.

Разсмотрѣнныя нами теоріи приводятъ насъ къ вопросу, имѣющему кардинальное значеніе: что должно превалировать въ культурной жизни—духъ или плоть, духовное или матеріальное? Для насъ нѣтъ затрудненія дать отвѣтъ категорической, положительной на этотъ вопросъ. Онъ разъясненъ и отвѣтъ данъ еще на зарѣ христіанства. Мы будемъ отвѣчать на этотъ вопросъ устами одного богопросвѣщеннаго мужа—апологета II в., имя котораго осталось неизвѣстнымъ. Этотъ неизвѣстный апологетъ, писатель „посланія къ Діогнету“ приводитъ яркую параллель между тѣломъ и душою съ одной стороны и между міромъ языческимъ и христіанскимъ съ другой. „Христіане, говоритъ онъ, въ мірѣ то же, что и душа въ тѣлѣ. Душа распространена по всѣмъ членамъ тѣла, и христіане по всѣмъ городамъ міра. Душа, хотя обитаетъ въ тѣлѣ, но не тѣлесна, и христіане живутъ въ мірѣ, но не суть отъ міра. Душа, будучи невидима, помѣщается въ ви-

димомъ тѣлѣ, такъ и христіане, находясь въ мірѣ, видимы, но Богопочитаніе ихъ остается невидимо. Плоть ненавидитъ душу и воюетъ противъ нея, ничѣмъ не будучи обижена, потому что душа запрещаетъ ей предаваться удовольствіямъ; такъ и міръ ненавидитъ христіанинъ, отъ которыхъ онъ не терпитъ никакихъ обидъ, за то, что вооружается противъ его удовольствій. Душа любитъ плоть свою и члены, не смотря на то, что они ненавидятъ ее; и христіане любятъ тѣхъ, которые ихъ ненавидятъ. Душа заключена въ тѣлѣ, но сама содержитъ тѣло; такъ и христіане, заключены въ мірѣ, какъ бы въ темницѣ, и сами сохраняютъ міръ. Безсмертная душа обитаетъ въ смертномъ жилищѣ; такъ и христіане обитаютъ, какъ пришельцы, въ тлѣнномъ мірѣ, ожидая нетлѣнія на небесахъ. Душа, претерпѣвая голодъ и жажду, становится лучшею; и христіане, будучи наказываемы, каждый день болѣе умножаются. Такъ, заключаетъ онъ, славно ихъ положеніе, въ которое Богъ опредѣлилъ ихъ, и отъ котораго имъ отказаться нельзя¹⁾. Другими словами.—Духъ евангельскій проникаетъ во всѣ области жизни человѣческой, онъ ведетъ мирную борьбу съ пристрастіями и несовершенствами человѣческой природы и приводитъ міръ къ созиданію царства славы чрезъ подвиги земной жизни въ царствѣ благодати. Евангеліе—необходимая, неотъемлемая предпосылка культурнаго движенія въ міровой жизни. Оно было таковымъ отъ начала христіанства, является таковымъ и донинѣ.

Съ самаго перваго момента своего появленія, Евангеліе нашло себѣ яркое выраженіе въ наукахъ и искусствахъ, этого важнѣйшаго фактора культурнаго развитія, въ индустріяхъ, въ строѣ общественномъ и, наконецъ, въ строѣ государственномъ. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ Евангелія возникла письменность апологетическая и святоотеческая, за которою нельзя не признать культурнаго значенія,

¹⁾ Глава VI. пер. Преображенскаго.

въ чемъ не отказываютъ ей всѣ изслѣдователи христіанства. Еще въ III вѣкѣ писатель Лактанцій, по словамъ А. Гарнака, считалъ необходимымъ доказывать въ своей книгѣ „Божественныя наставленія“ существованіе христіанской науки во II вѣкѣ; онъ доказывалъ, что христіанство на Востокѣ въ это время было могущественнымъ культурнымъ факторомъ ¹⁾).

Христіанство, по словамъ того же ученаго, могло дать міру такихъ великихъ писателей, какъ Климентъ Александрійскій, Оригенъ; первый могъ соперничать со своими греческими учителями въ обширности познаній, свободѣ пониманія и ясности р.-философскихъ воззрѣній; а второй превосходилъ всѣхъ своею всеобъемлющею ученостью, острою филологическою критикою и творческою силою построеній. Христіанскіе учителя, говоритъ А. Гарнакъ, овладѣли формами греческой литературы (научная монографія, ученый комментарий, систематическое изложеніе, научный діалогъ, поученіе, романъ, ода, гимнъ и т. д.) ²⁾.

Христіанство содѣйствовало и укрѣпленію Римской имперіи, какъ пишетъ въ своей апологіи къ Марку Аврелію еп. Мелитонъ. Великую культурную силу христіанство имѣло и имѣетъ въ произведеніяхъ искусства всѣхъ формъ: оно создало особый стиль въ архитектурѣ и живописи, которая зародилась въ катакомбахъ; создало особый мотивъ въ музыкѣ и пѣніи, дало этому такой отпечатокъ, который питаетъ наше эстетическое чувство, облагораживаетъ сердце, душу возводитъ къ небу и единитъ людей между собою. Особенно большое значеніе христіанство имѣло въ отношеніи заботъ о бѣдныхъ и немощныхъ, о вдовахъ и сиротахъ. Такой характеръ отношеній христіанства къ міру мы видимъ и нынѣ.

¹⁾ „Религія и Церковь въ свѣтѣ научной мысли и свободной критики“ А. Гарнакъ.

²⁾ „Религія и Церковь“. А. Гарнакъ, стр. 199. 10 Велльгаузена, А. Юлихера.

Христіанство, какъ культурная сила, не ограничиваетъ своихъ задачъ успѣхами научными, успѣхами внѣшней культуры, соціального развитія. Для него это было и есть только средство къ достиженію высшихъ цѣлей—достиженія царства славы. Устроеніе царства вѣрующихъ на землѣ, на самыхъ широкихъ евангельскихъ началахъ, достиженіе наилучшаго духовнаго состоянія вѣрующими въ земномъ царствіи, гдѣ исполнялись бы всѣ заповѣди Иисуса Христа,—это есть только преддверіе царства небснаго, куда ведетъ Евангеліе людей всякаго состоянія и положенія. Всякая дѣятельность христіанская направляется именно къ славѣ Божіей, вся земная жизнь, по духу Евангелія, есть непрерывный и многообразный подвигъ для высшаго совершенства. Самая высшая культура, самая совершенная, какая только можетъ быть достигнута человѣкомъ, не есть сама цѣль, а средство для достиженія совершенства вѣчнаго. Нынѣшній русскій богословъ, профессоръ М. М. Тарѣевъ, высказываетъ мысли, несогласныя съ этимъ положеніемъ. По воззрѣнію этого профессора, осуществленіе евангельскаго идеала жизни возможно только при полномъ обособленіи отъ общества и государства.

Онъ доказываетъ несовмѣстимость въ жизни человѣка двухъ основныхъ, свойственныхъ ему стремленій:—во-1-хъ, къ личному счастью и внѣшнему совершенству и, во-2-хъ, стремленіе къ небесному соединенію съ Божествомъ. Въ своемъ трудѣ: „Основы христіанства“ (т. III) онъ поставилъ для себя задачу привести къ синтезу эти два естественныя стремленія. Онъ развиваетъ ту мысль, что человѣчество путемъ непрерывнаго ряда искушеній приходитъ къ признанію полной непригодности внѣшняго совершенствованія, полной природной ограниченности, къ признанію излишними „всѣ царства земли и славы ихъ“ и къ признанію только эсхатологическихъ чаяній — воскресенія изъ мертвыхъ и вѣчнаго бкаженства въ царствѣ небесномъ. Но опытъ жизни индивидуальной и общественной не подтверждаетъ этого положе-

нія. Евангеліе, по христіанскому вѣросознанію, не сосредоточиваетъ нашего вниманія на стремленія къ достиженію земныхъ благъ, но оно и не отрицаетъ земной жизни, не отрицаетъ улучшенія ея; считаетъ это необходимымъ благопріятнымъ условіемъ для проведенія евангельскихъ началъ въ душу отдѣльнаго человѣка и въ жизнь общественную, государственную всего человѣчества; вмѣстѣ съ этимъ она обращаетъ нашу мысль къ вѣчному, неизмѣнному, абсолютному и учитъ жить для Бога и для устроенія Царства Божія (Филипп. 3, 20) ¹⁾. Вл. С. Соловьевъ въ большую крайность не впадалъ, когда писалъ, что христіанство призываетъ государство проводить въ политическую и международную жизнь нравственныя начала и постепенно поднимать мірское общество до высоты церковнаго идеала, пересоздать его по образу и подобию Церкви Христовой (Дух. основы жизни, изд. 3. Спб. 1897, стр. 163) ²⁾.

Въ этомъ отношеніи нельзя не признать крайнимъ взглядомъ другого покойнаго русскаго мыслителя К. И. Леонтьева, который не находитъ возможнымъ устроенія царства Божія на землѣ ни съ индивидуальной стороны, потому что въ мірѣ все зло, ни съ соціальной, потому что донынѣ толпа неистово кричитъ: *расти, расти Ело*, т. е. онъ не придаетъ значенія наличности, ни внѣшнимъ формамъ жизни ³⁾. Это мнѣніе крайнее, и христіанское сознаніе принимаетъ его только въ извѣстной мѣрѣ, съ большими ограниченіями, п. ч., какъ выше было сказано, Евангеліе придаетъ личности человѣка абсолютное значеніе, цѣнить и тѣ внѣшнія условія, среди которыхъ развивается эта самоцѣнная личность.

Выяснивъ въ принципѣ отношеніе Евангелія къ земной жизни человѣка—индивидуальной и соціальной, мы теперь должны показать, какими путями проникаетъ духъ евангельскій въ ту и другую жизнь. Прот. Д. Говоровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Лекціи профессора Д. И. Богдашевскаго.

²⁾ Проф. Д. И. Богдашевскій „Евангеліе, какъ основа жизни“, стр. 12.

³⁾ Приводимъ мнѣніе К. И. Леонтьева по книгѣ свящ. К. Аггеева: „Христіанство и его отношеніе къ благоустроенію земной жизни“, стр. 252—286.

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

При лекціяхъ и репетиціяхъ. свободнымъ занятіемъ студентовъ было чтеніе книгъ. Оно не было урегулировано, и отнюдь не было для нихъ обязательнымъ. а было представлено ихъ полному произволу. Кто хотѣлъ, читалъ книги, какія ему нравятся. А кто не хотѣлъ, могъ не утруждать себя излишнею работою. Впрочемъ, такихъ малокнижныхъ людей, которые довольствовались однѣми учебными книгами и не утруждали себя чтеніемъ стороннихъ сочиненій, между моими товарищами было очень мало. Большинство, напротивъ, съ увлеченіемъ предавались этому занятію и старались чрезъ чтеніе книгъ восполнять свои знанія. Были такіе изъ моихъ товарищей, которыхъ безъ книги никогда нельзя было видѣть. Таковъ былъ Алексѣй Ивановичъ Поморцевъ (изъ харьковскихъ). Онъ, кажется, и засыпалъ съ книгою въ рукахъ. Когда, бывало, мы ходимъ по открытой галлерей предъ аудиторіями въ ожиданіи прихода наставника, бесѣдуя другъ съ другомъ, или предаваясь спокойному созерцанію, Поморцевъ ходитъ по той же галлерей, непременно съ книгою въ рукахъ, и ни одной минуты не хочетъ провести въ праздности. Чтеніе его было безсистемное. Онъ бросался на всякую книгу, какая попадалась ему. Большинство же при выборѣ книгъ для чтенія, держалось какой-либо системы. Иные любили читать книги философскаго или научнаго содержанія, другіе увлекались изящною литературою, третьи предпочтительно избирали для чтенія книги религіозно-богословскія. Находились такіе, которые обращали особенное вниманіе на свято-отеческія творенія. Таковъ былъ Аполлоній Петровичъ Понятовскій, и его любовь къ чтенію твореній отцовъ Церкви находила доброе отраженіе въ его собственныхъ сочине-

¹⁾ См. № 40-й за 1910-й г.

ніяхъ. Разъ профессоръ гоиметики Ѡаворовъ призналъ его проповѣдь „прекрасною“, именно за то, что она проникнута была духомъ святоотеческимъ. Изъ журналовъ въ рукахъ студентовъ ходили „Отечественныя записки“, и ихъ особенно интересовали напечатанныя тамъ „письма объ изученіи природы“ Искандера, и „Маякъ“, въ которомъ прежде печатались повѣсти профессора Яковъ Козьмича Амфитеатрова, и статьи бывшего бакалавра Академіи Михаила (Монастырева). Въ то время возгорался споръ славянофиловъ и западниковъ. Направленіе славянофиловъ въ то время еще не получило твердой и ясной формулировки. Но рѣшительное большинство студентовъ съ большимъ сочувствіемъ относилось къ идеямъ славянофиловъ, чѣмъ западниковъ, хотя въ чести у нихъ были имена такихъ главарей западничества, каковъ былъ профессоръ Московскаго университета Грановскій.—Духовныхъ журналовъ тогда было мало,—только три, издаваемые академіями:—„Христіанское Чтеніе“, „Воскресное Чтеніе“ и „Творенія святыхъ отцовъ церкви съ прибавленіями духовнаго содержанія“. Студенты внимательно слѣдили за этими журналами, и если являлась въ томъ или другомъ журналѣ выдающаяся своими достоинствами статья, она не оставалась ими незамѣченною. Такъ съ особеннымъ интересомъ студенты читали „письма о конечныхъ причинахъ“, напечатанныя въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ святыхъ отцовъ, начатыя профессоромъ философіи въ Московской Академіи Ѡ. А. Голубинскимъ, и продолженныя его сотрудникомъ по кафедрѣ Левитскимъ. Въ старшемъ курсѣ въ большомъ употребленіи у студентовъ были проповѣди и сочиненія нашихъ первоклассныхъ проповѣдниковъ, — Филарета, митрополита московскаго, и Иннокентія архіепископа херсонскаго. У студентовъ нерѣдко поднимались споры о сравнительномъ достоинствѣ того и другого проповѣдника. Къ нимъ нужно присоединить проповѣди Димитрія, бывшего ректора академіи, тогда епископа тульскаго, и ученныя сочиненія Макарія, въ то время ректора С.-Петербургской Академіи.

Произведенія этихъ двухъ тогдашнихъ корнѣевъ богословской науки привлекали вниманіе студентовъ, кромѣ внутренняго достоинства, своею новизною, какъ произведенія только что явившіяся. Преосвященный Димитрій (Муретовъ), незадолго до нашего поступленія въ академію, перемѣщенный изъ ректоровъ Кіевской академіи на тульскую епископскую кафедру, оставилъ по себѣ въ академіи громкую славу. Какъ профессоръ богословія, онъ производилъ обаятельное впечатлѣніе на своихъ слушателей, и ученый авторитетъ его у студентовъ былъ невыразимо высокъ. Мы сожалѣли, что лишены были возможности слушать этого препрославленнаго профессора, и сильно желали ознакомиться съ нимъ и его лекціями по тѣмъ остаткамъ, какіе сохранились отъ него въ академіи, и по его печатнымъ трудамъ. Но печатался онъ очень мало: у насъ подъ руками былъ только одинъ томъ его проповѣдей, незадолго предъ тѣмъ вышедшій въ печати. Мы читали и изучали его проповѣди; но онѣ полнаго представленія о знаменитомъ профессорѣ дать намъ не могли.

Я въ младшемъ курсѣ читалъ, главнымъ образомъ, книги философскаго содержанія, большею частію нѣмецкія, и изрѣдка французскія. Къ иностраннымъ сочиненіямъ я обращался для того, чтобы овладѣть иностранными языками и достигъ возможности читать свободно ученыя нѣмецкія и французскія книги. Начальное знаніе этихъ языковъ мнѣ дано въ семинаріи, но довольно слабое. Безъ лексикона я не могъ справиться съ текстомъ нѣмецкой или французской книги. И вотъ, съ первыхъ дней своихъ академическихъ занятій, я усиленно старался восполнить этотъ пробѣлъ своихъ знаній. Помню, первая книга, которую я избралъ для внимательнаго изученія, была психологія Каруса. Затѣмъ мое вниманіе привлекли сочиненія Шеллинга, къ которымъ я иногда обращался и по переходѣ въ старшій курсъ. Чрезъ внимательное изученіе нѣмецкихъ книгъ, я очень скоро овладѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, и къ Рождеству, то есть, по про-

шествиі полугодія, уже безъ лексикона могъ справляться съ текстомъ нѣмецкихъ сочиненій.

Беллетристика русская меня мало интересовала. Да тогда и не было яркихъ представителей русской литературы. Читалъ я, впрочемъ, не безъ удовольствія, повѣсть Григоровича „Рыбаки“, и она до сихъ поръ мнѣ памятна. Бѣлинскій не былъ у насъ въ особенной чести. Если что съ наслажденіемъ читалъ я на русскомъ языкѣ, то переведенныя съ англійскаго трагедія Шекспира: каждая изъ нихъ производила на меня глубокое впечатлѣніе.

Проф. В. Пѣвницкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

При семь №-рѣ рассылаются „Проповѣди“ на м., ноябрь.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 6-го октября 1910 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 42.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года 17 октября.

Содержаніе: I. Обь идеальномъ пути пастырства. Ив. Смирновъ.—II. Въ какомъ отношеніи сгонтъ Евангеліе къ культурѣ? (Продолженіе) Прот. Д. Говоровъ.—III. Къ 23-му октябрю.—IV. Замѣтка. О виѣ-богослужебныхъ собесѣдованіяхъ.

Обь идеальномъ пути пастырства.

Всякій человѣкъ, становясь на поприщѣ новой дѣятельности, если онъ привыкъ давать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ и настроеніяхъ, старается мысленно обозрѣть предлежащій ему путь и намѣтить себѣ наилучшую стезю на этомъ пути. То же дѣлаетъ и новоначальный пастырь¹⁾

„Священнику знать, какъ паству добре правити,—есть наука всѣхъ наукъ и художествъ высочайшая“²⁾.

Всякій, сознательно поступающій человѣкъ, обозрѣвая мысленно предлежащій путь своего служенія, естественно прежде всего задается вопросомъ о томъ, какую же собственно

¹⁾ Агхіен. Антовій (Храповицкій). Собраніе лекцій и статей по пастырскому богословію, стр. 72.

²⁾ Св. Григорій Богословъ. Твор. въ русск. пер. ч. I, стр. 26.

цѣль онъ долженъ преслѣдовать въ своемъ служеніи, чтобы сообразно съ этимъ и путь выбрать наиболѣе удобный и скоро приводящій къ достиженію намѣченной цѣли...

Какова же идеальная цѣль паствы? „Христосъ возлюбилъ Церковь и предалъ Себя за нее, чтобы освятить ее, очистивъ банею водною посредствомъ слова, чтобы представить ее Себѣ славною церковью, не имѣющею пятна, или порока, или чего-либо подобнаго, но дабы она была свята и непорочна“ (Еф. 5, 26—27). И вотъ это дѣло нравственнаго совершенствованія членовъ Церкви Христовой продолжаютъ пастыри Церкви.

Опредѣляя эту идеальную цѣль паствы, св. Григорій Богословъ замѣчаетъ: „Пастырь Церкви... возсозидаетъ созданіе — возстановляетъ образъ Божій, творитъ для горняго міра и, скажу болѣе, становится Богомъ и творитъ Боговъ“¹⁾.

„Христосъ поставилъ однихъ апостолами, другихъ пророками; иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями „къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія, для созиданія Тѣла Христова“ (Еф. 4, 11—12).

Поставивъ главною цѣлью своего служенія созиданіе Тѣла Христова, или спасеніе вѣрующихъ, идеальный пастырь достигаетъ этой цѣли, согласно установленію Христа и апостоловъ, „двумя путями: путемъ духовнаго руководства, или религіозно-нравственнаго воспитанія своей паствы словомъ и дѣломъ, съ огражденіемъ ея отъ всякихъ тлетворныхъ вліяній («совершеніе святыхъ»)⁴⁾ и путемъ „молитвы о вѣрующихъ, или богослуженія церковнаго и домашняго («дѣлослуженія»)⁴⁾.

Духовное руководство, или учительство, или религіозно-нравственное воспитаніе вѣрующихъ, какъ „первѣйшая“, по

¹⁾ Твор. т. I, стр. 62.

словамъ святого Григорія Богослова ¹⁾, обязанность пастыря Церкви,—имѣть два направленія: положительное и отрицательное.

Въ первомъ — пастырь ставитъ своею задачею силою слова и дѣла возбудить и поддержать въ своихъ пасомыхъ религіозно-нравственное настроеніе съ отраженіемъ его въ ихъ личной, семейной и общественной жизни.

Путь отрицательный—это путь борьбы со страстями, съ заблужденіями паствы и разнаго рода лжеученіями или вредными въ нравственномъ отношеніи вліяніями, идущими со стороны.

Въ Богослуженіи и молитвѣ: въ службахъ церковныхъ, въ таинствахъ и другихъ требахъ приходскихъ, пастырь является, какъ ангелъ церкви“, „какъ ходатай“ за свою паству у престола небеснаго Царя, какъ предстатель и посредникъ, устрояющій таинственное общеніе съ Богомъ людей вѣрующихъ; для Бога онъ является, какъ служитель“, а для людей, какъ „посланникъ Божій, молитвенникъ и раздатель благодатныхъ даровъ: Тѣла и Крови Христовой,—благодати Духа святаго, освящающей, возрождающей и укрѣпляющей вѣрующихъ, — отпушенія грѣховъ, благословенія и т. п. „и, слѣдовательно, какъ и благодатный врачъ, исцѣляющій недуги душевныя и тѣлесныя...

—

Опредѣливъ идеальную цѣль пастырства, новоначальный пастырь не можетъ не благоговѣть предъ *величіемъ* пастырскаго служенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прекрасно сознаетъ, что чѣмъ выше и достойнѣе подвигъ, тѣмъ онъ *труднѣе*. Не даромъ же св. отцы и учителя Церкви называли истинное пастырство „мученичествомъ“. Не потому только трудно служеніе пастыря, что его наполняютъ непрестанная забота, неутомимый трудъ и борьба, но потому, въ особен-

¹⁾ Слово 5-е. Твор. въ руск. пер. стр. 37-я. Кн. с должн. пресвит. прил. § 12, стр. 17.

ности, что на пастырѣ церкви лежитъ тяжелая отвѣтственность за души пасомыхъ (Іез. 3, 19). Какими сокровищами можетъ искупить свою вину пастырь, расточившій Христово стадо? Не даромъ св. Златоустъ говоритъ: „Опасенъ путь. Не мню многихъ во іереѣхъ спасающихся, но множайшихъ погибающихъ“¹⁾.

Чѣмъ выше и труднѣе представляется кандидату священства пастырскій подвигъ, тѣмъ больше, думается, онъ долженъ сосредоточить свое вниманіе на „своемъ настроеніи“.

Никакой пастырь не можетъ идеально проходить свое служеніе, если самое пастырское званіе онъ принималъ не по тѣмъ „идеальнымъ мотивамъ“, которые указаны Самимъ Христомъ и которые предполагаются высотой и трудностью пастырскаго служенія. „Исусъ Христосъ сказалъ Симону Петру: „Симонъ Іонинъ! любишь ли ты Меня больше, нежели они?“—Петръ говоритъ Ему: „Такъ, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя“. Исусъ говоритъ ему: „паси агнцевъ моихъ“ (Іоанн. 21, 15). Любовь ко Христу, а неразрывно съ нею и любовь къ тѣмъ, которыхъ Онъ возлюбилъ,—любовь къ людямъ, искупленнымъ Его пречистою кровію, любовь къ образу Божію въ человѣкѣ, ко всему, что есть въ человѣкѣ добраго, свѣтлаго, чистаго,—вотъ единственное основаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ непреодолимое *побужденіе* къ принятію пастырства. Проникнутый этою любовью человѣкъ уже не въ силахъ отказаться отъ этого служенія, какимъ бы труднымъ оно ему ни представлялось; онъ не можетъ закопать свой талантъ въ землю, подобно невѣрному евангельскому рабу, но поставить свою свѣчу на свѣщницѣ, чтобы свѣтила всѣмъ. И такой человѣкъ, желая священства, по истинѣ, какъ замѣчаетъ апостоль, *добраго дѣла желаетъ* (1 Тим. 3, 1).

¹⁾ На Дѣян. ап. правоч. 3-е см. кн. о долги. пресв. Прли. § 6, стр. 7-а.

Но для идеальнаго прохожденія пастырскаго пути все же недостаточно одного „добраго настроенія“ пастыря. Нужно тщательно *приготовляться* къ этому высокому и трудному подвигу, нужно запастись необходимымъ духовнымъ и жизненно-практическимъ матеріаломъ, чтобы не пуститься въ это бурное житейское *плаваніе*, подобно ненагруженному кораблю“, какъ замѣчаетъ св. Іоаннъ Златоустъ ¹⁾. Не позаботившись объ этомъ, какъ должно, пастырь Церкви въ лучшемъ смыслѣ можетъ оказаться „пастыремъ плачущимъ“ (Зах. 11, 3) о погибели овецъ своихъ и не знающимъ, какъ возвратить ихъ на путь истины, въ худшемъ—онъ будетъ или безпечнымъ формалистомъ, который „ничимже печется объ овцахъ“ (Іез. 34, 8), или, что еще хуже, самъ „яко левъ рыскающій, восхищаетъ хищенія, души изъядаеть насиліемъ“ (Іер. 23, 12), растрѣвываетъ Христовъ виноградникъ „обращая его въ пустыню непроходную“ (Іер. 12, 10). Что же нужно пастырю Церкви, чтобы неукоризненно вступить на ниву Христову и успѣшно совершать пастырскій подвигъ?

„Надобно“, отвѣчаетъ намъ св. Григорій Богословъ, „прежде самому очиститься, потомъ уже очищать,—умудриться, потомъ умудрять, стать свѣтомъ, потомъ просвѣщать; приблизиться къ Богу,—потомъ приводить къ Нему другихъ; освятиться, потомъ освящать. Руководителю необходимы руки, совѣтнику потребно благоразуміе ²⁾. *Личность* нигдѣ не играетъ такой важной роли, какъ въ служеніи пастырскомъ. Самъ Христосъ говоритъ, что „пастырь предъ своими овцами ходить, а овцы за нимъ идутъ“ (Іоанн. 10, 4); и апостоль Павелъ заповѣдуетъ пастырю Церкви, быть образцемъ для вѣрныхъ (1 Тим. 4, 12). Образъ добраго пастыря манитъ и привлекаетъ къ себѣ вѣрующихъ, личный примѣръ пастыря побуждаетъ къ подражанію. Судь паствы по отношенію къ своему пастырю начинается съ его внѣшняго вида и поведенія въ отношеніи къ себѣ самому и къ окружающимъ. „Его

¹⁾ Слово 1-е о священствѣ стр. 409.

²⁾ Твор въ русск. пер. II, стр. 60—61.

судять и за взгляд“, пишетъ св. Іоаннь Златоустъ, „самыя простыя дѣйствія его строго разбирають, примѣчая и тонъ голоса, и положеніе лица, и мѣру смѣха“¹⁾. Потому-то апостоль заповѣдуетъ пастырю Церкви быть образцомъ для вѣрныхъ прежде всего— „въ словѣ“ (въ разговорахъ и учительствѣ) и въ житіи (въ поведеніи и взаимообщеніи), а потомъ уже—въ любви (къ Богу и ближнему),—въ духѣ (въ духовномъ настроеніи), въ вѣрѣ (въ увѣренности въ истинѣ Христова ученія и въ довѣрїи къ церковнымъ догматамъ) и наконецъ въ чистотѣ (въ нравственной непорочности), а опредѣляя качество истиннаго пастыря, тотъ же апостоль требуетъ отъ него прежде всего тѣхъ добродѣтелей, которыя должны отличать каждаго вѣрующаго христіанина, по отношенію къ самому себѣ, это: трезвенность, воздержаніе, цѣломудріе, благочестіе и благочиніе, благоразуміе, вѣрность истинѣ Христова ученія, христіанская образованность, любовь къ добру; по отношенію къ семьѣ: мудрое управленіе домомъ и благоразумное воспитаніе дѣтей; по отношенію къ ближнимъ: сострадательность, кротость, незлобіе, миролюбіе, справедливость, нестяжательность... Таковымъ можетъ быть только человѣкъ религіозно-настроенный, нравственно-чистый и опытный въ наукѣ и жизни...

Итакъ, кандидатъ священства прежде, чѣмъ сдѣлаться идеальнымъ пастыремъ, долженъ быть и вѣрнымъ сыномъ Церкви Христовой, и хорошимъ человѣкомъ, и добрымъ семьяниномъ, и лучшимъ членомъ общества. А такъ какъ судъ паствы простирается не только на личность самаго пастыря, но и на его семейную жизнь, то всѣ члены семьи пастыря должны подавать примѣръ христіанскихъ отношеній и добродѣтелей.

Но требованія паствы по отношенію къ самому пастырю необыкновенно строги. „Всѣ начинаютъ судить о немъ“, пишетъ св. Іоаннь Златоустъ, „не какъ о существѣ, обле-

¹⁾ Слово 3-е о священствѣ стр. 445.

ченномъ плотію и имѣющемъ человѣческую природу, но какъ объ ангелѣ, непричастномъ никакимъ слабостямъ¹⁾. Вотъ почему въ пастырѣ Церкви всѣ указанныя добродѣтели, въ силу его „высокаго званія и назначенія“, должны получить особый, такъ сказать, колоритъ. Идеальный пастырѣ не долженъ ни на минуту забывать, что онъ не простой человѣкъ, а служитель Божій и представитель народа Божія, и что главная цѣль его служенія не личное спасеніе, а приведеніе людей къ Богу. Вотъ почему ему въ особенности должно быть присуще, во-первыхъ, пастырское благоразуміе, или мудрость въ духовномъ управленіи паствою; во-вторыхъ,—сознаніе важности своего служенія и сана и, въ-третьихъ,—расширеніе своихъ личныхъ интересовъ до интересовъ всей паствы (2 Кор. 6, 11). Сообразно съ этимъ, пастырѣ Церкви долженъ быть въ особенности строгъ къ своимъ собственнымъ недостаткамъ, чтобы „ходить достойно своего званія“ (Еф. 4, 1), а въ отношеніи къ пасомымъ онъ долженъ быть, по выраженію св. Григорія Великаго „отцемъ по строгости и матерію по любви“²⁾. Въ его руководствѣ паствою „милость и истина да встрѣтятся, правда и миръ облобызаются“ (Пс. 84, 4). По примѣру св. апостола Павла, который писалъ къ Коринтянамъ: „если мы выходимъ изъ себя, то для Бога, если же скромны, то для васъ“ (2 Кор. 5, 13), идеальный пастырѣ, съ одной стороны, будетъ благоразумно пользоваться той властью, которая дана ему къ созиданію, а не къ разстройству“ (2 Кор. 10, 5), а съ другой,—будетъ любить своихъ пасомыхъ до состраданія и сорадованія имъ. до уничтоженія собственной личности, до готовности положить душу свою за овецъ³⁾. Эти черты истиннаго пастыря: благоразуміе, строгость и сострадательная любовь къ паствѣ

¹⁾ Слово 3-е о священствѣ 485 стр.

²⁾ Правило пастырское, стр. 56.

³⁾ Иоанн. 10, 11: 2 Коринт. 1, 6; 2, 3; 7, 3 см. архіеп. Антонія (Храпов.) собр. лекц. и ст. по паст. богосл., о дарѣ священства, стр. 18—19.

придаютъ особый, такъ сказать, тонъ всѣмъ внѣшнимъ и внутреннимъ качествамъ пастыря. Въ своей личной, семейной и общественной жизни идеальный пастырь будетъ благороднымъ и простымъ, важнымъ и не гордымъ, суровымъ и благосклоннымъ, строгимъ и кроткимъ, властнымъ и общительнымъ, безпристрастнымъ и услужливымъ, искреннимъ и нераболѣпнымъ, онъ будетъ „многостороннимъ; какъ говорить св. Іоаннъ Златоустъ, будетъ знать все житейское не менѣе обращающихся въ мірѣ и будетъ свободнымъ отъ всего болѣе монаховъ, живущихъ въ горахъ“¹⁾, онъ будетъ готовъ быть „всѣмъ все“ (1 Кор. 9, 19), по слову апостола Павла,—но не лукавымъ, не льстецомъ, не лицемеромъ; онъ будетъ смѣлъ и свободенъ отъ всякихъ условностей духа времени и направленія жизни,—но вмѣстѣ съ тѣмъ благоразуменъ и чуждъ фанатизма и крайностей. Сила воли, цѣлостность, постоянство и полнота религіознаго міровоззрѣнія и нравственнаго характера—вотъ что должно отличать идеальнаго пастыря. Послѣднимъ и завершительнымъ элементомъ—идеальнаго образа пастыря является „исповѣдничество“ за Христа,—рѣшительная готовность за преданность вѣрѣ и церкви Христовой принять вѣнецъ мученичества²⁾.

Въ такомъ видѣ представляется идеальный образъ пастыря. Это—не чиновникъ, формально и сухо исполняющій свои обязанности, и не восторженный мечтатель идеалистъ, фанатически преданный отвлеченной идеѣ,—нѣтъ: въ любовномъ и кроткомъ, но строгомъ и властномъ образѣ я вижу истиннаго подвижника Христова, ревностнаго служителя правды Божіей, безкорыстнаго труженика, друга и отца человечества, который всѣ интересы своей жизни и дѣятельности сосредоточилъ на созиданіи нравственнаго блага своихъ пасомыхъ³⁾... Но такъ какъ евангельскій идеаль предполагаетъ

¹⁾ Слово 5-е о священствѣ, стр. 442.

²⁾ Архіеп Антоній (Храпов.) собр. лекц. и ст. по наст.богосл., стр. 45—58.

³⁾ Ср. св. Амвросій Медиоланскій. О должностяхъ священнослужит. Церкви Христовой, стр. 101-я.

безконечное совершенствованіе, то пастырь Церкви представляется мнѣ неуклонно развивающимся и пополняющимъ свою духовную сокровищницу путемъ личной молитвы, чтенія Священнаго Писанія, благочестивыхъ размышленій и аскетическихъ подвиговъ, наконецъ, путемъ научно-теоретическаго (чтеніе полезныхъ книгъ, журналовъ и т. п.) и жизненно-практическаго (личные практическіе опыты, наблюденіе надъ частной и общественной жизнью окружающихъ) образованія.

Пастырю Церкви, постоянно имѣющему въ своемъ сознаніи главную и исключительную цѣль своего служенія— спасеніе вѣрующихъ, намѣтившему себѣ пути пастырскаго вліянія на свою паству: религіозно-нравственное воспитаніе пасомыхъ и богослуженіе или молитву, и, наконецъ, приготовившемуся къ борьбѣ и подвигу,—нѣтъ нужды слишкомъ подробно заранѣе опредѣлять каждый отдѣльный шагъ своей пастырской дѣятельности. Это лучше будетъ видно въ самой пастырской практикѣ сообразно съ временемъ, мѣстомъ и другими условіями житейскаго плаванія на корабль Христовомъ... За добрымъ пастыремъ идутъ овцы, идутъ потому, что „знають голосъ его“ (Іоанн. 10, 4). Его слово, исполненное религіознаго воодушевленія, подтверждаемое личнымъ примѣромъ, проникнутое глубокою нравственно-практическою мудростію, будетъ „благодатію и солию растворено“ (Кол. 4, 6), какъ говоритъ апостоль Павелъ, исполнено „духа и силы“ (1 Кор. 2, 4), а потому „живо и дѣйственно“ (Евр. 4, 12). Его „молитвенный пламень“—неволью воспламенитъ сердца окружающихъ. Задача идеальнаго пастыря позаботиться о томъ, чтобы овцы шли за нимъ не слѣпо, не по одному внутреннему инстинктивному влеченію къ образу пастыря, а сознательно, по возможности ясно представляя себѣ смыслъ и значеніе нравственнаго подвига.

Идеальный пастырь „не одинокъ“¹⁾. Въ этомъ сила и успѣхъ его пастырской дѣятельности... Всѣ вѣрующіе, подъ руковод-

¹⁾ См. Антопія (Хранов.). Собраніе лекцій и ст. по паст. богосл., стр. 20—31.

ствомъ добраго пастыря, будутъ представлять изъ себя „одинъ живой дѣйствующій организмъ“, въ которомъ всѣ члены, исполняя каждый свое особое назначеніе, въ то же время направляютъ свою жизнедѣятельность къ одной общей цѣли,—къ поддержанію существованія организма. Каждый по своему сообщая жизнь и дѣятельность организму, они въ то же время сами питаются отъ него и растутъ и совершенствуются вмѣстѣ съ ростомъ всего организма. Апостоль Павелъ такъ и опредѣляетъ Церковь, когда говоритъ, что она есть „Тѣло Христово, которое, будучи составляемо и совокупаемо посредствомъ разныхъ взаимно-скрѣпляющихъ связей, — при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена, отъ Христа получаетъ приращеніе для созиданія самого себя въ любви“ (Еф. 4, 16).

Здѣсь, въ этомъ таинственномъ общеніи душъ пастыря и пасомыхъ, получаетъ свое объясненіе идеальная постановка обоихъ видовъ пастырскаго служенія,—какъ религіозно-нравственнаго воспитанія пасомыхъ, такъ и молитвы, или богослуженія. Внѣшнія реформы и внѣшнія улучшенія во всѣхъ областяхъ пастырскаго служенія получаютъ смыслъ и значеніе только при этомъ таинственномъ единеніи пастыря съ пасомыми и зависятъ главнымъ образомъ отъ добраго настроенія и благоразумія пастыря.

Часто пытаются заранѣе опредѣлить—когда нужно говорить, и когда долженъ молчать пастырь-проповѣдникъ. Слово проповѣди излишне, говорятъ, при извѣстномъ богослуженіи (напр., за всенощнымъ бдѣніемъ), которое само по себѣ назидательно, или—при совершеніи извѣстнаго религіознаго обряда (напр., при погребеніи, при выносѣ св. креста, и св. Плащаницы и т. п.), когда самый обрядъ говоритъ больше словъ. Все это не болѣе, какъ недоразумѣніе: слово Божіе не связывается никакими принципиально-разсудочными опредѣленіями. Дѣло не въ томъ, насколько то или иное богослуженіе, или обрядъ религіозный, или просто извѣстный случай религіозной жизни—сами по себѣ назидательны, а въ томъ, насколько возбуждено въ моментъ ихъ совершенія ре-

лигіозно-молитвенное настроеніе вѣрующихъ, или насколько правильно понимаютъ они смыслъ и значеніе совершающагося. Предположимъ, что извѣстный религіозный актъ, особенно при его совершеніи идеальнымъ пастыремъ, самъ по себѣ возбудилъ религіозное чувство вѣрующихъ, но развѣ это помѣшаетъ доброму пастырю силою благодатнаго слова еще болѣе поднять это доброе чувство или, по крайней мѣрѣ, пользуясь соответствующимъ моментомъ, живѣе запечатлѣть въ сознаніи вѣрующаго истинный смыслъ и значеніе совершаемаго? Путь религіозно-нравственнаго воспитанія вѣрующихъ требуетъ отъ пастыря Церкви необыкновенной ревности, постоянства и преданности вѣрѣ и Церкви... Правда, доброму пастырю нѣтъ нужды каждый разъ особенно тщательно готовиться къ слову проповѣди, но необходимость религіозно-нравственнаго воспитанія своей паствы заставитъ пастыря неутомимо проповѣдывать „благовременнѣ и безвременнѣ“ (2 Тим. 4, 2), входить по возможности „во всѣ нужды“ пасомыхъ, „подъеми изнемогающаго, обвязывая сокрушеннаго, обращая заблуждающагося, взыскуя погнбшаго и сберегая крѣпкаго“ (Іез. 34, 16),—и употреблять всѣ мѣры пастырскаго воздѣйствія. Преданный своему долгу и ревностный пастырь будетъ проповѣдовать и во время богослуженія—и вести внѣбогослужебныя бесѣды, какъ общія въ церкви, такъ и частныя, особенно въ школахъ, а также и въ домахъ прихожанъ при совершеніи таинствъ и другихъ требъ и нуждъ религіозной жизни прихожанъ,—въ разныхъ случаяхъ ихъ семейной, личной и общественной жизни,—въ разныхъ учрежденіяхъ, обитатели которыхъ лишены возможности слухать его наставленія въ другихъ мѣстахъ, таковы: тюрьмы, больницы, богадѣльни и т. п. Мало того, идеальный пастырь, силою слова и дѣла, обращающій весь приходъ въ одинъ живой дѣйствующій организмъ и въ области религіозно-нравственнаго воспитанія своихъ пасомыхъ, какъ сказано, не останется одинокъ: онъ не только побудитъ къ ревностному исполненію своихъ обязанностей родителей и воспитателей,

но постарается ввести взаимо-обученіе, или взаимо-воспитаніе между всѣми прихожанами: между членами семьи, между школьниками и между людьми всякаго возраста, состоянія и положенія въ обществѣ,—при помощи всевозможныхъ братствъ, кружковъ, обществъ и т. п.

Стараясь по возможности удовлетворить всѣ нужды и требованія приходской жизни: религіозныя, соціальныя и даже матеріальныя, по скольку тѣ и другія связаны съ вопросами вѣры и нравственности, идеальный пастырь Церкви совокупно со своими пасомыми направляютъ свою дѣятельность къ тремъ цѣлямъ: просвѣтительной, благотворительной и спеціально-миссіонерской. Въ первомъ случаѣ онъ пользуется проповѣдями преимущественно вѣроучительнаго характера, школами, разными религіозно - просвѣтительными братствами и обществами, носящими общеобразовательный характеръ, распространеніемъ популярныхъ сочиненій въ разныхъ областяхъ науки и жизни и т. п. Во-второмъ случаѣ онъ употребляетъ проповѣди и бесѣды преимущественно нравственно-практическаго содержанія, а со стороны паствы на помощь ему являются разныя благотворительныя общества, сиротскіе и дѣтскіе пріюты, больницы, богадѣльни, страннопріимные дома и т. п. Наконецъ, въ третьемъ случаѣ, онъ употребляетъ всевозможныя мѣры пастырскаго воздѣйствія на непокорныхъ и заблуждающихся: обличительныя проповѣди, запрещенія, эпитиміи и даже, гдѣ нужно, гражданскія мѣры ¹⁾; со стороны общества ему служатъ миссіонерскія братства, общества съ цѣлью искорененія разныхъ пороковъ (пьянство, развратъ, сквернословіе и т. п.), семейныхъ неурядицъ (семейная вражда, деспотизмъ старшихъ и непокорность младшихъ, споры о наслѣдствѣ, раздѣлъ имущества и т. п.), разныхъ недостатковъ общественной жизни, языческихъ обычаевъ, суевѣрія, обрядовѣрія, индиферентизма и т. п., наконецъ,

¹⁾ См. кн. о должн. пресв. прих. § 32, стр. 49 и др.

официальные миссионеры для борьбы съ расколомъ, сектантствомъ и пр.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ добрый пастырь словомъ и примѣромъ будетъ возбуждать, руководить, вдохновлять, но въ то же время удерживать отъ увлеченія и уклоненія въ сторону,—стоять на стражѣ вѣры и Церкви, религіи и правственности, благоразумія и осторожности, любви и справедливости, въ особенности будетъ оберегать личности, бичуя пороки и заблужденія ¹⁾. Однимъ словомъ, идеальный пастырь Церкви будетъ въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, вѣрнымъ Христу и мудрымъ управителемъ, онъ постарается всей указанной приходской жизни и дѣятельности сообщить строгую систему, дать одно общее основаніе и направить къ одной общей цѣли. Единственнымъ основаніемъ для насомыхъ, какъ и для самаго пастыря, является въ данномъ случаѣ любовь ко Христу и любовь къ ближнему, а цѣлю взаимобученія и взаимопомощи вѣрующихъ—нравственное совершенствованіе человѣка, т. е. общая цѣль пастырства: „да будетъ совершенъ Божій человѣкъ, ко всякому дѣлу благому приготовленъ“ (2 Тим. 3, 17). Этому общему объединенію приходской дѣятельности весьма много будетъ способствовать то, что всѣ и религіозно-просвѣтительныя и благотворительныя и миссіонерскія нужды приходской жизни тѣсно связаны между собою и даже находятся во взаимной зависимости...

Чѣмъ глубже пустило свои корни въ общественное сознаніе и жизнь религіозное просвѣщеніе, тѣмъ скорѣе находитъ себѣ откликъ въ сердцахъ людей призывъ къ благотворительности. А чѣмъ больше очищается отъ всякихъ нежелательныхъ элементовъ религіозно-нравственная и социальная атмосфера приходской жизни, тѣмъ больше оживляется православное самосознаніе и тѣмъ уснѣшнѣе поѣтому становится борьба съ иномыслящими и врагами Христовой Церкви. Не

¹⁾ 2 Тим. 2. 22—26 и др. Пастырская жизнь св. Амвросія Медиоланскаго, стр. 44.

даромъ апостоль Павелъ заповѣдалъ кандидату священства имѣть доброе свидѣтельство и „отъ внѣшнихъ“ (1 Тим. 3, 7), т. е. иномыслящихъ, имѣя въ виду привлеченіе послѣднихъ къ Церкви Христовой. Въ указанномъ смыслѣ эта заповѣдь апостола простирается и на всѣхъ вѣрующихъ.

Молитва добраго пастыря жива и дѣйствена. Вотъ почему, когда подъ вліяніемъ этой молитвы воспламеняются сердца вѣрующихъ, и когда, благодаря этому, все богослуженіе обращается въ одно великое славословіе Господа „единими устами и единѣмъ сердцемъ“,—тогда всякія внѣшнія реформы и улучшенія въ богослуженіи не могутъ имѣть существеннаго значенія. Правда, идеальный пастырь не оставитъ безъ вниманія и внѣшнюю сторону богослуженія, насколько она способствуетъ поднятію религіознаго воодушевленія молящихся, но и торжественная обстановка при богослуженіи, и улучшеніе церковнаго цѣнія и чтенія, и пастырская примѣняемость къ житейскимъ нуждамъ пасомыхъ въ вопросѣ о времени и продолжительности богослуженія и сильное исполненіе устава церковнаго—все это является лишь неизбѣжнымъ проявленіемъ религіознаго воодушевленія и благоразумія добраго пастыря. Благоговѣніе и благочиніе, чуждое крайностей слѣпнаго фанатизма и чрезмѣрнаго практицизма, — вотъ отличительная внѣшняя черта идеальнаго богослуженія. Какъ раздаятель благодатныхъ даровъ, или какъ врачъ душъ и тѣлесъ благодатными средствами, идеальный пастырь самъ поспѣшитъ на помощь къ болящимъ, но онъ будетъ обращать самое строгое вниманіе на внутреннее настроеніе и приготовленіе приступающихъ къ святынь, чтобы не быть „причастникомъ къ чужимъ грѣхамъ“ (1 Тим. 5, 22), какъ говоритъ апостоль. Благоговѣя самъ передъ святыней, идеальный пастырь постарается внушить то же благоговѣніе и пасомымъ, а въ противномъ случаѣ будетъ нелицемѣрно и открыто подвергать недостойныхъ отлученію (1 Кор. 5, 5). Характеристика идеальнаго пастыря, какъ тайнъ совершителя и молитвенника, останется неполною, если не

коснуться одного очень большого вопроса въ богослужебной практикѣ духовенства. Это вопросъ о матеріальномъ вознагражденіи со стороны прихожанъ за совершеніе священникомъ религиозныхъ требъ и обычаевъ, каковы славленіе, хожденіе со святою водою, мѣстныя богомолія и т. п.

Служеніе идеальнаго пастыря безусловно должно быть безкорыстно, и въ этомъ заключается первое разрѣшеніе поставленнаго вопроса: плата со стороны прихожанъ является при такомъ условіи не официальнымъ требованіемъ, а добротнымъ даяніемъ. Но идеальный путь пастырства, кажется, вовсе не требуетъ со стороны пастыря совершеннаго отказа отъ этихъ добротныхъ даяній¹⁾. Пастырю Церкви необходимо считаться въ данномъ случаѣ и съ настроеніемъ приносящаго, и съ традиціей, и съ нуждами своей семьи, и съ интересами всего церковнаго причта, чтобы употреблять данную ему отъ Самого Христа власть къ созиданію мира въ Церкви, а не къ разстройству“ (2 Кор. 10. 8). Всѣ недоразумѣнія по данному вопросу возникаютъ, какъ намъ кажется, главнымъ образомъ, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, по причинѣ недостатка въ пасомыхъ религиозно-нравственнаго настроенія и вѣры, а во-вторыхъ, по причинѣ вымогательствъ со стороны самого духовенства. Намъ думается, что идеальный пастырь съ его неуклоннымъ и честнымъ выполненіемъ своихъ обязанностей, съ его всестороннимъ вліяніемъ на паству, не останется бѣденъ, если открыто и честно заявитъ пасомымъ о своихъ матеріальныхъ нуждахъ, но въ то же время онъ силою слова и дѣла постарается недопустить того, чтобы добровольное вознагражденіе ему со стороны прихожанъ соединялось съ насиліемъ индивидуальной совѣсти, или хотя бы даже невольно смѣшивалось въ ихъ сознаніи съ покупкою и продажею благодатнаго дара.

¹⁾ См. кн. о должн. пресв. прих. § 79, стр. 121.

Таковымъ представляется служеніе идеальнаго пастыря Церкви. Насколько высоко и трудно это служеніе, настолько же любезно оно нашему пастыреначальнику Христу. И честно потрудившійся на поприщѣ своего служенія пастырь за свою любовь ко Христу, которая заставила Его принять на себя тяжелый пастырскій подвигъ,—получить неувядаемый славы вѣнецъ“, который даетъ Христосъ всѣмъ „возлюбившимъ явленіе Его“ (2 Тим. 4, 8). *Иванъ Смирновъ.*

Въ какомъ отношеніи стоитъ Евангеліе къ культурѣ.

(Продолженіе ¹⁾).

II.

Земная жизнь человѣка—индивидуальная и социальная, какъ мы знаемъ, проходитъ въ трудѣ. Это удѣлъ человѣка съ первобытнаго времени. *Въ потъ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ, доколѣ не возвратишься въ землю, изъ которой ты взятъ* (Быт. 3. 19). Въ исторіи труда Евангеліе сыграло величайшую роль, оно совершило переворотъ во взглядѣ на трудъ. Это одно изъ видныхъ, наглядныхъ средствъ, которыми Евангеліе преобразовало жизнь человѣчества. Падшая природа человѣчества извратила опредѣленіе Божіе о трудѣ. Изъ общечеловѣческаго удѣла онъ сдѣлался унижительнымъ отличіемъ раба, несомвѣстнымъ съ званіемъ свободнаго гражданина. Такой извращенный взглядъ на трудъ былъ однимъ изъ главныхъ причинъ, погубившихъ древній до-христіанскій міръ съ его культурою. И по взгляду нынѣшнихъ социалистовъ, трудъ не есть задача жизни, а скорѣе неизбежное зло. По христіанскому же воззрѣнію, трудъ есть задача и услада жизни, это—средство, облагораживающее чело-

¹⁾ См. № 41-й за 1910-й г.

вѣка, это служеніе Богу и ближнимъ. Христіанство освятило и благословило трудъ; честнаго труженника изъ униженнаго раба возвело на степень *вѣрнаго раба Божія*. Произведенный Евангеліемъ переворотъ во взглядѣ на трудъ повлекъ за собою величайшія послѣдствія въ культурной жизни на всемъ протяженіи христіанской исторіи. Какъ раньше сказано, христіанство не возставало противъ установленнаго законами института рабства, но оно (христіанство) освятило трудъ раба, облагородило, сдѣлало честный трудъ всякаго человѣка достойнымъ высшей награды. Оно возвѣстило абсолютную цѣнность въ очахъ Божіихъ всякой души христіанской; этимъ самымъ вопросъ и о рабствѣ, и о трудѣ рѣшенъ былъ безповоротно. Новыя понятія о личности человѣка и трудъ его легли въ основу христіанской жизнедѣятельности. При свѣтѣ Евангелія, трудиться и служить Богу, трудиться и молиться—одно и то же. И это потому, что Самъ Христосъ, пріявшій зракъ раба, подъявшій трудъ земной жизни со всѣми проклятiями, освятилъ и сдѣлалъ его благословеннымъ удѣломъ всѣхъ людей безъ изыятiя, на всѣхъ жизненныхъ поприщахъ и во всякомъ положеніи. Никѣ трудятся всѣ—и богатые и бѣдные, господа и слуги, знатные и простые, трудятся во славу Божію, во благо настоящихъ и будущихъ поколѣній, которыя войдутъ въ трудъ ихъ (Іоанн. 4, 38); творя дѣло свое, всякій сознаетъ, что смыслъ и значеніе его дѣланія заключается не въ самомъ дѣланіи, а въ томъ, что оно есть выраженіе любви къ ближнему, есть средство прославленія Бога и духовнаго его совершенствованія, необходимаго для достиженія царства Божія во всей силѣ.

Мы имѣли уже случай сказать о томъ, какъ отразилось христіанство на наукахъ и искусствахъ. Теперь остановимъ свое вниманіе на другихъ поприщахъ и формахъ жизнедѣятельности человѣческой, въ которыя проникаетъ духъ евангелійскій: на дѣятельность индустріальную, фабричную, какъ

она совершается въ жизни индивидуальной, общественной, въ средѣ богатыхъ и бѣдныхъ. Здѣсь мы увидимъ, что нѣтъ ни одного добраго начинанія христіанскаго, даже самаго малаго, повидимому, которое не носило бы печати евангельской, основою котораго не было бы ученіе евангельское.

Всякая дѣятельность человѣческая обусловливается матеріальными средствами; успѣхи цивилизаціи; внѣшней культуры сопровождаются скопленіемъ матеріальныхъ богатствъ и удобствами жизни. Является вопросъ, можно ли оправдать культурное движеніе Евангеліемъ, если это движеніе связано съ богатствомъ, роскошью. Не есть ли самое богатство зло, которое если и доставляетъ временное довольство человѣку, то въ сущности удаляетъ отъ истинной цѣли жизни человѣческой? Въ отвѣтъ на это мы должны уяснить христіанскій взглядъ на богатство и соединенное съ приобрѣтеніемъ его довольство въ жизни.

Отрицательный взглядъ на богатство имѣетъ подтвержденіе въ словахъ евангельскихъ, которыми изрекается горе богатымъ и пресыщеннымъ (Лук. 6, 24, 28), указывается на трудность богатому войти въ царство небесное (Мрк. 10, 23), дѣлается увѣщаніе продать имѣніе и раздать нищимъ (Лук. 18, 22), возвеличиваются, напротивъ, обездоленные, бѣдные (Лук. 16, 20. 22), и пр. Можно ли отсюда сдѣлать заключеніе, что богатство—зло, богатые—люди отверженные, бѣдность—источникъ добра, бѣдные—наслѣдники царства небеснаго? Дать утвердительный отвѣтъ на это—значило бы не понимать духа евангельскаго. Нельзя заключить о нравственномъ ничтожествѣ, о низкой духовной цѣнности человѣка изъ того только, что онъ обладаетъ богатствомъ, или одѣвается въ порфиру и виссонъ. Равнымъ образомъ, нельзя возвеличивать въ духовномъ отношеніи тѣхъ людей, которые не имѣютъ дневнаго пропитанія, или влачатъ жизнь на гнилицѣ, ибо если цѣнность человѣка не зависитъ отъ его имѣнія, то не зависитъ она и отъ его наготы. Слѣдовательно, матеріальное богатство само въ себѣ не противно Евангелію.

Оно можетъ быть добромъ, если приобретається честно, съ благословенія Божія, если оно тратится во славу Божию и на пользу ближнимъ. Оно можетъ быть зломъ, когда приобретається неправильно и тратится на угожденіе плоти. Въ первомъ случаѣ оно Евангеліемъ освящается, во второмъ отвергается. Въ этомъ смыслѣ небрежно относящіеся къ даруемымъ матеріальнымъ благамъ—лѣнныя рабы, купцы, привратники, виноградари осуждаются (Мѡ. 25, 14—30; Лук. 8, 13—26; Мар. 12, 1—9).

Ясно отсюда, что всякія культурныя усовершенствованія и завоеванія, связанныя съ матеріальнымъ богатствомъ, какъ-то: усовершенствованные пути сообщенія—паровая и электрическая ж. дорога, пароходство, воздухоплаваніе, торговля и промышленныя предпріятія и пр., оцѣниваются съ точки зрѣнія служенія Богу и ближнимъ. Въ силу только этого служенія Евангеліе и даетъ благословеніе всѣмъ предпріятіямъ. Мы видимъ, что съ усовершенствованіемъ путей сообщенія быстрѣе и легче распространяется свѣтъ духовнаго просвѣщенія, но благодаря этому же быстрѣе и легче распространяется всякое зло. До изобрѣтенія книгопечатанія люди просвѣщались рукописными благочестивыми сказаніями, которыя доставлялись съ большимъ трудомъ; съ изобрѣтеніемъ же и усовершенствованіемъ печатныхъ станковъ быстро и безъ затраты большого труда распространяются полезныя книги. Но при помощи тѣхъ же станковъ и съ развитіемъ дорогъ книжный рынокъ переполняется такими книгами, которыя вливаютъ ядъ въ душу читателя, разрушаютъ плоды евангельскаго ученія и въ конецъ разрушаютъ счастье человѣка. Отъ воли человѣка зависитъ или содѣйствовать распространенію зла при помощи изобрѣтеній, или преграждать его распространеніе.

Представляется еще вопросъ: предметы роскоши, дорогая внѣшняя обстановка, произведенія искусствъ, удовлетворяющія эстетическому чувству, чѣмъ такъ щедро надѣляетъ насъ современная культура,—все это и пользованіе всѣмъ

этимъ согласно ли съ Евангеліемъ? Можно ли оправдать Евангеліемъ стремленія чловѣка къ радостямъ, удовольствіямъ, къ общественнымъ развлеченіямъ, къ театральнымъ представленіямъ и пр.?—По евангельскому ученію и въ этомъ нѣтъ ничего дурного по существу. Иисусъ Христосъ, Самъ будучи духовецъ, ни словомъ, ни прѣмѣромъ не устранялъ пользованіе этими предметами. Онъ обращалъ взоры Свои и на птицъ небесныхъ, и на лиліи полевыя; богатство и красота, на нихъ излитыя, являются для Него средствомъ къ раскрытію ученія о Богѣ Творцѣ и Промыслителѣ. Иисусъ Христосъ возлежалъ на брачномъ пирѣ между счастливыми гостями и благосклонно входилъ въ праздничное настроеніе присутствовавшихъ. Онъ не уклонялся холодно, стoiceски, отъ тѣхъ случаевъ, когда предлагалось Ему радостное гостепріимство и представлялось радостное сообщество. Иисусъ Христосъ оправдывалъ и такое употребленіе денегъ, которое не вызывалось необходимостію, а служило, какъ показывалось на первый взглядъ, удовлетвореніемъ излишней роскоши. Разсказъ, имѣющій мѣсто у всѣхъ евангелистовъ, о женщинѣ съ алавастровымъ сосудомъ съ муромъ служить подтвержденіемъ этого (Матѳ. 26, 7; Мар. 14, 3; Лук.; 7, 37; Иоанн. 12, 3). Въ простомъ, повидимому, поступкѣ женщины, о которомъ разсказываютъ евангелисты, Иисусъ Христосъ усмотрѣлъ такое дѣло, которое было достойно всемірной извѣстности. Онъ увидѣлъ въ немъ выраженіе истинной безкорыстной любви къ Богу, въ немъ выразилась вся простота души ея; съ возліяніемъ мұра она излила и слезы на ноги Спасителя. Въ своемъ поступкѣ женщина нашла удовлетвореніе самому возвышенному чувству—прекраснаго. Мысль о томъ, что удовлетвореніе чувства прекраснаго не противорѣчитъ духу евангельскому, хорошо разъясняетъ ученый Пибоди. „Евангеліе, говоритъ онъ, благословляетъ всѣ тѣ предпріятія, которыя во имя Христа даютъ уму пищу, фантазію—возбужденіе, чувствамъ—живость, чтобы сдѣлать существованіе менѣе убогимъ, менѣе животнымъ и менѣе ту-

нымъ. Употребленіе богатства на искусство, воспитаніе и музыку, на открытіе естественныхъ вспомогательныхъ средствъ въ облегченіе утомительной городской жизни, на избавленіе человѣчества отъ чисто-житейской точки зрѣнія, на осуществленіе тѣхъ удовольствій, которыя возвышаютъ природу на степень органовъ и символовъ человѣческаго существованія, не только оправдывается возвышающимъ и воспитывающимъ результатомъ такого употребленія богатства, но основывается и на авторитетѣ ясно выраженнаго ученія Иисуса Христа. Христіанская жизнь сдѣлалась бы подлинно жалкою, если бы она не желала привѣтствовать жертвъ, какія приписитъ сердце добровольно и безъ всякихъ расчетовъ». ¹⁾

Такимъ образомъ, и богатство можетъ служить средствомъ къ достиженію *высшаго званія Божія во Христѣ Иисусѣ* (Филипп. 3, 14) Употребленіе богатства на удовлетвореніе эстетическаго чувства служитъ несомнѣнно на пользу человѣку; это удовлетвореніе служитъ средствомъ облагораживающимъ и содѣйствующимъ естественному совершенствованію человѣка; оно поднимаетъ его до высоты „міровъ иныхъ“ и, слѣдовательно, не противно Евангелію. Этимъ средствомъ, по сказанію лѣтописца, наши предки познали Бога и приобщились къ христіанской культурѣ. Чувство красоты и развитіе его, впрочемъ, можетъ принять и односторонній характеръ, какъ это случилось съ нашимъ мыслителемъ К. П. Леонтьевымъ. Благодаря усиленному развитію чувства красоты, созерцаемой въ православномъ богослуженіи, у него явилось равнодушное и потомъ отрицательное отношеніе къ жизни мірской. Чувство красоты и удовлетвореніе его имѣютъ не абсолютное значеніе въ развитіи человѣка, а такое же относительное, какъ и другіе факторы. Такое значеніе красоты придаетъ и профессоръ М. М. Тарѣевъ. Мистическая красота, созерцаемая въ космосѣ, по его словамъ, религіозна. Но она, давая человѣку общеніе съ универсомъ, вмѣстѣ съ

¹⁾ Пибоди: „Иисусъ Христосъ и социальный вопросъ“, стр. 180, 181.

тѣмъ отъединяетъ человѣка, ставитъ его въ центрѣ всего, и въ концѣ концовъ создается культъ, по существу индивидуалистическій, культъ эгоистической силы, личнаго наслажденія. Элементъ религіозный, такимъ образомъ, отпадаетъ. Эстетизмъ ведетъ къ пониженію человѣка въ культурномъ развитіи. На этой ступени онъ, т. е. эстетизмъ, ничего общаго съ Евангеліемъ не имѣетъ¹⁾.

Трудъ человѣка имѣетъ наибольшее примѣненіе въ жизни индустріальной, фабричной. Повидимому, эта дѣятельность не соотвѣтствуетъ духу евангельскому. Такъ: въ Евангеліи изображается жизнь идеальная со стремленіемъ къ царству небесному, въ индустріальной дѣятельности—жизнь дѣловая, реальная, съ денежными расчетами. Тамъ спасеніе души, здѣсь прібытокъ матеріальный. Притомъ же Иисусъ Христосъ отвлекаетъ сердце человѣка отъ пристрастія къ земнымъ интересамъ и побуждаетъ собирать сокровище на небѣ (Мат. 6. 19, 20). Такъ желала бы обособить индустріальную жизнь социаль-демократія. Но обособить индустрію отъ Евангелія никакъ нельзя. Развитіе индустріи въ какой-либо отрасли, хотя бы доведенной до совершенства, не составляетъ еще культуры. Въ Китаѣ земледѣліе, выдѣлываніе шелковыхъ матеріи, красокъ доведены до самой высшей степени совершенства, какъ нигдѣ въ мірѣ; то же самое надо сказать о фарфоровыхъ издѣліяхъ въ Японіи, о выдѣлываніи ковровъ въ Персіи, шалей въ Индіи. Но все это не дѣлаетъ странъ культурными въ полномъ смыслѣ слова. Образцовая дѣятельность этихъ народовъ походитъ на образцовое выдѣлываніе паутины пауками, медовыхъ сотовъ пчелами, подземныхъ ходовъ муравьями. И Россія не была бы приобщена къ культурному міру, если бы она славилась только совершенствомъ въ литьи колоколовъ и выдѣлываніи самоваровъ. Необходимо еще, чтобы съ успѣхомъ въ той или другой промышленной отрасли проявлялся общій подъемъ духовнаго развитія—

¹⁾ „Духъ и плоть“, гл. IX.

въ наукахъ, искусствахъ, въ бытовой, семейной и общественной жизни и пр., чтобы на всемъ этомъ являлись слѣды вліянія авторитета всеобъемлющаго характера, каково вліяніе Евангелія. Тогда развитіе индустріальное, техническое будетъ идти параллельно съ развитіемъ нравственнымъ, духовнымъ. Въ индустріальномъ строѣ христіанскихъ народовъ это вліяніе и сказывается.

Что такое мастерской фабрики или завода? По видимому, этотъ человѣкъ механически выполняетъ данную ему работу, безъ участія его внутренняго настроенія. На самомъ же дѣлѣ, это не машина, а живой человѣкъ, который умственно и нравственно развивается вмѣстѣ съ развитіемъ техники. Чѣмъ выше техника, тѣмъ выше должно быть его внутреннее духовное развитіе. Вмѣстѣ съ техникой у него развиваются нравственныя качества—терпѣніе и настойчивость въ трудѣ, любовь къ труду, честность въ выполненіи своихъ обязанностей, добросовѣстность въ отдѣлкѣ заказанной вещи. Это все такія качества, которыя требуются отъ всякаго общественнаго дѣятеля, какъ христіанина. Работодатель и фабрикантъ желаютъ видѣть въ своемъ мастерскомъ не только знающаго свою спеціальность, но и имѣющаго нравственныя качества: трезвость, добросовѣстность, миролюбіе, скромность и другія необходимыя въ общежитіи качества христіанина. Успѣхъ фабричной дѣятельности обусловливается непременно добрыми качествами фабриканта и заводчика. Слѣдовательно, въ индустріальныхъ предпріятіяхъ нравственная сторона, христіанскія добродѣтели являются важнымъ элементомъ. Эти добродѣтели прививаются въ христіанской семьѣ, христіанскимъ воспитаніемъ. Такимъ образомъ, движущая сила въ индустріи есть Евангеліе—общій источникъ міровой культуры, какъ солнце—общій источникъ свѣта во всей вселенной. Индустріальная дѣятельность—это только вѣтвь, которая питается соками одного живаго дерева—христіанства. На ней лежитъ печать и благословеніе Евангелія. Евангеліе благословляетъ труды земледѣльца (Мѡ. 13, 3 и д.), пастушества

(Іоанн. 10, 2—5), труды торговца (Мѣ. 13, 45—46), рыбопромышленника (Мѣ. 13, 47—48), рабочаго (Мѣ. 25, 16—27), сотника (Мѣ. 8, 5—13), и т. д. Апостолы были ремесленники—(ап. Павелъ), живописцы (ев. Лука). Всякій ремесленникъ, приступая къ выполнению своего дѣла, испрашиваетъ благословенія Господа, а закончивъ дѣло, благодаритъ и прославляетъ Его. Христіанское благочестіе ремесленника отражается въ доброкачественности его ремесла, п. ч. *благочестіе на все полезно* (1 Тим. 4, 8). Дѣлами рукъ своихъ онъ устрояетъ счастье семьи, самъ участвуетъ въ немъ и находитъ побужденіе славить Бога, благодѣющаго ему. Если бы въ эту область человѣческой дѣятельности во всей полнотѣ проникъ духъ евангельскій, и каждый членъ индустріальной ассоціаціи осуществлялъ христіанскія добродѣтели, тогда никто не подумалъ бы объ улучшеніи положеніи рабочаго насильственными переворотами по программѣ социализма.

Протоіерей *Димитрій Говоровъ*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ 23-му октября.

(Замѣтка).

„Дмитріевская суббота“, въ которую совершается у насъ, на Руси, поминовеніе усопшихъ, установленное княземъ Димитріемъ Донскимъ послѣ Куликовской битвы (8-го сентября 1380 года), въ нынѣшнемъ году падаетъ на 23-е октября.

Къ этому числу мы и имѣемъ въ виду приурочить ниже слѣдующую замѣтку, которая можетъ быть интересна и полезна для приходскихъ пастырей.

Поминовеніе усопшихъ на такъ называемой вселенской панихидѣ, совершаемой въ родительскія субботы, наибольшою торжественностью обставлено у насъ, какъ извѣстно, въ со-

Годъ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 43.

Подписка принимается въ редак-
ци журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года октября 24-го дня.

Содержаніе: I. Въ какомъ порядкѣ испрашивается разрѣшеніе на погре-
беніе священно-церковно-служителей и благочестивыхъ мірянъ въ
церковной оградѣ. П.—II. Въ какомъ отношеніи стоитъ Евангеліе
къ культурѣ? (Окончаніе). Прот. Д. Геворовъ.—III. Библія и есте-
ствованіе. Перев. П. П. Селивановской.—IV. Забѣтка. О приход-
ской благотворительности.

Въ какомъ порядкѣ испрашивается разрѣшеніе
на погребеніе священно-церковно-служителей и
благочестивыхъ мірянъ въ церковной оградѣ.

(Юридическая справка).

Распоряженіями высшей церковной и гражданской вла-
сти послѣдняго времени измѣненъ существовавшій доселѣ по-
рядокъ касательно погребенія священно-церковно-служителей
и благочестивыхъ мірянъ внутри церковной ограды около хра-
ма и на церковномъ погостѣ. Прежде, по указу Св. Синода
отъ 12 апр. 1833 года, на погребеніе при церквахъ, нахо-
дящихся въ селеніяхъ, тѣль протоіереевъ и священниковъ,
честно и безпорочно проходившихъ свое служеніе и христіан-

невѣдѣніи: прости имъ и отъ всякія вины разрѣши ихъ, и упокой души ихъ, и дѣже присѣщаетъ свѣтъ лица Твоего.

Помяни, Господи, усопшихъ рабовъ Твоихъ—Благочестивыхъ Императоровъ, Императриць, Царей, Цариць, Благочестивыхъ Великихъ Князей и Великихъ Княгинь и Князей, Царевичей и Царевенъ, наипаче же—миру святыхъ Церкви и благому жителству человѣческому споспѣшествовавшихъ.

Помяни, Господи, усопшихъ рабовъ Твоихъ во всякомъ начальствѣ и власти и служеніи блага ради общаго трудившихся, православныхъ воиновъ, гражданъ, поселянъ и всѣхъ христіанъ въ православной вѣрѣ и покаяніи скончавшихся.

Помяни, Господи, усопшихъ рабовъ Твоихъ плодоносившихъ и добродѣявшихъ во святыхъ Твоихъ церквахъ и въ обители Преподобнаго Сергія, и создателей обители сея, и отцовъ, и братій нашихъ служившихъ въ обители преподобнаго Сергія, миловавшихъ нищія, посѣщавшихъ больныя, защищавшихъ немощныя, подвизавшихся за правду и всѣхъ, заповѣдавшихъ молиться о нихъ.

Упокой, Господи, души усопшихъ рабовъ Твоихъ внезапною или нужною смертію скончавшихся и предсмертнаго покаянія и причащенія святыхъ Таинъ напутствія не сподобившихся, яко—болѣзнію, умъ и память отъемлющею, пораженныхъ или на брани убіенныхъ, отъ разбойниковъ и наветниковъ разными образы жизни лишенныхъ, отъ грома, отъ огня, отъ жара, отъ мраза, отъ ярости звѣрей, отъ скотовъ умершихъ, утопшихъ, по бѣдственной смерти погребенія лишенныхъ, сироты, нищія и младенцы отъ одиночества и неизвѣстности не имѣющихъ ближняго молящагося за нихъ. Помяни ихъ Самъ, Господи, вѣдый коегождо имя и душевную потребу, и даруй имъ очищеніе, и прощеніе, и миръ, и ослабленіе сподоби ихъ непобѣдимою силою Животворящаго Креста и молитвами Пресвятыя Богородицы и всѣхъ святыхъ“.

ЗАМѢТКА.

О внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ ¹⁾.

Что внѣбогослужебныя собесѣдованія имѣютъ за собою несомнѣнную пользу—это ясно. Никакая истина изъ области ли науки, религіи ли, или иной какой такъ не усваивается твердо и сознательно, какъ тѣ истины и предметы, которые изучаются путемъ живой бесѣды о нихъ.

Въ послѣднее время съ дарованіемъ религіозной свободы и нѣкоторой свободы собраній подняли голову расколъ и сектантство. Для этихъ двухъ религіозныхъ теченій особенно важна свобода собраній. Это могучее средство для пропаганды идей и между прочимъ религіозныхъ. Всѣмъ извѣстна недавняя дѣятельность въ столицахъ и крупныхъ городахъ Фетлера, одного изъ сектантскихъ руководителей. Бесѣды его посѣщались народомъ, особенно рабочими, въ огромномъ количествѣ. И такимъ успѣхомъ этотъ руководитель пользовался благодаря своей способности вести бесѣды на религіозныя темы. Онъ велъ именно бесѣды, живыя по характеру и интересныя по содержанію, а не чтенія подъ видомъ бесѣдъ, какъ это дѣлается въ большинствѣ у насъ, православныхъ пастырей. Въ противовѣсъ такому способу пропаганды сектантства и отчасти раскола обращено особенное вниманіе на пользованіе внѣбогослужебными собесѣдованіями и въ нашемъ православномъ церковномъ мірѣ. Намъ, православнымъ іереямъ, дана широкая свобода пользоваться собесѣдованіями съ паствою въ церкви, въ школѣ и частныхъ домахъ прихожанъ, и на насъ уже лежитъ обязанность воспользоваться этой свободой. Пользуемся ли мы ею и какъ?

Само названіе—внѣбогослужебное собесѣдованіе—даетъ многое для составленія правильнаго понятія о немъ. Собесѣдованіе—разговоръ одного лица съ другимъ или нѣсколькими

¹⁾ Изъ чтенія въ собраніи пастырей.

лицами объ известномъ предметѣ. Если мы будемъ имѣть въ виду еще слово „внѣбогослужебное“, то понятно, что подъ внѣбогослужебными собесѣдованіями разумѣются бесѣды священника съ своими прихожанами о религіозно-правственныхъ предметахъ въ церкви послѣ службы, въ школѣ или, наконецъ, въ домахъ прихожанъ. Значить, характерное свойство внѣбогослужебныхъ собесѣдованій—живость рѣчи обоихъ бесѣдующихъ сторонъ, при чемъ, конечно, главная роль въ этой бесѣдѣ принадлежитъ священнику, что вполне понятно.

Внѣбогослужебныя собесѣдованія должны быть интересны по содержанию своему и живыми относительно способа ихъ веденія. Но какимъ путемъ сдѣлать ихъ живыми, какъ достигнуть, чтобы въ собесѣдованіи имѣли возможность принять активное участіе и прихожане? Я думаю, въ каждомъ приходѣ есть люди, интересующіеся вопросами христіанской догматики и нравственности; для многихъ не безразлично то или иное рѣшеніе этихъ вопросовъ. И вотъ простой народъ пытается многіе вопросы рѣшить по своему и рѣшаетъ, вслѣдствіе чего у него получаютъ неправильныя понятія, точнѣе, получается безсознательная ересь. Попробуйте посредствомъ вопросовъ заставить наиболѣе развитыхъ прихожанъ выразить свое пониманіе и отношеніе къ данному вопросу. Если это пониманіе окажется неправильнымъ, за священникомъ очередь дать правильное освѣщеніе вопроса; если прихожанинъ выскажется правильно, священникъ дастъ болѣе полное и пространное толкованіе, а затѣмъ предложитъ кому-либо изъ слушателей повторить сказанное имъ, хотя бы путемъ наводящихъ вопросовъ. Смущаться первыми неудачами, которыя, конечно, очень возможны, не слѣдуетъ. Прихожане скоро поймутъ пользу такого веденія бесѣдъ и, находя въ нихъ интересъ, будутъ стараться принять въ нихъ участіе (Донск. Е. в.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 12-го октября 1910 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

УЧЕБНОЕ ПУТНИКЪ

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

За годъ годовому изданію на мѣсть
пять руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 43. Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Невской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года октября 24-го дня.

Содержаніе: I. Въ какомъ порядкѣ испрашивается разрѣшеніе на погре-
беніе священно-церковно-служителей и благочестивыхъ мірянъ въ
церковной оградѣ. II.—III. Въ какомъ отношеніи стоитъ Евангеліе
къ культурѣ? (Окончаніе). Прот. Д. Р. Воробъ.—III. Библия и есте-
ствознаніе. Перев. П. П. Селивановской.—IV. Замѣтка. О приход-
ской благотворительности.

**Въ какомъ порядкѣ испрашивается разрѣшеніе
на погребеніе священно-церковно-служителей и
благочестивыхъ мірянъ въ церковной оградѣ.**

(Юридическая справка).

Распоряженіями высшей церковной и гражданской вла-
сти послѣдняго времени измѣненъ существовавшій доселѣ по-
рядокъ касательно погребенія священно-церковно-служителей
и благочестивыхъ мірянъ внутри церковной ограды около хра-
ма и на церковномъ погостѣ. Прежде, по указу Св. Синода
отъ 12 апр. 1833 года, на погребеніе при церквахъ, нахо-
дящихся въ селеніяхъ, тѣмъ протоіереямъ и священникамъ,
честно и безпорочно проходившихъ свое служеніе и христиан-

ски скончавшихся, не требовалось никакого предварительнаго разрѣшенія отъ пачальства. Разрѣшеніе начальства (епархіальнаго архіерея) нужно было въ случаѣ погребенія въ церковной оградѣ мірскаго лица, оказавшаго церкви и приходу какія-либо важныя услуги, напр., создавшаго своимъ изживеніемъ храмъ или обезпечившаго содержаніе при-чта и при томъ имѣвшаго „житіе благозаконное и кончину непостыдную“.

Въ 1905 году Св. Правит. Синодъ, разъяснительнымъ опредѣленіемъ своимъ отъ 6 іюля—1 августа за № 3368 по вопросу о томъ, съ чьего разрѣшенія допускается погребеніе при церквахъ священно-церковно-служителей и мірянъ, нашелъ, что погребеніе при церквахъ какъ священно-церковно-служителей, такъ и мірянъ, можетъ быть допускаемо съ разрѣшенія мѣстныхъ гражданскихъ властей, по предварительномъ согласіи на то епархіальнаго начальства“. Мѣнястерство Внутреннихъ Дѣлъ (по управленію главнаго врачебнаго инспектора), въ сношеніе съ которымъ входилъ по данному вопросу Св. Синодъ, совершенно раздѣлило взглядъ Св. Синода и признало, что „хотя разрѣшеніе на погребеніе въ оградахъ церковныхъ и дается, примѣнительно къ закону 8 дек. 1903 года, мѣстною губернской властью, тѣмъ не менѣе, такое разрѣшеніе, какъ касающееся лишь санитарной стороны дѣла, не исключаетъ необходимости согласія на погребеніе со стороны духовнаго начальства, въ вѣдѣніи коего стоятъ церкви съ ихъ оградами и кладбищами“ (см. „Церк. Вѣдом.“ за 1905 г. № 33, с. 396—398).

Такимъ образомъ, при сохраненіи въ силѣ прежнихъ требованій относительно условій, какимъ должно удовлетворять лицо, желающее получить мѣсто погребенія внутри церковной ограды, при храмѣ, т. е. для священно-церковнослужителей—честная и безпорочная служба при храмѣ и христіанская кончина, а для мірянъ—построеніе храма или щедрья пожертвованія на его нужды, вмѣстѣ съ благочестивымъ житіемъ и непостыдною кончиною,—теперь для всѣхъ,

безъ исключенія, установленъ одинъ общій законъ: кто бы по служебному и общественному положенію ни былъ тотъ, прахъ котораго предстоитъ предать землѣ, и какими бы заслугами для церкви и прихода онъ ни прославился, все равно—погребеніе въ церковной оградѣ возможно лишь съ дозволенія начальства.

Это дозволеніе выхлопатывается въ опредѣленномъ порядкѣ. Именно, сначала слѣдуетъ обратиться съ просьбою о дозволеніи похоронить тѣло усопшаго при храмѣ къ епархіальному начальству (архіерею), которое даетъ на то свое *согласіе*, и уже послѣ этого, должно обратиться къ гражданской власти (губернатору) за *разрѣшеніемъ*, сославшись въ просьбѣ къ гражданской власти на согласіе, полученное отъ епархіальнаго начальства.

Несоблюденіе этого порядка, когда, напр., одновременно обращаются и къ гражданскому начальству и къ епархіальному архіею за разрѣшеніемъ, не только не ускоряетъ дѣла, но тормозитъ его и портитъ. Въ № 17 „Херсонск. Епарх. Вѣдом.“ за т. г., по указанію высокопреосвящ. архіепископа херсонскаго и одесскаго Димитрія, напечатано подтвержденіе духовенству Херсонской епархіи, чтобы въ своихъ ходатайствахъ о дозволеніи предавать тѣло почившихъ священноцерковныхъ служителей и благочестивыхъ мірянъ землѣ при церкви, въ оградѣ церковной, духовенство точно соблюдало установленный закономъ порядокъ (сначала испрашивать *согласіе* архіерея, а затѣмъ—*разрѣшеніе* губернатора), такъ какъ „несоблюденіе этого порядка“, выразился высокопреосвящ. Димитрій, „совсѣмъ спутываетъ дѣло“, въ результатѣ чего не надлежаще направленные ходатайства о погребеніи въ церковной оградѣ отклоняются ¹⁾. II.

¹⁾ См. „Особому вниманію духовенства Херсонской епархіи“, стр. 408—409 въ № 17 „Херсонскихъ Епарх. Вѣдомостей“ за т. г.

Въ какомъ отношеніи стоитъ Евангеліе къ культурѣ.

(Окончаніе ¹).

Доселѣ мы говорили, что Евангеліе не только не есть что-либо чуждое человѣческой культурѣ, но эта послѣдняя и зародилась, и развилась подъ живымъ и непосредственнымъ воздѣйствіямъ евангельскаго духа. По мѣрѣ силъ доказали, что быть хорошимъ семьяниномъ, хорошимъ общественнымъ дѣятелемъ, истиннымъ служителемъ наукъ, искусствъ, честнымъ дѣятелемъ въ промышленности, торговлѣ и пр., это значить быть истиннымъ христіаниномъ и осуществлять въ жизни евангельскія начала. Остается сказать намъ, какъ осуществлялось и осуществляется Евангеліе въ трехъ историческихъ формахъ исповѣдныхъ: въ православіи, католичествѣ и протестанствѣ.

Христосъ Спаситель далъ намъ образъ, чтобы мы дѣлали то же, что Онъ. Въ Немъ вся полнота жизни человѣческой. Въ христіанствѣ образъ Христа долженъ раскрываться и осуществляться на землѣ во всей полнотѣ естественныхъ силъ и историческаго развитія. Въ исторіи развитія христіанскаго міра замѣчается два момента: спиритуализмъ и практицизмъ. Выразителемъ перваго момента является Востокъ и православная Россія; выразителемъ втораго католичество и протестанство. Спиритуализмъ медленнымъ, но прочнымъ, историческимъ шагомъ, по принципу свободнаго развитія индивидуальной личности, выполняетъ задачу христіанизации жизни и труда. Практицизмъ быстрымъ шагомъ ведетъ народы къ омірщенію христіанства; при чемъ, въ католичествѣ христіанскія начала вносятся въ историческое развитіе, какъ цѣль, но осуществляются они путемъ принудительнаго воздѣйствія церковной власти и разныхъ организацій на сво-

¹) См. № 42-й за 1910-й г.

боду и совѣсть вѣрующихъ; въ протестантствѣ христіанскія начала вносятся въ культурное развитіе свободной личности, какъ средство къ достиженію этого развитія. II въ католичествѣ, и въ протестантствѣ нѣтъ полного осуществленія образа Христа.

Но подъ вліяніемъ евангельской идеи единенія всѣхъ вѣрующихъ во Христа Іисуса, эти характерныя отличія христіанскихъ народовъ постепенно сглаживаются: спиритуализмъ Востока вліяетъ на практицизмъ западныхъ народовъ, христіализируя его, и на оборотъ, практицизмъ Запада привносится въ культурное движеніе православныхъ народностей, оживляя его.

Этотъ послѣдній взглядъ на отношеніе Евангелія къ культурной жизни вполне совпадаетъ съ дѣйствительностію тамъ, гдѣ сдѣлано примѣненіе евангельскихъ истинъ на практикѣ. Иллюстраціею къ этому положенію могутъ служить многія кооперативныя предпріятія за границею и нѣкоторыя учрежденія у насъ, въ Россіи. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Въ книгѣ Вл. К. Саблера: „О мирной борьбѣ съ социализмомъ“ мы находимъ наглядное свидѣтельство того, что индустриальная и фабричная жизнь и дѣятельность достигаютъ высокой степени совершенства въ организаціяхъ католическихъ и лютеранскихъ, благодаря только религіозному, христіанскому воздѣйствію на личность, входящую въ составъ организаціи.

Въ городѣ Валь-де-Буа, во Франціи, существуетъ съ конца XIII ст. большая фабрика фирмы Л. Гармеля. Девизъ этой фабрики: „Христосъ и свобода“. Самъ Гармель (Von Rége) говоритъ: „Если мы будемъ добрыми христіанами, то достигнемъ истинной свободы. Наша социальная работа исходитъ изъ того положенія, что благополучіе рабочаго зависитъ отъ него самаго, неразрывно связано съ нимъ и никогда не можетъ быть утрачено помимо него“. Рабочіе въ Валь-де-Буа привыкли смотрѣть на трудъ, какъ на прочный залогъ

счастія, какъ на лучшее обезпеченіе покойной семейной жизни. Благоустройство рабочихъ основано на семейныхъ началахъ, всѣми дѣлами завѣдываетъ совѣтъ во главѣ съ священникомъ. У каждаго рабочаго семейная квартира, за нимъ обезпечено пользованіе семейными радостями. Группа домовъ на этой фабрикѣ носить обыкновенно имя какого-либо святого. Къ дверямъ всѣхъ жилищъ прибиты кресты съ надписью: „Иисусу Христу, Царю поклоненіе и посвященіе“. Тамъ есть разныя страховыя, кооперативныя общества, благопріятствующія успѣхамъ труда. На знамени пожарной дружины начертаны слова: „Богъ, семья, родина“. Есть читальни, цензоръ всѣхъ книгъ священникъ. Большое вниманіе здѣсь обращено на образованіе дѣтей, заботятся о музыкѣ, пѣніи, и развлеченіяхъ. Въ Валь-де-Буа находятъ, что социальный вопросъ есть прежде всего вопросъ о болѣе правильной оцѣнкѣ нравственнаго достоинства рабочаго, а не только исключительно вопросъ о его желудкѣ. Строго здѣсь преслѣдуется неумѣренное употребленіе хмельныхъ напитковъ, богохульство и кощунство. Всѣ рабочіе пользуются матеріальнымъ довольствомъ и долголѣтіемъ. Л. Гармель о своемъ предпріятіи говорить автору означенной книги: „Дѣло наше не есть дѣло личное. Конечно, мы пожелали дѣйствовать согласно обязанностямъ, на насъ возложеннымъ Богомъ, ставъ во главѣ многочисленной семьи рабочихъ. Но мы должны сказать, что наше дѣло общее въ томъ смыслѣ, что мы призвали его къ бытію, не мѣшая его росту правилами и законами, заранѣе составленными. Мы внимательно слѣдили за правильнымъ ростомъ христіанской мощи, возникающей въ сознаніи народа... За все слава Иисусу Христу, питающему самую нѣжную любовь къ малымъ и смиреннымъ, и чрезъ нихъ желающему спасти человѣчество“. На фабрикѣ 900 человекъ мужчинъ и женщинъ.

То же самое представляютъ: въ Бельгіи крестьянскій союзъ *Voegenbond*, итальянскія кооперативныя общества—въ Шарлеруа, Бергамо, Феррара, Мурино, Тревилье. Возникно-

веніе учрежденій въ Бельгiн, поднимающихъ благосостояніе рабочихъ, обязано епископу Дютрулу и капонику Поттье. Здѣсь соціалистическое движеніе не имѣло разлагающаго вліянія на рабочее населеніе, благодаря именно этимъ коопераціямъ на религіозныхъ началахъ. Въ Люттихѣ одинъ изъ профессоровъ духовной семинаріи въ бесѣдѣ съ составителемъ упоминаемой книги, указывая на вереницы семинаристовъ, молча или съ книгами въ рукахъ гуляющимъ въ саду, сказалъ: „вотъ наша надежда. Это сосредоточенное, трудящееся юношество готовитъ себя къ великому соціальному служенію. Наши семинаристы прекрасно понимаютъ, что для вліянія на народъ необходимо пройти школу дисциплинарнаго труда. Здѣсь, въ этой атмосферѣ науки и молитвы, они запасаются силами для того, чтобы вести народъ по пути христіанской культуры“... Вступивъ въ жизнь, они дѣйствительно, открытіемъ разныхъ ассоціацій на религіозной основѣ, содѣйствуютъ: 1) утвержденію христіанской жизни среди населенія приходовъ и 2) упроченію матеріальнаго благосостоянія членовъ. Каждый членъ, вступившій въ ассоціацію, обязанъ произнести торжественное обѣщаніе по извѣстной формулѣ пребывать добрымъ христіаниномъ и усерднымъ прихожаниномъ. Кромѣ того онъ обязанъ слушать курсы по своей спеціальности. Благосостоянію членовъ ассоціацій содѣйствуютъ кассы доступныхъ кредитовъ учредители Райфэйзена, который въ эти коммерческія предпріятія вложилъ основу христіанскаго милосердія. Въ одной изъ своихъ рѣчей о значеніи созданныхъ имъ банковъ онъ между прочимъ сказалъ: „Съ самаго возникновенія нашего дѣла, мы положили въ основаніе кредитныхъ обществъ идею христіанскаго долга. И нынѣ, въ противность господствующему матеріалистическому направленію, еще раздастся призывной голосъ Спасителя: *ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ*. Путь, ведущій въ царство небесное, къ вѣчному блаженству, указанъ намъ Іисусомъ Христомъ: это жизнь по вѣрѣ и проявленіе любви къ ближнему. Для того,

чтобы финансовое учрежденіе, нами созданное, было полезнымъ, оно должно быть проникнуто духомъ вѣры и христіанской любви“. Христіанскія начала, неразрывно связанныя съ строгою отчетностію по всѣмъ операціямъ Райфэйзенскихъ кассъ, способствовали рѣдкому усиѣху этихъ учрежденій въ Бельгій и парализовали вліяніе социалистовъ на народъ. Въ этомъ союзѣ имѣется 35 тысячъ членовъ и цѣлый рядъ учреждений.

Кооперативное общество „соединенныхъ рабочихъ“ въ Шарлеруа дѣйствуетъ на нравственную сторону рабочихъ, приучая ихъ дорожить своими правами и добросовѣстно относиться къ своимъ обязанностямъ. Лица, руководящая обществомъ, стараются развить въ рабочихъ сознание человѣческаго достоинства и раскрыть имъ глубокой смыслъ труда, коимъ не гнушался Самъ Іисусъ Христосъ во время Своего бытія на землѣ; стараются вселить въ сердце ихъ состраданіе къ товарищамъ, заблудившимся подъ вліяніемъ красныхъ знаменъ въ поискахъ неосуществимаго счастья.

Выдающееся мѣсто среди многихъ учреждений практическаго характера, по широтѣ своихъ операцій въ Италіи, занимаетъ общество, основанное 30 лѣтъ назадъ глубоко вѣрующимъ человѣкомъ Николо Репцара; въ этомъ обществѣ 593 разныхъ учреждений, основанныхъ на религіозныхъ началахъ, съ 52.660 членами. Это общество сыграло большую роль въ борьбѣ противъ забастовокъ рабочихъ.

Многолѣтній опытъ дѣятельности ассоціацій практическаго характера свидѣтельствуетъ, по признанію компетентныхъ лицъ, что конфессіональное начало никогда не было и нынѣ не является препятствіемъ къ процвѣтанію обществъ, преслѣдующихъ цѣли экономическія.

Первый опытъ практическаго примѣненія Евангелія къ трудовой жизни у насъ, въ Россіи, представляетъ „Крестовоздвиженское Трудовое Братство“ Н. Н. Неплюева, въ его имѣніи Янпольѣ, черниговской губерніи. Это Братство, сравнительно молодое, зародившееся въ 1881 г. и офиціально

существующее съ 1894 г., займетъ, несомнѣнно, выдающее-ся мѣсто въ исторіи примѣненія евангельскихъ началъ къ культурной жизни. На это Братство затрачено много духовныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ. Н. Н. Пеплюевъ, умершій въ 1908 г., оставилъ службу въ дипломатическомъ корпусѣ и поселился въ деревнѣ, чтобы посвятить себя воспитанію дѣтей сельскихъ жителей въ сознательной любви къ Иисусу Христу и Его ученію. Онъ былъ аристократъ и эстетъ, все грубое, пошлое и не изящное до боли коробило его; изъ мужика онъ не дѣлалъ себѣ кумира, какъ *народники*, и не питалъ принципіальной вражды ни къ богатству, ни къ знатности, ни къ удобствамъ внѣшней жизни, какъ Л. Н. Толстой. Онъ промѣнялъ среду уточенной изящности на грубую деревенскую обстановку, и здѣсь нашелъ покой души и свѣтлую радость, какъ самъ онъ высказывался. Все громадное состояніе онъ употребилъ на учрежденіе Кр.-Воздвиженскаго Трудового Братства на хуторѣ Воздвиженскомъ, гдѣ сосредоточена вся жизнь Братства. Здѣсь находится храмъ Воздвиженія, двѣ сельско-хозяйственныхъ школы, четыре братскихъ общежитія. Внѣ Воздвиженска: братская рабочая артель съ пріютомъ для малолѣтнихъ дѣтей на хуторѣ Рождественскомъ (въ 3-хъ верстахъ), братская артель на хут. Николинномъ (въ 10 верст.). Все это устроено съ тѣмъ, чтобы „доставить возможность людямъ, воспитаннымъ здѣсь, стройно организовать жизнь на началахъ братолюбія и такимъ образомъ доказать, что христіанство не отжившая утопія, не утѣшительный обманъ для престарѣлыхъ, скорбящихъ и больныхъ, а живая правда, заключающая въ себѣ наилучшій, наиболѣе желательный выходъ изъ всевозможныхъ затрудненій и приворѣчій осложненной злобою жизни“¹⁾. Н. Н. Пеплюевъ поставилъ своею задачею бороться съ *рутинною* жизнью, практически осуществлять евангельскія истины добра, *перейти отъ озлобленной критики зла къ умиротворяющему*

¹⁾ Н. Н. Пеплюевъ: „Полное собраніе сочиненій“ IV т. стр. 16.

созиданію добра. Въ своемъ Трудовомъ Братствѣ онъ желаетъ осуществить идею согласованія въ жизни буквы вѣрученія и духа его, желаетъ гармонія ихъ для торжества духа. Такую задачу онъ поставилъ и желаетъ осуществить вопреки ученію Л. Н. Толстаго, который отрицаніе буквы довелъ до апогея. Особенно Н. Н. Неплюевъ вреднымъ считаетъ ученіе о буквѣ всякой организаціи. Онъ говоритъ: „Богъ не есть Богъ неустройства. Отсутствие организаціи соотвѣтствуетъ анархіи ума и сердца... Люди, отрицающіе необходимость или, какъ графъ. Толстой, проповѣдующіе зловредность всякой организаціи лишаютъ христіанъ единственнаго средства самозащиты отъ дѣтей міра сего, обрекаютъ ихъ на грустную альтернативу быть растерзанными волками или превратиться въ волковъ, чтобы отъ волковъ по-волчьи и защищаться“¹⁾. Историческій очеркъ о своемъ Трудовомъ Братствѣ Н. Н. Неплюевъ заключаетъ слѣдующими словами: „Одна только вѣра живая и искреннее желаніе по возможности менѣе препятствовать тому, чтобы Богъ живой въ великихъ немощахъ моихъ творилъ силу, дали мнѣ, избалованному жизнию баричу, возможность послужить святому дѣлу, трудности котораго безмѣрно превышали и способности, и достоинства мои, доставили мнѣ радость сознаться, что исполнилось на мнѣ Слово Божіе, что сдвинула вѣра моя на пути моемъ многія горы, что многія души живыя изъ чуждыхъ богатому баричу, отдѣленныхъ отъ него высокими горами привычекъ, рутинъ и социальныхъ предразсудковъ, крестьянскихъ дѣтей, стали близкими, родными, сознательно любимыми и уважаемымъ имъ братьями о Христвѣ, готовыми отдать свою жизнь и всѣ силы духа на совместное съ нимъ созиданіе перваго Трудового Братства—во славу Церкви, во благо нашего дорогого отечества; дали мнѣ возможность радостнаго сознанія, что каждый шагъ и каждое мгновеніе двѣнадцати

¹⁾ Т. IV, стр. 99.

лѣтъ, отданныхъ на дѣло Божіе, получили непреходящее значеніе и... вѣчный смыслъ, дающій право жить“¹⁾).

Кратковременность существованія и дѣятельности Кресто-Воздвиженскаго Братства не позволяетъ намъ ничего сказать, насколько осуществились евангельскія начала въ жизни окружающаго Братство крестьянскаго населенія. Важно то, что оно возникло въ Россіи подъ вліяніемъ евангельскаго ученія, на почвѣ православія и существуетъ въ лонѣ Православной Церкви. Плоды его дѣятельности обнаружатся въ будущихъ поколѣніяхъ.

Мы переживаемъ нынѣ время необыкновенно быстрого культурнаго развитія, особенно въ западной половинѣ христіанскаго міра. Прогрессъ идетъ ускореннымъ темпомъ. На нашихъ глазахъ совершилось много изобрѣтеній ума человѣческаго. Человѣкъ побѣдилъ пространство земли, воодрузилъ побѣдное знамя на мертвой, необитаемой точкѣ полярной, которую желаетъ использовать для счастія земного, въ которой желаетъ насадить цвѣтущую культуру, какъ и въ благодатныхъ теплыхъ странахъ; носится въ воздухѣ на крыльяхъ искусственныхъ, воюя съ вѣтрами и бурей; овладѣвъ глубинами морскими, силится проникнуть и въ звѣздные міры. Гений человѣка властвуетъ надъ естествомъ своимъ и всей природы, отыскавъ средство борьбы съ неизлѣчимыми болѣзнями и даже со смертію, отодвигая часъ ея. Все это освящается, все это благословляется Евангелиемъ Христа на радость и благо всѣхъ земнородныхъ, если въ этомъ не полагается конечной цѣли. Нынѣ самый послѣдній изъ смертныхъ можетъ чувствовать себя мощнымъ властелиномъ, каковымъ онъ и долженъ быть по волѣ Творца (Быт. 1, 26—28). Въ этомъ поступательномъ движеніи земной жизни человѣка отражается слава Божія, Творца и Промыслителя. „Міровая жизнь есть

¹⁾ Т. IV, стр. 275.

явленіе, или отраженіе жизни Божественной въ ничтожествѣ“¹⁾).

Христіанская мысль ставитъ вопросъ: гдѣ конецъ этимъ культурнымъ завоеваніямъ, гдѣ конецъ прогресса?—Конецъ долженъ быть здѣсь, на землѣ; прогрессъ внѣшній не можетъ продолжаться до безконечности. „Сколько бы ни шелъ человѣкъ къ горизонту, гдѣ, повидимому, съ земли можно перешагнуть на небо, онъ всегда будетъ отстоять одинаково далеко отъ неба“²⁾. „Прогрессъ состоитъ не въ томъ, скажемъ словами писателя Данилевскаго, чтобы идти въ одномъ направленіи безъ конца, а въ томъ, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической дѣятельности человѣчества во всѣхъ проявленіяхъ. Безконечнаго прогресса не можетъ быть, въ противномъ случаѣ человѣкъ долженъ сдѣлаться не человѣкомъ“³⁾.

Нынѣ культурное человѣчество исходило, можно думать, все предназначенное ему поле. Оно опытомъ уже извѣдало всѣ блага земныя, исчерпало возможные средства: науку, искусства, индустрію и пр., для пріобрѣтенія этихъ благъ; познало и тщету ихъ, познало ограниченность и внѣшняго совершенствованія, и природы человѣческой. Чувствуетъ уже и усталость (по Гартману). Теперь оно можетъ сказать: довольно для человѣка благъ земныхъ, остается воздать славу Богу благодарному. Теперь настало время углубить знанія въ себѣ и въ окружающей средѣ о благахъ духовныхъ при посредствѣ разныхъ институтовъ и учрежденій христіанскихъ (о которыхъ у насъ была рѣчь раньше), чтобы приготовиться вступить на другой путь, путь развитія безконечнаго, на путь къ достиженію духовнаго совершенства, когда перенесено будетъ жителство наше на новую землю, соединенную съ новымъ небомъ, на которой правда живетъ и на которой она

¹⁾ М. М. Тарѣвъ III т. 60 стр.

²⁾ Тамъ же стр. 275.

³⁾ Н. Я. Данилевскій: „Россія и Европа“ гл. V.

будеть наилучшимъ образомъ осуществляться. Такое пониманіе культурнаго развитія вполнѣ христіанское, такого пониманія держится одна часть культурнаго міра. Такое культурное движеніе приводитъ ко Христу; въ такомъ движеніи культурномъ и начало и конецъ—Евангеліе.

Но гордый умъ человѣка многовѣковыя усиленныя завоеванія культурнаго міра признаеть недостаточными, ищетъ увеличія благъ земныхъ, изыскиваетъ новые пути къ завоеваніямъ и хочетъ продолжить безъ конца развитіе земной, плотской жизни, чтобы сдѣлать людей *яко божи*. Христіанскую культуру отвергаетъ; всѣ цѣнности переоцѣнилъ; на мѣсто добра поставилъ зло, на мѣсто просвѣщенія—невѣжество, средство обратилъ въ цѣль; всѣ силы направилъ къ усовершенствованію временнаго, плотскаго существованія, къ развитію *культы плоти*, хочетъ завладѣть всѣми царствами земными и славою ихъ. Это пониманіе культуры—ложное. Такимъ путемъ идетъ другая часть міра. Это культура лжехристіанская. Это движеніе, сравнительно съ первымъ, идетъ въ противоположную сторону и приводитъ къ антихристу. „Не здѣсь ли симптомъ конца? Не близится ли прогрессъ къ своей развязкѣ?“¹⁾

И нынѣ также племена и народы опыняются изъ золотой чаши лжехристіанской культуры. Но напрасно трудятся народы и племена мучать себя для огня; придетъ конецъ этому движенію (Іер. 51 гл.). Нынѣшнія небеса и земля тѣмъ словомъ сокровенна суть, огню блюдома на день суда и гибели нечестивыхъ человѣкъ (2 Петр. 3, 7). Въ этомъ движеніи нѣтъ прогресса, здѣсь регрессъ. Начало этой культуры—плоть, а конецъ ея—антихристъ. Въ этомъ культурномъ движеніи мѣста для Евангелія—нѣтъ.

Протоіерей. *Димитрій Говоровъ.*

¹⁾ Вл. С. Соловьевъ: „Три разговора“, стр. 102.

Библия и естествознание.

(Противъ сочиненія Геккеля: „Міровыя загадки“).

1. Вѣра въ Бога и наука.

Богъ есть Духъ, и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духъ и истинѣ (Іоаннъ. 4, 24).

Много столѣтій уже длится борьба изъ-за вопроса: „Есть Богъ, или нѣтъ?“ Эта борьба никогда не прекратится, ибо есть три силы, управляющія жизнью и поступками людей. Первая сила, заставляющая ихъ заботиться о своемъ пропитаніи,—это сила голода. Вторая заставляетъ ихъ соединяться другъ съ другомъ и обезпечивать будущее человѣчества—это сила любви. Третья сила, въ такой же степени опредѣляющая жизнь человѣка, есть его потребность въ религіи. Поэтому религіи будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока существуютъ на землѣ люди, и появившійся гдѣ бы то ни было основатель религіи будетъ всегда находить людей, приверженныхъ ему и слушающихъ его. При этомъ въ центрѣ стоитъ вопросъ: кто есть Богъ? Тысячи вѣрятъ въ Него; для нихъ вообще не требуется никакого доказательства бытія Бога. Такіе и отъ другихъ требуютъ поклоненія этому Богу. Другіе же не вѣрятъ и съ такой же страстью, съ какой съ одной стороны выставляется требованіе: надо вѣрить въ Бога,—съ другой стороны защищается утвержденіе: Бога нѣтъ. Оба эти теченія постоянно проходили черезъ вселенную и вопросъ былъ только въ томъ, которое изъ нихъ сильнѣе. Въ настоящее время существуетъ очень сильное теченіе, стремящееся увлечь людей къ атеизму.

Существуетъ книга, обратившая на себя за послѣднее десятилѣтіе очень большое вниманіе въ этомъ отношеніи; въ книгѣ этой цѣкій профессоръ естествознанія, Геккель, выступаетъ съ утвержденіемъ, что будто Бога нѣтъ. Какъ во

времена французской революціи конвентъ рѣшилъ, что Бога больше не должно быть, и что богомъ отнынѣ долженъ будто бы считаться разумъ, такъ и Геккель въ своихъ „Міровыхъ загадкахъ“ выступаетъ не только съ этимъ требованіемъ, но скорѣе съ утвержденіемъ, будто онъ доказалъ, что Бога нѣтъ. Книга эта имѣла въ теченіе десяти лѣтъ необыкновенный успѣхъ, болѣе 200,000 экземпляровъ ея находятся въ рукахъ человѣчества. Всѣ ли ее читаютъ, всѣ ли понимаютъ, что они читаютъ, въ этомъ я сомнѣваюсь; но очень многіе читаютъ и очень многіе понимаютъ эту книгу. Ученіе Геккеля защищается и распространяется большимъ числомъ послѣдователей. Но если какой-либо профессоръ выступаетъ и съ полной увѣренностью заявляетъ: Бога нѣтъ, и за нимъ слѣдуютъ многіе, то и тѣ, кто до сихъ поръ вѣрили въ Бога, начинаютъ по временамъ сомнѣваться. Оба теченія сталкиваются другъ съ другомъ. Итакъ, дѣло въ томъ, чтобы для вѣрующихъ въ Бога укрѣпить почву, на которой зиждется ихъ вѣра, а для тѣхъ, которые еще не пришли къ опредѣленному убѣжденію, — дѣло въ томъ, чтобы имъ показать, гдѣ истина.

Книга Геккеля называется, „Міровыя загадки“. Происхожденіе этого названія таково: въ 1880 г. извѣстный естествоиспытатель Дюбуа Реймонъ выставилъ семь міровыхъ загадокъ, которыя, по его мнѣнію, никогда не могутъ быть рѣшены.

I. О сущности матеріи и силы. II. О первопричинѣ движенія. III. О происхожденіи жизни. IV. О цѣлесообразномъ устройствѣ природы. V. О происхожденіи сознанія. VI. О разумномъ мышленіи и о превосточникѣ языка. VII. О свободѣ воли.

Геккель утверждаетъ, будто онъ рѣшилъ эти семь міровыхъ загадокъ, и прежде всего слѣдующія три: 1, 2 и 5: о сущности матеріи и силы, о первопричинѣ движенія и о происхожденіи сознанія. Въ своей книгѣ „Міровыя загадки“ онъ говоритъ съ поразительной дерзостью слѣдующее: „По

моему мнѣнію, три трансцендентныя загадки (1, 2 и 5) упраздняются нашимъ пониманіемъ субстанціи (матеріи), три другія, трудныя, но разрѣшимыя проблемы (3, 4 и 6), рѣшаются окончательно нашимъ современнымъ ученіемъ о развитіи; седьмая и послѣдняя міровая загадка, о свободѣ воли, не можетъ быть объектомъ критическаго научнаго объясненія, ибо она, какъ настоящій догматъ, основывается только на заблужденіи и не существуетъ въ дѣйствительности“.

Для тѣхъ, которые не знакомы съ „Міровыми загадками“, я позволю себѣ привести краткое обзорѣніе содержанія этой книги изъ брошюры Виттлиха „Монизмъ и дуализмъ“. Содержаніе и ходъ мыслей „Міровыхъ загадокъ“, по этой брошюрѣ, слѣдующій:

„Вселенная это единая субстанція, наполняющая безконечное пространство и находящаяся въ вѣчномъ движеніи...

„Это движеніе протекаетъ, какъ однообразное развитіе съ безпрестанной смѣной быванія и прехожденія. Изъ темныхъ нѣдръ органической матеріи, въ безконечно долгомъ процессѣ развитія, произошли органическія живыя существа. Эти органическія существа должны были опять таки пройти долгій процессъ развитія, черезъ міръ растений и животныхъ, до типа позвоночныхъ животныхъ, а внутри этого послѣдняго къ его значительнѣйшей вѣтви—классу млекопитающихъ. Среди послѣднихъ самый молодой и самый совершенный экземпляръ—это человѣкъ, возникшій только къ концу третичнаго періода изъ цѣлаго ряда человѣкоподобныхъ обезьянъ. Въ отношеніи же того, что принято называть душой, между человѣкомъ и животнымъ существуетъ не качественное, а только лишь количественное различіе. Высшія позвоночныя животныя обладаютъ точно такимъ же разумомъ, какъ и самъ человѣкъ.

Языкъ людей также отличается только степенью развитія, а не качествомъ, отъ языка высшихъ животныхъ. Сознаніе есть только лишь фізіологическая дѣятельность мозга и, какъ таковая, вполнѣ зависитъ отъ химическихъ измѣне-

ній мозговой матеріи. Со смертю человѣка исчезаетъ сумма мозговыхъ функцій, которыя дуализмъ называетъ душой; слѣдовательно, со смертю человѣка прекращается существованіе души. Принятіе безсмертія человѣческой души стоитъ въ неразрѣшимомъ противорѣчіи съ достовѣрнѣйшими опытными данными естествовѣдѣнія. Принятіе безсмертія души основывается на заблужденіи. Бога нѣтъ, нѣтъ также никакихъ боговъ, если подразумѣвать подъ этимъ понятіемъ личныя, внѣ природы стоящія, существа. Сообразно съ этимъ исключается и представленіе о Провидѣніи и о нравственномъ порядкѣ вселенной“.

Изъ разсужденій въ своей книгѣ Геккель въ концѣ концовъ выводитъ заключеніе, будто онъ доказалъ, что три мистическія силы: Богъ, свобода и безсмертіе не существуютъ. Вслѣдъ за этимъ, 11 января 1900 года образовался подъ предсѣдательствомъ Геккеля такъ назыв. союзъ монистовъ. Этотъ союзъ монистовъ хочетъ распространять идеи Геккеля по всему свѣту. Какіе у него взгляды, становится ясно послѣ ознакомленія съ рѣчью ученика Геккеля, д-ра Шмидта изъ Іены, который говоритъ слѣдующее:

„Рядомъ съ простой возвышенной міровой картиной современной натуръ-философіи нѣтъ мѣста Богу, какъ личности, нѣтъ мѣста божественному произволу, нѣтъ мѣста христіанскому міровоззрѣнію“.

Такимъ образомъ всѣми послѣдователями Геккеля, союзомъ монистовъ, такъ же, какъ и другимъ союзомъ, образовавшимся недавно на основаніяхъ ученія Геккеля и назвавшимся себя „Космосомъ“, оспаривается не только существованіе, но и право на существованіе вѣры въ личнаго Бога и христіанской вѣры.

Что же подразумѣваетъ христіанство подъ именемъ Бога? Именемъ Бога мы называемъ Личность, Которая есть Духъ, совершенно независящій отъ матеріи, существовавшей прежде матеріи и создавшей ее. Для насъ Богъ есть Личность, обладающая самосознаніемъ, самоопредѣленіемъ и волей, Лич-

ность, которая мудра и разумна не только для себя, но которая дала цѣль вселенной и мудро направляетъ ее еще и теперь. Онъ—Богъ святости, имѣющій цѣлью воспитать людей здѣсь на землѣ, и эти люди отвѣтственны передъ Нимъ теперь, отвѣтственны будутъ и нѣкогда, на Страшномъ судѣ. Всѣхъ тѣхъ, кто этому вѣритъ, называютъ теперь послѣдователями дуализма, т. е., они будто бы принимаютъ нѣчто двойное, совершенно различное по существу: 1) что существуетъ Богъ и 2) что существуетъ совершенно отдѣленная отъ Бога природа. Противопоставляя себя этому дуализму, тѣ другіе называютъ себя монистами, при чемъ они утверждаютъ: Бога нѣтъ, но есть только одно единство; это матерія и Богъ одно. Пока есть на свѣтѣ люди, вѣрящіе въ Бога, они пытаются дать доказательство того, что Богъ существуетъ. Это пытались сдѣлать уже во времена язычества, какъ, напр., Цицеронъ, это старался доказать Кантъ, и всѣ эти доказательства существованія Бога движутся вмѣстѣ съ человѣчествомъ на протяженіи столѣтій. Прежде всего указываютъ на три пункта; говорятъ: міръ существуетъ—изъ ничего не произойдетъ ничего, значитъ долженъ быть Творецъ вселенной, стоящій въ центрѣ этого безконечнаго міра, который мы видимъ, призвавній его къ существованію. Говорятъ, въ мірѣ мы можемъ замѣтить много цѣлесообразнаго. Если бы кто-нибудь попалъ на необитаемый островъ и нашелъ бы тамъ на пескѣ геометрическую фигуру, то онъ бы сказалъ, „это нарисовано человѣкомъ“. Такъ же мы должны рассуждать, когда мы слѣдимъ за точными вычисленіями, по которымъ свѣтила небесныя совершаютъ свой путь; ихъ возникновеніе нельзя объяснить случайностью. Говорятъ, что въ мірѣ замѣчается историческое развитіе; какъ въ жизни народовъ, такъ и въ жизни отдѣльныхъ людей мы сможемъ наблюдать плановѣрность. Кто же составилъ этотъ планъ? Но пока ограничиваешься этими доказательствами существованія Бога,—до тѣхъ поръ можно приводить и возраженія. Я вернусь къ тому потомъ, когда буду говорить о сотворе-

ни міра; здѣсь же я хочу только указать на то, что мы всѣ, пользуясь этими доказательствами, становимся опять-таки лицомъ къ лицу съ загадками, которыя не допускають рѣшенія ни черезъ посредство разума, ни черезъ посредство науки. Для вѣрующихъ это не есть недостатокъ. Они вѣрятъ не ради доказательствъ, а, напротивъ, доказательства являются только послѣ вѣры; вѣрующіе хотятъ только подкрѣпить свою вѣру этими доказательствами. И если бы мы должны были принять бытіе Бога только на основаніи такихъ доказательствъ, то всякое естественно-научное или философское ученіе могло бы отнять у насъ такую вѣру. Нѣтъ, доказательства бытія Бога нужно искать совсѣмъ иными путями. Оно заключается во внутреннемъ личномъ опытѣ каждаго человѣка. Человѣкъ, чувствующій своимъ сердцемъ Бога, вѣритъ въ то, что Онъ есть.

При этомъ необходимо принимать во вниманіе четыре пункта: во-первыхъ: пока существуютъ люди, до тѣхъ поръ они сознають существованіе Бога. Въ нихъ всегда было что-то, что прямо такъ заставляло ихъ вѣрить въ Бога, они принуждены были искать божественное не только въ общемъ, но и представлять себѣ Бога, какъ личность. Поэтому-то религія—всеобща. Геккель утверждаетъ, правда, будто существуютъ народы, не вѣрящіе въ Бога. Если бы даже было и такъ, все же мы здѣсь имѣемъ дѣло съ исключеніями. Въ общемъ же удостовѣрено, что, пока люди живутъ на землѣ, они всегда имѣли сознаніе бытія Божія. Это сознаніе прирождено человѣку. Отрицаніе бытія Бога исходитъ только отъ воли и отъ мышленія.

Во-вторыхъ: люди, чувствующіе Бога, ощущають одновременно какъ бы нѣкую силу, которой Богъ можетъ измѣнить человѣка. Всѣ тѣ, которые когда-либо измѣнились благодаря идущему сверху вліянію или хотя бы испытали нѣкоторую перемѣну въ мышленіи,—всѣ они были подъ вліяніемъ Того, Кого они называли своимъ Богомъ и Кого они въ тотъ моментъ познали, какъ своего Бога.

Въ третьихъ, сила совѣсти доказываетъ бытіе Божіе. Человѣкъ можетъ пренебрегать совѣстью, можетъ ее презирать, можетъ ее даже ожесточить. Одного только онъ сдѣлать не можетъ: совѣсть всегда остается независимой отъ его личной воли. Совѣсть находится внѣ воли людей, она можетъ ихъ наказывать и награждать и поэтому она для того, кто хоть на мгновеніе почувствуетъ ее силу, служитъ доказательствомъ того, что кромѣ него есть еще Духъ и что Духъ этотъ святъ.

И наконецъ слѣдуетъ четвертый пунктъ: откровеніе личности Бога въ сердцѣ отдѣльнаго человѣка. Какъ Авраамъ признавалъ, что онъ находится въ подчиненіи у Бога, потому что Богъ сказалъ ему: „Я—всемогуцій Богъ, живи предо Мною и будь благочестивъ“,—такъ и безчисленное множество людей, проходящихъ по вселенной въ теченіе тысячелѣтій, испытали на себѣ нѣчто подобное. Былъ ли это Моисей или Ілія, Іоаннъ Креститель или Христосъ—всѣ они были въ подчиненіи у Бога, требовавшаго отъ нихъ послушанія. Если кто-нибудь захочетъ дать себѣ трудъ и изслѣдовать духовную жизнь людей, вѣрящихъ въ Бога, то онъ всегда найдетъ одно и то же свидѣтельство того, что вѣрующій слышалъ голосъ Божій въ своемъ сердцѣ. Вѣрующій знаетъ, что Богъ желаетъ отъ него чего-то, и чувствуетъ, что онъ долженъ подчиняться Его волѣ. Еще и теперь мы чувствуемъ то, что нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ возвѣщала псалмопѣвецъ: „Господи, Ты изслѣдуешь и знаешь меня, и если бы я взялъ крылья у утренней зари и поселился у береговъ крайняго моря, то Твоя рука и тамъ бы меня направляла, а Твоя десница меня удерживала“ (Псаломъ 139, 10).

Можно ли это назвать фактическими доказательствами бытія Бога? Прежде всего, фактъ тотъ, что тысячи людей говорятъ себѣ: для меня нѣтъ ничего достовѣрнѣе того, что Богъ существуетъ. Это для меня такъ же ясно, какъ свѣтъ солнца. Но это можетъ служить доказательствомъ только для

тѣхъ, которые дѣйствительно такъ чувствуютъ. Есть безконечное множество людей, которые чувствуютъ иначе. Поэтому дѣлается слѣдующее заключеніе: бытіе Бога не доказывается тѣмъ, что тысячи людей Его чувствуютъ. Люди твердо вѣрили въ теченіе тысячелѣтій въ то, будто земля стоитъ неподвижно, а солнце движется вокругъ земли—и все же это оказалось не такъ. Но между вѣрой въ то, будто солнце движется вокругъ земли и вѣрой въ Бога есть значительная разница. Первое рѣшительно не имѣетъ значенія для моей личной жизни. Но моя вѣра въ личнаго Бога проявляется въ моемъ существѣ и именно поэтому отсюда выводится фактическое свидѣтельство о бытіи Бога.

Бываетъ, что два супруга живутъ вмѣстѣ; мужъ — невѣрующій, жена же вѣритъ въ Бога. Мужъ видитъ, что значить вѣра для его жены, какъ она (вѣра) ее очищаетъ, какой ее дѣлаетъ привѣтливой, терпѣливой и твердой въ страданіяхъ; присутствуя при ея кончинѣ, онъ видитъ ея радостную надежду, видитъ ея вѣру въ вѣчную жизнь и спокойствіе передъ смертью. Онъ знаетъ, что все это сдѣлала вѣра, ея вѣра въ личнаго Бога. Этотъ мужъ спроситъ себя: неужели все это было только воображеніе? или въ сердцѣ моей жены дѣйствительно жилъ личный Богъ?

Такимъ же чувствомъ долженъ проникнуться объективный изслѣдователь исторіи христіанской церкви и исторіи религій вообще. Ибо это фактъ, что религія создала изъ чловѣка нѣчто и что благодаря религіи было сдѣлано нѣчто въ мірѣ.

Геккель видитъ въ исторіи христіанства только оборотныя стороны, въ слѣпной ненависти онъ закрываетъ глаза на то, сколько великаго внесло христіанство въ мірѣ за послѣднія 2 тысячелѣтія, благодаря своей вѣрѣ въ Бога; онъ не видитъ того, что прогрессъ культуры все время шель вмѣстѣ съ христіанствомъ.

Гете, котораго Геккель охотно цитируетъ, какъ своего свидѣтеля, говоритъ по этому поводу слѣдующее:

„Пусть движется впередъ духовная культура, пусть растутъ, расширяются и углубляются науки, пусть расширяется человѣческой умъ, какъ ему угодно, — онъ все же никогда не можетъ отрѣшиться отъ возвышенной, нравственной культуры христіанства, которая свѣтитъ и сіяетъ въ Евангеліяхъ“.

Въ разговорахъ Гете съ Эккерманомъ можно найти слѣдующія мѣста:

„Христіанская религія заключаетъ въ себѣ могущественную сущность, къ которой время отъ времени съ трудомъ приближается опустившееся и страдающее человѣчество; если признать за ней это вліяніе, то она стоитъ выше всякой философіи и не нуждается въ ея поддержкѣ“.—„Періодъ сомнѣній прошелъ; теперь въ Богѣ сомнѣваются такъ же мало, какъ въ самихъ себѣ. Къ тому же природа Бога, безсмертіе, сущность нашей души и ея связь съ тѣломъ—это вѣчныя проблемы, которыхъ не могутъ рѣшить философы“.

Какимъ же образомъ хочетъ Геккель опровергнуть бытіе Бога? Геккель говоритъ, будто существуетъ только тѣло. Тѣло есть-де не только носитель духа, но духъ и возникъ изъ тѣла. Если же нѣтъ духа, какъ самостоятельнаго бытія, то нѣтъ-де и Бога. Мы видимъ духъ только по тѣлу, а когда тѣло умираетъ, то и духъ-де перестаетъ существовать. Духъ во всѣхъ своихъ функціяхъ зависитъ отъ тѣла. Когда тѣло ослабѣваетъ и переходитъ, то вмѣстѣ съ нимъ переходитъ и духъ; можно также ослаблять духовныя силы и силу воли черезъ вліяніе ядовъ, какъ напимѣръ, алкоголя.

Напротивъ того, уже давно доказано, что бываетъ и наоборотъ, то есть, что тѣло можетъ состариться, а духъ — останется юнымъ, что есть здоровыя дѣти, обладающія слабымъ духомъ и, наоборотъ, есть тяжело-больные люди, духъ которыхъ бодръ. Одинъ изъ современниковъ Шиллера, Функъ, писалъ Кернеру, что Шиллеръ постоянно страдаетъ отъ своей болѣзни, но если его вовлекаютъ въ интересный разгово-

воръ, или если ему предлагаютъ вопросъ, который его займетъ, то его болѣзнь покидаетъ его для того, чтобы вернуться тотчасъ же, какъ только онъ кончаетъ пояснять вопросъ. Вообще, напряженная работа—лучшее средство для него, но только на нѣкоторое время. Видно, въ какомъ непрерывномъ напряженіи онъ живетъ, и какъ сильно его духъ тиранитъ его тѣло, ибо каждая минута духовнаго изнеможенія вызываетъ у него тѣлесную болѣзнь. Но именно потому-то его такъ и трудно излѣчить, потому что привыкшій къ неустанной дѣятельности духъ еще больше пришоривается страданіями тѣла, такъ что передъ началомъ лѣченія надо было бы, чтобы онъ серьезно разболѣлся...

Далѣе, обмѣнъ веществъ измѣняетъ тѣло. Человѣческій же духъ можетъ остаться такимъ же, и черезъ 80 лѣтъ онъ можетъ быть тотъ же, что и когда-то; „я“ остается безъ измѣненія.

Здѣсь одно утвержденіе противопологается другому.

Перев. *И. И. Селвановской*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

О приходской благотворительности.

Въ отчетѣ благочиннаго I округа, Пензенскаго уѣзда, священника А. Солонова по части приходской благотворительности читаемъ, между прочимъ, слѣдующее. „Въ 1909 г., какъ и въ предыдущіе годы, церковно-приходскій Безсоновскій совѣтъ удѣлялъ должное вниманіе благотворительности въ приходѣ, раздавая пособіе ко дню св. Пасхи, помогая по случаю разоренія отъ пожаровъ. Вотъ, напр., какого содержанія записано постановленіе церковно-приходскаго совѣта, отъ 6-го августа 1909 года № 19. „1909 года іюля 29 дня около 10 часовъ утра отъ неизвѣстной причины произошелъ

пожаръ „на Городкѣ“ (одна изъ улицъ въ Безсоновкѣ). При сильнѣйшемъ вѣтрѣ, пожаръ въ одно мгновеніе уничтожилъ 21 домъ жилой и нѣсколько холодныхъ построекъ. Потерпѣли отъ пожара, въ большинствѣ, люди мало-состоятельные, при томъ потерпѣли жестоко, потому что при бушующемъ вѣтрѣ о спасеніи имущества не могло быть рѣчи; оно все погорѣло. Чтобы выразить свое сочувствіе несчастнымъ погорѣльцамъ, а отчасти и помочь имъ матеріально, церковно-приходскій совѣтъ положилъ обратиться къ прихожанамъ, прійти на помощь къ погорѣльцамъ своими пожертвованіями. Положено было произвести сборъ членами совѣта 2-го и 6-го числа августа. 1, 2 и 6 числа прихожане были предувѣдомляемы рѣчами настоятеля, въ коихъ рисовалась картина бѣдственнаго положенія погорѣльцевъ, обязанность прихода помочь бѣдствующимъ братьямъ, помощь нуждающимся великое дѣло въ очахъ Божіихъ и помощь должна идти чрезъ церковно-приходскій совѣтъ. Прихожане сочувственно отнеслись къ мысли совѣта: 2-го числа собрано „въ кружку совѣта“ 44 руб. 63 коп. и 6-го числа 33 руб. 47 коп. и 50 аршинъ ситцу. Сумму эту съ добавленіемъ къ ней суммы, имѣющейся у совѣта „на бѣдныхъ“ 30 руб. 23 коп., а всего 108 руб. 33 коп. и постановлено выдать въ помощь погорѣльцамъ, въ слѣдующемъ размѣрѣ: тремъ погорѣльцамъ по 12 руб., 12 погорѣльцамъ по 6 руб. Остальнымъ 6 пострадавшимъ, какъ людямъ болѣе или менѣе состоятельнымъ, могущимъ, при помощи Божіей, самимъ обстронься, въ пособіи отказано. Кромѣ того, нѣкоторымъ погорѣльцамъ выдать по 10 аршинъ ситца“ („Совр. Лѣт.“).

Какъ желательно, чтобы церковно-приходская благотворительность развивалась на св. Руси.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 23-го октября 1910 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*

Кіевъ. Типъ Акціонернаго Общества П. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Ц

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

цѣна годовому изданію на шѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 44.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года 31 октября.

Содержаніе: I. Средства и способы борьбы съ народнымъ пьянствомъ, вырабатываемыя духовенствомъ. II. Пальмовъ.—III. Библия и естествознаніе. (Продолженіе). Перев. II. П. Селивановской.—III. Объявленіе объ изданіи „Р. д. с. п.“ въ 1911 году.

Средства и способы борьбы съ народнымъ пьянствомъ, вырабатываемыя духовенствомъ.

Современная медицина научно установила вредное вліяніе алкоголя на человѣческой организмъ. Устами своихъ авторитетовъ, каковъ, напр. кіевскій профессоръ-психіатръ И. А. Сикорскій, медицина признала алкоголь за настоящій ядъ, который положительно отравляетъ нашъ организмъ, когда онъ въ концѣ концовъ теряетъ способность бороться съ нимъ, и разрушаетъ его несравненно скорѣе, чѣмъ это должно было бы совершиться по естественному порядку вещей. Внося тлетворное начало въ физическую нашу природу, алкоголь столь же губительное начало вносить и въ нашу психику: нервное разстройство и сумашествіе—вотъ печаль-

ная перспектива, ожидающая тѣхъ. кто пристрастился къ винопитію, и не только ихъ. но и ихъ потомство.

Наиболѣе страшной представляется картина зараженія алкогольнымъ ядомъ, когда приходится имѣть въ виду народъ. Алкоголь грозитъ полнымъ разрушеніемъ народнаго блага, понимаемаго во всемъ его объемѣ—и со стороны физической, и нравственной, и религіозной, и экономической. Въ послѣднемъ случаѣ положеніе простонародья гораздо печальнѣе интеллигентнаго класса. Въ то время, какъ интеллигентный классъ является въ Россіи довольно обеспеченнымъ и поэтому оказывается не столь чувствительнымъ къ матеріальному ущербу, приносимому алкоголемъ, простой нашъ народъ и безъ того рѣдко вообще когда не бѣдствуетъ, потому что въ лучшемъ случаѣ располагаетъ крайне скуднымъ матеріальнымъ достаткомъ. Окончательное обнищаніе матеріальное, при огрубѣніи духовномъ и вырожденіи физическомъ, ожидаетъ такимъ образомъ народъ, если не принять теперь же, немедленно, самыхъ рѣшительныхъ мѣръ къ борьбѣ съ народнымъ старымъ зломъ—пьянствомъ.

Кому же взять на свои плечи эту борьбу? Кому взять на себя трудъ разъясненія многообразнаго и многоразличнаго вреда, причиняемаго человѣку алкоголемъ,—разъясненія потому именно необходимаго, что большею частью сами привязанные къ вину не знаютъ и не понимаютъ вреда отъ этого? Кому выступить проповѣдниками воздержанія и трезвенности, особенно—среди молодого, подросткающаго поколѣнія, которое въ первый разъ протягиваетъ руку къ чаркѣ совсѣмъ не по ощущенію аппетита къ вину, а по ухарству, по молодечеству, желанію убѣдить себя и другимъ показать, что оно уже взрослое и можетъ свободно продѣлывать то, что заведено у большихъ,—кому? Да все тому же православному русскому духовенству, всегда, въ теченіе тысячелѣтней исторіи Русскаго государства, неизмѣнно бывшему лучшимъ и вѣрнѣйшимъ другомъ народа, сколько бы ни чернили его предъ тѣмъ же народомъ лживые недруги народа, умѣющіе.—

надо отдать имъ справедливость,—превосходно облачаться въ одежду „искреннихъ друзей“ народа.

Призывъ духовенства къ борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ издавна раздавался изъ среды самого же духовенства: онъ шелъ отъ лица лучшихъ его представителей—истинныхъ печальниковъ русскаго народа. Позже, этотъ призывъ сталъ слышаться и со стороны свѣтскихъ лицъ, благожелательно настроенныхъ къ церкви и духовенству и заявившихъ себя подлинными ревнителями народного блага. Таковъ былъ, напр., приснопамятный Татевскій „школьный учитель“ С. А. Рачинскій. Онъ горячо убѣждалъ пастырей стать во главѣ начинавшагося при немъ трезвеннаго движенія, а питомцевъ духовной школы прямо таки умолялъ отказаться отъ употребленія спиртныхъ напитковъ еще со школьной скамьи. Громко звучитъ призывъ духовенства къ трезвости и насажденію ея въ народѣ въ сборникѣ статей Рачинскаго, вышедшемъ нѣсколькими изданіями, подъ заглавіемъ: „Сельская Школа“, и въ „Письмахъ его къ духовному юношеству“ (М. 1899 г.). Высшая церковная власть, и ранѣе внушавшая духовенству воздѣйствовать на народъ, въ проповѣдяхъ и виѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ, въ смыслѣ отвращенія народа отъ пьянственнаго порока, въ самое послѣднее время предписала устраивать въ духовныхъ семинаріяхъ для воспитанниковъ нарочитыя чтенія, посвященныя всестороннему выясненію вреда отъ пьянства, и иллюстрировать такія чтенія, по возможности, туманными картинами, какъ бы воочію изображающими предъ зрителями ужасныя разрушенія въ организмѣ отъ алкоголя,—все это для того, чтобы, съ одной стороны, заблаговременно вселить въ умы и сердца юношей сознательное и искреннее отвращеніе къ вину, а съ другой—дать имъ обильный матеріалъ для бесѣдъ съ народомъ на злободневную тему о вредѣ алкоголя, когда они будутъ призваны служить благу народа.

Несомнѣнная польза отъ чтеній противъ пьянства, особенно, когда чтенія сопровождаются демонстрированьемъ от-

носящихся къ предмету картинъ, точно установлена опытомъ всѣхъ трезвенныхъ обществъ, практикующихъ этотъ способъ борьбы съ алкоголизмомъ, во главѣ съ образцовымъ С.-Петербургскимъ Александро-Невскимъ Обществомъ трезвости, которое создано энергіей, главнымъ образомъ, двухъ пастырей-трезвенниковъ о. А. В. Рождественскаго и о. П. А. Миртова, нынѣшняго руководителя общества.

Готовность нашего духовенства приложить силы къ великому дѣлу борьбы съ народнымъ порокомъ не подлежитъ сомнѣнію. На съѣздахъ духовенства по епархіямъ и на пастырскихъ собраніяхъ оживленно дебатруется этотъ животрепещущій вопросъ и при томъ, — что знаменательно, — не съ той его стороны, слѣдуетъ ли духовенству взять на себя борьбу съ пьянствомъ: этотъ пунктъ признается уже рѣшеннымъ въ положительномъ и безповоротномъ смыслѣ, но съ той, какимъ образомъ практически наилучшее можно осуществить нелегкое дѣло борьбы съ пьянствомъ. Собиравшійся, напр., въ августѣ мѣсяцѣ текущаго года въ г. Самарѣ епархіальный съѣздъ самарскаго духовенства удѣлилъ довольно мѣста разсмотрѣнію средствъ и способовъ борьбы съ пьянствомъ, предварительно выработанныхъ въ особой комиссіи.

Прежде всего, Самарскій съѣздъ призналъ, что духовенству епархіи необходимо объединиться на почвѣ борьбы съ пьянствомъ и образовать въ своей духовной средѣ особое „Епархіальное братство пастырей-трезвенниковъ“. Трезвая жизнь пастыря даетъ прихожанамъ наглядный примѣръ для подражанія, а объединеніе трезвенниковъ-пастырей въ надлежаще организованное братство ободритъ ихъ самихъ и предоставитъ имъ полную возможность энергично и плодотворно вести дѣло проповѣди противъ пьянства. Затѣмъ, въ каждомъ благочинническомъ округѣ необходимо имѣть специальныхъ проповѣдниковъ трезвости, которые своими чтеніями и бесѣдами о вредѣ алкоголя помогали бы приходскимъ священникамъ достигать завѣтную цѣль. Для нагляднаго ознакомленія прихожанъ съ пагубными послѣдствіями алкоголя, необходи-

мо учредить передвижныя противоалкогольныя выставки и предоставлять народу случаи посѣщать такія выставки, перевозя ихъ по епархіи съ одного мѣста на другое. Устройство передвижныхъ противоалкогольныхъ выставокъ, перевозъ ихъ съ мѣста на мѣсто, прогоны лицамъ, сопровождающимъ выставки, какъ и вообще вознагражденіе всѣмъ, трудящимся по устройству бесѣдъ съ туманными картинами, печатанье и распространеніе популярныхъ листовъ и брошюръ о вредѣ пьянства,—все это, разумѣется, вызываетъ нужду въ ассигнованіи изъ епархіальныхъ денежныхъ средствъ особой суммы, специально—на борьбу съ пьянствомъ. Самарскій съѣздъ духовенства призналъ возможнымъ сдѣлать необходимую денежную затрату. Далѣе, было высказано пожеланіе, чтобы приходскимъ обществамъ трезвости было предоставлено право, въ законодательномъ порядкѣ, возбуждать ходатайства о закрытіи винныхъ лавокъ. Наконецъ, съѣздомъ было сдѣлано постановленіе—передать на рѣшеніе благочинническихъ съѣздовъ духовенства частныя вопросы касательно, напр., открытія приходскихъ обществъ трезвости, веденія бесѣдъ съ народомъ о вредѣ пьянства при церковно-приходскихъ школахъ и распространенія брошюръ и листовъ о томъ же, ходатайствъ о выдачѣ денежныхъ субсидій приходскимъ обществамъ трезвости изъ средствъ Попечительства о народной трезвости, устройства крестныхъ ходовъ, торжественныхъ богослуженій съ участіемъ трезвенниковъ и т. п.

Постановленія епархіальнаго съѣзда духовенства встрѣтили полное сочувствіе у самарскаго преосвященнаго епископа Константина, который въ своей резолюціи на журналѣ Съѣзда, между прочимъ, написалъ: „Усердно призываю духовенство къ усиленной проповѣди о пагубности пьянства и къ учрежденію обществъ трезвости. О всѣхъ мѣропріятіяхъ, какія будутъ сдѣланы въ приходсахъ для искорененія нетрезвости, благочинные имѣютъ доносить мнѣ въ полугодичныхъ отчетахъ“¹⁾.

¹⁾ См. *журналы Съѣзда духовенства Самарской епархіи сессіи 1910 года* въ приложеніи къ № 19 „Самарскихъ Епарх. Вѣдомостей“, с. 53—56.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ (23 числа) текущаго года на тему о борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ велъ бесѣду преосвященный епископъ могилевскій Стефанъ съ о.о. депутатами епархіального съѣзда духовенства и духовенства могилево-градскихъ церквей. Констатируя систематическое спаиваніе жителей Могилевской губерніи—бѣлоруссовъ евреями, торгующими водкой въ многочисленныхъ тайныхъ притонахъ, и указывая на безсиліе власти бороться съ этимъ зломъ законными мѣрами, преосв. Стефанъ призывалъ духовенство приложить стараніе къ учрежденію всюду обществъ трезвости, которыя, между прочимъ, могли бы на мѣстахъ, лучше узнавать о тайныхъ притонахъ и слѣдить за ними, а затѣмъ и доводить объ ихъ зловредной дѣятельности до свѣдѣнія гражданской власти. Перечисливъ существующія средства духовной и литературной борьбы съ алкоголизмомъ, преосвящ. Стефанъ сказалъ, что въ борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ, во главу угла надо поставить трезвенную жизнь самого духовенства. Трезвенность не требуетъ совершеннаго отреченія отъ вина даже въ скромной мѣрѣ и при всякихъ обстоятельствахъ; настаивать на безусловномъ отреченіи отъ вина значило бы противорѣчить словамъ апостола, сказаннымъ его ученику Тимоѳею, епископу Ефесской церкви: „виредь пей не одну воду, но употребляй немного вина ради желудка твоего и частыхъ твоихъ недуговъ“ (1 Тим. 5, 23), и не имѣть въ виду исторіи брака въ Канѣ Галилейской. Предосудительна нетрезвость, которая не позволяетъ духовенству успѣшно осуществить возжелѣнную цѣль—отрезвленіе народа. Пастырь, какъ духовный врачъ, желающій врачевать закоренѣлую народную болѣзнь пьянство, долженъ быть прежде всего самъ свободенъ отъ нея, чтобы не услышать: „врачу, исцѣлися самъ“. Но даже если бы пастырь, по обстоятельствамъ времени, вызывающимъ на особыя мѣры борьбы съ пьянствомъ, и совершенно отказался отъ употребленія вина, то это не было бы тѣмъ ригоризмомъ, который осужденъ Словомъ Божиимъ (Кол. 2, 16—23; 1 Тим. 4, 3). То же

Слово Божіе особенно ублажаетъ Предтечу и Крестителя Христова Іоанна за его полное отреченіе отъ вина и сикера (Лук. 1, 15), какъ и вообще за его строгій аскетическій образъ жизни (Мѣ. 11, 8—19; Лук. 7, 24—34). И апостоль Павель, обличавшій ригоризмъ еретиковъ, запрещавшихъ вступать въ бракъ и употреблять въ пищу мясо, восхвалялъ дѣвство, отказался самъ отъ брака и далъ обѣтъ не вкушать мяса, дабы не соблазнить кого-либо изъ братій своихъ (1 Кор. 7—8).

Имѣя въ виду безспорный фактъ, что частная жизнь священнослужителя всегда становится извѣстной прихожанамъ, и тѣ или иные порядки ея оказываютъ вліяніе на направленіе и частной жизни прихожанъ въ добрую или худую сторону, преосв. Стефанъ остановился вниманіемъ на печальномъ обычаѣ въ средѣ духовенства всякія собранія, даже дѣловыя, напр., благочинническія, непременно сопровождать устроеніемъ трапезъ съ магазинными закусками, съ обильными и разорительными для скромнаго бюджета сельскаго священника яствами и обязательно съ спиртными напитками, нерѣдко заграничными. Наибольшею роскошью отличаются угощенія, устраиваемыя священниками при приѣмѣ архіерея и его свиты. На столъ истрачиваютъ въ этомъ случаѣ сельскіе батюшки до 40 рублей. Не говоря уже о томъ, что для архіерея нѣтъ никакой нужды въ тонкихъ блюдахъ и заморскихъ винахъ, требующихъ затраты большой денежной суммы, обременительной для священника и заставляющей ихъ послѣ вслухъ жаловаться на тягость для нихъ архіерейскаго приѣма, самое устройство богатыхъ трапезъ съ спиртными напитками представляютъ дурной примѣръ прихожанамъ. Глядя на своихъ пастырей, и прихожане не будутъ убирать съ своихъ столовъ спиртные напитки и не будутъ стараться совершенно исключить ихъ изъ своего домашняго обихода. Въ виду несомнѣннаго соблазна отъ роскошныхъ трапезъ духовенства для народа, желательно, говорилъ пресв. Стефанъ, вовсе упразднить такія трапезы. Во всякомъ случаѣ, лично

онъ настаиваетъ, чтобы при приѣмахъ его и свиты священникомъ не было допускаемо устройство дорогихъ и черезчуръ обильныхъ угощеній съ спиртными напитками. Лично я, говорилъ преосв. Стефанъ, совсѣмъ не поклонникъ и не любитель заморскихъ кушаній, яствъ и питій, которымъ всегда предпочитаю простыя русскія кушанья, какъ, напр., щи, или супъ изъ овощей, гречневую кашу, яичницу, молоко кислое и въ другихъ видахъ, фрукты, а изъ напитковъ—квасъ; чистую воду или, за неимѣніемъ ея, какую-нибудь столовую минеральную воду. И не разъ уже предупреждалъ я духовенство объ этомъ; стремясь искоренить вина и закуски, нарочито избѣгалъ употреблять ихъ въ домахъ духовенства. И далѣе, не касаюсь личныхъ вкусовъ и матеріальнаго ущерба для сельскихъ священниковъ, въ какое положеніе буду поставленъ я, говорилъ преосв. Стефанъ, когда, напр., приѣхавъ въ то или другое мѣсто, стану съ церковнаго амвона призывать народъ къ трезвости, а придя въ домъ къ батюшкѣ, сяду за столъ, уставленный всевозможными закусками и винами?! 1).

Въ приведенныхъ голосахъ пастырей и архипастырей изъ Самары и Могилева особенно цѣнно, на нашъ взглядъ, ясное сознаніе, что въ дѣлѣ такой настоятельной необходимости, каково насажденіе въ народѣ трезвости, прежде всего потребно воспитаніе духа трезвенности въ средѣ *духовенства*. Это сознаніе, какъ видно, не поверхностное, но глубокое. Оно уже отливается во внѣшнія формы. Учрежденія епархіальныхъ братствъ трезвенниковъ-пастырей знаменательный въ этомъ отношеніи фактъ. Служа показателемъ наличности искренняго стремленія пастырей прийти на помощь бѣдствующему отъ пьянства народу и послужить святой идеѣ трезвенности, этотъ фактъ является съ тѣмъ вмѣстѣ и лучшею гарантіей, что средства и способы, вырабатываемыя для

1) См. № 17 Могилевск. Епарх. Вѣдомостей, стр. 564 569.

успѣшнѣйшей борьбы съ пьянствомъ народнымъ, не останутся мертвыми, а принесутъ дѣйствительную пользу, такъ какъ будутъ примѣняться пастырями-поборниками трезвенности не ех officio, не во имя одного холоднаго служебнаго долга и повиновенія предъ начальствомъ, но именно по убѣжденію въ великой важности самаго дѣла борьбы съ народнымъ горемъ, по сердечному желанію, по искреннему, христіанскому влеченію спасти погибающій отъ пьянства народъ.

Н. Пальмовъ.

Библия и естествознаніе.

(Продолженіе ¹⁾).

Но Геккель весьма основательно берется за дѣло. Онъ хочетъ вывести въ своей книгѣ, будто все духовное есть не что иное, какъ нѣчто возникшее изъ тѣла. Онъ утверждаетъ, что онъ доказалъ, будто духъ возникъ изъ тѣлеснаго, изъ матеріи и будто именно поэтому то, что называется духомъ, не можетъ существовать,—а слѣдовательно и Богъ, Котораго считаютъ Духомъ, не существуетъ. Есть два главные ряда доказательствъ, которыя Геккель излагаетъ въ своей книгѣ „Міровыя загадки“.

1. Онъ старается доказать, будто все, что мы называемъ духомъ, а именно, самосознаніе, душа, воля—ничто само по себѣ, но что духъ образовался изъ тѣла въ теченіе долгихъ тысячелѣтій и милліоновъ лѣтъ; образовался же онъ только благодаря химико-физическимъ силамъ.

2. Онъ утверждаетъ, будто существуетъ такъ называемый законъ вещества, который абсолютно исключаетъ бытіе Бога.

Я не естествоиспытатель и не могу поэтому входить въ разсмотрѣніе вопроса, какъ онъ поставленъ въ естествовѣдѣ-

¹⁾ См. № 43-й за 1910-й г.

ни. Я хочу иначе опровергнуть оба эти утверждения Геккеля, я постараюсь показать, что Геккель не могъ доказать своего утверждения, потому что онъ самъ себѣ противорѣчить, а во-вторыхъ, что онъ не можетъ притязать на обладаніе абсолютной истинной, потому что онъ имѣетъ противниковъ, какъ въ естественно-научной, такъ и въ философской области.

Прежде всего дѣло вотъ въ чемъ: Геккель высказалъ ту мысль, что существуетъ только матерія, а то, что мы называемъ духомъ, развилось изъ тѣлеснаго вещества. Мы приходимъ къ тому заключенію, что Геккель самъ уничтожаетъ свое доказательство, именно. онъ говоритъ въ концѣ своего изложенія, что первобытное вещество состояло изъ матеріи и духа, между тѣмъ по его же словамъ духъ долженъ былъ возникнуть изъ матеріи.

По его мнѣнію, это двѣ стороны одной и той сущности, причемъ онъ понимаетъ духъ, какъ всеобъемлющую и мыслящую субстанціональную энергію. Въ концѣ концовъ онъ приходитъ къ слѣдующему странному выводу:

„Обѣ главныя составныя части субстаціи (т. е. того, что существовало изначала), масса и эфиръ, не мертвы и не приводятся въ движеніе только лишь внѣшними силами, но они обладаютъ ощущеніемъ и волей, они ощущаютъ удовольствіе при сгущеніи и неудовольствіе при разрѣженіи, они стремятся къ первому и борются противъ послѣдняго“.

Это значить, что то, что было изначала, обладало удовольствіемъ и неудовольствіемъ. Но и то, и другое не представляетъ собою ничего химическаго или матеріальнаго, а только ощущеніе, которое принадлежитъ духу. Итакъ, по словамъ самого же Геккеля, изначала существовалъ несозданный духъ.

Геккель принужденъ точно также къ существующей изначала матеріи, которую онъ называетъ „атомами“, прибавить еще нѣчто, что онъ долженъ назвать „душей“ или иностраннѣмъ словомъ „психомъ“. Онъ говоритъ: „Существуютъ

3 констанціи (т. е. то, что вѣчно): 1, констанція матеріи, 2, констанція силы, 3, констанція психома, или души. Но вѣдь душа есть нѣчто „духовное“! Изъ этой первобытной души развивается потомъ человѣческая душа слѣдующимъ образомъ, какъ это достоверно извѣстно Геккелю: душа типа позвоночныхъ животныхъ должна пройти 8 ступеней, изъ которыхъ 4 приходится на долю млекопитающихъ животныхъ, и эти 4 нуждаются по крайней мѣрѣ въ 14 милліонахъ лѣтъ, т. е. онѣ приходятся на то время, когда земля еще не могла имѣть воду, такъ какъ температура солнца была такъ высока, что вся вода должна была бы испариться“.

До этого времени душа должна была, конечно, безчисленные милліоны лѣтъ стремиться вверхъ и развиваться.

Что же заставляетъ Геккеля, отрицающаго бытіе всего духовнаго, принимать, не взирая на это, первоначальный духъ, хотя бы онъ его такъ и не называлъ?

Можно было бы привести двѣ причины:

1. Геккель долженъ объяснить, откуда въ первоначальной матеріи явилось движеніе, потому что естествознаніе можетъ объяснить развитіе вселенной только изъ движенія. Матерія не имѣетъ въ себѣ движенія, поэтому Геккель измышляетъ для этой субстанціи ощущеніе, черезъ которое она поддерживается въ вѣчномъ движеніи. Правда, онъ называетъ это химической аттракціей, но это слово отнюдь не прикрываетъ дѣла.

2. Геккель не можетъ дать удовлетворительнаго объясненія возникновенію самосознанія и мышленія у человѣка. Онъ утверждаетъ, правда, будто онъ знаетъ, какъ возникаетъ самосознаніе изъ матеріи благодаря химическимъ процессамъ, но его доказательства многими оспариваются. Поэтому-то Геккель сдѣлался такимъ ожесточеннымъ противникомъ естествоиспытателя Дюбуа-Реймона, который объявилъ, что сознаніе нельзя называть матеріальнымъ.

Геккель утверждаетъ, будто всѣ живыя существа чувственны, т. е. они отвѣчаютъ на раздраженіе окружающаго;

онъ различаетъ 5 ступеней чувствительности; на пятой развивается, наконецъ, черезъ отраженіе ощущеній въ центральной части нервной системы, сознательное ощущеніе.

Но откуда же вдругъ „сознательное“ ощущеніе? Это только утвержденіе безъ всякой тѣни доказательства. Отраженіе же вѣдь дѣлается сознательнымъ только тогда, когда кто-нибудь, какая-нибудь личность его воспринимаетъ. Итакъ, сознание должно быть на лицо для того, чтобы ощутить впечатлѣніе. Геккель старается доказать, что сознание возникаетъ изъ отраженія и при этомъ предварительно предполагаетъ сознание. Милое доказательство!

Такъ же обстоитъ дѣло и съ „разумомъ“. Геккель утверждаетъ, будто мыслительная дѣятельность занимаетъ пространственно ограниченную часть корки большого мозга. Но тогда надо было бы указать и на постепенное развитіе разума у животныхъ, которые имѣютъ такую же мозговую корку, какъ и человѣкъ. Но это не такъ, хотя Геккель это и утверждаетъ. У животныхъ разумъ не развивается, а пребываетъ неизмѣннымъ уже тысячелѣтія.

Геккель пишетъ въ „Чудесахъ жизни“: „Съ другой стороны способность къ образованію понятій такъ незначительна и въ настоящее время у низшихъ дикихъ народовъ, что они только немногимъ возвышаются по своему разуму надъ собаками, лошадьми и т. д.“.

„Эти дикіе народы (напр., австралійскіе негры) въ психологическомъ отношеніи стоятъ ближе къ млекопитающимъ животнымъ (обезьянамъ, собакамъ), чѣмъ къ высоко цивилизованному европейцу“.

Это можетъ быть. Но и негръ,—какъ уже случалось,—можетъ сдѣлаться профессоромъ университета, животное же не мѣняется въ своемъ разумѣ, если можно инстинктъ назвать разумомъ. Человѣкъ измѣняетъ свой интеллектъ, такъ какъ онъ воспринимаетъ въ себѣ то, что было переработано его предками. О животныхъ же этого абсолютно невозможно сказать и такимъ образомъ останется навсегда чѣмъ-то таин-

ственнымъ то, какъ это возможно, чтобы животное и человѣкъ, будучи похожими другъ на друга по наружному виду, были бы такъ различны въ отношеніи разума. Поэтому и Геккель, какъ бы принужденный какой-то внутренней необходимостью, долженъ, въ концѣ концовъ, признать, что разумъ, собственно говоря, происходитъ не изъ одной только матеріи, но что матерія сама изначала содержала въ себѣ нѣчто разумное. Въ своихъ: „Міровыхъ загадкахъ“ онъ говоритъ слѣдующее:

„Первобытная матерія или универсальная субстанція показываетъ 2 различныя стороны своего истиннаго существа, 2 фундаментальные атрибута: матерія (безконечно протяженное вещество субстанціи) и духъ (всеобъемлющая „мыслящая—субстанціональная энергія“.

Такъ рѣзко противорѣчитъ себѣ Геккель. Одинъ разъ онъ утверждаетъ, будто духъ возникаетъ только изъ матеріи,— другой разъ онъ для него „атрибутъ первоначальной субстанціи“. Въ общемъ, въ настоящее время значительное число естествоиспытателей и философовъ принимаютъ, что духъ и матерія изначала существовали вмѣстѣ, несозданные, равномѣрные и параллельные другъ другу; къ такому выводу пришли именно потому, что возникновеніе духа изъ матеріи не можетъ быть доказано наукой.

Собственная неясность, въ которой находится Геккель, не удерживаетъ его однако отъ того, чтобы объявить: Бога нѣтъ, ибо духъ есть кусокъ матеріи. Въ самомъ благопріятномъ случаѣ существуетъ „газъ“, потому что въ другомъ мѣстѣ онъ объявляетъ опять, что будто изъ эфира образуется студенистая масса, а изъ этой массы—газъ. На основаніи этого чисто фантастическаго утвержденія, онъ осмѣливается высказывать, что будто христіанскій Богъ есть газообразное позвоночное животное. Да, для него, который совершенно не чувствуетъ истиннаго духа, духъ кажется газомъ (хотя нельзя себѣ представить, что это такое); только потому, что онъ

не может вывести духъ изъ матеріи безъ остатка, онъ его называетъ матеріальнымъ именемъ „газъ“.

Но если изначала газъ сразу сдѣлался духомъ, то значитъ, первоначало есть духъ, а не матерія. Пусть Геккель называетъ духъ матеріей или газомъ; онъ не доказалъ своего утвержденія, что духъ есть матерія,—а названія ничего не доказываютъ.

Для того, чтобы изгнать Бога изъ вселенной и отказать Ему въ правѣ на существованіе, Геккель приводитъ еще и вторую причину: онъ говоритъ о „законѣ субстанціи“. Онъ утверждаетъ, будто отъ вѣчности существуетъ одна сумма матеріи, которая наполняетъ міровое пространство и остается неизмѣнной, и одна сумма силъ, которыя наполняютъ міровое пространство, и ни одна изъ которыхъ не исчезаетъ во вѣки. Въ виду того, что это такъ, по мнѣнію Геккеля, для Бога не остается мѣста во вселенной и въ вѣчности.

Здѣсь надо замѣтить слѣдующее: во-первыхъ, что мы имѣемъ дѣло только съ утвержденіемъ. Правда, значительная часть философовъ и естествоиспытателей соглашались въ настоящее время съ Геккелемъ и принимаютъ, какъ и онъ, безконечность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣчность мірового пространства. Но они знаютъ, что дѣло идетъ только о научномъ требованіи, а не о доказанномъ фактѣ. Ибо безконечности и вѣчности, какъ фактовъ, у насъ на лицо не имѣется. Но Геккель этимъ не довольствуется, онъ увѣряетъ: „это именно такъ“: онъ это доказалъ, и восхваляетъ свое доказательство, какъ величайшее пріобрѣтеніе столѣтія!

Кромѣ того Геккель самъ долженъ сознаться, что онъ не знаетъ, какъ ему быть съ этой первобытной субстанціей, когда онъ заявляетъ слѣдующее: „Мы должны признать „одну“ всеобъемлющую міровую загадку, проблему субстанціи (т. е. во взаимной связи силы и матеріи находится граница естествознанія); — настоящая сущность субстанціи кажется намъ все чудеснѣе и загадочнѣе, чѣмъ глубже мы проникаемъ въ познаніе ея атрибутовъ. матеріи и энергій, чѣмъ

основательнѣе мы изучаемъ ея безчисленныя формы явленій и ихъ развитіе“.

Итакъ, даже Геккель, который всегда все знаетъ, ставить въ началѣ всякаго развитія вопросительный знакъ, правда не въ отношеніи вопроса „откуда?“ а въ отношеніи вопроса „какъ?“

Въ доказательство того, что многіе профессора съ громкими именами произносятъ отрицательный приговоръ по отношенію къ способу веденія доказательствъ Геккелемъ, достаточно привести свидѣтельство извѣстнаго профессора философіи въ Берлинѣ Паульсена. Онъ пишетъ о „Міровыхъ загадкахъ“ Геккеля: „Я прочелъ эту книгу съ жгучимъ стыдомъ; мнѣ стыдно было за состояніе общаго образованія и философскаго образованія нашего народа. Грустно, что такая книга была возможна, что она была написана, напечатана, раскуплена, читаема; грустно, что ею восхищались, что ей вѣрили, и это тотъ народъ. у котораго есть Кантъ, Гете, Шопенгауеръ!“

Въ общемъ Геккель сохраняетъ слово „Богъ“. Онъ говоритъ: „Богъ это безконечная сумма всѣхъ силъ природы. сумма всѣхъ атомныхъ силъ, всѣхъ колебаній эфира“.

Но это все слова, потому что понятіе Богъ, означаетъ противоположность природы. Это знаетъ и Геккель, потому что его основное требованіе, чтобы Бога не было. Онъ хочетъ покончить съ этими тремя силами—Богъ, безсмертіе, свобода.

Если бы это ему вполнѣ удалось, то не осталось бы ни одного естествоиспытателя, который бы вѣрилъ въ Бога. И теперь такихъ не много. Но все же неправильно будетъ утверждать, будто все естествознаніе, какъ таковое, стоитъ на точкѣ зрѣнія отрицанія Бога. Мы видимъ, что мистики въ своемъ доказательствѣ того, что Бога нѣтъ, всегда ссылаются на Ньютона, открывшаго законъ тяжести, или на Дарвина. Но относительно этихъ двухъ ученыхъ мы знаемъ, что

они вѣрили въ Бога. Профессоръ естествознанія Рейнке изъ Киля пишетъ:

„Моя совѣсть естествоиспытателя возстаетъ противъ того, что будто бы изъ-за результатовъ естествознанія необходимо устранить христіанство и христіанское міропониманіе; я вижу въ этомъ попытку закрѣпленія нашего свободного духа“.

Геккель имѣетъ обыкновеніе тѣхъ естествоиспытателей, которые съ нимъ не согласны, объявлять душевно больными и старчески слабоумными, или же приписываетъ имъ,—какъ наприм., Вирхову,—нежеланіе говорить правду изъ боязни церкви и правительства. Геккель оставляетъ себѣ монополию на правду!

Но если бы даже всѣ вообще естествоиспытатели, на всемъ свѣтѣ, заявили сегодня, что Бога нѣтъ, то мы все-таки знаемъ, что возрѣнія въ естествовѣдѣніи также мѣняются. Едва прошло полстолѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ господствовалъ Линней; а когда выступилъ Дарвинъ, и Геккель сталъ его защитникомъ, то онъ почти всюду находилъ враговъ. Съ тѣхъ поръ прошли десятилѣтія, въ теченіе которыхъ ученіе Дарвина о борьбѣ за существованіе мало-помалу достигло единоличнаго господства, а теперь опять слышатся слова: мы стоимъ у смертнаго одра дарвинизма, и естествоиспытатели указываютъ, что ученіе Дарвина о естественномъ подборѣ не можетъ быть доказано. Отсюда я съ полнымъ правомъ вывожу заключеніе, что естествознаніе не можетъ претендовать въ этихъ вопросахъ на истину. Поэтому мы имѣемъ право сказать, не обращая вниманія на Геккеля: вѣра въ Бога все же возможна, не смотря на одно единое направленіе въ естествознаніи.

Остается еще одинъ вопросъ, требующій отвѣта: что же даетъ Геккель и тѣ, кто за нимъ слѣдуетъ, какъ замѣну тѣхъ силъ, которыя дала міру вѣра въ Бога? Онъ самъ пишетъ по этому поводу слѣдующее:

„Въ этомъ отношеніи исполнивъ вѣрно, что христіанское міровоззрѣніе можетъ быть замѣнено монистической философій. Богиня истины живетъ въ храмѣ природы, въ зеленомъ лѣсу, въ голубомъ морѣ, на вершинахъ снѣговыхъ горъ; но отнюдь не въ дунныхъ залахъ монастырей, не въ тѣсныхъ тюрьмахъ закрытыхъ школъ и не въ пахнущихъ ладаномъ христіанскихъ церквахъ. Пути, которыми мы можемъ приблизиться къ этой великолѣпной богинѣ истины и познанія, это любвеобильное излѣдованіе природы и ея законовъ, наблюденіе безконечно великаго звѣзднаго міра при помощи телескопа и безконечно малаго міра клѣтчатокъ при помощи микроскопа; но не надо бессмысленныхъ упражненій въ набожности и нелѣпныхъ молитвъ, не надо жертвоприношеній для ошугушенія грѣховъ. Драгоцѣнные дары, которыми одѣляетъ насъ богиня истины, это чудные плоды съ дерева познанія и неоцѣнимое приобрѣтеніе яснаго и единаго міровоззрѣнія, но не вѣра въ сверхъестественныя чудеса и не ложный призракъ „вѣчной жизни“.

Поэтому онъ дастъ людямъ вмѣсто церкви нѣчто другое: а именно, его послѣдователи будутъ преклоняться передъ силой и матеріей. Храмы будущаго будутъ представлять изъ себя смѣсь обсерваторій, минералогическаго кабинета и акваріума. Онъ говоритъ:

„Храмы будутъ украшены не портретами святыхъ и распятіями, а искусными изображеніями изъ неисчерпаемаго царства красоты—природы и человѣческой жизни. Между высокими колоннами готическаго собора, обвитыми ліанами, стройныя пальмы, изящныя бананы и бамбуки будутъ напоминать о творческой силѣ тропиковъ. Въ большихъ акваріумахъ подъ окнами храма нестрые кораллы и морскія звѣзды будутъ свидѣтельствовать объ искусныхъ формахъ морской жизни. На мѣстѣ главнаго алтаря выступитъ Уранія (муза астрономіи), которая на движеніи небесныхъ свѣтилъ будетъ излагать всемогущество закона субстанціи.

На мѣсто Тріединства будетъ троичность истины, добра и красоты. Когда это наступитъ, то, по его словамъ, все будетъ прекрасно; въ школахъ не будутъ уже болѣе учить столько ненужныхъ предметовъ, въ судахъ будетъ присутствовать справедливость, въ парламентахъ—мудрость.

Я займусь позже отвѣтомъ на вопросъ, создаетъ ли естествознаніе нравственность, теперь я хочу излѣдовать, сулитъ ли душѣ человѣка этотъ культъ природы и разума то, что ему даетъ его вѣра въ личнаго Бога? Мы уже не будемъ обращать вниманія на то, что такое возвышеніе души должно послѣдовать въ аквариумѣ или въ ботаническомъ саду. Правда, человѣкъ, гуляющій въ лѣсу, освѣжается, а свѣжесть тѣла вліяетъ на настроеніе, но вѣдь есть же минуты, когда человѣкъ требуетъ большаго, когда онъ ищетъ Бога, Который бы провелъ его черезъ темныя долины, отъ Котораго онъ ожидаетъ справедливости въ вѣчности, такъ какъ мы не находимъ справедливости здѣсь, на землѣ, и истины, которой на землѣ никогда не будетъ. Для естествоиспытателя, конечно, наслажденіе—разсматривать кораллы или смотрѣть черезъ телескопъ, но для души это приноситъ только сознаніе, что существуетъ неумолимо холодное могущество природы. Что это ему поможетъ, если онъ ищетъ помощи своей душѣ какъ разъ противъ этой суровой природы? Геккель насмѣхается въ своей книгѣ надъ вѣрующими людьми: что это за Богъ, Который вамъ посылаетъ несчастье! Развѣ судьба перемѣнится отъ того, буду ли я вѣрить, или нѣтъ? Мы всѣ подчинены силамъ природы, которымъ подчинена непреходящая матерія. Но человѣкъ ищетъ какъ разъ среди этого міра то, что его должно возвысить надъ этими силами. Гдѣ природа разрушаетъ, тамъ онъ хочетъ имѣть Бога, Который бы ему могъ отвѣтить на вопросъ, почему его жизнь сложилась такъ, а иначе; онъ ищетъ Бога, Который бы его очищалъ и воспитывалъ Своимъ духомъ среди разнообразныхъ вліаній природы. Онъ ищетъ въ бренности и смерти то, что его могло бы возвысить надъ смертью, служащей концомъ природы. При-

верженцы Геккеля говорятъ, будто это слабость. Но развѣ это слабость? Слабъ тотъ человѣкъ, который ничего больше не знаетъ кромѣ слѣпо вліяющихъ на него силъ природы, противъ которыхъ онъ ничего не можетъ сдѣлать большаго, какъ только сложить въ бездѣйствіи руки. Природа постоянно проповѣдуетъ покорность и отреченіе. Что касается Бога, Котораго мы знаемъ, то не одному человѣку, потерявшему счастье всей жизни, благодаря слѣпому господству природы, Онъ укрѣпилъ душу; есть много людей, ободрившихся благодаря силѣ Духа Божія и укрѣпившихся этой силой настолько, что они не поддавались ударамъ, которые имъ наносила природа.

А разумъ? Посадите разумъ на тронъ, онъ—великъ и достоинъ поклоненія, но счастливымъ онъ человѣкъ не сдѣлаетъ. Разумъ и наука прекрасны, но не обладаніе ими дѣлаетъ человѣка счастливымъ, а только лишь стремленіе къ нимъ: Лессингъ сказалъ очень хорошо: „Истина у Бога, а намъ приличествуетъ только искать ее“. Кто становится на ту точку зрѣнія, что обладаніе наукой и разумомъ само по себѣ даетъ человѣку полную радость и удовлетвореніе, тотъ увидитъ, что они его сдѣлаютъ высокоумнымъ, но внутренняго счастья не дадутъ. Мы ищемъ истины и почитаемъ разумъ, потому что они должны намъ помочь проникнуть въ тайны природы, а совѣмъ не потому, что обладаніе ими могло бы удовлетворить потребности души.

Въ общемъ, я не могу сказать, что есть докательство бытія Бога для всѣхъ, но я полагаю, что и естествовѣдѣніе не можетъ выступить съ заявленіемъ: я доказалъ, что Бога нигдѣ нѣтъ. Если бы даже было и доказано, что субстанція вѣчна, то что же мнѣ можетъ помѣшать вѣрить въ Бога? Кто въ настоящее время вѣритъ въ Бога, въ Того Бога, Котораго Писаніе называетъ „Духомъ“, тотъ будетъ вѣрить въ Него, не смотря на присутствіе матеріи. Если бы субстанція была вѣчна, то тогда самое большее не было бы Творца вселенной. Итакъ, оба эти утвержденія стоятъ рядомъ, одни до-

казываютъ, что Богъ есть, другіе—что Бога нѣтъ. Никто не можетъ сказать, что онъ это абсолютно доказалъ. Изъ этого слѣдуетъ, что люди всегда будутъ раздѣляться, ибо мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ научнымъ доказательствомъ, какимъ, на примѣръ, является ученіе о движеніи свѣтилъ. Передъ этимъ вопросомъ люди распадаются на двѣ партіи, сообразно съ внутренней сущностью ихъ души; то, что они принимаютъ то или другое воззрѣніе служить доказательствомъ той сущности, которую они въ себѣ носятъ.

Всегда будутъ люди, которые будутъ говорить: я не могу принять того, что Богъ есть, это противорѣчитъ моей природѣ—а другіе, наоборотъ, будутъ говорить: я долженъ это принять, ибо для меня нѣтъ ничего болѣе достовѣрнаго. Поэтому люди должны научиться относиться другъ къ другу терпимо, такъ какъ понять другъ друга они никогда не смогутъ. Человѣкъ, вѣрующій въ Бога, никогда не пойметъ человека не вѣрующаго. Различіе это коренится въ глубинѣ человеческого существованія и именно потому, что это такъ, надо научиться терпимости. Никто изъ вѣрующихъ не имѣетъ права презирать того, кто не вѣруетъ. Тѣ же, которые отрицаютъ бытіе Бога, должны были бы тоже остерегаться и не говорить вѣрующимъ о суевѣріяхъ.

Итакъ другъ противъ друга стаетъ: съ одной стороны союзъ монистовъ и атеисты, съ другой стороны сообщество тѣхъ, кто вѣруетъ въ Бога! Оба утверждаютъ, что именно они обладаютъ истиной. Кто же ея обладаетъ въ самомъ дѣлѣ? Это должна доказать дѣйствительность. Вѣрующіе въ Бога должны показать, сколько мира даетъ ихъ душѣ вѣра въ Бога сколько силы для нравственной жизни, сколько самообладанія и любви къ ближнимъ!—Вы, вѣрующіе, предайтесь только Духу Божію и тогда явятся и подвиги!

Монисты и атеисты должны доказать то же самое. Они должны показать, какъ изъ мірскаго познанія и науки, изъ признанія одной только матеріи должны вытекать нравственные дѣйствія, истинное само въ себѣ добро! Но какъ же это

может вытекать изъ матеріи, которая вообще не знает ни добра, ни любви? Монисты, не зная и не желая этого, должны будутъ всегда заимствовать свою нравственность у христіанства.

Поэтому ясно, что Геккель и его послѣдователи никогда не смогутъ убить въ мірѣ вѣру въ Бога, даже и тогда, если бы имъ удалось удалить духовныхъ лицъ и закрыть церкви, ибо Богъ никогда не оставляетъ Себя незасвидѣтельствованнымъ въ сердцахъ вѣрующихъ, Онъ хочетъ черезъ нихъ творить добро и возвысить ихъ къ вѣчности; а люди крѣпко будутъ держаться за животворящаго Бога, пока они, со своими бѣдными, безпокойными сердцами, съ тоской по успокоенію, по вѣчному свѣту будутъ странствовать по темнымъ долинамъ нашей бренной земли.

Переводъ *И. И. Селивановской.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЕ

о продолженіи изданія при Кіевской духовной семинаріи

ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

въ 1911 подписномъ году.

Вступая въ 52 годъ своего существованія, журналъ нашъ останется неизмѣнно вѣрнымъ своей задачѣ—содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, православному русскому духовенству въ его святомъ и многотрудномъ служеніи; останется вѣрнымъ и своимъ, испытаннымъ полувѣковою жизненностью, традиціямъ—разрѣшать и освѣщать волнующіе жизнь приходскаго пастыря вопросы въ духѣ Христова Евангелія и ученія Святой Его Церкви.

Въ этихъ видахъ журналъ отведетъ на своихъ страницахъ широкое мѣсто статьямъ по основнымъ и неизмѣнно насущнымъ вопросамъ церковно-пастырскаго служенія, связаннымъ съ изъясненіемъ Слова Божія, его проповѣданіемъ и съ устроеніемъ всей приходской жизни на основѣ Евангелія и церковныхъ каноновъ, а также статьямъ литургическаго и церковно-историческаго характера.

Всегда трудное, пастырское служеніе при современныхъ условіяхъ религіозной и церковной жизни требуетъ необычайнаго напряженія духовныхъ силъ пастыря и знакомства съ умственными и общественными теченіями въ ихъ правильномъ освѣщеніи. Невѣріе и отрицаніе, никогда не прекращавшія своихъ нападковъ на Церковь Христову, въ настоящее время уже проникли въ среду простого народа, доселѣ бывшаго вообще благочестивымъ и преданнымъ Церкви. Иновѣріе и сектантство, получивъ права свободнаго исповѣданія, съ удвоенной энергіей отторгають отъ Церкви ея чадъ, настоятельно вызывая пастырей и архипастырей на неотложную борьбу съ этимъ зломъ нашихъ дней. Въ то же время въ русскомъ народѣ широко распространяются нравственная грубость и распущенность, и замѣчается извращеніе элементарныхъ нравственныхъ и человѣческихъ понятій. Освѣщать всѣ эти язвы современной религіозно-нравственной жизни, указывать сообразныя съ духомъ вѣры Христовой средства къ исцѣленію ихъ нашъ журналъ считаетъ предметомъ, входящимъ, какъ это было и раньше, въ кругъ его задачъ и въ подлежащемъ подписномъ году изданія.

Точно также журналъ будетъ откликаться на своихъ страницахъ замѣтками и статьями о цѣлесообразной постановкѣ оживляющихъ приходскую жизнь организацій, каковы, напр., приходскіе совѣты, братства, общества трезвости, благотворительности и пр..

Во взаимообщеніи и единеніи — прочный залогъ для успѣшной дѣятельности, а потому „Руководство для сельскихъ пастырей“ съ полною готовностью предлагаетъ свои страницы всѣмъ пастырямъ, желающимъ подѣлиться своими мыслями, наблюденіями и опытомъ съ сопастырями. Въ тѣхъ же цѣляхъ возможно широкаго ознакомленія читателей съ указаніями пастырскаго опыта журналъ въ 1910 подписномъ году будетъ давать время отъ времени на своихъ страницахъ, свѣдѣнія о церковной и пастырской дѣятельности въ восточно-православныхъ и западныхъ инославныхъ

церквахъ, а также обзоръ церковно-общественной жизни и выдающихся событій приходской жизни Россіи.

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 52 еженедѣльно выходящихъ номеровъ, что составитъ три тома; изъ 12 книжекъ „Проповѣдей“ и 12 выпусковъ „Богословскаго бібліографическаго Листка“.

Кромѣ того, въ память исполнившагося еще въ 1908 г. столѣтія со дня смерти талантливаго и популярнаго духовнаго композитора А. Л. Веделя, редакція Р. д. с. н. дастъ въ 1911 г., въ качествѣ бесплатнаго приложенія, изданіе его произведеній въ видѣ партитуры съ переложеніемъ для фортепіано подъ заглавіемъ „Избранныя духовно-музыкальныя сочиненія А. Л. Веделя“, выш. 1 и 2

Сверхъ всего этого подписчики 1911 года могутъ выписывать изъ Редакціи „Толковый Типиконъ“ М. Скабаллановича по уменьшенной цѣнѣ.

Подписная цѣна съ пересылкой во всѣ мѣста Россійской имперіи *шесть рублей*; за границу *8 руб.* Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ Консисторій, Правленій семинарій и училищъ и благотворныхъ, можетъ быть отсрочена до сентября 1911 г.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія бібліотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—20 марта 1885 г. за № 280).

Съ требованіями обращаться по адресу: Кіевъ, въ Редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.

За перемѣну адреса среди подписного года гг. подписчики благоволятъ присылать *25 коп.* (Можно почтовыми марками).

Подписка принимается только на весь цѣлый годъ, на $\frac{1}{2}$ г. или на 1 м. не принимается.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 28-го октября 1910 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Ц.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

№№ 45—46.

1910-го года 7—14 ноября.

Содержаніе: I. Борьба противъ церковныхъ и національныхъ праздниковъ.
Н. Гумилевскій.—II. Въ дорогѣ. Н. Колосовъ.—III. Мои воспомина-
нія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкій.

Борьба противъ церковныхъ и національныхъ праздниковъ.

Въ нашихъ законосоставительныхъ учрежденіяхъ снова выдвигается проектъ о сокращеніи праздниковъ. Въ комиссіи Гос. Совѣта этотъ проектъ былъ уже отклоненъ, такъ какъ было выяснено, что вопросъ о праздникахъ, какъ вопросъ религіозный, подлежитъ вѣдѣнію церковной, а не свѣтской власти. Поэтому теперь проектъ этотъ трактуеть уже о сокращеніи *неприсутственныхъ дней*. Но отъ измѣненія названія существо дѣла, разумѣется, измѣняется мало, такъ какъ заставить Церковь не праздновать тѣ или другіе

дни государство ни въ какомъ случаѣ не можетъ, такъ что и отклоненный проектъ имѣлъ непосредственное отношеніе не къ Церкви, а къ тѣмъ лицамъ, на которыхъ можетъ распространяться государственное принужденіе, т. е. къ чиновникамъ, учащимся и т. п. Но поскольку неприсутственными днями считаются именно праздники, которые, за ничтожнымъ исключеніемъ, устанавливаются Церковью, государство при рѣшеніи даннаго вопроса необходимо должно обращаться къ послѣдней: если для установленія, напр., дней, въ которые учащіеся евреи должны быть освобождены отъ учебныхъ занятій, государственная власть обращается къ представителямъ еврейской религіи, а не опредѣляетъ сама, какіе еврейскіе праздники слѣдуетъ признать болѣе важными, то право опредѣлять сравнительную важность православныхъ праздниковъ, имѣющихъ общегосударственное значеніе, безспорно принадлежитъ только господствующей Православной Церкви.

Главнымъ основаніемъ указаннаго проекта является то, что русскій народъ будто бы слишкомъ много бездѣльничаетъ, благодаря множеству праздниковъ и царскихъ дней, и это будто бы губительно отражается на экономическомъ благосостояніи Россіи. Но вѣдь совершать необходимую производительную работу, а тѣмъ болѣе дѣла благотворительности не воспрещается и въ праздники: „суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы“ (Марк. 2, 27). Замѣчательно, что требованіе сокращенія праздниковъ исходитъ отъ тѣхъ политическихъ группъ, которыя въ другихъ случаяхъ и по другимъ поводамъ стараются доказать, что въ Россіи нѣкоторые классы общества, переобременены работой — и именно тѣ классы, которыхъ болѣе всего и касается праздничный отдыхъ. Таковы прежде всего чиновники, особенно низшіе, о которыхъ въ Гос. Думѣ не разъ заявлялось, что они часто несутъ непосильный трудъ. Конечно, можно доказывать (это относится и къ остальнымъ, указываемымъ ниже труженикамъ), что при увеличеніи количества рабочихъ дней, количество работы на каждый день соотвѣтственно уменьшится. Но отъ при-

бавки 10—15 дней къ 240—260 уменьшеніе ежедневной работы едва ли окажется очень замѣтнымъ; а между тѣмъ цѣлодневный отдыхъ даетъ запасъ силъ, который благотворно влияетъ на производительность послѣдующей работы.

Далѣе, сокращеніе неприсутственныхъ дней непосредственно касается учащихся (а вмѣстѣ съ ними, разумѣется и учащихся). Но давно ли наша періодическая печать (особенно прогрессивнаго направленія) была полна жалобами, часто преувеличенными, но въ основѣ не вполнѣ несправедливыми, на переутомленіе учащихся? Года четыре тому назадъ Министерство Нар. Просвѣщенія настолько прониклось сознаниемъ опасности такого переутомленія, что даже циркулярно рекомендовало изъ тѣхъ недѣль, въ которыя не случалось праздниковъ, выдѣлять парочитые неучебные дни для устройства экскурсій и другихъ образовательныхъ развлеченій, — а теперь проектируется уменьшить каникулы. Зачѣмъ же изъ одной крайности бросаться въ другую?

Простирается сокращеніе праздниковъ и на фабрично-заводскихъ рабочихъ. Но здѣсь уже наши прогрессисты оказываются въ вопіющемъ противорѣчій съ самими собою. Не они ли такъ настойчиво утверждаютъ, что рабочіе подавлены работой и не имѣютъ времени для удовлетворенія своихъ культурныхъ потребностей? Не они ли поэтому требуютъ возможно ббльшаго сокращенія рабочихъ часовъ? А когда рѣчь заходитъ о церковныхъ и національныхъ праздникахъ, то оказывается, что русскій народъ бездѣльничаетъ! Въ такомъ же явномъ противорѣчій рассматриваемый проектъ стоитъ и съ требованіемъ возможно ббльшаго отдыха для приказчиковъ и другихъ служащихъ въ торгово-промышленныхъ заводеніяхъ.

Изъ всего сказаннаго ясно видно, что сѣтованіе на бездѣльничаніе русскаго народа вслѣдствіе множества праздниковъ (а можетъ быть, и всѣ заботы о благѣ трудящагося народа) является только благовиднымъ прикрытіемъ для лицъ, настаивающихъ на необходимости сокращенія послѣднихъ, истинныя же, хотя скрываемыя побужденія къ этому совер-

шенно иныя. Церковные праздники и царскіе дни служатъ, или по крайней мѣрѣ, когда они проводятся, какъ должно, могутъ служить прекраснымъ средствомъ для развитія въ народѣ религиозныхъ и патріотическихъ чувствъ. Отсюда становится понятно, почему извѣстныя лица, даже противорѣча сами себѣ, такъ настойчиво борются противъ этихъ праздниковъ: очевидно, послѣдніе въ глазахъ этихъ лицъ являются препятствіемъ для достиженія намѣченной цѣли „освобожденія“ русскаго народа отъ вѣры и патріотизма.

ВЪ Д О Р О Г Ъ.

(Путевыя впечатлѣнія, мысли, настроенія).

В О Л Г А.

Настало, наконецъ, 14 число іюня. Въ старшихъ классахъ семинаріи окончилась послѣдніе экзамены. Отслуженъ благодарственный молебенъ. На этотъ разъ слова благодаренія звучатъ словно особенною какою-то выразительностью и глубоко волнуютъ сердце. Дѣйствительно, нельзя не чувствовать живой благодарности за добрый исходъ дѣла, столь труднаго, столь скользкаго, столь подверженнаго всякаго рода колебаніямъ и опасностямъ, какъ дѣло воспитанія современнаго русскаго юношества.

Слова послѣдняго прощанія... Забывается все плохое, что было въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. И кажется даже, что не было совсѣмъ плохого, было одно хорошее. И кажется еще, что окончившіе семинарію юноши полны горячій вѣры, живого энтузіазма; кажется, что на поле жизни выходятъ работники съ огромными силами, переливающимися въ жилахъ, съ отточеннымъ орудіемъ для борьбы, съ бодрымъ взглядомъ впередъ...

— Прощайте! Будьте счастливы! Работайте во славу Божию! Въ молитвѣ передъ Богомъ и въ общемъ дѣлѣ всегда вмѣстѣ.

Окончилъ все.

Нервный барометръ какъ будто сразу опустился съ „бури“ на абсолютное „тихо“. Почувствовалась такая усталость, что немногіе дни, когда нужно было устраиать библіотеку и собираться въ дорогу, казались тягостными безконечно. Но вотъ все готово. Послѣднія раздражающія впечатлѣнія при неудачномъ переносѣ багажа, при неудачѣ съ извозчикомъ, который оказался пьянымъ, и т. п., и мѣсто, которое, въ теченіе года, взяло столько силъ, вниманія, хлопотъ, доставляло столько разочарованія, сокровенныхъ страданій, труда, бесплодныхъ попытокъ, маленькихъ усилій, радости, восторговъ,—это мѣсто оставалось позади: по винтообразной дорогѣ, сдѣланной по уступамъ горы, на которой стоитъ городъ, мы быстро спускались къ Волгѣ.

Вотъ мы на пароходѣ. Тишина. Публика высыпала на палубу и смотритъ на городъ: одни, знакомясь съ нимъ, незнакомымъ, другіе, прощаясь съ нимъ, роднымъ. Я смотрѣлъ на рѣчную гладь, впитывалъ въ себя свѣжій рѣчной воздухъ, наслаждался этимъ сказочнымъ нокоемъ, какимъ вѣяло отъ всего вокругъ, и уже сразу стало лучше, я почувствовалъ себя умиротвореннымъ, усталость уже не давила такъ, какъ нѣсколько часовъ назадъ. я ощущалъ притокъ новыхъ силъ...

Нѣсколько времени спустя, я сидѣлъ въ столовой и пилъ чай. Было много молодежи. Съ нѣкоторыми изъ нихъ я уже познакомился. Всѣ были жизнерадостны, веселы, много говорили, много смѣялись. Даже затѣяли игру въ почту. Я внимательно прислушивался и присматривался „къ нашему недалекому будущему“ и поражался: въ разговорахъ ни одной политической темы, ни одного оппозиціоннаго намека, ни одного выраженія изъ недавняго революціоннаго лексикона. И когда, во время игры въ почту, всѣ придумывали себѣ всевозможные всеводонимы, то среди студентовъ оказались Захарьины, Декарты, даже Песталоцци и т. п. Былъ Эрлихъ, но не было ни Карла Маркса, ни Каутскаго, ни отечествен-

наго Кизеветтера. Новыя вѣянія въ данномъ случаѣ были налицо...

Подошелъ ко мнѣ молодой священникъ. Мы съ нимъ встрѣчались когда-то раньше. Теперь вновь познакомились, разговорились. Я служу въ городѣ, священникъ въ деревнѣ. И хотя я самъ часто бываю въ деревнѣ, хотя самъ зорко взглядываюсь въ нее, но теперь, послѣ такой книги о деревнѣ, какъ Родионовская „Наше преступленіе“, которая представляетъ нашу деревню въ „ореолѣ“ алкогольнаго одичанія и нравственнаго изувѣрства, мнѣ невольно захотѣлось провѣрить свой взглядъ болѣе авторитетнымъ чужимъ взглядомъ. Спрашиваю священника:

— Какъ служить теперь въ деревнѣ?

— Не знаю, какъ въ разныхъ промышленныхъ и фабричныхъ пунктахъ, а у насъ здѣсь, почти во всей Симбирской губерніи, хорошо. Народъ пошатнулся было немного, да вѣдь не всѣ. А теперь и ослабѣвшіе-то оправляются. Ну, конечно, теперь требованія къ намъ строже. Работать приходится больше. Но я полагаю, что такъ и должно быть. Раньше этой плѣсени, застоя, тинности больше было въ духовенствѣ. Ну, а теперь встряхнулись. И въ школѣ чловѣкъ поработаетъ, и проповѣдь напишетъ, и почитаетъ побольше, подумаетъ. Выходить, дѣло-то у батюшки и лучше идетъ. Лучше, чѣмъ раньше, до революціи. А больше насъ встряхнули бы, и больше мы стали бы работать, и все наше дѣло пошло бы лучше. Право, я всегда такъ говорю. Религіозный инстинктъ есть у всякаго народа, но у народа русскаго онъ особенно силенъ; конечно, не во всѣхъ классахъ, но тамъ, гдѣ живутъ наиболѣе естественной, здоровой жизнью, гдѣ наиболѣе близки къ природѣ. И служеніе религіи въ религіозномъ русскомъ народѣ—дѣло благодарное и многообѣщающее. До послѣдняго времени мы плохо служили. Теперь начали просыпаться, и я думаю, что большая задача современнаго момента заключается въ томъ, чтобы сумѣть всѣ силы духовенства мобилизовать на Божіе служеніе и су-

мѣть эти силы направить. О, тогда много добрыхъ плодовъ возросло бы на нашихъ поляхъ. Мало вотъ только встряхнули-то насъ.

Нужно сознаться, что это одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, когда встрѣчаешь священника, скорбящаго о томъ, что недостаточно сильно всколыхнули апатичную духовную среду, и радующагося о томъ, что теперь батюшкѣ приходится не однѣ только требы исправлять.

Добрый пастырь, и бесѣда съ нимъ еще больше свѣтлаго вносила въ тихое дорожное настроеніе.

Когда на пароходѣ все стало успокаиваться, когда для служащихъ поубавилось работы, изъ нижняго этажа вдругъ понеслись могучіе и красивые звуки церковной молитвы.

Я удивился.

— Это матросы и служащіе поютъ вечернюю молитву, — пояснилъ мнѣ одинъ изъ пассажировъ.

Я не переставалъ удивляться, потому что за всѣ мои путешествія по Волгѣ подобное явленіе мнѣ приходилось наблюдать впервые.

Я поспѣшно спустился внизъ.

Передъ живописною, большою, дорогой иконой Спасителя плотной кучкой стояло человѣкъ 30 рабочихъ и молились. Нѣсколько поодаль столпилось нѣсколько человѣкъ пассажировъ, сначала III класса, а потомъ II и I, и всѣ молились передъ отходомъ ко сну, нѣкоторые, можетъ быть, впервые за нѣсколько лѣтъ. Постепенно къ поющимъ присоединялись подпѣвающіе, а потомъ дружно пѣли уже всѣ собравшіеся къ иконѣ. И трогательно и умирительно было это пѣніе подъ плескъ воды, подъ шумъ пароходныхъ колесъ, подъ глубокіе вздохи машины. Культура и религія! Какое естественное и мирное объединеніе!

Пропѣл „Царю Небесный“, „Отче нашъ“, „Богородице Дѣво“, „Заступнице усердная“, тропарь свят. Николаю („Правило вѣры“), „Спаси, Господи, люди Твоя“ и „Взбранной воеводѣ“.

По окончаніи молитвы, матросы пожимали другъ другу руки и привѣтствовали другъ друга.

— Добрый вечерь...

— Добрый вечерь...

Все было такъ хорошо, культурно, что, когда я оглянулся вокругъ, у многихъ на глазахъ блестѣли слезинки. И мнѣ самому было трудно сохранить хладнокровіе. Хотѣлось спросить у матросовъ, съ какого времени у нихъ появился хорошій обычай всѣмъ вмѣстѣ молиться на ночь, кто руководить ими при этомъ, можетъ быть они находятся подъ воздѣйствіемъ какого-нибудь священника, но я не спросилъ объ этомъ: вопросами, не чуждыми нѣкоторой прозы, не хотѣлось нарушать тихую поэзію религіознаго порыва.

Послѣ молитвы на пароходѣ стало еще тише. Только съ „носа“ слышался голосъ лоцмана, измѣрившаго глубину рѣки.

КАЗАНЬ.

Миссіонерскій сгъздъ.

На этотъ разъ я не видѣлъ съ Волги прекрасной панорамы Казани, этого своеобразнаго, полуевропейскаго, полуазіатскаго города. Къ древней татарской столицѣ мы подѣзжали довольно рано утромъ, и я спалъ. Казань со своими храмами, мечетями, Кремлевскими стѣнами, какъ бы висящими на обрывистыхъ берегахъ, открылась предо мною лишь тогда, когда я сидѣлъ въ извозничьемъ фаэтонѣ и ѣхалъ отъ пристани по дорогѣ, по-прежнему скверной, ухабистой и гвязной. Всмотриваясь въ городскія сооруженія, теперь я замѣтилъ какъ будто больше мечетей. Насколько много блестѣло въ лѣвой части города крестовъ и куполовъ, настолько же много въ правой части высились минаретовъ и полумѣсяцевъ.

— Мусульманство не убываетъ, подумалось мнѣ,—а, можетъ быть, прибываетъ. Кто знаетъ: въ мусульманской прессѣ и вообще въ мусульманскомъ мірѣ съ такой настой-

чивостью утверждается все мусульманское, что, повидимому, если Казань давно сдалась, то духъ Казанскій еще живетъ въ покорениомъ народѣ. Не даромъ собрались здѣсь противумусульманскіе миссіонеры.

Первое, что бросилось мнѣ въ глаза при вѣздѣ въ городъ, это—вопіющая, именно азіатская безграмотность на одной изъ огромныхъ выѣсокъ, утвержденныхъ на высокихъ столбахъ:

— Номѣры дешево. По суточно... По месячно...

Какъ разъ напротивъ церковно-приходская школа. Первый домъ при вѣздѣ. Было очень приятно прежде всего увидѣть въ большомъ городѣ такое культурное начинаніе, какъ *наша* церковно-приходская школа. Вотъ что азіатскую невѣжественность во всемъ русскомъ преобразуетъ хотя бы въ элементарную грамотность. Но увы! Окна церковно-приходской школы оказались почему-то за желѣзной рѣшеткой. Не школа, а тюрьма. Изъ такой школы, пожалуй, трудно будетъ ждать не только грамотниковъ, но и вообще людей съ яснымъ взглядомъ вокругъ и съ бодрой душой. Тюрьма давитъ, пригнетаетъ. Въ самомъ дѣлѣ: зачѣмъ эта рѣшетка? Я боюсь, чтобы ея не приняли за символъ мрака во внутренней жизни нашихъ школъ. Правда, Казанская школа стоитъ на окраинѣ, но развѣ нельзя было найти для нея болѣе подходящаго мѣста? Во всякомъ большомъ дѣлѣ глубоко важны и всѣ мелочи.

Около 10 часовъ я отправился на миссіонерскій съѣздъ, засѣданія котораго были тогда въ самомъ разгарѣ. Въ день, о которомъ я говорю, засѣданія происходили въ актовомъ залѣ духовной академіи, какъ это было объявлено въ казанскихъ газетахъ,—кстати сказать,—совершенно заполненныхъ сообщеніями и статьями о работахъ съѣзда. Засѣданіе было общее и многолюдное. Когда меня, по отобраніи извѣстныхъ требованій, пропустили въ залъ, я увидѣлъ почти всѣ скамьи занятыми іереями, протоіереями, все заслуженными, все съдыми, но все такими „осанистыми“ и энергичными по виду.

Тутъ были лица и русскія, и татарскія, и черемисскія, и чувашскія и т. п. и т. д., но о Христѣ всѣ эти разноплеменные люди объединились во едино братство, много уже и поработавшее ради Христа, а теперь желающее работать съ наибольшей продуктивностью.

— Братіе! Братіе!—слышался проникновенный призывъ къ этимъ апостоламъ о Христѣ, чуть и не въ большинствѣ недавнимъ Савламъ:

— Братіе! Пастырь—это подвижникъ.

Всѣ напряжено внимали голосу, который шелъ откуда-то съ переднихъ мѣстъ.

Когда я осмотрѣлся, то увидѣлъ, что за столомъ, поставленнымъ въ передней части зала, стоятъ какой-то, показалось мнѣ, архимандритъ съ черными волосами, съ блѣднымъ лицомъ, съ экстатически блестящими глазами, съ архимандритскимъ какъ будто крестомъ на груди.

— Кто этотъ архимандритъ?—спросилъ я сосѣда.

— Это предсѣдатель нынѣшняго засѣданія, епископъ Мамадышскій Андрей.

— Вотъ какъ! Но почему же онъ безъ нагагін?

— Онъ всегда такъ... Не знаю... Говорять, по скромности... Не знаю...

Я сталъ слушать внимательнѣе.

Епископъ, повидимому, кончилъ свою рѣчь:

— Если мы пастырствуемъ только на словахъ, если наше ученіе есть книга, а не жизнь, если въ дѣлахъ нашихъ не прославляется Отецъ нашъ Небесный, то тщетна наша миссія...

Епископъ, блѣдный, возбужденный, сѣлъ.

На очереди былъ вопросъ о борьбѣ съ остатками язычества въ обрядѣ повопросвѣщенной мордвы, чувашъ, черемисъ и т. п.

Сначала въ довольно опредѣленномъ порядкѣ, но потомъ, когда волна живого одушевленія поднялась, уже такъ, какъ кому хотѣлось, поднимались іереи, протоіереи и въ корот-

кихъ, а иногда и не совсѣмъ складныхъ словахъ констатировали фактъ существованія у крещенныхъ инородцевъ нѣкоторыхъ языческихъ обрядовъ. Говорили, что есть у нихъ и суевѣрное обливаніе водой, и языческое употребленіе огня и т. п. Говорили, что языческіе обряды остаются даже у давно крещеной мордвы, и указывали на тѣ остатки язычества здѣсь, о которыхъ лѣтъ 5—6 тому назадъ писалъ и я на страницахъ „Руководства для сельскихъ пастырей“ въ статьѣ „Въ мордвахъ“. И всѣ въ одинъ голосъ повторяли:

— Съ этимъ мириться нельзя. Съ этимъ нужно бороться.

Въ рѣчахъ ораторовъ явно чувствовалась неполнота, односторонность. О явленіи, которое всѣмъ извѣстно, говорили; о томъ, что съ явленіемъ этимъ нужно бороться,—то же говорили, но о главномъ, о томъ, *какъ* же нужно бороться—ни звука.

— Слово принадлежитъ епископу Алексію,—провозгласилъ преосвященный предсѣдатель.

Заговорилъ ректоръ академіи, епископъ Алексій. Онъ сидѣлъ рядомъ съ преосвященнымъ Андреемъ, представляя ему полную противоположность по плотности и дородности своей фигуры. Но именно поэтому казалось, что епископъ Алексій едва ли болѣе счастливъ въ отношеніи здоровья, чѣмъ епископъ Андрей. Преосвященный Алексій говорилъ сидя.

— Здѣсь говорили о томъ,—началъ онъ мягкимъ и тихимъ голосомъ:—что у крещенныхъ инородцевъ существуютъ языческіе обряды. Говорили также, что съ этими обрядами нужно бороться, хотя и не указывали средствъ къ этому. Я же со своей стороны сказалъ бы, что *не нужно* бороться съ языческими обрядами. Всѣ насторожились.

— Потому не нужно, что обрядъ—это вѣдь только оболочка того, что существуетъ внутри человѣка, въ сердцѣ его. Обрядъ—выраженіе религіозной эссенціи вѣрующаго человѣка. Какова вѣра, таковъ и обрядъ. И если у крещенаго инородца остаются языческіе обряды, то это значитъ, что

инородецъ во многомъ еще и вѣруетъ по-язычески. Это значитъ, что языческая вѣра въ существѣ своемъ еще не побѣждена въ инородцѣ, какъ не побѣждена она и въ насъ, православныхъ, ибо и у насъ есть еще языческія привычки. Что же дѣлать миссіонеру, когда онъ встрѣчаетъ среди крещенныхъ инородцевъ языческіе обряды? Ему нужно бороться съ язычествомъ не въ обрядѣ, а въ вѣрѣ инородца, въ его принципахъ. Насадите христіанство въ сердцѣ человѣка, и языческая обрядность сама собой отпадаетъ отъ его новой вѣры.

Епископъ кончилъ. Въ залѣ тишина. Къ словамъ епископа никто не находитъ возможнымъ что-либо прибавить или убавить отъ нихъ.

— Объявляется перерывъ.

Вечернее общее собраніе было назначено въ 7 часовъ вечера. Въ промежутокъ между засѣданіями, я, устраивая свои дѣла, наблюдалъ городскую жизнь. Всего любопытнѣе было видѣть, какъ всюду, здѣсь и тамъ, подъ зеркальными окнами блестящихъ магазиновъ, у трамвайныхъ станцій, между группами пышно разодѣтой городской публики, по зеленымъ склонамъ волжскихъ береговъ виднѣлись кучки богомольцевъ, черемисъ, вотяковъ, чувашъ. Большинство были одѣты во все бѣлое и чистое, не исключая обуви и головныхъ уборовъ, такъ что у меня создавалось впечатлѣніе какого-то большого праздника. Какъ разъ въ этотъ день въ Владимірской Казанской церкви было совершено торжественное архіерейское богослуженіе, при чемъ высокопреосвященнымъ архіепископомъ Никаноромъ было крещено цѣлое языческое семейство, воспринятое отъ купели архіепископомъ Симбирскимъ Іаковомъ и епископомъ Вятскимъ Филаретомъ. Звонили въ колокола, то и дѣло по улицамъ проходили священники—миссіонеры. Главная святыня, къ которой пробирались богомольцы,—это кафедральный соборъ съ ракой святителя Гурія, съ его облаченіемъ и съ кельей, гдѣ святой

миссіонеръ подвизался въ молитвѣ и постѣ. Вмѣстѣ съ народомъ и я направился къ Казанскимъ святынямъ.

Келлія святого Гурія маленькая, тѣсная. Передъ иконой Спасителя всегда колѣнопреклоненная толпа. Это та именно икона, передъ которой молился самъ просвѣтитель Казанскій. Чувство глубокаго умиленія заполняетъ душу.

Вечернее засѣданіе съѣзда было торжественнѣе дневного. Предсѣдательствоваль маститый архипастыръ Симбирскій Іаковъ. Вокругъ него за большимъ столомъ расположился цѣлый сонмъ святителей: преосвященный Константинъ Самарскій, Георгій Астраханскій, Палладій Пермскій, Гавріилъ Омскій, Филаретъ Вятскій, Гермогенъ Саратовскій, Алексій Чистоиольскій. Здѣсь же за столомъ претопресвитеръ Московскаго Успенскаго Собора о. Марковъ и В. М. Скворцовъ. Отдѣльно отъ всѣхъ епископовъ, на мѣстахъ для публики, рядомъ съ Казанскимъ губернаторомъ виднѣется фигура Андрея Мамадышскаго. Когда я входилъ въ залъ, на каедрѣ, былъ свѣтскій миссіонеръ Платоновъ, говорившій на тему о кружкахъ ревнителѣй православія. Рѣчь звучная, стройная, прочувствованная. Днемъ не было такихъ отдѣланныхъ рѣчей. Вообще, онѣ на съѣздѣ, повидимому, не частое явленіе. Ораторъ говоритъ, что кружковъ ревнителѣй быть не должно

— Ревнителѣи часто сами отпадаютъ отъ православія, и это производитъ соблазнъ. На ряду съ мужчинами въ кружки обыкновенно принимаются и женщины, а онѣ сплошь и рядомъ вносятъ въ приходскую жизнь разладъ, недоразумѣнія и даже скандалы (Sic). Крохотные кружки ревнителѣй дѣлу православія не помогутъ. Нужно объединеніе около этого дѣла всей Церкви, всего вѣрующаго православнаго русскаго народа, а также объединеніе можетъ быть создано единственно соборомъ русской Церкви, о скорѣйшемъ созывѣ котораго намъ теперь нужно и хлопотать, и молиться.

— Вѣрно! Правильно! Хорошо!—Слышно голоса въ разныхъ углахъ зала, но, нужно сказать, не совсѣмъ увѣренные, а до нѣкоторой степени даже робкіе.

Просить слова одинъ изъ участниковъ съѣзда, представительный іерей съ наперснымъ крестомъ и съ открытымъ благочестивымъ лицомъ. Безъ красивыхъ фразъ, но просто и ясно онъ возражаетъ миссіонеру Платонову. Священникъ высказывается за кружки ревнителѣй православія.

— Кружки уже на опытѣ показали свою пригодность. При ихъ посредствѣ многіе привлечены ко Христу. Бывали среди ревнителѣй отпаденія? Но и отъ среды апостоловъ отпалъ Иуда? Что же изъ того слѣдуетъ? Соблазнительность отпаденія должна ослабляться тактомъ священника. Женщины также не мѣшаютъ миссіи, а помогаютъ ей своимъ одушевленіемъ, преданностью дѣлу, умѣнѣемъ популяризировать святую проповѣдь, распространять ее въ народѣ. Это наблюдалось всегда, со временъ Маріи Магдалины. Однимъ словомъ, кружки ревнителѣй полезны...

— Вотъ это вѣрно! Совершенно вѣрно! Правильно!

Голоса одобренія слышны уже почти со всѣхъ скамей.

— Платонова „сняли!“ - смѣется мой сосѣдь - священникъ.

Вообще участники съѣзда не стѣснялись высказывать по тому или другому поводу своихъ замѣчаній вслухъ, и это портило впечатлѣніе отъ засѣданій: было шумно и какъ-то слишкомъ „вольготно“, по-домашнему. Когда же слышались замѣчанія во время епископскихъ рѣчей и репликъ или въ отвѣтъ на нихъ, то становилось уже совсѣмъ нехорошо.

— Слово принадлежитъ преосвященному Палладію.

Ораторъ продолжилъ мысль предшествующаго миссіонера о пользѣ кружковъ ревнителѣй православія. Преосвященный Палладій, пользуясь текстомъ Евангелія, говорилъ о томъ, что нельзя ради всенароднаго объединенія пренебрегать объединеніемъ частичнымъ.

— Большое не можетъ явиться или организоваться сразу. Все большое растетъ изъ малаго. Царство Божіе вырастаетъ изъ горчичнаго зерна. И ученикамъ Своимъ Христосъ говорилъ: не бойся, *малое* стадо. А съ теченіемъ вре-

менн малое апостольское стадо стало обширною Церковью вселенскою.

— Не бойся, малое стадо. Наши кружки ревнителей— это тоже малое стадо, которое служить подготовленіемъ къ тому великому христіанскому объединенію, когда будетъ едино стадо и единый пастырь...

— Правильно! Совершенно вѣрно! Браво! (Sic.).

Началось голосованіе.

И тутъ, къ величайшему моему удивленію, обнаружилось, что многіе изъ участниковъ сѣзда недостаточно вдумались въ ходъ преній и въ смыслъ произнесенныхъ рѣчей. Многіе не знали, за что требуется голосовать. Колебались, смущались, обращались къ кому-то съ вопросами, въ залѣ воцарился шумъ, безпокойство; епископы обращались съ разъясненіями къ отдѣльнымъ группамъ участниковъ сѣзда.

Высокопреосвященный предсѣдатель призываетъ собраніе къ порядку.

Однако, при голосованіи, вновь происходитъ рядъ недоразумѣній, причина которыхъ, повторяю, крылась въ небрежномъ отношеніи нѣкоторыхъ изъ членовъ сѣзда къ происшедшему въ собраніи обмѣну мнѣній. Это обстоятельство, заставившее высокопреосвященнаго предсѣдателя упрекнуть нѣкоторыхъ изъ духовенства въ неделикатности, меня лишній разъ убѣдило въ мысли, что предварительно всероссійскаго церковнаго собора, частичныя сѣзды епископовъ и іереевъ по тѣмъ или другимъ вопросамъ были бы очень полезны въ томъ отношеніи, что они постепенно воспитывали бы въ низшемъ духовенствѣ навыкъ къ планомѣрной и дисциплинарной коллегіальной работѣ и къ тому важному въ житейскомъ отношеніи такту, который не дается безъ продолжительнаго практическаго опыта.

Въ дверяхъ зала духовенство провожало епископовъ, принимая отъ нихъ благословеніе. Изъ ограды академіи одна за другой выѣзжали епископскія кареты. Въ открытомъ экипажѣ проѣхали преосвященные Андрей и Палладій. Только

проводивъ епископовъ, стало расходиться духовенство. Въ цѣломъ рядѣ трамвайныхъ вагоновъ отъ академіи можно было видѣть пассажировъ только въ камилавкахъ да кlobукахъ.

— Вотъ такъ всегда теперь,—говоритъ мнѣ мой собесѣдъ по вагону:—утромъ и вечеромъ. То здѣсь, то тамъ, а то и здѣсь и тамъ, въ семинаріи или еще гдѣ. И когда они отдыхаютъ,—не знаю.

— Да, сочувственно сказалъ я, и про себя подумалъ:

— Вотъ если бы и все наше духовенство работало надъ своимъ дѣломъ энергичнѣе. Какимъ вниманіемъ и уваженіемъ окружило бы его все то общество, гдѣ еще живъ Богъ, или гдѣ ищутъ Бога.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Николай Колосовъ.

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

Главное дѣло, которымъ мы въ студенчествѣ заняты были въ академіи,—писаніе сочиненій. Преимущественное вниманіе этому дѣлу мы посвящали потому, что въ учебной постановкѣ академическаго преподаванія оно имѣло для студентовъ первенствующее рѣшающее значеніе: сочиненіями опредѣлялось сравнительное достоинство студентовъ. Студенту, представлявшему отличныя или весьма хорошія сочиненія, мало могли вредить слабыя устные отвѣты, и на оборотъ хорошіе и даже весьма хорошіе отвѣты на экзаменахъ не могли выдвигать на видное мѣсто въ разрядныхъ спискахъ тѣхъ, у кого были слабыя сочиненія.

Сочиненій писали мы очень много. Нынѣ студенты тяготеютъ тѣмъ, что ихъ заставляютъ писать три сочиненія въ

¹⁾ См. № 41-й за 1910-й г.

годъ, согласно требованію Устава, и желали бы, и даже въ недавнее время дѣлали попытки насильственно облегчить это бремя, входя съ прошеніемъ къ начальству объ освобожденіи ихъ отъ писанія третьяго сочиненія. А мы писали до десяти сочиненій въ годъ, и не роптали, а покорно выполняли то, что намъ задавали.

Правда, наши сочиненія нѣсколько отличались отъ нынѣшнихъ студенческихъ сочиненій. Намъ давали темы для сочиненій большею частію отвлеченнаго характера и не широкаго объема. Сочиненія писались небольшія; нѣкоторые наставники, напр., Андрей Демьянычъ Граниковъ, прямо требовали, чтобы сочиненіе по объему было не больше листа. Но такой узкой нормы трудно было держаться. Если Граникову подавали сочиненія только въ одинъ листъ, то другимъ писали четырехлистные и пятилистные сочиненія и болѣе. Нужно замѣтить впрочемъ, что не легко было писать сокращенныя сочиненія. Мыслей на данную тему въ головѣ бродитъ много; онѣ не укладываются въ узкія рамки; а выходить изъ указанной нормы неудобно; пожалуй, наставникъ не приметъ сочиненія, превышающаго по объему указанную имъ норму. И вотъ приходилось не мало работать надъ тѣмъ, какъ бы сказать „*non multa, sed multum*“.

При составленіи сочиненій и небольшого объема, мы едва ли не болѣе работали головою, чѣмъ сколько умственно напрягаются нынѣ студецы, представляющіе массивныя семестровыя сочиненія. Когда дана была намъ тема для сочиненія, мы первѣе всего, не прибѣгая къ внѣшнимъ пособіямъ, старательно обдумывали ее, и при развитіи ея опирались главнымъ образомъ на умственныя соображенія; къ работѣ вызывалась наша творческая мысль. А нынѣ, когда пишутъ сочиненія на данную тему, прежде всего обращаются къ внѣшнимъ источникамъ, и изъ внѣшнихъ источниковъ стараются добывать матеріалы для своего сочиненія. Тема развивается не столько при пособіи почерпнутыхъ изъ

головы соображеній, сколько при пособіи заимствованныхъ у другихъ матеріаловъ, поясненій и указаній. Составляется сочиненіе болѣе или менѣе компилятивнаго характера. Оно можетъ быть и очень обширно по объему; но надъ этимъ обширнымъ сочиненіемъ компилятивнаго характера самостоятельная мысль активно работала гораздо меньше, чѣмъ сколько напрягалась, когда мы писали сочиненія. не прибѣгая къ пособію внѣшнихъ источниковъ. Я не вхожу въ сравнительную оцѣнку старой и новой методы писанія сочиненій. Объ этомъ могутъ быть разныя мнѣнія. Я только показываю различіе въ этомъ отношеніи между практикою, какая преобладала въ старой академіи, и практикою, которая преобладаетъ нынѣ. Скажу впрочемъ, что мы, когда на послѣднемъ году академическаго курса писали курсовыя сочиненія, уже не довольствовались одними апріорными соображеніями, а внимательно изучали предметъ, бывшій темою нашего сочиненія, и старались прочитывать все, что въ печати или даже въ рукописяхъ можно было найти по этому предмету. На свои мѣсячныя и полумѣсячныя сочиненія мы и наши наставники смотрѣли очень скромно: мы видѣли въ нихъ простыя школьныя упражненія. А нынѣ студентъ, пишущій семестровое сочиненіе, чуть ли не думаетъ этимъ сочиненіемъ внести вкладъ въ науку.

Въ младшемъ курсѣ мы писали сочиненія главнымъ образомъ по философіи и словесности. Эти предметы тогда считались главными предметами курса, и списки наставниковъ тѣхъ предметовъ, составлявшіеся на основаніи сравнительнаго достоинства студенческихъ сочиненій, имѣли рѣшающее значеніе для опредѣленія мѣста студента въ общемъ разрядномъ спискѣ.

По философіи (двумъ наставникамъ) мы писали четыре сочиненія въ годъ, а наставнику словесности два сочиненія, да еще проповѣдь, и онъ требовалъ еще, чтобы прежде подачи проповѣди напередъ представляли ему расположеніе проповѣди, какъ это дѣлалось тогда въ семинаріи. Кромѣ

того по одному сочиненію мы должны были написать по общей гражданской исторіи и по русской гражданской исторіи

Поданныя нами сочиненія нерѣдко подвергались разбору и критикѣ въ классѣ. Въ особенности въ этомъ отношеніи много (даже съ излишкомъ) усердствовалъ профессоръ словесности Василій Ивановичъ Трейеровъ. Онъ принималъ на себя такую заботу, которая скорѣе умѣстна была бы не въ высшемъ, а въ среднемъ учебномъ заведеніи, и пригодна была бы для новичковъ, только начинающихъ обучаться авторскому искусству. Онъ полагалъ и говорилъ намъ, что мы писать не умѣемъ, и всячески старался научить насъ владѣть перомъ и усовершенствовать нашъ стиль. Съ этою цѣлію онъ давалъ намъ такія практическія упражненія: велить прочитатъ намъ три статьи, служащія къ раскрытію одного предмета (напр., изъ „Воскреснаго Чтенія“ на текстъ: *не любяи не позна Бога*), все содержаніе этихъ статей изложить своими словами, и это изложеніе, черезъ три, четыре дня, представитъ ему. При разборѣ сочиненій и ихъ оцѣнкѣ онъ не столько обращалъ вниманіе на содержаніе, сколько на внѣшнее изложеніе. Будь основательно рѣшенъ вопросъ, данный для сочиненія, и пусть авторъ обнаружилъ глубокую мысль, но если сочиненіе написано стилемъ шероховатымъ и мало обработаннымъ, оно не заслуживало у него высокой похвалы. И когда въ классѣ разбиралъ наши сочиненія, онъ главнымъ образомъ обращалъ вниманіе на недостатки изложенія и требовалъ совершенства слога, его чистоты и изящества. И гладенькое, чистенькое сочиненіе, но не богатое по мысли, имъ ставилось выше, чѣмъ многосодержательное сочиненіе, но мало обработанное съ внѣшней стороны.

Но если В. И. Трейеровъ слишкомъ много занимался нашими сочиненіями, подвергая ихъ тщательному разбору, и выглаживая нашъ стиль, за то находились такіе наставники, которые вовсе не хотѣли читать подаваемыхъ имъ сочиненій. Таковъ былъ Алексѣй Лукьянычъ Минервинъ, преподававшій русскую гражданскую исторію. Въ теченіе двухгодичнаго

младшаго курса мы писали и подали ему два сочиненія на темы, имъ данныя. Пролежали они у него болѣе полугода, и мы получили ихъ обратно безъ всякой помѣтки съ его стороны. Ни на одномъ сочиненіи не поставлено было балла, и не подписано похвалы, и ни на единой рукописи не было никакого слѣда, который бы свидѣтельствовалъ, что наставникъ перелистовалъ и разсматривалъ наши сочиненія. По этому поводу мы недоумѣвали, зачѣмъ насъ заставляютъ писать сочиненія по побочнымъ предметамъ (историческія науки въ составѣ академическаго курса тогда имѣли второстепенное значеніе), наставники которыхъ относились съ полнымъ пренебреженіемъ къ письменнымъ нашимъ трудамъ, считая внимательное отношеніе къ нимъ обязанностію только наставниковъ главныхъ предметовъ — философіи и словесности.

У меня сохранились многія изъ моихъ студенческихъ сочиненій, и я хочу указать, какія темы давались намъ для мѣсячныхъ сочиненій, что можетъ служить къ ознакомленію съ характеромъ нашимъ письменныхъ работъ. вмѣстѣ съ тѣмъ считаю не лишнимъ сообщить, въ интересахъ автобіографическихъ, какъ наставники относились къ моимъ сочиненіямъ, подвергавшимся ихъ рецензіи.

Менѣ всего нравились мои сочиненія наставнику словесности В. И. Трейерову, каеэдра котораго предоставлена была мнѣ, послѣ его смерти отъ холеры въ 1855 г. Какъ я ни старался, никакъ я не могъ угодить его вкусу и его требованіямъ. Ему не нравился стиль мой; онъ находилъ, что я не хорошо владѣю перомъ, пишу не чисто и неряшливо. Не разъ онъ въ классѣ жестоко критиковалъ мои сочиненія, указывая разные мелкіе недостатки въ изложеніи мыслей. Обращали вниманіе на недостаточную внѣшнюю обработку моихъ сочиненій и другіе профессора въ своихъ рецензіяхъ. Можетъ быть, не безъ вліянія на такую отмѣтку въ рецензіяхъ моихъ сочиненій были отзывы В. И. Трейерова о моемъ авторскомъ искусствѣ, сообщаемые сослужив-

цямъ (такъ по крайней мѣрѣ я думалъ). Я не защищался отъ нападковъ на меня Трейерова, но считалъ ихъ придиричвыми и не вполне соглашался съ его критикою. И было основаніе для такого моего отношенія къ критикѣ Трейерова. Случилось, напр., что я подаль проповѣдь Трейерову, которая не заслужила его одобренія, а ректоръ расхвалилъ ее и велѣлъ мнѣ произнести ее въ храмъ Божиѣмъ. Когда я поступилъ на службу и помѣстилъ въ „Воскресномъ Читеніи“ первую печатную статью, старшіе профессора, незнакомые съ моею авторскою манерою, говорили мнѣ: „Напрасно Василій Ивановичъ представлялъ васъ плохимъ стилистомъ. Вы большой мастеръ этого дѣла, и вамъ вполне приличествуетъ кафедра словесности“. Къ моему оправданію можетъ служить моя послѣдующая литературная дѣятельность: въ чемъ другомъ, а въ плохомъ неряшливомъ стилѣ меня читатели не обвиняли.

По философіи у меня сохранилось шесть сочиненій. На четырехъ рецензія профессора Дмитрія Васильевича Пospѣхова, а на двухъ рецензія бакалавра Памфила Даниловича Юркевича, впоследствии профессора Московскаго университета. Первое сочиненіе писано на тему: „Какое значеніе имѣетъ, въ курсѣ академическаго воспитанія, изученіе психологіи?“ На немъ рецензія: „Виденъ умъ довольно развитый, разсудительный. Желаю сочинителю преуспѣянія. Рекомендую обратить побольше вниманія на обработку слога. Плавность рѣчи—вотъ о чемъ нужно позаботиться автору“. Другое сочиненіе на тему: „Въ чемъ состоитъ свобода воли человѣческой?“ Рецензія Пospѣхова: „Очень хорошее сочиненіе; вопросъ рѣшенъ основательно, хотя и не полно“. Третье сочиненіе: „Какъ согласить существованіе зла въ мірѣ съ понятіемъ о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ?“ Вышло у меня сочиненіе довольно большое по объему. На немъ рецензія: „Первая половина сочиненія написана очень растянуто, и судя по тому объему, какой далъ ей г. сочинитель, надобно сказать, мало отвѣчаетъ на задачу; но вторая

часть сочиненія написана умно, хотя и не всегда такъ обработана, какъ бы желательно“. Четвертое сочиненіе писано на текстъ: *Свѣтла и неувядаема есть премудрость, и удобно видится отъ любящихъ ю, и обрящется отъ ищущихъ ю: предваряетъ желающимъ предуздѣться. Утреневавши къ ней не утрудится: пристыдящую бо обрящеть при вратѣхъ своихъ. Еже бо мыслити о ней, разума есть совершенства, и бдѣи ея ради вскорѣ безъ печали будетъ. Яко достойныхъ ея сама обходитъ ищущи, и на стезяхъ показуется имъ богопріятно, и во всемъ провидѣніи срътаетъ ихъ* (Прем. Сол. 6, 12—16). Рецензія того же Поспѣхова: „Сочиненіе по мыслямъ очень хорошее; въ изложеніи желалось бы видѣть больше отдѣлки. Рекомендуются сочинителю какъ можно больше обращать вниманія на изложеніе.“ Пятое сочиненіе на тему: „Что должно думать о челоувѣкѣ и его познавательныхъ силахъ, при взглядѣ на разнообразіе и разногласіе философскихъ системъ, началъ и мнѣній, которыми занимается исторія философіи?“ Сочиненіе на поляхъ испещрено разными замѣтками рукою рецензента бакалавра П. Д. Юркевича, а въ концѣ такая рецензія его: „Сочиненіе весьма хорошее. Совѣтуется лишь автору, избѣгать иностранныхъ словъ, хотя онъ употребляетъ ихъ кстати и съ знаніемъ дѣла“. Шестое сочиненіе на тему: „Ученіе о Богѣ въ древней греческой философіи до Сократа, сравнительно съ понятіями о семъ предметѣ, заключавшимися въ народной греческой религіи.“ Рецензія того же Юркевича: „Сочиненіе весьма хорошее, какъ по вѣрности и глубинѣ содержанія, такъ по ясности и простотѣ изложенія“.

По словесности давались сочиненія не столько для упражненія мысли въ рѣшеніи и разъясненіи научныхъ вопросовъ, сколько для упражненія въ усовершенствованіи слога. Съ цѣлію научить насъ владѣть перомъ, наставникъ бралъ темы для нашихъ сочиненій не изъ круга своей науки, а изъ области простыхъ обыденныхъ представленій, часто изъ текстовъ священнаго Писанія, и это въ тѣхъ видахъ, чтобы мы, не мудр-

ствуя много, всё заботы свои приложили къ выработкѣ языкового выраженія.“ У меня сохранились два сочиненія изъ поданныхъ профессору словесности В. П. Трейерову. Одно сочиненіе на тему: *Слово ваше да бываетъ всегда во благодати, солию растворено* (Кол. 4, 6). Что это значить? И каковъ, по этому правилу апостола, долженъ быть характеръ словесныхъ произведеній?“ На эту тему я долженъ былъ написать два сочиненія. Одно сочиненіе, мною поданное, раскритикованное въ классѣ, сдано мнѣ, все испещренное на поляхъ помѣтками профессора, и мнѣ приказано тщательно выгладить и вычистить его, и въ исправленномъ видѣ снова подать профессору. На первомъ экземплярѣ, испещренномъ карандашемъ профессора, нѣтъ оцѣночной похвалы, а на другомъ, исправленномъ, подписано: „дѣльно“. Оба эти экземпляра сочиненія на одну тему, должны были быть сшиты вмѣстѣ, и представлены ректору, наравнѣ съ сочиненіями моихъ товарищей, изъ коихъ многія опять были въ двухъ экземплярахъ, чтобы видно было, какъ старательно исправляетъ наши сочиненія наставникъ, и какъ училъ насъ чистотѣ и плавности слога.—Другое сочиненіе, писанное Трейерову, на текстъ: *Любовь (христіанская) вся терпитъ*, сошло болѣе благополучно: исправленія и очищенія его слога не потребовалось. Подъ нимъ подписано: „очень хорошо“.—Нашелъ я еще расположеніе слова въ недѣлю о самарянинахъ, писанное по заказу Трейерова (а самое слово не сохранилось). Расположеніе вообще было одобрено наставникомъ; но по поводу его онъ призывалъ меня къ себѣ на квартиру, и около полчаса толковалъ, какъ развить ту или другую мысль, какіе обороты рѣчи употреблять, какихъ словъ нужно избѣгать и т. п.

По исторіи въ младшемъ курсѣ мы подали четыре сочиненія. По общей гражданской исторіи сочиненія были небольшія по объему. Давая темы для сочиненій, профессоръ А. Д. Граниковъ, говорилъ намъ: „ишите не много; полулистъ, листъ—вотъ законная мѣра для сочиненія; а кто на-

пишетъ больше, не приму сочиненія“. И я, какъ и другіе мои товарищи, не смѣли нарушить повелѣнія своего наставника. Первое сочиненіе по общей гражданской исторіи („Объ отношеніи Египта къ древнимъ народамъ“) все изложено на полулистѣ мелкаго письма), а второе („О вліяніи крестовыхъ походовъ на просвѣщеніе европейцевъ“) на цѣльномъ листѣ. Оба сочиненія заслужили одобреніе профессора. Только на второмъ сочиненіи, послѣ похвалы автору, онъ сдѣлалъ замѣчаніе: „Жаль только, что сочинитель искалъ источниковъ просвѣщенія европейцевъ въ одной Греціи, между тѣмъ какъ многія отрасли его заимствованы ими изъ другихъ источниковъ“.

По русской гражданской исторіи для сочиненій даны были слѣдующія темы:—для одного: „Не излишне ли преподавать отечественную исторію отдѣльно, когда весьма подробно преподается всеобщая?“—для другой: „Психологическій взглядъ на характеръ Іоанна Грознаго“. Оба эти сочиненія возвращены намъ (какъ говорилъ я прежде), не бывъ прочитаны наставникомъ.

Въ старшемъ курсѣ въ первый годъ мы писали восемь сочиненій и двѣ проповѣди. Сочиненія были два по догматическому богословію, два по нравственному, одно по обличительному, одно по Священному Писанію, одно по литургикѣ и одно по библейско-церковной исторіи. По догматическому богословію одно сочиненіе на тему: „Почему Іисусъ Христосъ для спасенія нашего благоволилъ избрать именно крестную смерть?“ Читалъ его самъ ректоръ, преподававшій догматическое богословіе, и подписалъ такую похвалу: „Очень хорошее сочиненіе, и предметъ раскрытъ въ немъ очень дѣльно, хотя и не весь исчерпанъ“. Вверху поставленъ баллъ 5. Другое сочиненіе, тема для котораго дана была ректоромъ, писано на вопросъ: „Какъ объяснить происхожденіе многобожія въ человѣческомъ родѣ?“ Рецензировалъ его не самъ ректоръ, а, по его порученію, бакалавръ патрологіи Никифоръ Ивановичъ Щеголевъ. Похвала на сочиненіи такая: „Полно, осно-

вательно, осмотрительно; жаль только, что сокращенъ взглядъ на происхожденіе многобожія въ соотношеніи съ судьбами Церкви Божіей, и вмѣсто его расширенъ взглядъ на это дѣло со стороны естественной“.

По нравственному богословію были даны такія темы для сочиненій: 1. „Непрерывность покаянія, которое требуется отъ христіанина, нѣ дѣлаетъ ли жизнь его безотрадной? 2. *Грѣхъ Іудинъ написанъ есть писаломъ желѣзнымъ на нощи адамантовѣ, начертанъ на скрижаляхъ сердца ихъ и на розѣхъ алтарей ихъ* (Іер. 17, 1). Рецензировалъ сочиненія инспекторъ академіи архимандритъ Леонтій. На первомъ сочиненіи такая рецензія: „Предметъ раскрытъ обстоятельно и вопросъ рѣшенъ умно и основательно. Вообще по мыслямъ весьма хорошо. Жаль, что сочинитель не обратилъ надлежащаго вниманія на обработку слога. Спасибо автору за углубленіе въ рѣшеніе вопроса и твердость взгляда на дѣло“. На другой: „Сочиненіе умное и богато мыслями, даже глубокими; но есть въ немъ излишнія тонкости, „которыя неумѣстны въ богословскомъ изслѣдованіи. Въ изложеніи помѣстамъ есть неточность и шероховатость“. Оба сочиненія довольно объемистыя.

Наставнику обличительнаго богословія мы писали сочиненіе на тему: „Возможно ли покаяніе для падшихъ духовъ?“ Рецензировавшій сочиненіе архимандритъ Іоанникій далъ такой отзывъ о немъ: „По свѣтлымъ и глубокимъ мыслямъ, сознательному и основательному развитію ихъ сочиненіе превосходное, но языкъ не богословскій“.

По Священному Писанію мы должны были объяснить текстъ изъ Евангелія Іоанна: „*И пришедъ Онъ обличитъ міръ о грѣсѣхъ и о правдѣ и о судѣ. О грѣсѣхъ убо, яко не вѣрують въ Мя: о правдѣ же, яко ко Отцу Моему иду, и ктому не видите Мене: о судѣ же, яко князь міра сего осужденъ бысть* (Іоанн. 16, 8—11). Баккалавръ Филаретъ, впослѣдствіи ректоръ академіи и епископъ рижскій, далъ такой отзывъ о сочиненіи: „Весьма умное сочиненіе и заслуживаетъ сочи-

нитель отличную похвалу.—Мышленіе широкое и глубокое, сильное и твердое. Рѣчь индѣ представляется тяжелою и несовсѣмъ ясною, но вообще она соотвѣтствуетъ характеру мышленія“.

Подобныхъ же похвалъ удостоивались мои сочиненія по литургикѣ и библейско-церковной исторіи. По литургикѣ мы писали сочиненіе на тему „О необходимости для церкви опредѣленныхъ формъ богослуженія“. Баккалавръ священникъ Алексѣй Михайловичъ Колосовъ такъ отозвался о моемъ сочиненіи на эту тему: „Много мыслей превосходныхъ, и всѣ прямо на предметъ; связность и послѣдовательность ихъ точная; слововыраженіе правильное и свободное. Сочиненіе отличное“.

На историческомъ сочиненіи (на тему: „Для чего семейство Іакова было переселено въ Египетъ“) протоіерей Григорій Никифоровичъ Крамаревъ подписалъ такую похвалу: „Вопросъ рѣшенъ весьма удовлетворительно: написано основательно, изложено точно и раскрыто съ надлежащею полнотою. Сочинитель, безспорно, лучшій мыслитель въ своемъ классѣ.— Спасибо!“

Въ послѣдній, четвертый, годъ академическаго курса главнымъ занятіемъ нашимъ было составленіе такъ называемаго *курсового* сочиненія. Такъ называлось сочиненіе, писанное на степень. Предъ этимъ занятіемъ отступали на второй планъ всѣ другія занятія, обязательныя для студентовъ. И нужно замѣтить, что мы съ большимъ рвеніемъ брались за это дѣло, и неослабно вели его до конца.

Наставниками предлагаемо было много темъ для курсовыхъ сочиненій. Не давали темъ только математики, наставники гражданской исторіи, общей и русской, и преподаватели языковъ. Выборъ одной изъ предложенныхъ темъ предоставленъ былъ собственному усмотрѣнію студентовъ. При этомъ у студентовъ весьма естественны были колебанія и нерѣшительность, на какой темѣ остановиться. Колеблющіеся при выборѣ темы нерѣдко обращались къ наставникамъ,

предложившимъ ту или другую тему, чтобы посоветоваться съ ними касательно источниковъ для сочиненія на избираемую тему, касательно ея трудности, касательно того направленія, въ какомъ должна быть обрабатываема и т. п. Многіе наставники въ этомъ случаѣ являлись добрыми совѣтниками для студентовъ.

Мнѣ рекомендовалъ писать курсовое сочиненіе инспекторъ Леонтій по его предмету,—нравственному богословію, на тему „О грѣхѣ и его послѣдствіяхъ“. Въ сочиненіи на эту тему замѣчалъ онъ, будетъ гдѣ развернуться твоему умствованію. Но я отказался писать сочиненіе на эту тему, боясь, что мысль моя, при размышленіи о грѣхѣ и его послѣдствіяхъ, испарится въ теоретическихъ отвлеченностяхъ, и результаты ея работы будутъ мизерныя. Я избралъ для своего курсового сочиненія тему, данную профессоромъ общительнаго богословія, Іоанникиемъ „Критическій взглядъ на реформацію, произведенную Лютеромъ“. Леонтій былъ недоволенъ, что я не его тему взялъ для своего курсового сочиненія.

Сочиненіе мое курсовое вышло очень обширное. Перелистывая недавно свои старыя рукописи, я подивился массѣ исписанной бумаги замѣчаніями по предмету своего курсового сочиненія, массѣ труда, положеннаго на это дѣло. Сколько книгъ перечитано! Сколько матеріаловъ собрано! Сколькo отмѣчено сужденій о предметѣ, часто расходящихся до противоположности. Изъ этого нестройнаго и расплывающагося матеріала нужно было создать болѣе или менѣе стройное цѣлое. И мнѣ удалось это сдѣлать, по крайней мѣрѣ по суду моихъ официальныхъ рецензентовъ. Я теперь просто недоумѣваю, какъ я находилъ время для такой напряженной работы. А времени свободнаго въ моемъ распоряженіи было не такъ много. Шесть, семь мѣсяцевъ продолжалась моя работа надъ курсовымъ сочиненіемъ, и въ эти мѣсяцы я не опустительно посѣщалъ лекціи. Замѣтить еще нужно, что номеръ, въ которомъ я жилъ, былъ номеръ сбор-

ный; въ немъ почти постоянно былъ шумъ и говоръ. Но я привыкъ и при шумѣ заниматься, не обращая вниманія на развлеченія товарищей. Благопріятнымъ, впрочемъ, обстоятельствомъ для занятій въ моемъ номерѣ было то, что онъ раздѣлялся на три отдѣльныя комнаты, и я жилъ и занимался въ задней комнатѣ, гдѣ со мною помѣщался румынъ Перьянъ.

Работа моя началась въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Отъ насъ требовали, чтобы мы, познакомившись съ предметомъ сочиненія, напередъ представляли и планъ его, въ которомъ должны были указывать главныя мысли и ихъ распорядокъ. Планъ своего сочиненія я представилъ въ половинѣ ноября: планъ былъ довольно подробный, изложенный на пяти листахъ. По этому плану предполагалась часть предварительная, гдѣ должны быть изображены историческія обстоятельства, подготовлявшія и вызывавшія реформацію, и двѣ составныхъ части сочиненія. Въ первой изъ этихъ двухъ составныхъ частей я рассматривалъ реформацію съ двухъ точекъ зрѣнія,—исторической, какъ историческое дѣяніе, опредѣляемое личными обстоятельствами и образомъ дѣйствій реформаторовъ, и съ догматической, какъ религіозную систему или христіанское вѣроисповѣданіе, ставшее въ рядъ съ римско-католическою церковію. Такъ какъ реформація прежде шла и развивалась подъ вліяніемъ извѣстныхъ въ исторіи дѣятелей, а потомъ уже, образовавшись, стала произведеніемъ, замѣнившимъ собою папство, или особымъ вѣроисповѣданіемъ, то сообразно съ естественнымъ порядкомъ, нужно разсмотрѣть во первыхъ то, какъ нѣмецкіе реформаторы явились на поприще дѣятельности, и какъ дѣйствовали на немъ и, во-вторыхъ, то, что они совершали во вредъ или благо церкви. Эта часть, раздѣляющаяся на два отдѣла, составляетъ самую существенную и собственно критическую часть сочиненія. Вторая часть должна разсмотрѣть, какъ реформація выдержала себя предъ судомъ исторіи, т. е. какъ утвердилась въ жизни, какъ существуетъ, и какими сопровождается слѣдствіями въ разныхъ сопряженныхъ областяхъ народной жизни. Рѣшеніе этого

вопроса представлялось необходимымъ, какъ дополненіе и оправданіе рѣшенія вопроса перваго. Ректоръ одобрилъ представленный ему планъ сочиненія; по поводу его онъ призывалъ меня къ себѣ, и долго толковалъ о немъ со мною, требуя разъясненія нѣкоторыхъ пунктовъ. Мои разъясненія признаны имъ удовлетворительными, и онъ благословилъ меня писать сочиненія.

Самое сочиненіе я кончилъ 16 марта, ранѣе узаконеннаго срока, и черновую рукопись всего сочиненія представилъ тогда же бакалавру Іоанникію, которымъ дана была тема для сочиненія. Разсмотрѣвши рукопись, и выпустивши изъ нея нѣкоторыя мѣста, и даже цѣлыя отдѣлы, онъ велѣлъ мнѣ ее переписывать. По перепискѣ и новомъ представленіи ему переписаннаго сочиненія, онъ положилъ на немъ слѣдующую резолюцію: „По полнотѣ и вѣрности взгляда на предметъ, по обилію мыслей свѣтлыхъ и глубокихъ, по основательности и зрѣлости сужденій, ясности и живости изложенія и правильности выраженія,—сочиненіе весьма хорошее“. За его подписью подписался ректоръ академіи архимандритъ Антоній.

Тогда рецензіи на курсовыхъ сочиненіяхъ писались короткія, и не на отдѣльныхъ листахъ, какъ нынѣ, а на самыхъ рукописяхъ сочиненія. Сочиненія, процензированныя въ академіи и признанныя достойными ученой степени магистра, посылались въ Синодъ, который разсылалъ ихъ для новаго разсмотрѣнія и для повѣрки академическихъ рецензій разнымъ епархіальнымъ преосвященнымъ. Бывали иногда разпорѣчія между синодальными рецензентами и рецензентами академическими, и конференціи дѣлались замѣчанія за несовѣтмъ внимательное отношеніе къ сочиненіямъ. Разъ даже одного изъ лучшихъ студентовъ лишили степени магистра, присужденной ему конференціею, вслѣдствіе неодобрительнаго отзыва о его сочиненіи синодальнаго рецензента. Въ особенности строгой критикѣ синодальной подвергались сочиненія студентовъ Кіевской академіи, когда ректоромъ академіи былъ

Иннокентій (Борисовъ), богословствованіе котораго было за-
подозрѣно нѣкоторыми изъ высшихъ іерарховъ. Если тогда
сочиненіе какого-либо кіевскаго студента попадалась на ре-
цензію Филарета, митрополита московскаго, который заподо-
зрѣвалъ Иннокентія въ рационализмъ, то въ Кіевѣ ждали
бѣды. Онъ, напримѣръ, на одномъ магистерскомъ сочиненіи
подписывалъ такую рецензію: „студентъ спитъ, а рецензентъ
убаюкиваетъ“. Для избѣжанія непріятностей, конференція
иногда употребляла мѣру, которая не можетъ быть оправды-
ваема съ точки зрѣнія формальнаго закона.

Если студентъ всѣ четыре года прекрасно успѣвалъ и, по
мнѣнію наставниковъ, былъ человѣкъ талантливый, достойный
степени магистра, а между тѣмъ послѣднее курсовое сочиненіе
написалъ неудачно, или онъ не справился съ предметомъ, или
замудрилъ слишкомъ, или въ его сочиненіи усмотрять что-либо
сомнительное, могущее вызвать неблагоприятный отзывъ сто-
ронняго синодальнаго рецензента, то конференція такого сту-
дента не лишала степени, какой онъ заслуживалъ по другимъ
даннымъ, а вмѣсто его неудавшагося или сомнительнаго со-
чиненія посылала въ Синодъ другое, чужое сочиненіе, взя-
тое изъ архива Правленія академіи. Въ нашъ курсъ такая
неудача съ сочиненіемъ вышла у студента Николая Лазаренко,
который въ разрядномъ спискѣ записанъ четырнадцатымъ.
Чтобы выпустить его магистромъ и не вызвать непрі-
ятнаго замѣчанія за его сочиненіе, при отсылкѣ нашихъ со-
чиненій въ Петербургъ для высшей рецензіи, его сочиненіе
замѣнили другимъ, чужимъ. А въ предшествующій курсъ
(какъ носились толки между нами) оказали такое снисхожде-
ніе для двухъ студентовъ, окончившихъ курсъ въ первомъ
десяткѣ, занимавшихъ вполслѣдствіи епископскія каѳедры.

Ректоръ Антоній мое сочиненіе „Критическій взглядъ на
реформацію, произведенную Лютеромъ“ предполагалъ напеча-
тать въ новомъ ученомъ журналѣ, который Кіевская акаде-
мія задумала издавать тогда, кромѣ Воскреснаго чтенія, пре-
слѣдовавшаго главнымъ образомъ цѣли назиданія. Но толки

объ основаніи новаго ученаго журнала при Академіи тянулась очень долго, и разрѣшеніе на изданіе этого журнала вышло уже при второмъ преемникѣ ректора Антонія, при чемъ новому журналу Синодомъ, по предложенію митрополита Исидора, дано донинѣ носимое имъ названіе „Труды Кіевской духовной академіи“. Журналъ въ первый годъ (въ 1859 году) выходилъ только въ четырехъ книжкахъ, и мое обширное сочиненіе могло бы загроздить книжки журнала, не давъ мѣста другимъ болѣе живымъ, статьямъ. Потому новая редакція, во главѣ которой стоялъ профессоръ Н. А. Наваровъ, нашла неудобнымъ печатать его цѣликомъ. Изъ него въ печати помѣщенъ только небольшой отрывокъ подъ заглавіемъ: „Догматическія уклоненія лютеранъ отъ чистоты первобытнаго христіанства“ (Труды К. Д. Академіи, 1861 г. № 6, стр. 111—143).

—

Нынѣ самую страдную пору для студентовъ составляетъ время экзаменовъ. Предъ наступленіемъ ихъ и во время ихъ производства они усиленно занимаются, готовясь къ отвѣтамъ въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ по всѣмъ предметамъ, по какимъ читались имъ лекціи въ теченіе года. Нашъ экзамены не очень беспокоили, и въ виду ихъ мы не налагали на себя усиленнаго, напряженнаго труда, и это потому, что экзамены въ наше время производились иначе, чѣмъ нынѣ, и не имѣли такого значенія въ рѣшеніи судьбы студентовъ, какое имѣютъ нынѣшніе экзамены.

Экзаменовъ въ академіи въ наше время было больше, чѣмъ нынѣ. Нынѣ существуютъ одни годовые экзамены, а въ наше время въ году было два экзамена: одинъ предъ Рождествомъ а другой предъ вакаціями.

Экзамены производились съ большею торжественностію, чѣмъ нынѣ. Нынѣ образуются экзаменаціонныя комиссіи изъ трехъ человѣкъ,—наставника извѣстнаго предмета и двухъ ассистентовъ, и въ комиссію являются группы студентовъ не въ цѣломъ составѣ курса, а въ числѣ сравнительно не-

большомъ; и сдавшій отвѣтъ тотчасъ же уходитъ изъ помѣщенія, гдѣ засѣдаетъ комиссія, и къ окончанію экзамена совершенно отсутствуетъ аудиторія, куда являлись студенты для экзамена. Въ наше время экзамены производились не въ сокращенныхъ комиссіяхъ, а предъ цѣлою конференціею или предъ цѣлымъ составомъ наличныхъ наставниковъ академіи. Предсѣдательствовалъ на экзаменѣ непременно ректоръ, а когда производились курсовые экзамены, самъ митрополитъ. Экзамены производились лѣтомъ въ конгрегаціонной залѣ, а зимою предъ Рождествомъ, въ главной богословской аудиторіи. Во время производства экзамена студенты должны были присутствовать въ залѣ въ полномъ составѣ курса, и не могли свободно выходить изъ залы до окончанія экзамена или до прочтенія молитвы, которая всегда полагалась при экзаменахъ. Студентовъ спрашивали не всѣхъ по предметамъ испытанія, а только нѣсколькихъ, по главнымъ предметамъ, философскимъ въ младшемъ курсѣ, и богословскомъ въ старшемъ десятка полтора, два, а по второстепеннымъ, напри- мѣръ по математикѣ, пять, шесть человекъ. Нерѣдко въ одинъ день экзаменъ былъ по двумъ, тремъ предметамъ. Вызывалъ студентовъ для отвѣтовъ по той или другой наукѣ ректоръ, по своему выбору, и студенты не могли знать, на кого падеть его выборъ, и потому должны были сидѣть на мѣстѣ производства экзамена, въ ожиданіи, не вызовутъ ли его для отвѣта при производствѣ экзамена. Курсовые экзамены, т. е., предъ окончаніемъ младшаго и старшаго курса, экзамены производились по билетамъ; студентъ бралъ одинъ изъ разложенныхъ на столѣ билетовъ, и отвѣчалъ на тотъ вопросъ, какой указанъ въ билетѣ. А прочіе, не курсовые, экзамены производились по конспекту: наставникъ самъ, по своему усмотрѣнію, предлагалъ студенту вопросъ изъ того или другого отдѣла своей науки. Отвѣты студентовъ на экзаменѣ не имѣли рѣшающаго значенія для опредѣленія успѣховъ студента по той или другой наукѣ. Наставники въ теченіе учебнаго года хорошо знакомились съ студентами, и до экзамена

успѣвали узнавать, кто изъ нихъ хорошо занимается и успѣваетъ, и кто слабо, чему служили много репетиціи и сочиненія, подаваемые студентами. Неудачный отвѣтъ не могъ много вредить студенту, если онъ подавалъ наставнику хорошія сочиненія, и хорошо отвѣчалъ ему на репетиціяхъ. Въ виду того, что наставникамъ хорошо были извѣстны студенты, и не требовалось на экзаменѣ спрашивать ихъ всѣхъ по всѣмъ предметамъ. На экзаменѣ собственно производилась повѣрка рекомендацій студентовъ со стороны наставника, который къ каждому экзамену представлялъ свой разрядной списокъ студентовъ съ показаніемъ ихъ успѣховъ.

Наставникъ, по предмету котораго производился экзаменъ, обыкновенно стоялъ въ продолженіе всего экзамена. Только старшимъ профессорамъ ректоръ предлагалъ садиться. А при митрополитѣ и старшіе профессора во время производства экзамена по ихъ предмету должны были стоять.

Старые экзамены бывали испытаніемъ не только для студентовъ, но и для самаго профессора. Профессоръ не рѣдко, въ присутствіи всего учительскаго персонала, во время экзамена долженъ былъ или являлся вынужденнымъ защищать свою систему и тѣ положенія, какія онъ проводилъ въ своей системѣ. Когда студентъ отвѣчалъ по извѣстному предмету, каждый изъ присутствующихъ наставниковъ могъ дѣлать возраженія. Эти возраженія могли касаться существенныхъ частей системы, излагаемой извѣстнымъ профессоромъ, и при этомъ могло оказаться разногласіе во взглядахъ на научное дѣло между преподавателемъ предмета, по которому отвѣчалъ студентъ, и кѣмъ-либо изъ стороннихъ профессоровъ, присутствующихъ на экзаменѣ ¹⁾. Когда студентъ былъ не въ состояніи справиться съ возраженіемъ, направленнымъ не столько противъ него, сколько противъ положеній научной

¹⁾ Я помню горячій споръ на экзаменѣ по математикѣ о томъ, что такое 0 (нуль). Ничто или нѣчто? Юрковичъ громилъ Чеховича и доказывалъ, что 0 не ничто.

системы, имъ передаваемыхъ, за него или за свою систему и направленіе своихъ научныхъ воззрѣній вступался самъ наставникъ, и поднимались горячія пренія, иногда длившіяся довольно долго. Студенту въ такомъ случаѣ приходилось не столько самому говорить, сколько выслушивать споры и разъясненія профессоровъ, возникшія изъ-за его отвѣта. Студенты, сидѣвшіе въ аудиторіи или мѣстѣ производства экзамена, съ большимъ вниманіемъ прислушивались къ этимъ преніямъ, и они представляли для нихъ большой интересъ. Иногда самъ предсѣдатель дѣлалъ замѣчаніе профессору по поводу такого или иного отвѣта студента, и вызывалъ его къ оправданію своего взгляда на дѣло и защищенію своей системы.

Въ дополненіе къ характеристикѣ прежнихъ экзаменовъ нашего стараго времени, я долженъ сдѣлать особыя замѣчанія о такъ называвшихся у насъ „митрополичьихъ“ экзаменахъ то есть, о тѣхъ экзаменахъ, на которыхъ присутствовалъ и предсѣдательствовалъ митрополитъ.

Митрополитъ прежде, при каждомъ окончаніи курса, обыкновенно назначался Святѣйшимъ Синодомъ ревизоромъ въ академію, и ему поручалось обозрѣніе академіи во всѣхъ частяхъ, съ донесеніемъ о произведенной ревизіи св. Синоду. Назначенный ревизоромъ, митрополитъ неопустительно посѣщалъ всѣ экзамены въ академіи, которые производились по особому росписанію, имъ утвержденному, между 10-мъ и 30-мъ числомъ іюня. Митрополитъ Филаретъ (Амфитеатровъ) лѣто всегда проводилъ въ Голосѣвской пустыни, но во время академическихъ экзаменовъ, онъ, недѣли на двѣ или на три, переселялся въ митрополичій домъ, что въ оградѣ Софійскаго собора, чтобы отсюда удобнѣе ему было ѣздить въ академію.

Экзамены начинались тѣмъ, что митрополитъ давалъ двѣ темы для сочиненія—экспромта: одну для студентовъ старшаго курса, а другую для студентовъ младшаго курса. Написанныя студентами сочиненія онъ поручалъ разсмотрѣть

ректору и кому-либо изъ наставниковъ, и по разсмотрѣннн представить ему.

На устные экзамены прїѣзжалъ онъ въ началѣ десятаго часа утра, и сидѣлъ въ академіи до часу. Наставники академіи, въ полномъ составѣ, ожидали митрополита—реvisора, ходили по аллеямъ Братскаго монастыря, и потомъ, когда по входѣ въ залъ, начинались экзамены, они не расходились, а сидѣли въ залѣ, отъ начала экзамена до конца, хотя бы экзамены были не по ихъ предметамъ. По окончаніи дневнаго экзамена митрополитъ, по приглашенію, заходилъ иной разъ въ квартиру ректора, другой разъ въ квартиру инспектора, третій разъ въ квартиру бакалавра-монаха, живущаго въ академическомъ корпусѣ, гдѣ ему предлагался пирогъ и скромная холодная закуска, и гдѣ онъ входилъ въ бесѣды съ наставниками.

На каждый день назначались экзамены по двумъ, по тремъ предметамъ. Митрополитъ не могъ спрашивать всѣхъ студентовъ по всѣмъ предметамъ. Онъ вызывалъ къ отвѣту только нѣсколькихъ студентовъ, по главнымъ богословскимъ наукамъ больше, а по другимъ меньше, по инымъ трехъ, четырехъ человекъ. Въ продолженіе всѣхъ экзаменовъ студентамъ приходилось отвѣчать предъ митрополитомъ инымъ раза два, немногимъ три, а инымъ по одному. Отвѣчать предъ митрополитомъ студентамъ было весьма легко. Каждый студентъ имѣлъ много времени для приготовленія къ отвѣту. Вызванный митрополитомъ студентъ бралъ билетъ на столъ, и съ этимъ билетомъ садился на свой стулъ, и взявши книгу или записки, нѣсколько разъ могъ прочесть тотъ отдѣлъ науки, какой указанъ въ его билетѣ. Ожидать очереди для отвѣта приходилось иногда довольно долго. Предъ нимъ вызваны и должны отвѣчать два или три студента, и при ихъ отвѣтахъ митрополитъ иногда начинаетъ довольно продолжительную бесѣду по поводу вопроса, разъясняемаго въ студенческомъ отвѣтѣ. Иной разъ студентъ даже истомится ожиданіемъ своей очереди отвѣчать, вполне подготовленный къ

отвѣту. При такомъ порядкѣ неудивительно, что всѣ студенты отвѣчали предъ митрополитомъ хорошо, даже отлично, и онъ выносилъ прекрасное впечатлѣніе отъ ихъ успѣховъ, заявляемыхъ на экзаменѣ.

Замѣтно было намъ, что митрополитъ пріятно чувствовалъ себя, когда производилъ экзаменъ по догматическому богословію, любимому его предмету, считавшемуся тогда главнымъ предметомъ академическаго курса, и потому поручавшемуся для преподаванія ректору, и по Священному Писанію. Выслушавъ отвѣтъ студента по богословію, митрополитъ нерѣдко прерывалъ студента и самъ говорилъ, и говорилъ иной разъ долго, дѣлая дополненія къ отвѣту студента, представляя разъясненія обсуждаемаго пункта, нападая на уклоняющихся отъ правильнаго пониманія христіанской истины, даннаго намъ церковію. Въ этихъ рѣчахъ его слышался голосъ глубокаго христіанскаго убѣжденія, голосъ проникнутаго духомъ вѣры учителя церкви. На экзаменахъ по Священному Писанію онъ иногда цѣлыя главы произносилъ наизусть, помогая отвѣчать студенту, излагающему содержаніе той или другой библейской книги, и рекомендовалъ студентамъ какъ можно чаще обращаться къ сокровищницѣ всякаго знанія — Библии. Что предъ нею (говорилъ онъ) наша земная мудрость?

Философіи не долюбливалъ онъ, считая ее порожденіемъ гордыни нашего слабаго ума, и отъ нея производя возстаніе на разумъ Божій и разныя заблужденія, омрачавшія сознаніе людей и народовъ. Онъ требовалъ особенной осторожности и осмотрительности при изложеніи уроковъ по философіи, и не могъ терпѣть туманныхъ мудрствованій. Профессоромъ философіи тогда былъ Д. В. Поспѣховъ, преемствовавшій на кафедрѣ Θεофану Авсенеу и С. С. Гогоцкому, оставившимъ академію незадолго до нашего поступленія въ нее. Изложеніе его лекцій отличалось особенною ясностію, и когда студенты отвѣчали предъ митрополитомъ по психологіи, передавая своими словами уроки профессора, митрополитъ съ похвалою

относился къ профессору и студентамъ, отвѣчавшимъ предъ нимъ: „вотъ такая философія, простая и ясная, мнѣ нравится; вы хорошо излагаете свои уроки (говорилъ онъ, обращаясь къ профессору). Къ чему туманныя мудрованія? Ими хотятъ только прикрыть ложную мысль“. Но вотъ студенты стали отвѣчать по нравственной философіи. Слышится другая рѣчь, не свободная отъ напускиго философскаго тумана. Выраженіе лица митрополита показываетъ, что онъ недоволенъ отвѣтами студентовъ. Выслушавъ одного, двухъ студентовъ, онъ обращается къ профессору съ такими словами: „Это другая философія. Это, должно быть, не вы излагали?“ „Да! отвѣчаетъ профессоръ: студенты отвѣчаютъ по запискамъ прежняго преподавателя (Феофана Авсенева); я еще не успѣлъ выдать своихъ записокъ по нравственной философіи“. Я такъ и думалъ (замѣчаетъ митрополитъ). Гоните этотъ туманъ. Въ наукѣ, въ особенности въ философіи, все, какъ днемъ должно быть ясно“. Къ прежнимъ профессорамъ философіи, Феофану и Гогоцкому, митрополитъ относился съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ, и на экзаменахъ, какъ передавали намъ старшіе студенты, нерѣдко нападалъ на нихъ, выражая рѣзкія критическія замѣчанія. А иной разъ обращался къ протоіерею І. М. Скворцову, преподававшему прежде философію въ академіи, тогда каѳедральному протоіерею и профессору унверситета, пользовавшемуся особеннымъ уваженіемъ митрополита (онъ, не будучи преподавателемъ академіи, иногда присутствовалъ на экзаменахъ, какъ членъ конференціи) и приглашалъ его возражать академическимъ философамъ: „ну, Иванъ Михайлычъ, бейте ихъ философію“.

Современныхъ философовъ не признавалъ митрополитъ Филаретъ. Въ лицѣ ихъ, по его замѣчанію, Богъ обратилъ премудрость міра сего въ безуміе (1 Кор. 1, 20). Особенно ненавистно ему имя Гегеля, который тогда имѣлъ первенствующій авторитетъ въ германской философіи, и которому поклонялись многіе и у насъ. На экзаменѣ въ нашъ курсъ одному изъ нашихъ студентовъ (Николаю Конькотину, одному

изъ видныхъ студентовъ курса) достался билетъ изъ исторіи философіи о Гегелѣ. Зная, что митрополиту крайне не нравится Гегель, онъ началъ своеобразно излагать систему Гегеля, ни мало не заботясь о точности а можетъ быть, и не зная хорошо. Начавъ говорить о Гегелѣ, онъ прежде всего замѣчаетъ, что у Гегеля все основывается и развивается по тройственной схемѣ или формулѣ, которая состоитъ изъ положенія, отрицанія и утвержденія. У него бытіе переходитъ въ небытіе и превращается въ бываніе; „я“ переходитъ въ не „я“, и выходитъ новое „я“. Слушая такія положенія, митрополитъ съ негодованіемъ замѣчаетъ: „ну, что это? Сумасшедшій. Такъ можетъ говорить только сумасшедшій. И этого сумасшедшаго философа хотятъ имѣть своимъ руководителемъ“. Ободренный такимъ замѣчаніемъ митрополита, студентъ смѣло сталъ продолжать изложеніе міровозрѣнія Гегеля, не боясь, что онъ скажетъ какую-нибудь нелѣпость. А если и вырвется съ его языка что-либо несообразное и нелѣпое, то это будетъ сочтено въ вину не ему, а Гегелю, котораго онъ характеризуетъ „Довольно, хорошо (говоритъ митрополитъ). Чѣмъ меньше будете знать такую философію, тѣмъ лучше“...

Иныя науки (напримѣръ, физико-математическія) мало интересовали митрополита, но онъ и по нимъ производилъ экзамень, только болѣе или менѣе сокращенный. Когда на экзамень очередь доходила до физики, онъ, обращаясь къ профессору физики Чеховичу, говоритъ ему: „ну, Венедиктъ Павлычъ, фокусы, фокусы намъ покажите“. Чеховичъ произведетъ предъ митрополитомъ нѣсколько немудренныхъ физическихъ опытовъ, напередъ заготовивши для этого физическіе инструменты. Митрополитъ спроситъ при этомъ двухъ, трехъ студентовъ по физикѣ, и экзамень по ней конченъ. По математикѣ вызываетъ онъ такихъ студентовъ, которые у наставника показаны усердно занимавшимися этимъ предметомъ. Тѣ, вызванные къ доскѣ, мѣломъ пишутъ на ней или алгебраическія формулы и выкладки, или геометрическія фигуры и построенія. Наставникъ (Д. А. Подгурскій) подбѣ-

гаетъ. къ доскѣ тоже съ мѣломъ въ рукѣ, съ увлеченіемъ дѣлаетъ дополненія и поясненія къ отвѣтамъ студентовъ, желая привлечь вниманіе митрополита къ своей наукѣ, не принадлежащей къ числу излюбленныхъ имъ наукъ, но не успѣваетъ заинтересовать митрополита своею сухою наукою. Митрополитъ съ добродушною улыбкою смотритъ на то, что пишутъ на доскѣ студентъ и наставникъ, и въ то же время, мало вникая въ суть отвѣта, ведетъ бесѣду съ сидящимъ близъ его викаріемъ (преосвященнымъ Аполлинаріемъ) или ректоромъ. Что вамъ говорятъ эти $a + b + c$ и т. под., спрашиваетъ онъ, обращаясь къ викарію. Мнѣ мало понятенъ этотъ языкъ, отвѣчаетъ тотъ. И мнѣ тоже, замѣчаетъ митрополитъ. Выслушавши не особенно внимательно отвѣты по математикѣ немногихъ студентовъ, митрополитъ спѣшилъ закончить экзаменъ по этой, чуждой ему, наукѣ, и заканчивалъ его обыкновенно похвалою наставнику: „Довольно. Видно, что у васъ хорошо занимались“.

По окончаніи всѣхъ экзаменовъ, при окончаніи нами курса митрополитъ обратился къ намъ съ напутственною наставительною рѣчью, и говорилъ очень долго,—рѣчь его продолжалась около полу-часа. Слово его текло плавною рѣкою, и отъ него вѣяло духомъ благодати, наполнявшей сердце старца-святителя. На насъ рѣчь митрополита произвела глубокое впечатлѣніе, и нѣкоторые слушали его со слезами умиленія. Я не могу во всей точности воспроизвести ее; но главныя мысли и общій характеръ ея у меня хорошо сохранились въ памяти.

„Уже въ послѣдній разъ я у васъ въ академіи. Я чувствую, что время моего отшествія близъ есть. Поминайте меня въ своихъ молитвахъ къ Богу.“

Благодарю васъ за ваши успѣхи и за ваше доброе поведеніе, о которомъ свидѣтельствуетъ мнѣ ваше начальство. Я съ утѣшеніемъ слушалъ ваши отвѣты на экзаменъ. Моя академія, сказалъ бы я, лучшая академія, если бы не боялся оскорбить другія академіи. Я вижу ее такою, какой ей по-

добаесть быть. Объ этомъ я буду свидѣтельствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ, поручившимъ мнѣ обзорѣніе ея.

Въ жизни, въ какую вы идете теперь, пуще всего храните вѣру Христову: она даетъ свѣтъ уму нашему, утѣшеніе нашему сердцу и надежное руководство нашей волѣ въ устроеніи нашего поведенія.

Держитесь добрыхъ обычаевъ, которые хранятся въ нашихъ благочестивыхъ семействахъ, и которыми, полагаю, научали многихъ изъ васъ ваши отцы и матери.

Идите на служеніе церкви Божіей. На ея деньги и вы воспитались, и она ждетъ отъ вамъ добраго дѣланія. Нельзя вамъ быть неблагодарными ей.

Не ропщите, если вамъ дадутъ не такое назначеніе, на какое вы рассчитываете. Отъ Господа направляются стопы человека, и Господь главный распорядитель судебъ нашихъ.

Не падайте духомъ, когда встрѣтятъ васъ въ жизни неудачи и несчастія. Одно средство рекомендую вамъ, которымъ съ надеждою на улучшеніе своего положенія вы можете пользоваться,—это теплую и усердную молитву къ Богу. Милосердный Отецъ нашъ небесный, когда вы обратитесь къ Нему, и именно какъ къ Отцу, не оставитъ васъ безъ защиты въ скорбяхъ вашихъ, пошлетъ вамъ утѣшеніе и взыщетъ васъ Своею милостію.

Берегите свое здоровье. Это тоже даръ Божій. Избигайте всякихъ излишествъ и невоздержанія, которое губитъ многихъ изъ нашихъ братій

Экономно распоряджайтесь временемъ, данныхъ вамъ въ распоряженіе. Помните, что вы не воротите назадъ вчерашняго дня, вами напрасно потраченнаго. Установите добрый распорядокъ въ распредѣленіи часовъ каждаго дня, и твердо держитесь его. Вотъ я, какъ ни запомню себя, всегда ложусь спать въ десять часовъ вечера, а встаю въ четыре часа утра. Послѣ обѣда отдыхаю немного. Совѣтую и вамъ такъ поступать. Вы увидите, какое доброе дѣло такой порядокъ.

Богъ да благословитъ васъ на доброе дѣланіе въ томъ служеніи, къ какому призоветъ васъ церковь, или лучше—самъ Господь.

Проф. *Василій Пѣвницкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 11-го ноября 1910 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Типографія, Акціонер. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринг. ул.

Г О Д Ъ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей. **№ 47.** Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1910-го года 21 ноября.

Содержаніе: I. Православная Церковь и Л. Н. Толстой.—II. Въ дорогѣ. (Окончаніе). Н. Колосовъ.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкій.

Православная Церковь и Л. Н. Толстой.

Смерть Л. Н. Толстого снова вызвала толки объ отношеніи къ нему Православной Церкви, о справедливости или несправедливости его отлученія. Въ печати стали появляться сужденія о Л. Н., какъ объ истинномъ христіанинѣ, доходяція иногда до такой крайности, что онъ чуть ли не одинъ только правильно понялъ и осуществилъ христіанскій идеаль. Въ одной кіевской газетѣ было даже сообщено телеграммой миѣніе нѣкоего петербургскаго священника, что запрещеніе совершать напихиды по Толстомъ является насиліемъ надъ христіанской свободой; другіе по поводу этого запрещенія обвиняютъ Св. Синодъ въ отсутствіи христіанской любви, которая внушаетъ молиться даже за враговъ. Высказывающіе подобные сужденія обнаруживаютъ полное непониманіе христіанства и Церкви.

Церковь есть живой организмъ, въ которомъ всѣ отдѣльные члены должны быть такъ объединены между собою, какъ отдѣльные органы въ одномъ тѣлѣ. Такъ какъ Церковь есть учрежденіе религіозно-нравственное, то это объединеніе должно состоять въ единствѣ вѣры и любви. Человѣкъ, вѣрующій иначе, чѣмъ Церковь, тѣмъ самымъ обнаруживаетъ, что онъ не живетъ одною жизнью съ Церковью, что онъ, слѣдовательно, не является членомъ ея. Естественно, что и Церковь не можетъ признать такого человѣка своимъ членомъ; отсюда и вытекаетъ анаѳема церковная, т. е. отлученіе иначе вѣрующихъ отъ Церкви. Вопреки довольно распространенному взгляду, анаѳема не есть проклятiе, въ смыслѣ вражды къ анаѳематствуемому и пожеланiя ему всякаго зла, а есть только торжественное свидѣтельство, что анаѳематствуемый къ Церкви не принадлежитъ. Разумѣется, съ такимъ свидѣтельствомъ Церковь необходимо соединяетъ мысль, что отлучаемый лишается надежды на вѣчное спасеніе, котораго можно достигнуть только въ Церкви; но это лишеніе обуславливается самымъ отступленіемъ отлученнаго отъ Церкви, а не анаѳемой, которая только удостовѣряетъ это отступленіе; поэтому въ случаѣ раскаянiя отлученнаго и желанiя его возвратиться въ Церковь, послѣдняя съ радостью снимаетъ съ него свою анаѳему. Съ установленной точки зрѣнiя только и можетъ быть рѣшенъ вопросъ, справедливо ли былъ подвергнутъ церковному отлученiю Л. Н. Толстой.

Самъ Толстой неоднократно въ своихъ сочиненiяхъ крайне пренебрежительно и даже враждебно отзывался о Православной Церкви и тѣмъ засвидѣтельствовалъ, что онъ не считалъ себя членомъ ея. И дѣйствительно, его философское мировоззрѣнiе (которое только въ очень неточномъ смыслѣ можетъ быть названо религіознымъ) прямо противоположно православному христіанству. По православно-христіанскому ученiю, назначеніе человѣка состоитъ въ блаженномъ общенiи съ всесовершеннѣйшимъ личнымъ Трiипостаснымъ Богомъ, которое предначинается на землѣ, а оконча-

тельное осуществленіе получить въ будущемъ безконечномъ царствѣ Божіемъ. Для достиженія этого общенія человѣкъ долженъ усиленнымъ и непрестаннымъ подвигомъ борьбы со зломъ очистить себя отъ всякой грѣховной нечистоты и такимъ образомъ уподобиться всесвятѣйшему Отцу небесному. Но такъ какъ зло, послѣ и вслѣдствіе грѣхопаденія прародителей, коренится въ самой человѣческой природѣ, то человѣкъ однѣми собственными силами избавиться отъ него не можетъ. Для воссозданія и освященія естества человеческого вочеловѣчился и пострадалъ Сынъ Божій Господь Іисусъ Христосъ, а для усвоенія этого освященія отдѣльнымъ людямъ Онъ основалъ Свою Церковь, принадлежа къ которой, человѣкъ такъ органически соединяется со Христомъ, какъ члены тѣла съ головою (Еф. 1, 22—23) или виноградная вѣтвь съ лозою (Іоанн. 15, 5). Какъ вѣтвь для произрастанія и плодоношенія напояется живительными соками отъ лозы, такъ христіанинъ для добродѣланія и жизни въ Богѣ получаетъ отъ Христа благодатныя силы въ церковныхъ таинствахъ.

Таково въ основныхъ чертахъ ученіе христіанское. Оно представляетъ такую стройную систему, что отрицаніе каждаго отдѣльнаго пункта ея ведетъ къ извращенію всего ученія. Поэтому Церковь не могла и не можетъ признать своимъ членомъ человѣка, извращающаго хотя бы одинъ пунктъ ея ученія. Если же мы обратимся къ Толстому, то увидимъ, что онъ ни въ одномъ пунктѣ не согласенъ съ христіанствомъ. Догматы тріипостасности Божества и воплощенія Сына Божія онъ прямо отвергаетъ, какъ противорѣчащіе будто бы разуму, и считаетъ ихъ измышленіями отцовъ Церкви. Самое Божество онъ призываетъ не Личностью, а силой, разлитой въ міръ. Отвергая личное Божество, онъ не можетъ признать и личнаго безсмертія человѣка: безсмертіе, по его мнѣнію, можно понимать, только какъ сліяніе человѣка послѣ смерти съ общею міровой жизнью. Отсюда высшей цѣлью человѣка является правильное устройство

счастливой земной жизни. Такъ какъ, по ученію Толстого, вся природа и въ частности разумъ человѣческой есть проявленіе Божества, то онъ отрицаетъ коренную испорченность природы человѣческой первороднымъ грѣхомъ. Поэтому высшее благо человѣка, по нему, заключается въ слѣдованіи своимъ естественнымъ потребностямъ. Все зло въ жизни человѣческой происходитъ отъ того, что люди выдумали много искусственныхъ потребностей, удовлетворить которыя не могутъ. Поэтому всѣ искусственныя человѣческія измышленія—государство, Церковь, науки, искусства, войско, бракъ, любовь къ родинѣ и т. п.—должны быть уничтожены: все это выдумано властолюбивыми людьми для того, чтобы держать народъ въ заблужденіи и порабощеніи. Въ частности, учрежденіе Церкви христіанской, которое, по мнѣнію Толстого, послѣдовало много лѣтъ спустя послѣ Христа, онъ прямо называетъ возстановленіемъ ада, разрушеннаго Христомъ, такъ какъ она будто бы совершенно извратила ученіе Христово. Изъ сопоставленія этого міровоззрѣнія съ христіанскимъ ясно, что только человѣкъ, совершенно незнакомый съ христіанствомъ, можетъ считать Толстого христіаниномъ.

Поклонники Толстого особенно настаиваютъ на томъ, что онъ будто является проповѣдникомъ евангельской любви и въ этомъ смыслѣ долженъ быть признанъ продолжателемъ дѣла Христова. Но нравственное ученіе христіанское неразрывно связано съ догматическимъ, а послѣднее Толстымъ совершенно отрицается; поэтому и нравственность, проповѣдуемая Толстымъ, существенно отличается отъ истинно-христіанской. Въ основу своего нравственнаго ученія Толстой полагаетъ шесть заповѣдей, взятыхъ будто бы изъ нагорной проповѣди Спасителя: не гнѣвайся, не блуди, не клянись, не противься злу, не воюй и не носи оружія, не судись и не имѣй судовъ. Не говоря уже о томъ, что Толстой въ данномъ случаѣ совершенно неправильно понимаетъ ученіе

Христово ¹⁾), указанныя заповѣди—чисто отрицательнаго характера и никакихъ положительныхъ идеаловъ не указываютъ. Но важнѣе всего то, что проповѣдь Толстого въ своихъ послѣднихъ выводахъ ведетъ къ торжеству не добра, а зла, такъ какъ подрываетъ тѣ устои, на которыхъ основывается какъ личная, такъ и общественная нравственность—вѣру, Церковь, семью, патриотизмъ, государство. Само собою понятно, что отрицаніе личнаго Бога ведетъ къ уничтоженію вѣры, а еще болѣе этому могутъ способствовать тѣ кощунственныя глумленія надъ православіемъ, которыя позволялъ себѣ Толстой. Взглядъ его на Церковь указанъ выше. Представителей государственной власти (безразлично—монархической или республиканской) Толстой называетъ насильниками, а самое государство—узаконеннымъ и организованнымъ разбоемъ. Хотя самъ Толстой для достиженія общаго счастья требуетъ миролюбія и совершеннаго уничтоженія всякаго насилія, даже всякаго противленія злу, но нетерпимая, фанатичная проповѣдь его противъ Церкви, государства и т. д. неизбежно вызываетъ вражду противъ нихъ и ведетъ къ стремленію уничтожить, хотя бы и насильственными средствами, эти учрежденія, якобы препятствующія достиженію всеобщаго благополучія. Недаромъ наши революціонеры, достаточно доказавшіе узость и односторонность своихъ воззрѣній, такъ восхваляютъ Толстого.

Несмотря на полное несогласіе и открытую враждебность Толстого къ Православной Церкви, послѣдняя до самаго конца не теряла надежды на обращеніе великаго писателя и любвеобильно призывала его къ себѣ. Но въ послѣдніе дни своей жизни Л. Н. Толстой былъ окруженъ наглыми невѣрами, которые самоуправно присвоили себѣ такую власть надъ умирающимъ, что не допускали къ нему

¹⁾ Подписчики нашего журнала могутъ найти объ этомъ въ книгѣ: „Краткая исторія и обличеніе новыхъ рационалистическихъ сектъ“, 139—153 стр.

даже близкихъ родственниковъ, а тѣмъ болѣе представителей Церкви. Поэтому мы лишены возможности имѣть вполнѣ точныя свѣдѣнія о нравственномъ настроеніи великаго писателя предъ смертю. Однако все, что до сихъ поръ извѣстно въ данномъ отношеніи, не даетъ никакихъ основаній предполагать, чтобы Толстой обнаружилъ сознание своихъ заблужденій и желаніе примириться съ Церковью. Отсюда понятна полная неумѣстность церковной молитвы за него. Прежде всего, самъ Толстой почелъ бы оскорбленіемъ для себя совершеніе надъ нимъ церковныхъ обрядовъ, которые онъ признавалъ нелѣпой выдумкой іерархін: кажденіе, напр., безъ котораго не обходится ни одно церковное моленіе за умершихъ, онъ называлъ одуряющимъ дѣйствіемъ для запечатлѣнія въ душахъ чаловѣческихъ обмана, выдаваемого за истины вѣры; такимъ образомъ, не запрещеніе панихиды по Толстомъ является насиліемъ, а наоборотъ совершеніе панихиды было бы насиліемъ надъ нимъ. И по самому существу дѣла молитва Церковная для отступника отъ Церкви никакого значенія имѣть не можетъ. Молитва не есть магическое средство, могущее измѣнить Божественное опредѣленіе относительно участи чаловѣка. Молитвы членовъ Церкви другъ за друга, какъ выраженіе взаимной любви, имѣютъ значеніе нравственное. Выражая свою любовь по отношенію къ тому чаловѣку, за котораго приносится молитва, Церковь можетъ и въ немъ вызвать соотвѣтствующее нравственное расположеніе, можетъ содѣйствовать раскрытію добрыхъ задатковъ, присущихъ душѣ его, но при томъ необходимомъ условіи, если эти задатки не заглушены окончательно. Апостоль любви—св. Іоаннъ Богословъ такъ учитъ о молитвѣ: „если кто видитъ брата своего согрѣшающаго грѣхомъ не къ смерти, то пусть молится, и Богъ дастъ ему жизнь, т. е., согрѣшающему грѣхомъ не къ смерти; есть грѣхъ къ смерти: не о томъ говорю, чтобы онъ молился“ (1 Іоанн. 5, 16). Такимъ грѣхомъ къ смерти является сознательное и упорное сопротивленіе истинѣ и добру. Чаловѣкъ, въ гордомъ

самоослѣпленіи поставляющій собственный разумъ выше все-ленскаго разума Церкви, которой Христомъ обѣцано вѣчное соприсутствіе Духа Святаго, не можетъ поддаться любвеобильному воздѣйствію церковной молитвы, а потому молитва за него является безцѣльной. Но, какъ было сказано, Православная Церковь не имѣетъ никакихъ основаній думать, что Толстой не остался такимъ человѣкомъ до самой своей смерти.

Н. Гумилевскій.

В ъ д о р о г ѣ.

Царицынѣ. Архіерейское подворье.

Иеромонахъ Иліодоръ.

(Окончаніе ¹⁾).

Къ Царицыну мы подъѣзжали ночью. Этотъ городъ открылся намъ въ заревѣ пожара. На пароходѣ говорили, что это рабочіе подожгли лѣсные склады лѣсопромышленниковъ. Чѣмъ дальше мы двигались по казавшейся теперь безбрежной Волгѣ, тѣмъ пынѣ становилось зарево. Небо все розовѣло отъ огня и красиво отражалось въ водѣ. Скоро показался самый вгонь. Это было два багровыхъ огненныхъ языка, въ видѣ гигантскихъ копенъ. Кто-то сказалъ, что горятъ баки для нефти. Но вотъ пожарнице открылось передъ самыми нашими глазами. Оказалось вѣрнымъ первое сообщеніе: горѣли богатые дровяные склады. Потомъ въ газетахъ убытки лѣсопромышленниковъ измѣрялись въ сотни тысячъ рублей. Широкая кровавая полоса падала отъ огня въ рѣку, и проходившіе черезъ эту полосу навстрѣчу намъ суда принимали какія-то фантастическія очертанія и окрашивались въ эффектный бронзовый цвѣтъ. Огонь бушевалъ стихійно, и на мѣстѣ пожара совсѣмъ не видно было людей. Очевид-

¹⁾ См. № 45—46-й за 1910-й г.

но, никакія мѣры къ прекращенію бѣдствія уже не могли быть пригодны.

Пароходъ медленно шелъ вдоль огнистаго берега, какъ бы желая доставить пассажирамъ возможно больше времени для созерцанія красивой картины.

Да, картина красивая, но болѣе—печальная.

Первыя впечатлѣнія отъ Царицына были у меня такія же, какъ отъ Кіева: красивыя зданія, чистота, обиліе тополей и влажный, благоухающій воздухъ. Явно начиналъ сказываться югъ. Такъ какъ за послѣдніе годы съ именемъ Царицына неразрывно связывается имя іеромонаха Иліодора, то, еще поупути отъ пристани въ гостинницу, я спросилъ своего извозчика:

— А гдѣ здѣсь живетъ іеромонахъ Иліодоръ?

— Отецъ Иліодоръ?—съ живостью отозвался извозчикъ и всѣмъ корпусомъ повернулся на козлахъ ко мнѣ:—это, почитай, „вонъ изъ городу“. Далече.

Я больше ни о чемъ не спрашивалъ возницу, но онъ продолжалъ:

— Эхъ, и монастырь онъ тамъ выстроилъ: красота!

На слѣдующій день я увидѣлъ, что Царицынъ насколько красивый и оживленный городъ, настолько же и дорогой. Здѣсь поразительно дорого все: и квартиры, и всѣ продукты, и всякая мелочь. Пытался я выяснитъ причину этого явленія, но это мнѣ не удалось. Ссылались на общее вздорожаніе жизни и на прочее, не имѣющее характера определенности.

Вечеромъ (это была суббота, 3-го іюля) я отправился въ загородное архіерейское подворье, въ предположеніи, что здѣсь будетъ служить іеромонахъ Иліодоръ.

Чѣмъ дальше ѣхали мы отъ центра города, тѣмъ бѣднѣ становились строенія, и наконецъ Царицынъ обратился совсѣмъ въ деревню. И уже за этой деревенской частью города моему взору открылась красивая постройка іеромонаха Иліодора, со множествомъ куполовъ, со стройно расположен-

ными корпусами, окаймленными со всѣхъ сторонъ ровной бѣлой стѣной. Все сооруженіе было сдѣлано въ томъ стиринскомъ русскомъ стилѣ, который теперь усердно реставрируется многими церковными зодчими, и образцы которыхъ сплошь и рядомъ можно видѣть на художественныхъ выставкахъ, въ репродукціяхъ разныхъ художественныхъ журналовъ и т. п.

Передняя стѣна подворья украшена огромными картинами Воскресенія Христова и Страшнаго Суда. Насколько помню, первое, что я замѣтилъ на монастырскомъ дворѣ, это еще необранность его отъ недавнихъ плотничьихъ и каменныхъ работъ, но сейчасъ же мое вниманіе было отвлечено массовымъ пѣніемъ, какое слышалось со стороны храма.

— Если это хоръ, подумалъ я,—то поразительный хоръ: въ сотни человѣкъ.

Удивленію моему совѣмъ не было конца, когда я оказался въ храмѣ. Это нѣчто единственное въ своемъ родѣ. Представьте себѣ огромный и высокій четырехугольникъ, весь испещренный самыми разнообразными красками. Первое впечатлѣніе—величія и яркости. Вездѣ по стѣнамъ вмѣстѣ съ орнаментами—священные изреченія и иконы, иконы, иконы. На стѣнахъ написанъ весь символъ вѣры и заповѣди въ выразительномъ русскомъ переводѣ:

— Не убивай.

— Не прелюбодѣйствуй.

— Не воруй...

У западныхъ дверей огромныя скульптуры апостола Петра и херувима съ огненнымъ мечомъ. Вверху, вдоль всѣхъ стѣнъ, кромѣ передней, на колоннахъ утверждена галерея, на которой могутъ помѣститься сотни богомольцевъ. Съ правой стороны, подъ галерею, поставлено распятіе, причѣмъ крестъ, величиною около 2—3 сажень, утверждень на возвышеніи, сдѣланномъ изъ простыхъ неотесанныхъ камней. На эту своеобразную „Голгофу“ богомольцы поднимаются черезъ камни по колеблющейся деревянной лѣстницѣ. Тутъ же неподалеку исключительной величины иконы, утвержден-

ныя на особыхъ носилкахъ. Это тѣ иконы, которыя носятъ по городу во время торжественныхъ процессій. Огромныя окна въ храмахъ сплошь унизаны разноцвѣтными лампадочками, равно какъ и всѣ иконы въ иконостасѣ. По моему подсчету на каждомъ окнѣ было до 50 лампочекъ. И всѣ онѣ, оказывалось потомъ, зажигаются въ большіе праздники, до 30 разъ въ году. Однимъ словомъ, все въ храмѣ носитъ характеръ непосредственнаго одушевленія и несомнѣнной народности, а это увѣряетъ въ прочности совершаемаго здѣсь дѣла. Я вошелъ въ храмъ, когда діаконъ произносилъ сугубую ектенію. Тройное нотное „Господи помилуй“ пѣлъ, оказалось, не хоръ, а весь народъ, который заполнилъ весь обширный храмъ. По лѣвую сторону иконостаса, на высокой каедрѣ, сдѣланной по католическому образцу, стоялъ псаломщикъ въ стихарѣ и искусно управлялъ народнымъ пѣніемъ. Хотя пѣли нотное, но пѣли удивительно стройно и проникновенно, что сейчасъ же и въ васъ порождало соотвѣтствующее ролигіозное настроеніе. Посреди храма стоитъ высокій помостъ, огороженный рѣшеткой. На немъ не было никого. Я прошелъ впередъ, и на лѣвомъ клиросѣ увидѣлъ священника въ епитрахили, который исповѣдывалъ подходившій къ нему народъ. Исповѣдь совершалась довольно быстро, но толпа желающихъ исповѣдаться не убывала, а—наоборотъ все прибывала. Я спросилъ у стоявшаго возлѣ меня богомольца:

— Кто этотъ священникъ на клиросѣ?

— Это самъ отецъ Іліодоръ.

Я впился глазами въ извѣстнаго всей Россіи іеромонаха. Небольшого роста, худощавый, кудрявый, съ голубыми глазами, съ быстрыми, изящными движеніями и такой блѣдный, блѣдный—вотъ его портретъ. Удалось мнѣ узнать, что о. Іліодору приходится исповѣдывать круглый годъ: говѣютъ какъ свои, такъ и посторонніе.—Между тѣмъ общенародный хоръ пропѣлъ „Сподоби Господи“ (такое рѣдкое явленіе) и пѣлъ просительную ектенію. Хотя было простое воскре-

сенъе, но была совершена литія. На нее вышелъ самъ іеромонахъ Иліодоръ въ сопровожденіи троихъ іеромонаховъ и двохъ діаконовъ. Литійныя стихиры, уже всѣ цѣликомъ, были исполнены постояннымъ монастырскимъ хоромъ. Въ первой молитвѣ на литургіи: „Спаси, Боже, люди Твоя“, на ряду съ заключающимися въ молитвѣ именами святыхъ, діакономъ былъ возгласенъ рядъ другихъ угодниковъ Божіихъ. При заключительномъ возгласѣ: „услыши насъ, грѣшныхъ“... весь народъ опустился на колѣни и, стоя на колѣнахъ, просѣлъ многократное „Господи помилуй“. Ни въ голосѣ, ни въ манерѣ служенія у самого іеромонаха Иліодора нѣтъ ничего чрезвычайнаго. Обыкновенный „священническій тенорокъ“, но о. Иліодоръ такъ раздѣльно и отчетливо произноситъ слова, какъ будто задумывается надъ каждымъ словомъ, а это заставляетъ быть вдумчивѣе и богомольца“. „Нынѣ отпущаеши“ было просѣто всѣмъ народомъ, а также умилительнѣйшимъ напѣвомъ всѣмъ же народомъ было исполнено предъ шестопсалміемъ: „Слава въ вышнихъ Богу“ и „Господи, устнѣ мои отверзежи“. Шестопсалміе, стоя на амвоуѣ, прочиталъ одинъ изъ іеромонаховъ. Чтеніе было выразительное, отчетливое и оживленное. Вообще, мнѣ лично пока только въ очень рѣдкихъ русскихъ храмахъ, какъ ни много ихъ я посѣтилъ, приходилось слышать такое умѣлое псалмодическое чтеніе, какъ въ архіерейскомъ подворьѣ въ Царицынѣ... А самъ іеромонахъ Иліодоръ съ начала шестопсалмія и до „хвалите“ опять псповѣдывалъ говѣльщиковъ, исповѣдывалъ быстро, но всѣхъ исповѣдать однако не успѣлъ. На „хвалите“ духовенство со свѣчами въ рукахъ, вышло на высокой помостъ посреди храма. Въ одинъ моментъ зажглись свѣчи въ рукахъ всѣхъ, сколько ихъ ни было, богомольцевъ. Свѣчу зажегъ и я. Хвалитныя псалмы пѣлъ опять весь народъ и при этомъ исполнялись не только принятые 4 стиха, но и многіе другіе. Подъемъ религіознаго чувства былъ необычайный. И мнѣ казалось, что это не обычное воскресенье, а единственное воскресенье свѣтлое. Послѣ евангелія на по-

мость поставили что-то въ родѣ невысокаго табурета, и на него поднялся о. Иліодоръ. Теперь онъ былъ виденъ народу уже весь, съ головы и почти до ногъ. Наступилъ моментъ проповѣди.

Проповѣдь, не смотря на то, что оказалась нѣсколько длинноватой, произвела глубокое впечатлѣніе на народъ. Слушали, можно сказать, затаивъ дыханіе. Поэтому я въ самыхъ краткихъ чертахъ воспроизведу содержаніе проповѣди, мѣстами, впрочемъ, сохраняя подлинныя, наиболѣе характерныя выраженія самого о. Иліодора, чтобы показать, чѣмъ достигаютъ успѣха въ своей дѣятельности популярныя современные наши проповѣдники.

— „Братіе и сестры! — началъ проповѣдникъ, конечно безъ тетради, громко, выразительно, какимъ-то отрывистымъ, сильно дѣйствующимъ на слухъ и на душу тономъ:—въ настоящее время намъ грозитъ великое бѣдствіе. Вы видѣли, что въ разныхъ мѣстахъ нашего города, на столбахъ, на стѣнахъ и т. под. вывѣшены объявленія:—Не пейте сырой воды.

Надвигается холера. Но люди не хотятъ ни страдать, ни умирать. Они хотятъ предотвратить бѣдствіе. Принимаютъ различныя мѣры къ охраненію своего здоровья. Поэтому и повѣшены эти объявленія:

— Не пейте сырой воды.

И хорошо, конечно, — очень хорошо, что люди цѣнятъ жизнь, даръ Божій; очень хорошо, что они хотятъ жить и заботятся о здоровьѣ. Но необходимо сказать, что вмѣстѣ съ заботой о здоровьѣ тѣла всегда должна соединяться забота о здоровьѣ духа, о душевной чистотѣ.

А у насъ теперь есть ли эта забота о духѣ, о душевной жизни, о душевной чистотѣ?

Мало.

Вотъ недавно въ нашъ городъ пріѣзжалъ нашъ архипастырь, епископъ Гермогенъ. Много въ Царицынѣ народу, а всѣ ли встрѣчали владыку нашего? Всѣ ли молились вмѣстѣ

съ нимъ? Всѣ ли слышали его наставленія? Мы съ вами слышали, но вѣдь въ Царицынѣ много еще народу, кромѣ насъ. Гдѣ же были всѣ эти образованные, такъ называемые интеллигентные люди? Гдѣ были богатые? Гдѣ—знатные? Они въ это время почивали въ своемъ самодовольствѣ, въ гордости своей, въ ослѣпленіи своей мысли. О душѣ они не думаютъ. Они полагаютъ даже, что для нихъ и не нужно вовсе видѣть архіерея и учиться у него истинной духовной жизни. Они полагаютъ даже, что если это нужно, то только развѣ для простого народа.

О, безуміе! Для простого народа! Но Вѣдь Богъ, то на страшномъ-то судѣ Своемъ, когда Онъ придетъ со ангелы Своими, не будетъ спрашивать—кто ты: богатый или бѣдный, знатный или простой, образованный или невѣжда? Онъ отъ всѣхъ потребуетъ отчета въ вѣрѣ и жизни. Богъ не сталъ бы требовать отъ насъ этого отчета, если бы у насъ было только тѣло, если бы мы пуждались только въ здорově, въ богатствѣ, въ почестяхъ да въ образованности. Но у насъ есть еще безсмертный духъ, а духъ нашъ не хлѣбомъ единымъ долженъ питаться: онъ требуетъ о себѣ особой заботы, для него нужны вѣра, надежда, любовь, страхъ Божій.

Пецытеса же, братіе, о своемъ тѣлѣ, о тѣлесномъ своемъ здоровьѣ, о тѣлесной чистотѣ, но помните,—о, помните, что главное въ нашей жизни не тѣло, а душа, и главная цѣль наша быть чистыми и здоровыми не по тѣлу, а по духу. Дерзаю сказать даже, братія и сестры, что только тогда и стоитъ заботиться о тѣлѣ, когда мы заботимся о душѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы губимъ свою душу и умерщвляемъ ее навѣки, то какой смыслъ въ заботахъ о томъ, чтобы избѣжать смерти тѣлесной? *„Не бойтеса убивающихъ тѣло, говорилъ Христосъ Богъ нашъ, но скажу вамъ, кого боятеса: бойтеса того, кто, по убіеніи, можетъ свернуть въ иенну; ей, говорю вамъ, того бойтеса“.*

Не печетесь же, братіе и сестры, *только* о томъ, что нужно тѣлу нашему, но заботьтесь прежде всего о душѣ своей и о своемъ спасеніи вѣчномъ. А тѣхъ, кто забываетъ о душѣ и погрязаетъ въ однихъ только хлопотахъ житейскихъ, вы обращайтесь къ вѣрѣ и Церкви.

Какъ обращаться?

Не вѣшними мѣрами обращайтесь, не насиліемъ, не угрозами, не бранью. Ничто подобное въ святомъ дѣлѣ не только неумѣстно, но и прямо вредно. Говорю это не для того, чтобы враги нашей вѣры похвалили меня, іеромонаха, а потому говорю, что это дѣйствительно такъ, потому что этого требуетъ единый нашъ Учитель, Христось Господь Богъ. Зовите же, православные мои слушатели, во святую Божию церковь слабыхъ невѣрныхъ нашихъ братьевъ своей молитвой, любовью, снисхожденіемъ, кротостью, примѣромъ доброй жизни. И въ правдѣ вашей познають они Бога.—Аминь.—Аминь, аминь,—зарудѣло по церкви,—сапасибо, батюшка. Аминь.

О. Иліодоръ сошелъ съ возвышенія. Всей церковью запѣли канонъ.

Послѣ рѣчи о. Иліодора я и нѣкоторые другіе „случайные“ посѣтители храма, а также кое-кто и изъ постоянныхъ богомольцевъ архіерейскаго подворья пошли изъ церкви. Но большинство оставались еще молиться. Я шелъ къ своей гостинницѣ иѣшкомъ и разговорился съ нѣкоторыми изъ царьцыньцевъ. Рассказываютъ объ Иліодорѣ и его дѣлѣ изумительныя вещи. Говорятъ, о. Иліодоръ только и дѣлаетъ, что служить, молится, наставляетъ, хлопочетъ о своей обители. Службы продолжаются отъ 3 до 6 часовъ каждая. Проповѣдуетъ о. Иліодоръ неизмѣнно за каждой всенощной, каждой литургіей и каждой вечерней. Весь монастырь возникъ прямо изъ ничего. Сначала на мѣстѣ теперешняго подворья была только маленькая келья. О. Иліодоръ скоро принялся за новыя постройки, призвавъ къ помощи всѣхъ своихъ богомольцевъ и слушателей. Помогали всѣ, кто чѣмъ могъ. Не-

доставало, напр., средствъ покрыть уже выстроенную церковь. О. Иліодоръ предложилъ своимъ богомольцамъ самимъ купить кровельнаго желѣза по мѣрѣ своего состоянія и принести въ обитель. И что же? Кто по листу, кто по два, кто по три несли въ монастырь, и черезъ нѣсколько дней весь нужный матеріалъ былъ палицо. Въ большихъ и состоятельныхъ семьяхъ дѣти съ плачемъ просили, чтобы отъ ихъ имени было пожертвовано на церковь по листу желѣза. Бѣдняки складывались по нѣсколько человѣкъ на листъ. Даже въ самыхъ работахъ по храму принималъ участіе народъ. Промазывать потолокъ глиной не стѣснялись ни чернорабочіе, ни женщины изъ хорошаго круга, ни чиновники, ни офицеры.

Я не хочу входить въ оцѣнку политической дѣятельности іеромонаха Иліодора. Полагаю даже, что съ принципиальной точки зрѣнія нужно признать вполне достаточнымъ для пастыря и то специальное дѣло, какое возлагается на него его служеніемъ. Однако, дѣятельность іеромонаха Иліодора, какъ священника, какъ совершителя богослуженія и богомольца, не могла вызвать у меня ничего, кромѣ сочувствія. И тѣмъ болѣе добрыхъ чувствъ вызываетъ то благолѣпіе, съ какимъ отправляется богослуженіе у о. Иліодора, что—нужно правду сказать—совсѣмъ уже не такъ часто получаешь у насъ въ храмахъ религіозное удовлетвореніе. Безъ горести не могу говорить о томъ, какъ во время своего путешествія мнѣ пришлось быть и положительно страдать за однимъ изъ праздничныхъ богослуженій въ одномъ изъ храмовъ въ большомъ городѣ на югѣ Россіи (*nomina odiosa sunt*). Въ храмѣ было достаточно молящихся, но чѣмъ дальше шло богослуженіе, тѣмъ становилось ихъ все меньше и меньше: то сокрушаясь, то негодуя, они выходили вонъ. Дѣло въ томъ, что стоявшіе на клиросѣ псаломщики и діаконы (одинъ въ облаченіи) вели себя такъ отвратительно, что человѣкъ привыкшій сколько-нибудь благоговѣйно относиться къ святому мѣсту, не могъ оставаться равнодушнымъ.

Причетники все время вертели головами, стреляли (да!) глазами въ богомолкъ, вслухъ почти смѣялись, діаконы и даже служащій и облаченный діаконъ, не хотѣли отстать въ легкомыслии отъ оголтѣлыхъ мальчишекъ. Пѣніе—какофонія. Однимъ словомъ—скорбная картина. Я, при всей своей терпѣливости, не устоялъ и тоже ушелъ изъ храма.

— Простите, батюшка,—говорилъ я потомъ настоятелю храма, солидному и даже довольно „заслуженному“ священнику:—но позвольте сказать правдивое слово: въ нашемъ храмѣ служашіе ведутъ себя на клпросѣ такъ безобразно, что поистинѣ храмъ молитвы обращается въ какой-то вертепъ.

Все это, помню, я произнесъ съ волненіемъ, но твердо и рѣшительно. Ничего подобнаго благодушный батюшка не ожидалъ, повидимому, отъ незнакомаго ему доселѣ чловѣка, и только покраснѣлъ и закашлялъ. И мнѣ стало совѣстно какъ-то за рѣшительное слово, но я оправдывалъ себя тѣмъ, что оно вызвано было моментомъ, когда камни должны были возопіять.

И вотъ рядомъ съ тѣмъ печальнымъ, что иногда наблюдается у насъ на службахъ Божіихъ, какъ отрадно, какъ сладко молиться въ такихъ храмахъ, какъ Царицынское архіерейское подворье. А потому на описаніи богослуженія въ этомъ подворьѣ я и остановился съ подробностями. Понятно, что нечего и думать о томъ, чтобы когда-нибудь возможно было повсемѣстно такое истовое богослуженіе, какъ у о. Илюдора, но если бы низшіе наши клирики, вмѣсто того, чтобъ небрежнымъ отношеніемъ къ дѣлу подтачивать церковный фундаментъ, въ который они крѣико упираются со всѣми своими чадами и домочадцами, хотя бы публично-то, хотя бы въ храмѣ-то не допускали того, чего не допускаютъ простые міряне,—и это было бы уже такъ дорого и цѣнно для любителей церковной стройности и красоты, какихъ у насъ, слава Богу, пока еще не мало.

ПЯТИГОРСКЪ—КИСЛОВОДСКЪ.

Религіозная жизнь на Кавказскихъ курортахъ. Память о Термоптовѣ на мѣстѣ его смерти.

Хотя въ послѣднее время нерѣдко говорятъ о демократизации русскихъ курортовъ, о наплывѣ на нихъ лицъ, у которыхъ „сосчитаны всѣ рубли“, и которые менѣе всего желаютъ пускаться кому-либо пыль въ глаза, тѣмъ не менѣе и теперь еще Кавказскіе курорты, особенно Ессентуки и еще болѣе Кисловодскъ, представляютъ собою мѣста, гдѣ все блещетъ богатствомъ, золотомъ, брилліантами, колоссальными сооружеиіями, „умопомрачительными“ костюмами, яркими цвѣтами, шикарными балами и концертами. Безусловно, въ настоящее время многіе изъ высшей русской публики предпочитаютъ лѣчиться за границей, гдѣ и удобнѣе, и дешевле, и спокойнѣе, но и на Кавказскихъ курортахъ въ минувшій сезонъ можно было видѣть и заслуженныхъ генераловъ, и членовъ Государственной Думы (въ томъ числѣ Пуришкевича) и Государственнаго Совѣта, и видныхъ сановниковъ, фабрикантовъ, епископовъ) въ томъ числѣ митрополита Спб. Антонія—(Кисловодскъ) и бывшаго Кіевскаго викарія, нынѣ епископа Владикавказскаго, Агапита, лѣчившагося въ Пятигорскѣ). Соотвѣтственно наплыву блестящей и богатой публики цѣны на все на курортахъ, особенно въ Кисловодскѣ, держатся попрежнему далеко не демократическія. Въ Кисловодскѣ, напр., за сколько-нибудь приличную квартиру платятъ отъ 80 до 100 руб. въ мѣсяць, а нѣкоторые квартиры оцѣниваются отъ 500 до 1000 руб. въ мѣсяць. И, конечно, приходятся такіе „курсовые“ (на курортахъ такъ называютъ больныхъ, пользующихся водами), которые бросаютъ эти бѣшенныя деньги, какъ бросаютъ ихъ и на все, что связано съ курортной жизнью.

Не всѣ пріѣзжаютъ на курорты лѣчиться. Но безусловно большинство курсовыхъ —больные. А на такихъ курор-

ныхъ „группахъ“, какъ Пятигорская, чуть ли не на каждомъ шагу можно встрѣтить удручающую картину, когда больного, блѣднаго, испитаго, костляваго, какъ скелеть, ведутъ въ ванну подъ руки, или везутъ въ коляскѣ. Колясокъ для больныхъ здѣсь требуется такъ много, что существуютъ спеціальныя магазины для ихъ продажи. Психологическимъ же опытомъ давно открыто, что Богъ и духовная жизнь ближе всего познаются людьми именно въ страданіяхъ, въ лишеніяхъ, въ болѣзни. Естественно поэтому, что довольно ярко проявляется на курортахъ религіозная жизнь курсовыхъ. На каждомъ курортѣ непременно существуютъ хорошо обставленные храмы, гдѣ въ положенное время отправляется положенное богослуженіе. Наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней во всѣхъ курзалахъ уже въ 5 часовъ вечера смолкаетъ всякая музыка и прекращаются всякія увеселительныя зрѣлища. Врачи по воскреснымъ днямъ по большей части прекращаютъ пріемъ пациентовъ. Несмотря на горячее время для торговли, въ праздники всѣ магазины бываютъ закрыты. Это тѣмъ болѣе замѣтно, что, вслѣдствіе горячаго времени, въ будни нѣкоторыя изъ магазиновъ торгуютъ буквально по 24 часа въ сутки. По всѣмъ квартирамъ, гостинницамъ, лѣчебнымъ заведеніямъ въ каждой, даже очень маленькой и не видной, комнатѣ вы непременно увидите большую икону, нѣсколько иконъ, иногда цѣлыя иконостасы, часто съ горящими передъ ними лампадами. Особенно какъ-то радостно было увидѣть въ прекрасномъ кюлтѣ большую и дорогую икону св. Пантелеимона въ такъ называемомъ „Провалѣ“ въ Пятигорскѣ, т. е. въ естественной, огромной и страшной пещерѣ, образовавшейся въ той горѣ Машукъ, откуда бьетъ цѣлебный источникъ сѣрной воды, ради которой собственно и ѣдутъ въ Пятигорскъ. Постановкою иконы св. Пантелеимона въ „Провалѣ“ естественное такъ отрадно связывается съ благодатнымъ, что сѣрная вода получаетъ значеніе чего-то большаго, чѣмъ просто вода: все отъ Бога, все отъ любви Божіей. Эта же мысль сама собою приходитъ въ голову

и при видѣ цѣлаго, красиваго иконостаса, всегда освѣщеннаго, при источникѣ Нарзана въ Кисловодскѣ.

Богомольность же курсовыхъ бросается въ глаза даже и не особенно наблюдательному путешественнику. Только въ Москвѣ намъ приходилось видѣть такъ часто и такъ открыто совершаемый обрядъ моленія передъ храмами, передъ часовнями, какъ на курортахъ. Храмы же курортные въ праздники прямо переполняются курсовыми. Больше всего храмовъ, понятно, въ Пятигорскѣ. И всѣ они посѣщаются очень усердно. Наибольшимъ вниманіемъ пользуется соборъ. И это естественно:—соборъ—главный храмъ въ центрѣ города, близкій къ мѣстамъ, наиболѣе заселеннымъ курсовыми. Храмъ блещетъ архитектурнымъ величіемъ, богатствомъ обстановки, прекрасною живописью, мастерскимъ пѣніемъ, какое можно слышать развѣ только въ столицахъ. Богослуженіе здѣсь всегда пстовое, вдумчивое, строгое. Въ большіе праздники служилъ епископъ Аганить. Единственно, что мнѣ не нравилось въ Пятигорскомъ соборѣ, это тѣ сокращенія наиболѣе важныхъ пѣснощѣній, что, къ прискорбію, наблюдаются и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Россіи, между прочимъ въ Кіевѣ: значительно сокращаются, напр., евангельскія „блажени“ на литургіи. Меня лично всегда прямо ужасаетъ эта дерзновенность нашихъ священнослужителей, съ какою они отбрасываютъ отъ себя, отъ своего вниманія и отъ вниманія богомольцевъ святѣйшія слова Христова Евангелія. Если отбрасывать то, въ чемъ сущность нашего исповѣданія, то что же оставлять тогда? И съ чѣмъ тогда сообразоваться: что оставлять, что отбрасывать? Остается, повидимому, полная свобода для произвола. Но вѣдь тогда и „Отче нашъ“ можно отбросить. Что, изъ того, если въ Евангеліи записано. Что изъ того, что эта молитва Господня! И „блажени“—заповѣди Господни! И они въ Евангеліи записаны! Однако же отбросили ихъ!.. Ужасно! Непростительно!..

Вообще же курсовые любятъ Пятигорскій соборъ, и я никогда, кажется, не забуду, напр., всенощного бдѣнія въ

этомъ сборѣ подь праздникъ Казанской иконы Божіей Матери. Соборъ переполненъ до тѣсноты. Вокругъ чествуемой иконы Богоматери, что посреди храма, сотни, можетъ быть тысячи яркихъ свѣчъ. При пѣніи „Заступнице усердная!“ какія вы видите жаркія молитвы! Сколько слышите тщетно подавляемыхъ рыданій! Сколько чувствуете горячаго внутренняго устремленія къ Богу и къ Ходатаицѣ передъ Его престоломъ, къ теплой Заступницѣ міра, скорбей и болѣзней Утолительницѣ! Это не просто молитва. Это молитва о чудѣ, объ избавленіи отъ тяжелыхъ страданій, объ исцѣленіи отъ болѣзней. Таковую же, если не болѣе пламенную молитву приносили больные Богу въ дивномъ по красотѣ храмѣ св. Пантелеимона, въ Ессентукахъ, въ канунъ его праздника, 26 іюля, передъ прекраснымъ фарфоровымъ иконописнымъ иконостасомъ, при сотняхъ огней, при служеніи многочисленнаго сонма священнослужителей, при пѣніи архіерейскаго ставропольскаго хора. И здѣсь молили о чудѣ. И здѣсь ждали исцѣленія отъ небеснаго врача Пантелеимона. И кто же знаетъ, что крѣпкая и слезная молитва не доходитъ до Неба? И кто бы посмѣлъ утверждать, что тѣпоразительные благотворные результатылѣченія водами, о которыхъ нерѣдко слышно на курортахъ, столько же принадлежать самимъ водамъ, сколько Богу, вся премудростію сотворившему: и воды, и солнце, и небо, и землю и все направляющему ко благу человѣка—увы!—не всегда чуткому къ его безпредѣльной и многообразно являемой любви

Въ виду того, что въ будущемъ 1911 году исполняется 70-лѣтіе со дня его смерти Лермонтова, а въ недалекомъ 1914 г.—столѣтіе со дня его рожденія, я, будучи на Кавказѣ, съ особымъ вниманіемъ обозрѣвалъ памятники пребыванія здѣсь великаго поэта. А памятниками этими Кавказъ положительно изобилуетъ. Особенно это нужно сказать о Пятигорскѣ, мѣстѣ печальной кончины поэта. Здѣсь, въ Пятигорскѣ, на городской площади поставленъ памятникъ Лермонтову, гдѣ онъ изображенъ задумчивымъ юношей въ во-

енной формѣ, устремившимъ свой взглядъ туда, къ любимымъ имъ снѣжнымъ вершинамъ Эльбруса, Казбека и другихъ „соплеменныхъ горъ“. При видѣ изваянія поэта, вглядывающагося съ пятигорскихъ высотъ въ даль коренного Кавказа, невольно принимаются слова изъ его „Мцыри“, гдѣ умирающей бѣглець завѣщаетъ пришедшему къ нему для исповѣди чернецу только одно:

Когда я стану умирать,
 Ты перенесъ меня вели
 Въ нашъ садъ, въ то мѣсто, гдѣ цвѣли
 Акацій бѣлыхъ два куста...
Оттуда виденъ и Кавказъ.
Быть можетъ, онъ съ своихъ высотъ
Привѣтъ прощальный мнѣ пришлетъ...

Около памятника Лермонтову всегда можно видѣть кучки путешественниковъ и курсовыхъ, но здѣсь никогда нѣтъ оживленія, всегда печально, грустно. Всѣмъ, можетъ быть, приходитъ въ голову мысль о гибели поэта еще далеко до времени полного расцвѣта его таланта, такого гибкаго, богатаго, стихійно-мощнаго. Если къ 27 годамъ жизни поэтъ могъ создать столько выразительныхъ, прекрасныхъ образовъ, если къ 27 годамъ стихъ его былъ звученъ, какъ громъ, и блестялъ, какъ молнія (Бѣлинскій), то какихъ же откровѣній, какой красоты можно было ждать отъ его творчества въ дальнѣйшемъ! И однако гордость поэта и его демоническое самолюбіе погубили его. Въ самомъ дѣлѣ. едва ли кто такъ былъ влюбленъ въ себя и такъ презиралъ и ненавидѣлъ людей, какъ Лермонтовъ.

Мцыри, до нѣкоторой степени двойникъ Лермонтова. заблудившись въ лѣсу и не видя никакого спасенія отъ смерти, однако не хочетъ людской помощи:

. . . Вѣрь мнѣ, говоритъ Мцыри старцу:

Помощи людской

Я не желалъ...

И если бь хоть минутный крикъ
 Мнѣ измѣнилъ—клянусь , старикъ,
 Я бь вырвалъ слабый свой языкъ.

Трудно бываетъ, при чтеніи такихъ мѣстъ изъ Лермонтова, не усматривать на его нравственномъ характерѣ нѣкоторые тѣни. Неизмѣнно хватаешься въ такихъ случаяхъ за эти нѣжные, трогательные, полные прелестной женственности и религіозной задумчивости стихи поэта: „Въ минуту жизни трудную“, „я, Матерь Божія“, „Ангель“, „Когда волнуется“, „Скажи мнѣ, вѣтка Палестины“... Хватаешься за эти тихіе и святые мотивы демоническаго поэта и хочешь увѣрить себя и другихъ, что если бы поэтъ жилъ дольше, то положительные мотивы его лиры разрослись бы въ такіе же могучіе аккорды, въ какихъ была построена его отрицательная поэзія.

Но какъ же горько поэтому, что поэтъ жилъ такъ мало!

До самаго послѣдняго времени живо сохраняется на Кавказѣ память о Лермонтовѣ, какъ о пятигорскомъ жителѣ. Только годъ тому назадъ умеръ одинъ изъ послѣднихъ современниковъ Лермонтова, передававшій нѣкоторыя подробности смерти поэта, извозчикъ, возившій Лермонтова къ мѣсту дуэли. Изъ устъ въ уста передаются въ Пятигорскѣ рассказы объ образѣ жизни поэта на Кавказѣ, объ его колкихъ и оскорбительныхъ выпадахъ по адресу его идейныхъ противниковъ, о буйныхъ развлеченияхъ въ Кавказскихъ горахъ и т. под. Говорятъ, напр., что надъ глубокимъ и мрачнымъ проваломъ въ горѣ Машукѣ Лермонтовъ устраивалъ деревянный помостъ, и на этомъ помостѣ затѣвалъ танцы, которые самъ онъ называлъ „танцами надъ адской бездной“, а ненавидѣвшая его за его „шильки“ курортная аристократія называла „танцами ядовитой гадины“, „бѣснованіемъ несноснаго выскочки“, „сумасшедшими выходками задиры“.—Показываютъ въ Пятигорскѣ такъ называемый гротъ Лермонтова—пещеру въ высокой и дикой скалѣ, куда—будто бы—Лермон-

товъ уединялся отъ людского шума и гдѣ писалъ свои произведенія. Въ гротѣ утверждена мраморная доска съ высѣченными на ней стихотвореніемъ: „Гроту Лермонтова“, написаннымъ въ 1870 году почитателемъ поэта, помѣщикомъ Тамбовской губ., Алексѣевымъ. Гротъ усердно посѣщается теперешними постоянными и временными жителями Пятигорска, при чемъ на стѣнахъ его многіе оставляютъ свои подписи, а нѣкоторые берутъ на память съ его стѣнъ кусочки камней. Сохранился въ Пятигорскѣ и домъ, въ которомъ жилъ Лермонтовъ съ 1837 по 1841 г. Домъ этотъ теперь принадлежитъ бывшему пятигорскому казначею, г. Георгіевскому, и также съ усердіемъ посѣщается туристами. Это маленькій и, пожалуй, пологенькій домикъ въ гористой части Пятигорска, одноэтажный, деревянный, недавно обложенъ кирпичемъ, стоящій въ глубинѣ двора и скрытый въ зелени деревьевъ. Какъ-то даже не вѣрится, что въ этомъ скромномъ домикѣ проходила могучая жизнь великой души. Во вниманіе къ памяти поэта, улица, гдѣ стоитъ его домъ, названа Лермонтовскою, Впрочемъ, чего только здѣсь, въ Пятигорскѣ, не называли „Лермонтовскимъ“! Богатѣйшая стеклянная галерея въ Пятигорскомъ паркѣ называется Лермонтовскою. Но также и убогій желѣзнодорожный развѣздъ неподалеку отъ мѣста дуэли поэта носить названіе Лермонтовскаго. Даже известково—алебастровый заводъ, вблизи Пятигорска названъ Лермонтовскимъ. Изъ всѣхъ напоминаній о Лермонтовѣ самымъ сильнымъ и самымъ глубокимъ является безусловно мѣсто его дуэли съ мартыновымъ у подножія горы Мушаки съ сѣверной его части, верстахъ въ 3—4 отъ города. Наиболѣе усердно туристы посѣщаютъ именно это мѣсто тригического исхода бурной жизни русскаго Байрона. Здѣсь 15 іюля (день смѣрти поэта) 1901 года былъ сооруженъ временный деревянный памятникъ, въ настоящее же время производится сборъ на сооруженіе постояннаго каменнаго или чугуннаго памятника, который въ проектѣ нѣсколько напоминаетъ памятникъ Императору Александру II въ Москвѣ.

У памятника на мѣстѣ дуэли Лермонтова имѣется книга, куда посѣтителѣ записываютъ свои впечатлѣнія. Любители „выражаться“ за одинъ нынѣшній сезонъ заполнили своими записями цѣлую довольно толстую книгу. Я поинтересовался „впечатлѣніями“ и поразился ихъ однообразіемъ. Всѣ, чуть ли не въ одно слово, выражаютъ скорбь по поводу безвременной кончины поэта и... жалуется на кого-то, что на мѣстѣ дуэли „незавеннаго Михаила Юрьевича“ до сихъ поръ нѣтъ достойнаго его генія памятника. Одни за этотъ „великій грѣхъ“ винятъ, по обыкновенію, правительство, другіе—„отцовъ г. Пятигорска“. На меня непріятно какъ-то подѣйствовалъ этотъ традиціонный и неосмысленный нашъ бой, и я написалъ въ книгѣ, что если и слѣдуетъ кого винить за невнимательность къ мѣсту кончины великаго поэта, то прежде всего насъ, именующихъ себя его поклонниками. Геній поэта мы чтимъ, а какъ мы отзываемся на призывы къ пожертвованію на памятникъ? И умно ли смѣяться надъ собой?—Такъ я писалъ 11 іюля. Вскорѣ была вскрыта кружка для сбора пожертвованій на новый памятникъ Лермонтову, поставленная въ Лермонтовской галлерей, въ Пятигорскѣ, и оказалось, что богатая курортная публика, иногда на вѣтеръ бросающая сотни рублей, на памятникъ оплакиваемому на бумагѣ поэту пожертвовала всего на всего... 68 руб. 60 коп. Впрочемъ, въ кружкѣ оказалось еще нѣсколько бутылочныхъ пробокъ, нѣсколько кусочковъ проволоки, и 2—3 фальшивыхъ монеты. Такъ вотъ у насъ доселѣ еще: на словахъ гражданствуютъ, протестуютъ, негодуютъ, критикуютъ, клеймятъ, а какъ до дѣла, такъ оказываются людьми, на которыхъ и негодовать-то даже нельзя...—Послѣдній памятникъ Лермонтову въ Пятигорскѣ—это мраморный обликъ съ крестомъ, поставленный на мѣстѣ временнаго погребенія поэта на Пятигорскомъ кладбищѣ. Этотъ памятникъ такъ же, какъ и монументъ въ самомъ городѣ, поставленъ на высокомъ холмѣ, откуда открывается дивная панорама Кавказскаго горнаго хребта. Вообще нельзя сказать, чтобы наше общество невнимательно отнеслось къ поэту, который, наоборотъ, не всегда относился

къ нему съ надлежащей сдержанностью. Впрочемъ, если вообще de mortuis aut bene aut nihil, то тѣмъ болѣе de mortuis magnis

Съ Кавказа черезъ Донъ я возвратился въ свою родную Симбирскую епархію... Чѣмъ ближе подѣжляли мы къ „своему“ краю, тѣмъ больше и больше плотныхъ какихъ-то наслоеній ложилось на мои кавказскія впечатлѣнія, а когда подъ соломенными крышами я увидѣлъ, наконецъ, свою родную деревню, когда за развѣсистыми старыми липами зазеленѣла зеленая кровля родимаго домка, когда уже на каждомъ шагу стали встрѣчаться добродушныя и ласковыя лица „земляковъ“, когда послышался нашъ Симбирскій пѣвучій говорокъ на „а“, мое сердце забилося чуть ли не больше, чѣмъ когда впервые открылся передо мной гордый ландшафтъ Кавказскихъ высотъ. И припомнился мнѣ и теперь еще бродить у меня въ головѣ этотъ стихъ:

О, родина святая!
Какое сердце не дрожить,
Тебя благословляя!

Николай Колосовъ.

Мои воспоминанія.

Науки преподававшіяся въ академіи, и ихъ преподаватели.

(Продолженіе ¹⁾).

Старый Уставъ духовныхъ академій (1814 года), при дѣйствиі котораго мы учились, учредившій въ академіи два двухгодичные курса, младшій и старшій, для каждаго курса указалъ особыя задачи и назначилъ особые предметы для изученія. Программа академическихъ наукъ, имъ введенная, въ существенныхъ частяхъ своихъ оставалась неизмѣнною. до введенія въ академіяхъ новаго Устава 1869 года, хотя въ

¹⁾ См. № 45—46-й за 1910-й г.

частностяхъ въ ней допускались пѣкоторые переменны и дополненія. Классныя занятія студентовъ младшаго и старшаго курса, соотвѣтственно указанной Уставомъ задачѣ, по предметамъ, изучаемымъ въ академіи, много разнились одни отъ другихъ.

Въ младшемъ курсѣ преподавались и изучались свѣтскія, такъ называемыя гуманныя науки, а въ старшемъ богословскія.

Въ періодъ моего студенчества въ составъ наукъ, преподаваемыхъ въ младшемъ курсѣ, изъ богословскихъ предметовъ, включено было одно Священное Писаніе. Но оно не имѣло здѣсь доминирующаго значенія и считалось побочнымъ предметомъ. Лекціи по Священному Писанію студенты младшаго курса слушали совмѣстно съ студентами старшаго курса, и это была единственная наука, для слушанія лекцій по которой сходились студенты обоихъ курсовъ. До поступленія нашего въ академію каѳедру Священнаго Писанія занималъ бакалавръ Іоанникій (Рудневъ, впоследствии митрополитъ московскій и потомъ кіевскій). Но въ 1851 году онъ перешелъ на каѳедру обличительнаго богословія, которое, входя въ составъ главнаго богословскаго предмета (богословской трилогіи: богословія догматическаго, нравственнаго и обличительнаго), по своему значенію считалась степенью выше, чѣмъ каѳедра Священнаго Писанія. Преподавалъ намъ Священное Писаніе смѣнившій Іоанникія молодой бакалавръ Филаретъ, впоследствии ректоръ академіи, скончавшійся въ 1882 году епископомъ рижскимъ. Только что кончившій курсъ академіи и прямо со школьной скамьи поставленный на каѳедру профессора, онъ не успѣлъ овладѣть своимъ предметомъ, и, обязанный учить другихъ, самъ учился. Но человѣкъ высоко-талантливый, онъ съ честію вышелъ изъ затрудненія, въ какое былъ поставленъ, и съ первыхъ дней своей профессорской дѣятельности такъ успѣшно повелъ свое дѣло, что мы нимало не чувствовали его неподготовленности къ указанному ему служенію. Къ лекціямъ своимъ онъ го-

товился всегда очень усердно, и мы съ интересомъ слушали ихъ. Онъ являлся въ аудиторію безъ тетради, и произносилъ свои лекціи на память, ходя по классу ¹⁾ (въ послѣдующіе курсы онъ измѣнилъ эту манеру чтенія лекцій). Въ своихъ лекціяхъ онъ сообщалъ больше библиологическія свѣдѣнія, чѣмъ входилъ въ разъясненіе и толкованіе библейскаго текста. Трактовалось имъ въ лекціяхъ о писателѣ той или другой книги, ея подлинности, неповрежденности, времени написанія, первоначальномъ текстѣ и переводахъ,—разбивались разные возраженія рационалистической критики. Замѣтно было для насъ вліяніе на него нѣмецкихъ книжекъ, которыми онъ руководствовался. Онъ и насъ знакомилъ съ этими нѣмецкими книгами. Не разъ онъ приглашалъ къ себѣ нѣкоторыхъ студентовъ младшаго курса, знающихъ нѣмецкій языкъ, и поручалъ имъ переводить для него указанные имъ отдѣлы изъ нѣмецкихъ сочиненій. Я (помню) переводилъ, по его указанію, отдѣлъ о книгѣ Іисуса Невина изъ сочиненія автора, имени котораго не могу назвать.

—

Главнымъ предметомъ въ младшемъ курсѣ была философія, и ею мы болѣе всего занимались въ первые два года академическаго курса. Въ Кіевской академіи было прежде три наставника по философіи, даже нѣкоторое время четыре,—протоіерей І. М. Скворцевъ, Авсеньевъ, Гогоцкій, и когда въ 1845 году кончилъ курсъ Дм. В. Поспѣховъ, подававшій богатія надежды и обладавшій сильнымъ философскимъ умомъ, и его присоединили къ составу преподавателей философіи, хотя не было для него свободной кафедры. Всѣ

¹⁾ Такого обычая читать лекціи, не сядя на кафедру, а ходя по классу, тогда держались многіе профессора Кіевской академіи. Всегда (говорили намъ), ходя по классу, произносилъ лекціи Дмитрій (Муретовъ), котораго мы уже не застали въ академіи. И въ наше время такому обычаю слѣдовали профессоръ физики Чеховичъ, Іоанникій (Рудневъ), Леонтій, свщ. Колосовъ, Поспѣховъ, Трейеровъ и Крамаревъ. Послѣдніе три изрѣдка сажались.

существенныя части распределены были между наличными наставниками, состоявшими въ штатѣ, и новому бакалавру, котораго сверхъ штата оставили въ академіи, чтобы не утратить способнаго человѣка, общающаго изъ себя не зауряднаго дѣятеля, поручили читать такую часть философіи, которая прежде не входила въ программу философской науки, предназначенной для академіи, а была сверхдолжною прибавкою къ ней, именно, ему поручили читать и излагать философію отцевъ церкви.

Въ нашъ курсъ было только два преподавателя философіи,—главный Дмитрій Васильевичъ Поспѣховъ, и его помощникъ Памфилъ Даниловичъ Юркевичъ.

Главное руководство занятіями философскими въ академіи выпало на долю Дм. В. Поспѣхова въ очень молодые годы. Онъ пробылъ только шесть лѣтъ на службѣ, и по тогда господствовавшему обычаю, считался не созрѣвшимъ до того, чтобы поступать въ рангъ ординарцевъ профессоровъ, какихъ тогда въ академіи полагалось только шесть. Поспѣховъ поэтому, занимая главную кафедру философіи, почти два года былъ только экстраординарнымъ профессоромъ, а ординатура оставалась свободною, хотя она никому, кромѣ Поспѣхова, не могла быть предоставлена. Въ началѣ 1851 года онъ былъ старшимъ представителемъ философіи въ академіи за выходомъ изъ нея С. С. Гогоцкаго, но въ званіе ординарнаго профессора возведенъ былъ только въ 1853 году, по ходатайству митрополита Филарета, который благовоительно относился къ нему, всегда воздавалъ ему похвалу и благодарность за ясное изложеніе философской науки, прикрываемой у другихъ туманными мудрыми фразами.

Дм. В. Поспѣховъ читалъ намъ гносеологію или теорію познанія (о законахъ и формахъ познанія чувственнаго, разсудительнаго и умозрительнаго,—изъ идей разума), умозрительную онтологію или метафизику, опытную психологію и логику. Больше всего онъ сосредоточивалъ свое вниманіе на психологіи, умозрительной и опытной. Въ теченіе двухгодич-

наго курса двѣ трети лекцій его посвящены были психологiи. Самыми интересными для насъ пунктами въ лекціяхъ были его разсужденія о связи души съ тѣломъ, о томъ, можетъ ли существовать душа безъ связи съ тѣломъ, и будетъ ли, и какъ будетъ существовать по смерти, по разлученіи съ тѣломъ. Изображая свойства души человѣческой,—ея субстанціональность, самосознательность, разумность, свободу, простоту, чуждую матеріальной дебелости, онъ не ограничивался изслѣдованіями объ одной душѣ человѣческой, ставилъ вопросъ о томъ, что мы знаемъ по разуму о душѣ животныхъ, и о томъ, существуютъ ли духовныя существа внѣ матеріальнаго міра, выше-человѣческія, и каково ихъ отношеніе къ міру физическому и къ міру человѣческому...

Какъ особенность въ преподавательской дѣятельности Поспѣхова, я могу отмѣтить то, что онъ иногда прерывалъ порядковое изложеніе своей системы. Напримѣръ, въ великій постъ, желая, какъ онъ говорилъ, болѣе отвѣчать нашему религіозному настроенію, онъ вмѣсто лекцій, какія бы слѣдовало читать по его программѣ, предлагалъ намъ изъясненія нѣкоторыхъ главъ книги Премудрости Соломоновой. При изъясненіи текста этой библейской книги онъ говорилъ много хорошаго, пожалуй, косвенно относящагося къ той наукѣ, которую онъ преподавалъ. Но мы недовольны были на него за такія отступленія отъ программнаго порядка лекцій. Впослѣдствіи времени Поспѣховъ представилъ на степень доктора богословія свое сочиненіе „о книгѣ Премудрости Соломоновой“. Видно было, что это любимая его книга.

Авторитетъ Поспѣхова, какъ профессора, во мнѣніи студентовъ стоялъ высоко, и мы съ удовольствіемъ слушали его умныя лекціи, которыя онъ не читалъ, а почти всегда излагалъ живою устною рѣчью, весьма рѣдко обращаясь къ тетради. Случалось, что полѣнивался онъ и не аккуратно иной разъ приготавливался къ лекціямъ. Но мы не ставили это въ вину уважаемому профессору, талантъ и знаніе котораго безспорно признавались всѣми нами.

Другой преподаватель философіи, И. Д. Юркевичъ былъ совершенный новичекъ на кѣедрѣ. Онъ только что вступилъ на служебное поприще, когда мы поступили въ академию, и намъ первымъ читалъ свои лекціи по философіи. Мы признавали его даровитымъ профессоромъ, даже глубокимъ мыслителемъ, но не предвидѣли будущей его славы, какую онъ снискалъ себѣ въ послѣдующіе курсы въ академіи, и какая потомъ способствовала переходу его на кѣедру философіи въ Московскій университетъ. Въ нашъ курсъ во мнѣніи студентовъ профессорскій авторитетъ Пospѣхова стоялъ выше, чѣмъ Юркевича, и первого мы предпочитали второму.

Юркевичъ читалъ намъ исторію философіи. Приходилъ онъ въ аудиторію большею частію съ нѣмецкою книгою въ рукахъ. Эта книга полагали мы, была для него пособіемъ, изъ котораго онъ черпалъ матеріалъ для своихъ лекцій. Въ какой мѣрѣ его лекціи стояли въ зависимости отъ этой книги, мы не знали и не могли судить, но эту зависимость предполагали.

Проф. *Василій Птвичкій.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

При семь №-рѣ рассылается объявленіе редакціи „Русскій Паломникъ.“ О подпискѣ на 1911 годъ.

Редакторъ. Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 20-го ноября 1910 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Типографія Акціонер. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринг. ул.

ГОДЪ

Ц.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

цѣна годовому изданію на шість
пять руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей. № 48. Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года 28 ноября.

Содержаніе: I. Въ защиту ц.-приходской школы. Кир. Тихоніровъ.—II. Библия и естествознаніе. (Продолженіе). Пер. Н. П. Селивановской.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкій.—IV. Замѣтка. О постановкѣ портретовъ въ поѣщеніяхъ церковныхъ школъ.

Нѣсколько словъ въ защиту церковно-приходской школы.

Въ послѣднее время и въ обществѣ, и въ Государственной Думѣ наиболее „прогрессивные и передовые“ дѣятели ведутъ съ энергіей, достойной лучшаго примѣненія, систематической походъ противъ церковно-приходской школы. У однихъ изъ нихъ одно названіе „церковная“ уже порождаетъ сомнѣніе въ возможности успѣха этой школы. Школы „клерикальныя“, какъ они выражаются, не могутъ обѣщать многого. Другіе указываютъ на то, что цер.-прих. школы слишкомъ бѣдны и часто не могутъ содержать приличнымъ образомъ учителей, не имѣютъ приличной учебной обстановки. Третьи кричатъ о неудовлетворительной педагогической опытности завѣдующихъ цер.-прих. школами и о сплошномъ якобы невѣжествѣ самихъ учителей—этихъ дѣятелей просвѣщенія.

Четвертые жалуются на то, что при существованіи цер.-прих. школъ на ряду съ министерскими и земскими получается какая-то двойственность управленія, устраненіе которой необходимо въ интересахъ русскаго просвѣщенія и т. д. Словомъ, каждый говоритъ все, что взбредеть ему на умъ. Но обычно никто не высказываетъ своихъ подлинныхъ мыслей, своихъ дѣйствительныхъ побужденій, заставляющихъ ихъ съ раздраженіемъ, запальчивостью, чуть не съ пѣной у рта ратовать противъ цер.-прих. школъ и съ фирисейскою маскою выставлять себя за ревнителей правды, за ревнителей народнаго образованія.—Но обо всемъ этомъ скажемъ ниже; теперь же оставимся пока не законопроектъ думской комиссіи по общему начальному обученію.

Пынѣшняя осенняя сессія Г. Думы, съ перваго же дня своего открытія, занялась обсужденіемъ огромной важности законопроекта объ общемъ начальномъ обученіи. Этотъ законопроектъ ставитъ школьное дѣло совершенно на новый путь, весьма широко, слѣдуетъ признать—производить коренную реформу. Это его заслуга по отношенію къ земской и министерской школамъ. Но было бы непростительною несправедливостью утверждать, что законопроектъ этотъ также сочувственно, вѣрно и цѣлесообразно отнесся къ задачамъ цер.-прих. школы. Здѣсь, подъ вліяніемъ вышеозначенныхъ воззрѣній извѣстной части общества на цер. прих. школу, думская комиссія по народному образованію провела чрезъ весь законопроектъ желаніе *отнять церковь отъ цер. прих. школы*. Но это будетъ узурпація самаго права учительства Православной церкви,—права безспорнаго, неотъемлемаго и непреложнаго! Составители законопроекта, конечно, отрицаютъ такое свое намѣреніе и увѣряютъ, что цер.-прих. школы не только не обрекаются на уничтоженіе, но даже сохраняется ихъ самобытность. Однако всѣ ихъ аргументы шьты бѣлыми нитками, и фальшь бьетъ въ глаза на каждомъ шагу.

Думская комиссія по народному образованію видитъ главное зло въ томъ, что русскія начальныя школы находятся

въ разныхъ вѣдомствахъ: однѣ въ вѣдѣніи Министерства, Народнаго Просвѣщенія и другія—Св. Синода, а потому слѣдую теоріи единства управленія, предложила Г. Думѣ включить цер.-прих. школы въ вѣдѣніе Министер. Народ. Просвѣщ., съ подчиненіемъ ихъ губернскимъ и уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ, реформируемымъ на новыхъ началахъ, причемъ составленіе программы, общее руководство, инспекція—все будетъ зависѣть отъ уѣзднаго училищнаго совѣта и главнымъ образомъ, конечно, отъ предсѣдателя этого совѣта. Вотъ, въ концѣ концовъ, то лицо которому будетъ ввѣрено все начальное образованіе уѣзда. Что же, спросимъ, приняты ли хотя мѣры къ тому, чтобы тотъ, который будетъ руководить начальнымъ образованіемъ въ народныхъ школахъ, былъ одной вѣры съ тѣми, которые должны руководить цер.-прих. школами, т. е. вѣры православной? Нѣтъ, законопроектъ придерживается того взгляда, что предсѣдателемъ училищнаго совѣта можетъ быть лицо *не православнаго исповѣданія*. Конечно, предсѣдателемъ училищнаго совѣта можетъ быть лицо не православное, но лицо не православнаго происхожденія руководить религіознымъ воспитаніемъ цер.-прих. школы никакъ не можетъ; это, кажется, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Если общее руководство и составленіе программъ ускользаетъ отъ вѣдомства православнаго исповѣданія и отъ цер.-прих. школъ и будетъ передано уѣздному училищному совѣту, то можно ли поручиться, что въ рукахъ у предсѣдателя училищнаго совѣта неправославнаго исповѣданія учебная программа по цер.-прих. школамъ дѣйствительно будетъ соответствовать взглядамъ Православной Церкви?

Вѣдь самобытность, своеобразную фізіономію школѣ, какъ вообще всякому учрежденію, даютъ тѣ лица, которыя стоятъ во главѣ этого учрежденія, которыя направляютъ его дѣятельность къ извѣстнымъ цѣлямъ. До сихъ поръ во главѣ церковной школы стояла сама Церковь, въ лицѣ своего высшаго правительственнаго института—Св. Синода, организовала

всю стройную систему управленія этой школой, которая независимо и полновластно устроила жизнь соотвѣтственно своимъ нормамъ. Теперь эта власть изъ рукъ Церкви переходитъ въ руки училищнаго совѣта, гдѣ представитель церкви является только со своимъ единымъ одинокимъ голосомъ, гдѣ этотъ голосъ, конечно, заглушается подавляющимъ большинствомъ другихъ голосовъ. Можно ли при такихъ условіяхъ говорить о какой-либо самобытности и самостоятельности цер.-прих. школы, которая, называясь церковной, уже будетъ отражать въ себѣ не церковные идеалы, а стремленія и теченія, господствующія въ данное время въ томъ или другомъ училищномъ совѣтѣ. Къ чему это поведетъ не трудно предвидѣть. Не будетъ удивительно, если свободомыслящій совѣтъ, въ какомъ нибудь либеральномъ земствѣ вдругъ пригласить и допустить къ исполненію обязанностей законоучителя лицо, которое будетъ проповѣдывать тамъ свободное христіанство отъ всякой вѣроисповѣдной доктрины, будетъ проповѣдывать толстовство и сектантство, а на наше историческое православіе будетъ смотрѣть, какъ на суевѣріе, какъ на пережитокъ старины. Въ результатѣ, конечно, получится та внѣшняя и внутренняя расшатанность, развинченность цер.-прих. школы, которой отличается теперь большая часть земскихъ и министерскихъ школъ. Вѣдь типъ цер.-приход. школы, какъ онъ дѣйствительно долженъ быть въ жизни—это ея тѣсная связь съ церковью; церковь, должна быть той атмосферой, въ которой начальное образованіе цер.-прих. школы должно получать свое развитіе и направленіе. Какъ только эта связь церкви съ прих. школой уничтожится, прервется, то можно говорить о какой угодно школѣ, но только не о церковно-приходской. По этому поводу уважаемый депутатъ отъ Холмщины, списокъ Евлогій справедливо сказалъ въ Г. Думѣ: „религіозно нравственное воспитаніе должно быть положено во главу угла народной школы,—это первая и главная задача въ начальной школѣ,—какъ же вы достигнете этой цѣли, устраните церковь отъ этого великаго дѣла, отку-

да вы почерпнете источникъ религіозно-нравственнаго воспитанія, какъ именно не изъ церкви? она девять вѣковъ стояла надъ колыбелью нашего русскаго народа, она пѣла ему священныя пѣсни и воспитала въ немъ тѣ прекрасныя качества, за которыя наша родина называется святою Русью, а нашъ народъ — народомъ богоносцемъ. Оторвите, оттолкните священниковъ отъ школы, лишите школы пастырскаго руководства, сведите на нѣтъ все церковное вліяніе въ школъ, изгоните оттуда церковный духъ, и народъ тогда пойдетъ въ дебри сектантства, или даже сдѣлается совершенно невѣрующимъ и воистину тогда грознымъ станетъ лицо земли родной¹⁾.

Въ деревнѣ и теперь исчезаютъ начала патріархальныя, семейныя, и въ значительной степени воцаряется анархія, которая проявляется во многомъ: въ тунеядствѣ, въ пьянствѣ, въ непочтеніи къ родителямъ, въ неуваженіи къ чужой собственности. Картина получается весьма печальная. Единственный путь къ возрожденію деревни это путь тѣснаго единенія Православной Церкви и школы.

Наконецъ, при крайне оригинальной, чтобы не сказать больше, теоріи законопроекта не достигнуто будетъ и желанное думскою комиссіей по породному образованію — единство школьнаго управленія: ибо, съ одной стороны, цер.-прих. школы будутъ подчинены вѣдомству Мин. Народ. Просвѣщенія, которое будетъ дѣйствовать въ отношеніи этихъ школъ такъ, какъ полагается въ законопроектѣ, а съ другой стороны — не прекратится вліяніе на цер.-прих. школы и Св. Синода, и получится такимъ образомъ не единство управленія, а въ отношеніи цер.-прих. школъ — двоевластіе. И, въ концѣ концовъ, если законопроектъ этотъ получитъ свое осуществленіе, то учителя цер.-прих. школъ не будутъ знать, какому они подчинены вѣдомству — Мин. Нар. Просвѣщ. или Св. Синоду, который имѣетъ юридическія права отдѣльнаго, самостоятельнаго вѣдомства, доколѣ эти права не отняты.

¹⁾ См. стенографич. отчетъ газеты „Россія“ № 1511, стр. 59.

Итакъ, отстраняя церковь и духовенство отъ самостоятельнаго руководства такимъ великимъ дѣломъ, какъ церковное учительство, которое принадлежитъ имъ по безспорному и непреложному праву,—отказывая духовному вѣдомству и Св. Синоду въ возможности продолжать свою церковно-школьную дѣятельность въ условіяхъ, обѣщающихъ не крушеніе, а дальнѣйшее успѣшное развитіе дѣла, не становится ли комиссія по народному образованію на путь такихъ опытовъ, которыхъ результаты не могутъ быть учтены въ самой пространной статьѣ, но будутъ учтены за то самую жизнь къ ущербу для государства и Православной Церкви.

Противники цер.-прих. школь, какъ мы сказали, жалуются на то, что эти школы крайне бѣдны. Да, онѣ дѣйствительно бѣдны,—зато тѣмъ больше имъ чести, что при бѣдности матеріальной онѣ приносятъ благіе плоды. По статистическимъ даннымъ каждая цер.-прих. школа обходится государству менѣе, чѣмъ какому-нибудь подрядчику—простой чернорабочій. Чернорабочему въ Кіевѣ надо заплатить минимумъ восемь гривенъ въ день, а на содержаніе цер.-прих. школы расходуется 70 коп. въ сутки. На сорокъ тысячъ школь тратится государствомъ ежегодно 10 милліоновъ рублей, т. е. по 250 р. въ годъ на каждую школу или по 20 руб. 80¹/₂ коп. въ мѣсяцъ, что составляетъ даже нѣсколько менѣе упомянутыхъ 70 к. въ сутки. Не смотря на такія болѣе чѣмъ скромныя затраты, ничто со стороны нашей „опозиціи“ не вызываетъ такихъ злобныхъ вылазокъ и безконечныхъ упрековъ въ непроизводительномъ расходованіи суммъ, какъ именно эта сравнительно ничтожная поддержка церковнымъ школамъ. И это тѣмъ болѣе странно, что помимо грамотности—крестьянскія дѣти въ 3,500 этихъ школахъ обучаются ремесламъ и рукодѣлію; въ 8,000—садоводству, огородничеству и пчеловодству, а въ 350 школахъ ведутся съ учениками сельско-хозяйственныя занятія. Казалось бы, что за семь гривенъ въ сутки большаго и спрашивать нечего, однако находятся недовольные, которые въ награду за 25-лѣтніе

труды руководителей этихъ школъ не находятъ ничего лучшаго, какъ урѣзать и даже совсѣмъ отнять и это копейное вспомошествованіе. Бѣдность не порокъ; скорѣе порокъ то явленіе, что не устраняютъ этой бѣдности тѣ лица, которыя могли бы это сдѣлать, но которыя вмѣсто того лишь говорятъ жалкія слова на митингахъ и въ газетныхъ листкахъ объ этой бѣдности. Наше отечество такъ бѣдно школами, что во-истину слѣдуетъ привѣтствовать каждую вновь нарождающуюся, всячески ей помогать и содѣйствовать.

Нельзя отрицать того, что цер.-прих. школы имѣютъ свои недостатки, но не слѣдуетъ ихъ преувеличивать, отрицая въ то же время ихъ положительныя стороны. Какъ на главный недостатокъ цер.-прих. школы, указываютъ на низкій уровень въ ней учебнаго дѣла. Но этого недостатка теперь нѣтъ; благодаря открытію сѣти (448) учительскихъ церковныхъ школъ (второклассныхъ и церковно-учительскихъ), въ педагогическомъ отношеніи церковная школа не уступаетъ земской школѣ: изъ 42,772 учителей ея 21,800 имѣютъ учительскія свидѣтельства; 11,300 имѣютъ среднее и даже высшее образованіе и только 9,600, т.е. около $\frac{1}{5}$, не имѣютъ учительскихъ свидѣтельствъ. Значитъ, говорить о сплошномъ якобы невѣжествѣ учителей цер.-прих. школъ—уже болѣе чѣмъ странно и совершенно не справедливо, а тѣмъ болѣе о завѣдующихъ этими школами.

Въ Государственной Думѣ наиболѣе передовая часть депутатовъ съ особенною силою подчеркивала то обстоятельство, что цер.-прих. школы „клерикальныя“ и потому не могутъ обѣщать многого, что само духовенство якобы препятствуетъ развитію и процвѣтанію этихъ школъ. Духовенство занято снисканіемъ своего собственнаго пропитанія, отправленіемъ множества требоисправленій, не въ состояннн заниматься школой; школа всегда будетъ для него стороннимъ занятіемъ,—по ея представленію. Но представителямъ народа хорошо извѣстно, что наша Православная Церковь, какъ и всѣ ея учрежденія, не составляетъ отдѣльнаго института въ государствѣ, подобно церкви католической съ ея конгрегаціонными учрежденіями. Церковь наша есть родное органическое звено нашей

общественной жизни, не выдѣляющееся изъ нея, но ее связующее и скрѣпляющее нравственно-духовными узами. Слѣдовательно, нечего бояться клерикализма нашей цер.-прих. школы: въ ней его нѣтъ, а есть церковно-духовный элементъ, котораго не рѣшаются изгнать изъ нея истинно благомыслящіе ревнители правильнаго государственнаго и общественнаго строя.—Пусть растетъ и развивается, скажутъ послѣдніе, та школа, которая служитъ общественному и государственному благоустройству. „А что духовенство наше не апатично и не индифферентно къ народному образованію, что оно, при всѣхъ своихъ трудовыхъ и разнообразныхъ занятіяхъ, можетъ съ пользою служить школѣ, то объ этомъ прекрасно сказалъ въ Г. Думѣ епископъ Евлогій: „если цер.-прих. школа за короткое время своего возрожденія, за эти 25 лѣтъ, достигла такихъ блестящихъ успѣховъ, что покрыла густой сѣтью весь широкій просторъ нашей родины, то этимъ она, прежде всего, обязана нашему приходскому сельскому и городскому духовенству, этимъ скромнымъ, смиреннымъ, беззавѣтнымъ труженикамъ, которые оказываются великими въ своемъ смиреніи и которые на своихъ плечахъ вынесли все тяжелое бремя церковной школы¹⁾“. Значить, совмѣстное служеніе церкви и школѣ не препятствовало оказывать возможное содѣйствіе послѣдней и исполнять въ ней свои обязанности. Не порицаній и укоровъ заслуживаетъ наше духовенство, а одобренія, и поощренія и облегченія занятій по служенію школѣ.

Вообще слѣдуетъ имѣть въ виду, что тѣ недостатки, которые въ раздутomъ видѣ приписываются церк.-прих. школѣ, (скудость помѣщенія, оборудованія, низкій образовательный уровень учительскаго персонала и т. д.) присущи, главнымъ образомъ, школамъ грамоты, а не церковно-приходскимъ школамъ. Но можно ли ставить этимъ (школамъ грамоты) въ укоръ что либо при той ничтожной стоимости этихъ школъ, которая дѣлаетъ ихъ дешевѣйшимъ типомъ народной школы:

¹⁾ См. тотъ же стеногр. отчетъ, № 1509, стр. 56.

на бюджетъ одной земской или министерской школы содержится 4-5 школь грамоты. Это, къ тому же, и простѣйшій типъ народной школы, отъ котораго нельзя требовать совершенства, по который, тѣмъ не менѣе, все же несетъ свою службу дѣлу просвѣщенія русскаго народа. Нельзя вообще отъ цер.-прих. школы требовать одинаковыхъ результатовъ со свѣтской школой, при несоотвѣтствіи условій, въ которыя поставлена дѣятельность той и другой. Но, несмотря на почти вдвое меньшую стоимость и вообще на менѣе благопріятныя условія, цер.-прих. школы стоятъ, во всякомъ случаѣ, не ниже, а многія и выше земскихъ школь. Въ отношеніи же воспитательномъ церковная стоитъ бесспорно выше земской школы. Залогомъ надлежащаго дальнѣйшаго развитія этой школы справедливо поставить развитіе приходской жизни, предполагавшееся еще при самомъ составленіи положенія о цер.-прих. школахъ. Первая четверть вѣка существованія цер.-прих. школа была періодомъ пробы, испытанія этого дѣла и его главныхъ вершителей — рядового духовенства. Этотъ періодъ доказалъ жизнеспособность этого дѣла и вызвалъ нравственный подъемъ самого духовенства. Нерѣшительные, иногда недобровольные дѣятели этой школы въ началѣ періода возросли до пониманія и привязанности къ своему дѣлу, воспитали въ себѣ не только школьную, а и церковную учительность. Но, „вынесенное на плечахъ“ необходимо утвердить, укрѣпить, распространить, умножить, о не разорить и уничтожить, какъ намѣрено это сдѣлать наше наиболѣе „прогрессивное и передовое“ общество

Но, разумѣется, если подъ обществомъ понимаютъ уклонившуюся отъ Бога часть интеллигенціи, то въ этомъ-то именно мы и придемъ къ уясненію истинной подкладки рѣчей этихъ господъ, тогда-то и увидимъ истинную причину ихъ протеста. Окажется, что въ дѣйствительности эти господа не перевариваютъ цер.-прих. школь потому именно и только, что здѣсь учатъ о Богѣ, о Церкви, ея установленіяхъ, о любви къ своему народу, о повиновеніи властямъ,—учатъ, именно тому, что непріятно этимъ крикунамъ, поклоняющимся только

матеріи, только земному и въ этомъ духѣ желающимъ перевоспитать все человѣчество, подобное чему уже видимъ во Франціи, гдѣ изъ школъ на законномъ „основаніи“ выносятся кресты, распятіе въ Америкѣ, гдѣ запрещаютъ школярамъ праздновать христіанскіе праздники, и проч.; но зато гдѣ прогрессъ безнравственности является неуклоннымъ и страшнымъ, леденящимъ кровь... Вотъ гдѣ корень выступленій противъ цер.-прих. школъ, которыя однако дѣлаютъ великое Божіе дѣло уже не одинъ десятокъ лѣтъ и развитіе которыхъ—„бѣльмо на глазу“ для различнаго рода новѣйшихъ пропагандистовъ, что эти школы—огромнѣйшій тормазъ на пути осуществленія пропагандистами своихъ затаенныхъ безбожныхъ тенденцій. И вотъ отсюда—всякія выходки противъ нихъ, но, однако, прикрываемыя пока тѣми или другими сладкими словами, маргариновыми мыслями, могущими остаться неразгаданными только со стороны людей крайне близорукихъ... Если бы мы захотѣли иллюстрировать свои положенія фактами, то въ послѣднихъ недостатка не оказалось бы. Да сами враги православія, русской народности, своими фальшивыми рѣчами ясно показываютъ намъ, что церковныя школы—великая сила въ рукахъ лицъ, заботящихся о насажденіи въ народѣ религіозности, началъ правды, законности. И мы должны дорожить этой силой, должны всѣ всячески охранять чистоту частной и общественной жизни и бороться съ противоположными теченіями, откуда и какъ бы они ни шли, въ грубой ли формѣ, или утонченной, прикровенной. Въ этой борьбѣ только и спасеніе наше. Ослабнетъ она,—проникнетъ „тля“ въ народное сердце, во внутреннее народное святилище—и тогда будетъ горе. Кое-какіе плоды уже и видимъ, къ несчастію!.. Но то-ли еще можетъ быть?

Кир. Тихомировъ.

Библия и естествознание.

II. Творение мира и титка.

Вѣрою познаемъ, что вѣки устроены словомъ Божиимъ, такъ что изъ невидимаго (изъ ничего) произошло видимое. (Послание къ евреямъ 11, 3).

(Продолженіе ¹⁾).

Вѣрую въ Бога Отца, Вседержителя Творца неба и земли. Такъ исповѣдуетъ христіанская Церковь въ теченіе полутора тысячелѣтія. Къ этому исповѣданію присоединяется безчисленное множество людей, готовыхъ вмѣстѣ съ псалмопѣвцемъ воскликнуть: „Благослови, душа моя, Господа! Господи Боже мой! Ты дивно великъ, Ты облеченъ славою и величіемъ; Ты одѣваешься свѣтомъ, какъ ризою, простираешь небеса, какъ шатеръ; устрояешь надъ водами горніе чертоги Твои, дѣлаешь облака Твоею колесницею, шествуешь на крыльяхъ вѣтра; Ты творишь ангелами Твоими духовъ, служителями Твоими огонь пылающій. Какъ многочисленны дѣла Твои, Господи! Все сдѣлалъ Ты премудро; земля полна произведеній Твоихъ. (Пс. 103, 1—4, 24).

Какъ противоположны этому гимну другія слова, слова изъ „Мировыхъ загадокъ“ Геккеля! Онъ говоритъ: По библейскому ученію о сотвореніи мира, „Богъ сотворилъ міръ изъ ничего“. При этомъ представляешь себѣ, что „вѣчный Богъ“ (т. е. разумное, но не матеріальное существо) пребывалъ безъ вселенной, для Себя Одного, отъ вѣчности (въ пространствѣ), до тѣхъ поръ, пока Ему однажды не пришла мысль „создать вселенную.“

Это, по мнѣнію Геккеля, есть, по меньшей мѣрѣ, суевѣріе. И въ то время, какъ онъ описываетъ развитіе вселенной изъ самой себя, безъ Творца, онъ объявляетъ нера-

¹⁾ См. № 44-й за 1910-й г.

зумными всѣхъ тѣхъ, кто не принимаетъ его ученія. Онъ выразился такъ на своей лекціи въ Альтенбургѣ 9-го октября 1892 года: „Красивой сказкѣ о добротѣ и премудрости Бога въ природѣ, — сказкѣ, которую мы, будучи дѣтьми, съ благоговѣніемъ слушали 50 лѣтъ тому назадъ, этой сказкѣ въ настоящее время никто не вѣритъ, по крайней мѣрѣ, изъ среди мыслящихъ и образованныхъ людей.“

Итакъ, тотъ, кто еще вѣритъ тому, чему учитъ Библия, не принадлежитъ къ разряду мыслящихъ людей, и духовная способность къ воспринятію у него не развита.

Какъ противоположность этому мнѣнію, я приведу слова знаменитаго астронома Фламмаріона. Этотъ послѣдній такъ увѣренъ въ томъ, что вселенная сотворена Богомъ, что восклицаетъ, противопоставляя себя матеріалистамъ и вообще всѣмъ иначе мыслящимъ. „Призовемъ всѣхъ отрицающихъ творческій Разумъ, предъ судилище законовъ, управляющихъ міромъ; если они выразятъ готовность раскрыть глаза передъ этимъ зрѣлищемъ и въ то же время упорно будутъ отрицать Разумъ въ природѣ, то мы должны признаться, что величайшая справедливость, которую мы имъ окажемъ въ отвѣтъ на это непонятное отрицаніе, будетъ заключаться въ томъ, что мы подвергнемъ сомнѣнію ихъ умственныя способности. Ибо разумъ Творца кажется намъ безконечно болѣе достовѣрнымъ и безспорнымъ, чѣмъ разумъ всѣхъ атеистовъ вообще“

Итакъ, здѣсь мы видимъ утвержденіе, выставленное противъ утвержденія же. Геккель отрицаетъ разумъ у тѣхъ, кто вѣритъ въ сотвореніе Богомъ вселенной, а Фламмаріонъ, наоборотъ, отрицаетъ разумъ у тѣхъ, кто утверждаетъ, будто земля такая, какъ она есть, возникла сама собою. Кромѣ Фламмаріона существуетъ еще большое число такихъ естествоиспытателей, которые не стоятъ на точкѣ зрѣнія Геккеля. Я это говорю заранее для того, чтобы указать на то, что вѣра въ сотвореніе вселенной Богомъ покинута не на одномъ только библейскомъ основаніи.

Можно ли доказать через естествознаніе, что вселенная не создана Богомъ? Геккель утверждаетъ, что можно.

Передъ нами лежитъ вселенная, полная чудесъ, образъ великолѣпія природы!—Маленькая снѣжинка или паутинка имѣетъ такое изумительное устройство, что никакое искусство въ мірѣ не сможетъ имъ подражать. Хочется воскликнуть: „Мои глаза видятъ, куда ни взглянуть, чудеса Твоихъ твореній!“

Геккель же утверждаетъ, будто все, существующее въ этомъ мірѣ, все, что видятъ наши глаза, что мы пытаемся изслѣдовать при помощи науки,—все это, будто бы, возникло механически, само собою. При этомъ онъ опирается на Дарвина. Онъ говоритъ:

„Безсмертная философская заслуга Дарвина, двояка: во-первыхъ, преобразование болѣе старой, основанной Ламаркомъ въ 1809 году, теоріи трансформациі и ея обоснованіе огромнымъ, собраннымъ въ теченіе этой половины столѣтія, фактическимъ матеріаломъ,—во-вторыхъ, выставленіе теоріи естественнаго подбора, той теоріи, которая впервые, собственно говоря, разоблачаетъ передъ нами истинно-дѣйствующія причины постепеннаго преобразования вида. Дарвинъ показалъ намъ впервые, какъ могущественная „борьба за существованіе“ служитъ бессознательно дѣйствующимъ регуляторомъ, который управляетъ взаимодействіемъ наследственности и приспособляемости при постепенныхъ преобразованияхъ видовъ; онъ и есть „великій воспитывающій Богъ“, неумышленно производящій новыя формы путемъ „естественнаго подбора такъ же какъ и человѣкъ, занимающійся разведеніемъ животныхъ, производитъ съ умысломъ новыя формы путемъ искусственнаго подбора“. Этимъ была рѣшена великая философская загадка: какъ могутъ чисто механическимъ путемъ возникнуть цѣлесообразныя образования безъ цѣлесообразно дѣйствующихъ причинъ?“

Это значитъ: Дарвинъ, а съ нимъ вмѣстѣ и Геккель учатъ, будто природа бессознательно, безъ намѣренія и цѣли,

производить всю вселенную изъ единой основной формы, благодаря естественному подбору. Въ постоянной борьбѣ за существованіе, каждое единичное существо, образовало постепенно свой видъ; побѣждаютъ тѣ единичныя существа, которыя обладаютъ свойствами, болѣе благопріятными для продолженія существованія единичнаго индивидуума, чѣмъ свойства другихъ существъ. Добытое передается ближайшимъ поколѣніямъ въ теченіе столѣтій, въ то время, какъ въ борьбѣ за существованіе возникаютъ новыя, все болѣе выгодныя свойства. Такъ, по ученію Дарвина и Геккеля, возникли разнообразныя виды всѣхъ органическихъ живыхъ существъ, черезъ происхожденіе другъ отъ друга, въ постепенномъ развитіи, а главной причиной этого развитія былъ естественный подборъ, благодаря которому выживали только наиболѣе приспособленные экземпляры.

Въ защиту этого ученія Дарвина со страстью выступили Геккель и всѣ его ученики, потому что они утверждаютъ, будто этимъ ученіемъ изгоняется изъ природы понятіе о цѣли и будто это понятіе замѣняется механически дѣйствующими причинами. Такъ, одинъ изъ учениковъ Геккеля, Вайсманъ, восклицаетъ: „наше время разрѣшило великую загадку, какимъ образомъ можетъ возникнуть цѣлесообразное безъ содѣйствія цѣлесообразно дѣйствующихъ силъ!“

Спрашивается: дѣйствительно ли это такъ, дѣйствительно ли Дарвинъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Геккель доказали, что вселенная, какою мы ее видимъ,—вселенная, въ которой мы живемъ, возникла безъ художника, безъ Бога, полностью изъ самой себя, на основѣ права болѣе сильнаго? Или, какъ выражается Геккель: дѣйствительно ли борьба за существованіе была этимъ „воспитывающимъ“ Богомъ?

Необходимо при этомъ различать слѣдующее: 1. вопросъ о самомъ развитіи, 2. вопросъ о причинѣ развитія.

1. Вопросъ о самомъ развитіи. Естественовѣдніе утверждаетъ, что все существующее въ этомъ мірѣ, возникло черезъ развитіе. Существуютъ три ученія, доказывающія

это: 1. учение о землѣ, или геологія. Она выясняетъ, что въ землѣ находятся слои, а въ этихъ слояхъ остатки животныхъ и растений, сохранившіеся тамъ въ продолженіе мпліоновъ лѣтъ, и въ нихъ можно замѣтить восхожденіе отъ низшаго къ высшему до человѣка.

2. Анатомія. Она находитъ, что организмы совершенствуются въ своемъ строеніи, что черезъ это организмы родственны одинъ другому, и что существуетъ даже единство организмовъ не только въ царствѣ животныхъ, но и въ мірѣ растений. 3. Учение о гомологін органовъ, т. е., что внутри одного и того же класса органы въ своихъ твердыхъ основныхъ частяхъ, какъ напримѣръ скелеть, построены по одной и той же основной части, а слѣдовательно, имѣютъ одинъ и тотъ же основной планъ. Уже Гете видѣлъ въ черепѣ человѣка только болѣе широко разросшійся позвонокъ.

Этимъ, повидному, вполне доказывается то, что все, находящееся на нашей землѣ,—ибо только ее можно, вѣдь, изслѣдовать въ этомъ отношеніи,—возникло изъ одного и того же начала и образовалось благодаря дѣйствию тѣхъ же силъ, которыя дѣйствуютъ еще и понынѣ и которыя господствовали вѣчно. Но этимъ еще отнюдь не доказано, что Творца не существуетъ; ибо, есть ли Творецъ этихъ образованій, можетъ быть доказано только черезъ рѣшеніе вопроса: откуда произошло это развитіе? Благодаря случаю? Или же силы имѣли въ виду конечную цѣль? Вотъ гдѣ лежитъ рѣшеніе!

Приведемъ примѣръ—глазъ человѣка. Глазъ человѣка есть одно изъ самыхъ удивительныхъ произведеній природы: все его устройство совершенно. Человѣкъ и животное имѣютъ по два глаза, оба совершенно одинаково устроенные и на одинаковыхъ мѣстахъ. По теоріи развитія глазъ долженъ былъ бы возникнуть постепенно. Какимъ же образомъ? Существуютъ такъ называемые „ракообразные“, глаза которыхъ имѣетъ очень простое устройство; онѣ

состоить изъ одной только капли студенистой массы и одного нерва и, по всей вѣроятности, не отражаетъ никакого опредѣленнаго образа, а можетъ только различать свѣтъ и тьму. И вотъ предполагаютъ, что въ теченіе миллионовъ лѣтъ изъ этой первобытной формы образовался сложный человѣческій глазъ. Но здѣсь есть спорный пунктъ: благодаря какой же силѣ? Черезъ приспособленіе къ свѣту? Потому ли, что свѣтъ всегда попадалъ на одну и ту же часть тѣла? Вѣдь это же невозможно, чтобы въ такъ называемой борьбѣ за существованіе, изъ-за стремленія какого-либо существа видѣть, глазъ образовался бы самъ собою такимъ, каковъ онъ теперь—удивительно соответствующимъ правиламъ искусства и въ совершенствѣ приспособленнымъ для зрѣнія; это было бы мыслимо только лишь въ томъ случаѣ, если бы на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится глазъ, сначала было бы на лицо предрасположеніе къ образованію этого глаза. Давленіе и свѣтъ никогда не производятъ сами собою полезнаго органа. Это относится ко всѣмъ органамъ. И въ настоящее время точно также не возникаютъ органы благодаря упражненію; самое большее, если они укрѣпляются черезъ упражненіе. Какимъ образомъ черезъ простое треніе могли-бы у животнаго вырасти вполне правильные рога, однородные съ обѣихъ сторонъ? Какъ можетъ какое-либо животное черезъ простое движеніе приобрѣсти себѣ свои перья, такъ удивительно искусно сдѣланныя? Неужели перья и рога возникли сами собою, только лишь въ борьбѣ за существованіе? Пусть этому вѣрить, кто хочетъ, но разумнымъ это утверженіе не можетъ быть названо.

О цѣлесообразности Мюнхенскій зоологъ Паулъ пишетъ. Цѣлесообразность проявляется, во-первыхъ, въ фізіологическихъ функціяхъ, т. е. въ слухѣ, зрѣніи и т. д., во-вторыхъ, въ анатомическомъ строеніи тѣла. Человѣческое тѣло имѣетъ такой искусно построенный скелетъ, что оно обладаетъ величайшей прочностью при величайшей легкости. Въ-третьихъ, цѣлесообразность проявляется въ дѣйствіяхъ животныхъ и людей.

Противники, напротивъ того, утверждаютъ: вы приписываете природѣ цѣль, природа же ничего не знаетъ о цѣли: она такая, какая есть. Но если кто-либо разсмотритъ глазъ человѣка, онъ долженъ все же признаться, что этотъ глазъ созданъ для того, чтобы видѣть.

Вольтеръ, о которомъ далеко нельзя сказать, чтобы онъ былъ приверженцемъ вѣры, говорить по этому поводу слѣдующее:

„Въ философіи Лукрецій кажется мнѣ, признаюсь, значительно ниже, чѣмъ какой-нибудь привратникъ или церковный звонарь. Утверждать, будто глазъ созданъ не для того, чтобы видѣть, ухо—не для того, чтобы слышать, желудокъ—не для того, чтобы переваривать пищу, это, по-моему, неслыханная нелѣпность, возмутительнѣйшій вздоръ, который когда-либо выдумалъ человѣческій мозгъ. Вѣдь я тоже скептикъ, но и для меня, признаюсь, глухость здѣсь очевидна“.

Переводъ *Н. П. Селивановской*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

Изъ наукъ, преподававшихся въ младшемъ курсѣ, вслѣдъ за философіею, вниманіе студентовъ привлекала словесность, и ею они очень интересовались. Вниманіе къ ней возбуждалось сколько самымъ предметомъ, и новою для нихъ постановкою его, столько, если не болѣе, усердіемъ наставника.

Каѳедру словесности въ наше время занималъ Василій Ивановичъ Трейеровъ, окончившій курсъ академіи въ 1843 году, и прямо по окончаніи курса оставленный бакалавромъ академіи. Въ 1851 году, когда мы поступили въ академію, онъ

¹⁾ См. № 47-й за 1910-й г.

возведенъ былъ въ званіе ординарнаго профессора, и скоропостижно скончался отъ холеры 7-го іюня 1855 года, къ сожалѣнію всѣхъ, и профессоровъ и студентовъ академіи. Это былъ усерднѣйшій наставникъ, всецѣло посвящавшій свое время служенію тому дѣлу, къ которому былъ приставленъ. Объ усердіи его мнѣ уже случалось упоминать, когда я заговорилъ, съ какою внимательностью онъ прочитывалъ наши сочиненія, и съ какою щепетильною заботливостью исправлялъ всѣ, даже малѣйшія недостатки слога, стараясь научить насъ излагать свои мысли (языкомъ чистымъ и гладкимъ, и съ этою цѣлію иногда заставляя насъ переносывать и исправлять. соответственно его указанія, свои, разъ поданныя ему, сочиненія. Наученіе насъ авторскому искусству онъ считалъ прямою обязанностію наставника словесности, при чемъ заставлялъ насъ главную заботу обращать на чистоту слога и на внѣшнее совершенство слововыраженія. Такъ же усердно онъ несъ и исполнялъ обязанности преподавателя, при изложеніи уроковъ по своей наукѣ.

Постановка предмета, порученнаго его преподаванію. была иная, отличная отъ той, какую даютъ наукѣ о словесности нынѣшніе преподаватели. Въ урокахъ Трейерова преобладала теорія надъ исторіею, и исторіи литературы въ нихъ мало удѣлено было мѣста. Первая, самая главная, часть его системы была эстетика,—наука, нынѣ совершенно невѣдомая въ академіяхъ. Лекціи по эстетикѣ имѣли философскій характеръ. Въ нихъ раскрывалось понятіе объ изящномъ искусствѣ, какъ высшемъ проявленіи дѣятельности эстетическихъ силъ человѣка, о законахъ художественнаго творчества, при чемъ указывалось, чѣмъ опредѣляется вѣрное направленіе искусства въ жизни человѣческой. Далѣе, во второмъ отдѣлѣ, сообщалось ученіе о прекрасномъ,—подвергалась подробному анализу идея красоты, параллельная идеѣ истины и добра, изъ которой берутъ содержаніе и выраженіемъ которой служатъ художественныя произведенія. При анализѣ эстетической идеи показывались и разъяснялись видоизмѣненія

въ ея проявленія: прекрасное въ тѣсномъ смыслѣ, высокое— трагическое и комическое. Далѣе, въ новомъ отдѣлѣ, профессоръ подробно говорилъ о содержаніи истинно изящныхъ словесныхъ произведеній,—поэзіи и краснорѣчія. Всѣ эти лекціи по эстетикѣ сообщали намъ новое откровеніе, и мы ями очень интересовались, хотя впоследствии замѣчали нѣкоторую односторонность въ воззрѣніяхъ профессора.

Новинкою для насъ была и другая часть системы Трейерова о человѣческомъ словѣ, какъ формѣ выраженія содержанія изящныхъ словесныхъ произведеній, слышная у насъ подъ именемъ *философской грамматики*. Въ этой части много было интересныхъ пунктовъ,—о происхожденіи и образованіи языка, о развѣтвленіи языка на племена, семейства, нарѣчія, и поднарѣчія, объ устройствѣ и развитіи языковъ и логической и фонетической стороны. При обзорѣ и характеристикѣ разныхъ народныхъ языковъ особенное вниманіе обращено было на семейство языковъ индо-европейскихъ, а частнѣе на языки славянскіе, а затѣмъ на языкъ русскій и его подраздѣленія, причѣмъ сообщена была и довольно подробная исторія его. Въ большія филологическія тонкости входилъ профессоръ, когда объяснялъ образованіе разныхъ грамматическихъ формъ съ ихъ звуковыми отличіями. Сближая, напримѣръ, формы современнаго языка русскаго съ формами языка древне-славянскаго и другихъ родственныхъ языковъ. Или, при объясненіи и устройствѣ фонетической стороны языка велись длинныя рѣчи о звукахъ входящихъ въ составъ словъ, объ образованіи слоговъ изъ отдѣльныхъ звуковъ и объ образованіи словъ изъ звуковъ и слоговъ. Намъ интересовали вопросы болѣе общаго характера. А филологическія тонкости намъ казались довольно скучными и утомительными, и мы жалѣли, когда наставникъ на нихъ долго останавливался. Изъ-за этихъ тонкостей философскою грамматикою мы менѣе интересовались, чѣмъ эстетикою, которая была главною составною частію системы Трейерова.

Одинъ ощутительный пробѣлъ былъ въ лекціяхъ по словесности Трейерова. Онъ почти не знакомилъ насъ съ исторіею литературы. Мало времени оставалось у него для чтеній по исторіи литературы не только иностранной, но и русской, и если мы знакомились съ художественными литературными произведеніями, то не изъ чтеній профессора. Интересъ къ художественной литературѣ возбужденъ былъ въ насъ лекціями по эстетикѣ, но удовлетворять этому интересу мы должны были сами, своимъ собственнымъ трудомъ. Между нами много было любителей изящной литературы.

Другія науки, читавшіяся на младшемъ курсѣ,—гражданская исторія, общая и русская, физика и математика, древніе и новыя языки,—имѣли второстепенное значеніе, уступая въ этомъ отношеніи философіи и словесности, и пользовались у насъ меньшимъ вниманіемъ.

Изъ нихъ мы болѣе занимались общею гражданскою исторіею,—занимались болѣе потому, что наставникъ по этому предмету былъ человекъ требовательный, устроившій частыя репетиціи и заставлявшій насъ готовиться къ этимъ репетиціямъ.

Этимъ наставникомъ былъ Андрей Демьяновичъ Граниковъ, кончившій курсъ въ 1823 году, товарищъ Иннокентія (Борисова) по академіи, скончавшійся въ 1860 году. Въ то время онъ былъ старѣйшимъ изъ профессоровъ. Это былъ формалистъ, какихъ мало, твердо державшійся разъ установленнаго имъ порядка и старавшійся неуклонно исполнять формальныя требованія академическаго Устава. Въ классъ онъ являлся съ синенькими листиками, получившими у студентовъ историческую извѣстность, и по появленіи въ аудиторію, развертывалъ эти листики, и каждый разъ регулярно прочитывалъ три листика, и когда кончалось чтеніе третьяго листика, въ то самое время билъ звонокъ. Чтеніе лекцій прерывалось нѣсколькими короткими паузами (для понюшки табаку), не случайными, а напередъ рассчитанными. Въ этихъ синенькихъ листкахъ изложены были Граниковымъ лекціи

по исторіи въ первые годы его службы, и потомъ онъ неизмѣнно повторялъ изъ въ послѣдующіе курсы. Когда мы поступили въ академію, намъ старшіе студенты говорили: „придетъ въ классъ Граниковъ и начнетъ свои лекціи такими словами“, и дѣйствительно Граниковъ, сѣвши за столъ, открываетъ свои листки и начинаетъ рѣчь такими фразами, какія передавали намъ студенты.

Многіе студенты иронически относились къ синенькимъ листикамъ Граникова. Но я не желаю раздѣлять этого ироническаго отношенія къ нимъ. Составленіе записокъ по исторіи Граникову стоило большого труда, и онѣ не были лишены своего достоинства. Правда, идейнаго содержанія въ нихъ было мало, но за этимъ и не гонялся Граниковъ. Онъ преслѣдовалъ фактическую полноту, и въ его запискахъ изложена подробнѣйшая фактическая „исторія рода человѣческаго“; онъ не желалъ упустить ни малѣйшей частности, ни одного самаго мелкаго событія, о которомъ можно найти упоминаніе у другихъ историковъ. Главными руководствами, которыми онъ пользовался при составленіи своихъ записокъ, была всеобщая исторія древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ Миллота, изложенная въ девяти томахъ, и двѣнадцатитомная исторія Роллена. На нихъ, въ особенности на Миллота, очень часто ссылается Граниковъ въ своихъ запискахъ.

А какъ Граниковъ держался порядка во всемъ, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать слѣдующій характерный случай. Обыкновенно онъ на экзаменахъ пріемныхъ и частныхъ и на репетиціяхъ въ вопросахъ студентамъ слѣдовалъ порядку конспекта. Но разъ ректоръ Антоній на экзаменѣ по гражданской исторіи, вызвавши студента, предлагаетъ ему отвѣчать на вопросы не изъ того отдѣла, который стоялъ въ порядкѣ конспекта, пропустивши нѣсколько стадій конспективной системы. Граниковъ, услышавъ этотъ новый, не порядковый, вопросъ, встаетъ со стула, на которомъ сидѣлъ, подходитъ къ столу, на которомъ лежалъ его конспектъ, и указывая пальцемъ на пропущенный отдѣлъ конспекта, гово-

рить ректору: „Ваше Высокопреподобіе! Вы пропустили: здѣсь о томъ (о чемъ отвѣчалъ предыдущій студентъ) сказано подробнѣе“. И ректоръ долженъ былъ уступить блюстителю порядка старому профессору.

Русскую исторію преподавалъ намъ Алексѣй Михайловичъ Минарвинъ, окончившій курсъ академіи не особенно высоко въ 1827 году, занявшій кафедру русской исторіи въ 1843 году, по выbytіи въ Петербургскую академію бывшаго бакалавромъ русской исторіи въ Кіевской академіи извѣстнаго Макарія Булгакова. Онъ оставилъ о себѣ менѣе воспоминаній, чѣмъ Граниковъ. Читалъ онъ исторію Россіи по книгѣ Устрялова, лишь изрѣдка дѣлая въ книгѣ кой-какія мелочныя добавленія. Вызванъ онъ былъ не столько для профессуры, сколько для занятія должности секретаря конференціи и Правленія, и былъ (говорили тогда) образцовымъ секретаремъ, прекрасно вѣдающимъ канцелярское дѣло. Но будучи образцовымъ секретаремъ, онъ былъ совершенно бесполезнымъ профессоромъ. Онъ жилъ и занимался въ канцеляріи, совершенно забросивши профессорское дѣло. Скончался онъ отъ холеры въ 1853 году, не оставивъ своему преемнику никакого научнаго наслѣдства. Между тѣмъ Минарвинъ, ничего не дѣлавшій для науки, ревниво оберегалъ свой профессорскій авторитетъ. Въ одинъ изъ курсовъ, предшествующихъ нашему (XIV), Минарвинъ во второй или третій классъ, по открытіи занятій, поднимаетъ одного студента, принятаго первымъ (Николая Ивановича Флоринскаго), и заставляетъ его повторить предшествующій урокъ. Тотъ отлично по книгѣ Устрялова передаетъ все содержаніе урока. Профессоръ одобряетъ его за отвѣтъ. А тотъ, ободренный его похвалою, сироста, чтобы зарекомендовать себя, прибавляетъ: „я все это зналъ еще въ семинаріи“, вовсе не думая сказать тѣмъ что-либо неприятное профессору. А Минарвинъ сочелъ это оскорбленіемъ для себя, и требовалъ за такую дерзость увольненія Флоринскаго изъ академіи. Не мало нужно было просить его, чтобы склонить къ прощенію

студента, не намѣренно сказавшаго ему непріятныя для него слова.

Физико-математическія науки преподавались намъ въ довольно широкомъ объемѣ. Въ программу этихъ наукъ входили части высшей математики, — дифференціальное и интегральное исчисленіе, аналитическая геометрія. Преподаватели этихъ наукъ были знающіе свое дѣло. Ординарнымъ профессоромъ былъ Венедиктъ Павловичъ Чеховичъ, окончившій курсъ академіи въ 1827 году, и скончавшійся въ 1862 году. Онъ преподавалъ намъ физику. (физику преподавалъ онъ и въ университетѣ св. Владиміра). Владѣя живою текучею рѣчью, онъ устнымъ словомъ излагалъ свои уроки, не прибѣгая къ помощи тетради. Нерѣдко водилъ онъ насъ въ физическій кабинетъ, для показанія намъ разныхъ физическихъ опытовъ. Помощникомъ ему былъ бакалавръ Давидъ Александровичъ Подгурскій, который былъ моложе Чеховича только однимъ курсомъ (окончилъ курсъ въ 1829 году). Медленно-язычный, онъ не владѣлъ такою плавною скорою рѣчью, какъ Чеховичъ; но основательно и для желающихъ вразумительно излагалъ уроки высшей математики, большею частію стоя съ мѣломъ у доски, и чертя на ней разныя геометрическія построенія или алгебраическія вычисленія.

При добросовѣстныхъ и знающихъ преподавателяхъ, намъ можно было бы легко овладѣть математическою мудростью. Но въ академіи, какъ и въ семинаріяхъ, было какое-то непонятное предубѣжденіе противъ математики. Охотниковъ заниматься ею между нами было мало. Половина студентовъ нашего курса, даже болѣе, не хотѣли тратить силъ своихъ надъ изученіемъ этой науки, по ихъ мнѣнію, легко доступной только специалистамъ, имѣющимъ особенное расположеніе къ математическимъ вычисленіямъ. Я не былъ присяжнымъ математикомъ, и особеннаго старанія къ усвоенію науки, считавшейся многими изъ моихъ товарищей трудной, не проявлялъ, — я только не уклонялся отъ положенныхъ въ классѣ занятій ею. Но я считался первымъ математикомъ,

и въ спискахъ по математикѣ всегда занималъ первое мѣсто. Помню, на первомъ экзаменѣ предъ Рождествомъ мнѣ удалось дать очень обстоятельный отвѣтъ по математикѣ, какого даже не ожидали мои наставники. Этотъ отвѣтъ утвердилъ за мною репутацію способнаго математика, которая впослѣдствіи ничѣмъ не была поколеблена. Особенное усердіе и расположеніе къ усвоенію математики у насъ заявлялъ Владиміръ Кудрявцевъ (изъ орловскихъ). Но у него было больше претензій, чѣмъ знанія. При всѣхъ усиленныхъ занятіяхъ математикою, заявляемыхъ предъ наставникама, онъ не стяжалъ славы лучшаго математика въ курсѣ. Не было у него такой быстрой сообразительности, при которой бы ему легко давались рѣшенія математическихъ задачъ. Бывало не разъ, что намъ давались на домъ математическія задачи для рѣшенія,—конечно, не всѣмъ, а желающимъ. Тогда какъ я безъ затрудненія рѣшалъ эти задачи, Кудрявцевъ долго коптѣлъ надъ ними, и у него ничего не выходило, должное рѣшеніе ему не удавалось. Наставники, впрочемъ, цѣнили его усердіе, и въ спискахъ по математикѣ ставили его на третьемъ мѣстѣ. А кончилъ курсъ онъ довольно низко, подъ подъ 34 №.

Преподавались намъ древніе языки, латинскій языкъ въ младшемъ курсѣ, а греческій не только въ младшемъ, но и въ старшемъ. Каѳедра латинскаго языка въ академіи была новою: она открыта только въ 1849 году,—въ курсѣ, предшествующій нашему: При открытіи этой новой каѳедры, преподаваніе латинскаго языка поручено было Д. Ал. Подгурскому, состоявшему бакалавромъ математики, съ оставленіемъ его на прежней каѳедрѣ. Такое совмѣщеніе двухъ каѳедръ въ одномъ лицѣ сдѣлано было во вниманіи къ многолѣтней службѣ Д. Ал. Подгурскаго. Уже болѣе двадцати лѣтъ былъ онъ на службѣ, а все былъ бакалавромъ и не могъ получить званіе профессора, за неимѣніемъ свободной для него профессорской вакансіи. Чтобы вознаградить его за долговременную службу и сравнять его съ профессорами, изъ которыхъ нѣкоторые были моложе его по службѣ, ему дали два

баккалаврскіе оклада, возложивъ на него преподаваніе новаго предмета, кромѣ математики.

При открытіи лекцій, первую рѣчь сказалъ онъ по-латыни, а затѣмъ главныя занятія наши состояли въ переводѣ Тита Ливія на русскій языкъ. По временамъ сообщалъ онъ намъ свѣдѣнія изъ римскихъ древностей.

Греческій языкъ преподавалъ Иванъ Матвѣевичъ Бобровницкій, состоявшій на службѣ въ академіи съ 1837 года. И по-гречески наши занятія состояли въ переводѣ Ксенофонта въ низшемъ курсѣ, и катихизиса Григорія Нисскаго въ старшемъ.

Часы занятій по языкамъ назначались послѣ обѣда, и если на какіе уроки полѣзничались ходить студенты, то именно на эти послѣобѣденные часы.

Не могу сказать, чтобы преподаваніе древнихъ языковъ въ академіи принесло намъ какую-либо пользу. Капиталь знанія языковъ, съ какимъ мы пріѣхали въ академію, нисколько не увеличился отъ академическихъ лекцій. Это я могу сказать о себѣ, и подобное свидѣтельство могли бы дать другіе мои товарищи, если бы были живы. Съ лексическимъ составомъ латинскаго или греческаго языка ближе ознакомились въ академіи только тѣ, которымъ приходилось пользоваться латинскими или греческими книгами при писаніи своихъ сочиненій. Право, не было бы никакого существеннаго ущерба для полноты нашего образованія, если бы этихъ каедръ въ академіи не существовало.

Не то я хочу сказать, что для студентовъ академіи, преслѣдующихъ цѣли высшаго богословскаго образованія, знаніе древнихъ языковъ не нужно, и что и безъ нихъ можно обойтись. Нѣтъ, знаніе, и знаніе основательное, существенно необходимо для человѣка, поступающаго въ такое высшее учебное заведеніе, какимъ служить академія. Но это знаніе должно быть пріобрѣтено въ средней, подготовительной къ высшему образованію, школѣ. Древніе языки въ высшей школѣ, за исключеніемъ филологическихъ факультетовъ и инсти-

тутовъ, не матеріаль знанія, а ключъ къ знанію, и знаніе ихъ средство, при пособіи котораго можно пользоваться источниками знанія. Но снабжать питомца этими ключами вспомогательнымъ средствомъ въ высшей школѣ поздновато. До поступления въ высшую школу онъ долженъ въ достаточной мѣрѣ быть снабженъ вспомогательными орудіями къ приобрѣтенію знаній. Потому при приѣмѣ въ академію, подвергайте тщательному испытанію желающихъ учиться въ ней, и не принимайте такихъ, которые окажутся мало знающими древніе языки, и потому не владѣющими необходимыми для нихъ орудіями знанія.

Мнѣ кажется немного страннымъ, что мы въ теченіе десяти лѣтъ, въ низшей и средней школѣ, заставляемъ мальчиковъ и юношей изучать древніе языки, ставя ихъ въ иныхъ классахъ во главѣ всѣхъ прочихъ предметовъ, и все-таки не достигаемъ удовлетворительныхъ результатовъ. Даже лучшіе ученики, десять или болѣе лѣтъ изучавшіе классическіе языки, при поступленіи въ академію оказываются такъ мало подготовленными по нимъ, что для нихъ признается необходимымъ дополнительное изученіе ихъ въ академіи.

Напрасно возлагаютъ надежды на дополнительное изученіе древнихъ языковъ въ академіи. Мало успѣвшій въ нихъ въ періодъ предыдущаго десятилѣтняго ихъ изученія едва ли много прибавитъ къ своему знанію, при этомъ дополнительномъ ихъ изученіи. И это потому, что студентъ академіи, при множествѣ другихъ занятій, обязательно отъ него требующихся, не можетъ посвящать много времени и вниманія языкамъ, и въ силу сложившихся обстоятельствъ будетъ заниматься ими урывками и кое-какъ. Едва ли отъ такого изученія языковъ можно ожидать большаго прироста. Условій, неблагоприятныхъ для усиленія занятій классицизмомъ въ академіи, не можетъ измѣнить самый усердный наставникъ. Въ періодъ увлеченія классицизмомъ при господствѣ Устава академій 1869 года, въ академіяхъ увеличено было число недѣльныхъ лекцій по древнимъ языкамъ, и кромѣ профес-

соровъ давали уроки по языкамъ приватъ-доценты: И что же? Создавала академія классиковъ въ этотъ періодъ? Ничуть не бывало.—Знаніе языковъ въ академіяхъ не поднялось противъ прежняго. Я бывалъ на экзаменахъ по языкамъ въ этотъ періодъ. Студенты являлись на экзамень съ такимъ багажемъ знаній, какимъ мы владѣли въ старыя годы, при переходѣ изъ училища въ семинарію; пожалуй, съ нѣкоторыми филологическими тонкостями они больше были знакомы. Но переводить на русскій языкъ и понимать латинскій или греческій текстъ мы, ученики прежнихъ духовныхъ училищъ, могли лучше и свободнѣе, чѣмъ они.—И по новому Уставу академій, утвержденному 2 апрѣля 1910 года, въ нихъ оставлены кафедръ латинскаго и греческаго языка. Имъ даже дано въ нѣкоторомъ смыслѣ привилегированное положеніе. По всѣмъ другимъ кафедрамъ увеличены труды наставниковъ, чрезъ увеличеніе обязательныхъ недѣльныхъ лекцій и чрезъ введеніе практическихъ занятій. А наставникамъ древнихъ языковъ не указано никакихъ новыхъ обязательныхъ занятій, и они могутъ вести свое дѣло, какъ вели прежде, не утруждая себя сверхурочными занятіями. Въ виду такого положенія этихъ кафедръ, не безъ основанія одинъ профессоръ академіи сказалъ: „тяжело намъ будетъ при новыхъ усиленныхъ занятіяхъ. Но зато въ академіяхъ будетъ двѣ привилегированныя кафедры, на которыя можно проситься потрудившемуся на своей кафедрѣ, чтобы, занявъ одну изъ нихъ, отдохнуть послѣ трудовъ“.

Если нельзя, неудобно оставить академіи безъ преподавателей древнихъ языковъ, то пусть этими преподавателями будутъ лекторы, а не профессора, какъ это установлено по отношенію къ преподаванію новыхъ языковъ. Этого для той цѣли, для которой преподаваніе древнихъ языковъ допускается въ академіи, совершенно достаточно.

Проф. *Василій Пъстицкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

О постановкѣ портретовъ въ помѣщеніяхъ церковныхъ школъ.

Разрѣшеніе ходатайствъ о постановкѣ въ помѣщеніяхъ церк. школъ портретовъ попечителей и иныхъ благотворителей Св. Синодомъ предоставлено епарх. преосвященнымъ, съ тѣмъ, чтобы они, при рассмотрѣніи означенныхъ ходатайствъ руководствовались Высочайшимъ повелѣніемъ, отъ 5 декабря 1881 года по вѣдомству Мин. Нар. Просвѣщенія, въ силу коего постановка въ учебныхъ заведеніяхъ портретовъ и бюстовъ благотворителей, преподавателей начальствующихъ и другихъ лицъ, начертаніе именъ ихъ на мраморныхъ доскахъ и проч. могутъ быть разрѣшаемы лишь въ тѣхъ случаяхъ, если лица сіи не находятся болѣе ни въ какихъ служебныхъ отношеніяхъ къ данному учрежденію (Совр. Лѣт.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій

Печатать дозволяется. Кіевъ, 27-го ноября 1910 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Типографія Акціонер. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мering. ул.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть **№ 49.** Подписка принимается въ редак-
пять руб., съ пересылкою **ШЕСТЬ** рублей. ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семіаріи.

1910-го года 5-го декабря.

Содержаніе: I. Праздникъ свят. Николая чудотворца въ народномъ пред-
ставленіи на западѣ и у насъ, на Руси (къ 6-му декабря). Свщ.
II. III—ій.—II. Библия и естествознаніе. (Продолженіе). Перев. II. П.
Селівановской.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В.
Пѣвницкій.

**Праздникъ Свят. Николая чудотворца въ народ-
номъ представленіи на западѣ и у насъ, на Руси.**

(Къ 6 декабря).

Кажется, нѣтъ другого святого, который такъ почитал-
ся-бы, какъ почитается на Западѣ и у насъ, на Руси свят.
Николай чудотворецъ. Въ этомъ случаѣ Западъ—въ полномъ
согласіи съ востокомъ. Правда, у Западно-европейскихъ на-
родовъ это почитаніе носить своеобразный, отличный отъ
нашего характеръ, но, несомнѣнно, оно велико.

У западноевропейскихъ народовъ св. Николай считается
покровителемъ дѣтскаго и юношескаго веселья. Оттого че-
стествованіе его носить по преимуществу семейный характеръ.

Въ Нидерландахъ существуетъ повѣрье, что св. Николай въ ночь на 6 декабря раздѣляетъ по селамъ и городамъ на бѣломъ конѣ и раздастъ подарки добрымъ и послушнымъ дѣтямъ и наказываетъ злыхъ дѣтей. Въ Голландіи наканунѣ 6 декабря улицы полны народа; всюду въ лавкахъ выставлено множество дѣтскихъ игрушекъ. Родители спѣшатъ въ этотъ день купить игрушекъ, чтобы на слѣдующій день устроить своимъ дѣтямъ праздникъ и торжество. Въ числѣ игрушекъ непременно фигурируютъ раззолоченные пряники особой формы, называемые „*Niclas gut.*“ У нѣмцевъ также день св. Николая чудотворца 6 декабря—проводится въ необыкновенномъ напряженіи: каждый ребенокъ ожидаетъ, что то подаритъ ему въ этотъ день св. Николай, этотъ¹ добрый, но и строгій Дѣдушка. Обыкновенно съ этого именно дня начинается въ нѣмецкихъ семьяхъ приготовленіе къ празднику Рождества Христова, который у всѣхъ народовъ, а у нѣмцевъ въ особенности, проводится въ необычайно поэтической обстановкѣ. Въ день св. Николая по домамъ, гдѣ есть дѣти, ходитъ у нѣмцевъ старикъ съ длинной бѣлой бородой, въ бѣлой шапкѣ, въ бѣломъ платьѣ, разукрашенный, въ гримѣ, обвѣшанный золотыми орѣхами и разными конфетами, яблоками. Войдя въ домъ, онъ спрашиваетъ дѣтей, хорошо ли они учатся и ведутъ себя, затѣмъ стряхиваетъ съ себя орѣхи и яблоки и идетъ дальше, въ слѣдующій домъ къ дѣтямъ. Дурнымъ дѣтямъ старикъ успѣваетъ пригрозить розгой, которую носить при себѣ для устрашенія злыхъ дѣтей. Этотъ старикъ—есть слуга Христа и, видимо, въ лицѣ его воплощается образъ св. Николая чудотворца, наказателя и разумителя злыхъ и обидчиковъ и въ то же время добраго пастаря и помощника для многихъ, искавшихъ у него защиты.

У французовъ въ день рождественской елки, которая обыкновенно зажигается наканунѣ Рождества, также, по вѣрованіямъ народа, св. Николай чудотворецъ посѣщаетъ дома. Входитъ онъ съ длинной бѣлой бородой, въ древней первосвященнической митрѣ, съ очками на носу; на немъ

длинный плащъ, изъ-подъ котораго виднѣется подризникъ, отороченный внизу каймой; края рукавовъ охватываются нарукавниками; подризникъ опоясанъ лентой. Старикъ, войдя въ домъ, раздаетъ дѣтямъ подарки, каждому по заслугамъ. Если нѣтъ въ домѣ елки, все равно дѣти ждутъ послѣ ужина прихода св. Николая, и такъ засыпаютъ, иногда не дождавшись его прихода. Но на всякій случай дѣти выставляютъ свои чулки, притомъ побольше, чтобы св. Николай не забылъ имъ положить подарковъ.

Неудивительно, конечно, что пѣмцы, склонные къ сентиментализму, такимъ ореоломъ доброты и любви къ дѣтямъ окружили образъ св. Николая чудотворца. Неудивительно, что и французы—народъ католическій—чтутъ св. Николая. Но достойно удивленія, что и американцы—самый практический и расчетливый народъ—однако также въ своихъ народныхъ представленіяхъ немалую роль и значеніе отводятъ св. Николаю чудотворцу. И у американцевъ св. Николай является покровителемъ семейнаго счастья и радости и подателемъ благъ и радости дѣтямъ. Въ сочельникъ дѣти американцевъ, какъ и въ Англии и въ Франціи, ждутъ прихода Санта-Клауса (св. Николая). По представленіямъ американскихъ дѣтей, онъ живетъ далеко на сѣверѣ, но въ сочельникъ непременно пріѣзжаетъ и развозитъ по всей странѣ многочисленные подарки, припасенные имъ за цѣлый годъ; подарки онъ раздаетъ незамѣтно, подкладывая каждому ребенку въ его чулки.

Въ этихъ народныхъ представленіяхъ западно-европейцевъ, несомнѣнно, отразилось исконное почитаніе великаго святителя за его великія, дивныя и чудесныя знаменія скорой и благодатной помощи нуждавшимся. Несомнѣнно, въ сознаніи народовъ отпечатлѣлся прочно образъ добраго старца, приходящаго со своею помощію къ несчастнымъ. Рѣка времени, произведшая великія перемѣны въ жизни западно-европейскихъ народовъ, приведшая къ отпаденію церкви римской отъ восточной, вселенской, къ реформаціи и ко

всѣмъ ея послѣдствіямъ, къ отверженію самаго догмата почитанія святыхъ, однако не могла вырвать изъ народнаго сознанія этого дивнаго образа либви и милосердія. Въ народномъ сознаніи западно-европейца сохранился и доселѣ образъ милостивца, добраго старца, слуги Христа, который раздаетъ дары дѣтямъ. У нѣкоторыхъ (у нѣмцевъ) даже иногда утрачено имя св. Николая, но раздаяніе подарковъ непременно приурочено ко дню 6 декабря,—памяти святителя Николая чудотворца. Податель и раздаятель подарковъ, *Niclas gut*, является какъ бы предтечей наступающаго великаго во всемъ мірѣ праздника св. Рождества.

Еще болѣе, чѣмъ на Западѣ, почитается св. Николай у православнаго русскаго народа. Наибольшее число храмовъ у насъ на Руси воздвигнуто несомнѣнно въ честь Свят. Николая чудотворца. Если не престолы, если не алтари и храмы, то, по крайней мѣрѣ, почетныя мѣста среди св. иконъ въ русскіхъ храмахъ отводятся именно въ честь св. Николая. Во многихъ храмахъ найдете среди „мѣстныхъ“ иконъ и икону св. Николая, какъ особо чтимаго угодника Божія; въ другіхъ храмахъ найдете отдѣльные кіоты, величественныя образа св. угодника, богато украшенные шатами, цѣнными висящими лампадами, большими подсвѣчниками. Зайдите въ домъ русскаго набожнаго христіанина, и здѣсь вы найдете непремѣнно образъ св. угодника. Такъ любитъ нашъ русскій народъ св. Николая чудотворца!

Весьма полно эта любовь отразилась и въ народныхъ представленіяхъ о свят. Николаѣ и праздникахъ въ честь его. Въ этихъ представленіяхъ мы находимъ очень много образовъ, тѣсно связанныхъ съ именемъ св. Николая чудотворца. Особенно характерны тѣ пословицы и народныя примѣты, которыми русскій народъ окружилъ и съ которыми связалъ въ своемъ представленіи образъ чтимаго чудотворца. Вотъ эти пословицы: „Никола зимній лошадь на дворъ загонить, а Никола вешній лошадь откормить“; „два Николы, одинъ—травной, другой—морозный“; „первыя морозы Ни-

кольскіе“; „подошелъ бы Николинъ день, будетъ и зима“; „хвали зиму послѣ Николина дня“; „на Николу зима съ гвоздемъ ходить“; „коли зима на Николинъ день слѣдъ заметаеть, то дорогѣ не стоятъ“; „цѣны на хлѣбъ строить Никольскій торгъ“; „передъ Николой иней—овсы хороши будутъ“; „на Николу иней—къ урожаю“. Въ этихъ пословицахъ прежде всего различается 2 праздника въ честь св. Николая—лѣтній и зимній; 1-й называется травнымъ, второй—морознымъ. Въ частности день 6 декабря, близко совпадающій съ днемъ начала зимы, является какъ бы тѣмъ рубежомъ или гранью, которые отдѣляютъ зиму отъ осени. Первые морозы зимы, по представленію народа, тѣ, что бываютъ въ Николинъ день; говорить о зимѣ, хвалить ее—можно только съ Николина дня. Если, наоборотъ, въ Николинъ день вьюга, метель то, по примѣтамъ народа, хорошей зимы не будетъ. Если мы припомнимъ, какое важное значеніе для крестьянина имѣютъ разныя времена года—лѣто, какъ время уборки хлѣба, зима, какъ время отдыха послѣ лѣтнихъ работъ, то для насъ станутъ понятны и слѣдующія пословицы: „цѣны на хлѣбъ строить Никольскій торгъ“; „Никольскій торгъ для боярской казны дороже золота“; „Никольщина не ходить съ поклономъ на боярскій дворъ“; „до Николы крѣпись, хоть разопрись: съ Николы живи, не тужи“. Въ самомъ дѣлѣ, для крестьянина земледѣльца вся сила въ собранномъ хлѣбѣ,—вся радость по окончаніи полевыхъ всѣхъ работъ и по окончаніи расчета со всѣми кредиторами. Но подвести итоги всему урожаю, расчитаться съ податями, кредиторами крестьянинъ можетъ только въ декабрѣ, около Николина дня. Ужъ если онъ выкрѣпится, вынесетъ все до сего дня, тогда въ Николинъ день онъ самъ господинъ, самъ назначаетъ цѣну на собранный хлѣбъ, и нѣтъ ему нужды идти съ поклономъ на боярскій дворъ.

Въ виду такого важнаго значенія Николина дня, крестьянинъ и къ этому дню и къ дню лѣтняго Николы приурочилъ свои примѣты, а именно: „На Николу иней—къ уро-

жаю“; „передъ Николой иней—овсы хороши будутъ“; „до святаго Микола не сій гречки, не стрижи овечки“; „съ Николы средній посѣвъ“, и много другихъ. Во всѣхъ этихъ пословицахъ русскаго народа выражается та главная мысль, что св. Николай чудотворецъ есть покровитель земледѣлія и урожая. Къ нему и обращается по преимуществу пахарь-крестьянинъ съ своими мольбами, и на него, Милостивца, надѣется онъ въ своихъ трудахъ.

Извѣстное сказаніе житіе свят. Николая чудотворца о спасеніи 3 бѣдныхъ дѣвицъ, дочерей обѣднѣвшаго семьянина, воспринято народомъ и передается имъ въ народной легендѣ о томъ, что святитель Николай помогаетъ при заключеніи брачныхъ союзовъ. Эта легенда очень характерна въ передачѣ малороссійской сказки. Вотъ краткое содержаніе этой сказки.

Панъ послалъ казака съ письмомъ, и казаку пришлось ѣхать лѣсомъ и видѣть, что свят. Николай связывалъ лыки—одно дурное, другое хорошее. На вопросъ казака св. Николай отвѣчаетъ, что связанныя лыки означаютъ людскую долю; что люди на свѣтѣ есть добрые и злые, потому и „треба ихъ вінчаты такъ щобъ булы зли зъ добрыми, а добри зо злыми.“ Когда казакъ спросилъ, для чего же это, св. Николай отвѣчаетъ: „для того, бо якъ бы се звинчани сами зли, то вони бы не могли въ свити жыты, о якъ бы повинчани добри, обое робучіе, то вони бъ зъ великаго добра забулы Бога“. („Поэт. воззрѣн. славянъ на природу“ Аванасьева, т. 3, стр. 373).

Затѣмъ свят. Николай почитается народомъ какъ покровитель скота, особенно лошадей, даже какъ защитникъ лютыхъ звѣрей—волковъ, которые, по взгляду русскаго народа, также—тварь Божія и нуждается въ пищѣ и пропитаніи. Въ Бѣлоруссіи обыкновенно на день лѣтнаго Николы въ первый разъ выгоняютъ лошадей въ поле на подножный кормъ, благо къ этому дню травы вырастаютъ настолько, что на нихъ свободно можно пасть лошадей.

Стихіи міра—вода, огонь, также считаются состоящими въ распорядженіи св. Николая чудотворца. До Николина дня, по вѣрованію народа, купаться грѣшно, и только со времени 9 мая, со дня св. Николая можно безъ вреда для себя купаться въ рѣкѣ; въ противномъ случаѣ можетъ грозить неминуемая гибель. Впрочемъ, среди бѣдствій на рѣкѣ и на морѣ единственной надеждой и спасителемъ, по вѣрованію народа, является св. Николай чудотворецъ. Въ житіи и многочисленныхъ сказаніяхъ приводится немало случаевъ благодатной помощи св. Угодника пловчимъ на водахъ. Отсюда понятно и то, что русскій народъ и въ своихъ народныхъ представленіяхъ и повѣрїяхъ высказываетъ свой взглядъ, что спасителемъ на водахъ отъ бури, непогоды, отъ явной гибели можетъ явиться св. Николай. И это не только въ пѣсняхъ и повѣрїяхъ. Жизнь народа свидѣтельствуетъ, что дѣйствительно, во время несчастій на водѣ русскій человекъ обращается съ своими мольбами о спасеніи къ свят. Николаю чудотворцу. „Кто на морѣ не бывалъ,—говоритъ народная пословица,—тотъ и горя не видалъ, тотъ Богу не малывался“. Но отъ лица народа можно добавить: кто на морѣ не бывалъ, тотъ и чудотворца Николая не призывалъ. Въ непогоду, въ бурю, когда рыбацкое суденышко бросается волнами какъ щепка, русскій человекъ часто громко и съ воплемъ крѣпкимъ поетъ молебенъ великому чудотворцу. Да и предъ отправленіемъ на рыбную ловлю и послѣ возвращенія изъ плаванія по бурнымъ водамъ русскіе люди непремѣнно служатъ молебны чудотворцу Николаю.

Вообще православные русскіе люди въ своихъ нуждахъ обращаются съ мольбами съ св. чудотворцу Николаю. Къ нему они обращаются и просятъ помощи противъ невидимой, нечистой силы, которую считаютъ причинами болѣзней, невзгодъ. Конечно, въ вѣрованіяхъ народа въ нечистую силу есть много языческаго. Но важно то, что противовѣсь нечистой силѣ, по воззрѣніямъ народа, заключается именно въ силѣ св. Николая чудотворца. Отсюда мы встрѣчаемъ имя св.

Николая въ разныхъ заговорахъ и заклинаніяхъ. Здѣсь онъ представляется, какъ заключающій золотыми ключами колдуновъ и вѣдуновъ и уничтожающій чрезъ то дѣйствіе волшебной силы. Даже въ извѣстной былинѣ о Садкѣ мы видимъ помощь людямъ св. чудотворца: онъ является, по былинѣ, Садку и велитъ ему порвать свои струны, чтобы царь морской успокоился, не плясалъ и чрезъ то вреда не причинялъ народу православному.

Если обратимся къ духовнымъ стихамъ, то увидимъ, что въ нихъ народъ выразилъ свою твердую вѣру въ благодатную помощь святителя Николая всѣмъ, кто призываетъ его на помощь. Вотъ для образца нѣсколько строкъ изъ духовнаго стиха:

„Егда кто Николая любить,
 Егда кто Николаю служить,
 Тому святой Николае
 На всякъ часъ помогае..
 Егда кто къ нему прибѣгаетъ,
 Егда кто въ помощь призываетъ,
 Тому святой Николай
 Всегда помогай...“

Эти строфы взяты изъ духовныхъ стиховъ каликъ переходящихъ, этихъ носителей русскаго народнаго идеала.

Въ другихъ стихахъ въ духѣ народномъ изображаются чудеса свят. Николая чудотворца, избавленіе отъ казни мечемъ невинно осужденнаго, священника Христофора, избавленіе Василія, сына Агрика отъ плѣна сарацинскаго. Въ этихъ стихахъ также выражается вѣра народа—съ одной стороны и сила и помощь чудотворца—съ другой стороны. Для народа св. Николай, по выраженію духовныхъ стиховъ, „Николай пречудный, помощникъ въ мори, ратуетъ во спорѣ... избавляя отъ скорбей и отъ всѣхъ напастей, спротама и вдовамъ богатство удовляя“.

Вслѣдствіе такого высокаго уваженія къ святителю, русскій народъ и на праздникъ въ честь его смотритъ, какъ на одинъ изъ великихъ праздниковъ, считая грѣхомъ работать въ этотъ день. Свое же уваженіе къ святителю выражаетъ въ этотъ день такъ: присутствуетъ въ храмѣ на вечернѣ, всепощой и литургіи, служитъ молебны, акаоисты, съ великимъ почетомъ и благоговѣніемъ встрѣчаетъ у себя въ домахъ св. икону чудотворца, возжигаетъ свѣчи, лампы. Кромѣ того считается священнымъ долгомъ въ этотъ день принять въ домъ и нищюю братію. Безъ сомнѣнія, каждая семья и для себя приготовляетъ къ этому дню все необходимое для радостнаго и торжественнаго провозженія праздника. Хозяинъ и хозяйка заранѣе готовятъ къ этому, принася лишнюю копейку и всякое добро въ хозяйствѣ, чтобы въ праздникъ ни въ чемъ не было недостатка. Въ иныхъ селахъ, особенно тамъ, гдѣ храмовые праздникі, принасяются и „капунный“, сыченый медъ. Народныя пословицы лучше всего выражаютъ богатство и обиліе яствъ въ Николинъ день. „Въ Николинъ день въ всякомъ домѣ пиво“; „красна Никольщина пивомъ да пирогами“. На радушіе же царода по преимуществу въ этотъ праздникъ указываютъ слѣдующая пословица: „на Никольщину и друга зови и недруга зови: всѣ друзья будутъ.“

Конечно, при изобиліи во всемъ, при склонности нашего народа къ излишствамъ во время праздника, трудно было бы ожидать, чтобы праздникъ въ честь св. Николая обошелся безъ хмельнаго питья, безъ разгула. Народъ и это отмѣтилъ въ своихъ пословицахъ, указывая, что излишнее празднованіе перѣдко доводитъ и до сумы. Вотъ пословицы: „ѣдутъ на Никольщину съ поглядкой, а валяются подъ лавкой;“ „что наковаль, то и прокололилъ“; „дониколлился до сумы“.

Въ старику, особенно зимой, во многихъ мѣстахъ, празднованіе длилось по нѣскольку дней. Отсюда и неудивительно, что многіе дѣйствительно, послѣ Николина дня окончательно разорялись.

Замѣчательно, однако, что русскій народъ не только самъ чтить свят. Николая, но свидѣтельствуеть, что даже и невѣрные получаютъ отъ святителя чудесную помощь и выражаютъ ему уваженіе. „А знаютъ Миколу невѣрныя орды, а ставятъ Миколѣ свѣчи воску яры, кануны медвяны,“ говорится въ одномъ изъ стиховъ, которымъ прославляютъ праздникъ 6 декабря. Думается, этотъ стихъ не есть одно простое выраженіе преувеличенныхъ представленій народа о помощи чудотворца,—нѣтъ, онъ имѣеть основанія въ дѣйствительныхъ событіяхъ: кому неизвѣстны случаи дивной помощи святителя во время бѣдствій, постигавшихъ и невѣрныхъ?

Если бы мы пожелали кратко выразить взглядъ народа на свят. Николая, то могли бы указать на такія пословицы: „попроси Николу, а онъ скажетъ Спасу“; „Нѣтъ за насъ поборника—супротивъ Николы“.

Такъ народъ нашъ смотритъ на св. Николая, такъ чтить его самага и его праздники. Пусть въ этихъ взглядахъ и вѣрованіяхъ народа много наивнаго, много своеобразнаго; пусть въ представленіяхъ народа много даже легендарнаго. Но во всѣхъ представленіяхъ народа сквозитъ одна глубокая вѣра его въ благодатную помощь святителя; въ его чествованіяхъ святителя выражается искренняя неподдѣльная любовь народа къ великому чудотворцу. Та и другая имѣеть прочное основаніе въ дѣйствительной, скорой и благодатности помощи чудотворца. Вѣра и любовь народа къ св. Николаю воспитывается сколько подъ вліяніемъ сказаній житія чудотворца, столько и подъ вліяніемъ дѣйствительныхъ знаменій, совершающихся и донинѣ по молитвамъ святителя. Не гасить эту вѣру народа, а наоборотъ возгрѣвать ее, очищать и просвѣтлять—вотъ обязанность тѣхъ, кто поставленъ учителемъ народа. Какъ очищать вѣру народа,—думаемъ, отчасти видно и изъ представленнаго выше. Въ приведенныхъ народныхъ пословицахъ выражены тѣ, напр. отрицательныя явленія, которыми сопровождается празднованіе 6 декабря. Разъяснить народу, что подобнымъ празднованіемъ не только

не прославляется, а наоборотъ оскорбляется праздникъ,—это дѣло, достойное вниманія для руководителей народа. Съ другой стороны необходимо и желательно развить мысль о благотвореніи въ праздникъ и другу и недругу; также необходимо поддержать живую и крѣпкую вѣру въ помощь чудотворца, для чего необходимо истово и торжественно совершать самое богослуженіе въ праздникъ, съ молебномъ, крестнымъ ходомъ, съ акаѳистомъ и непремѣнно съ живымъ проповѣднымъ словомъ. Народъ нашъ любитъ это, и эту любовь въ наше время шатаній и сомнѣній—нужно поддержать для блага самага народа ¹⁾ Свящ. Н. Ш—ій.

Библия и естествознаніе.

(Продолженіе ²⁾).

Въ общемъ, можно привести еще большее число другихъ возможныхъ соображеній противъ теоріи Дарвина и Геккеля. Во-первыхъ, эта теорія также не обходится безъ предпосылокъ; такъ напримѣръ, она предполагаетъ способность къ приспособляемости и наследственность. Во-вторыхъ, существуютъ животныя высшей породы, у которыхъ какъ разъ отличительные признаки не представляютъ никакой пользы; можно также неоднократно замѣтить, что развитіе совершается скачками и что промежуточные члены совершенно отсутствуютъ.

Наконецъ, противъ Дарвиновской и Геккелевской теоріи говоритъ также цѣлесообразность, съ которой всѣ живыя существа развиваются изъ яйца. Геккель прилагаетъ большія усилія, чтобы доказать, основываясь на теоріи Дарвина,

¹⁾ Источниками и пособіями для насъ служили: „Пословицы русскаго народа“ Даля, „Толковый словарь“ его же; „Калѣнки переходящія“, сборн. Безсонова, „Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу“ Аванасьева, т. I—III, „Святочная христоматія“ Швидченко, „Житіе и чудеса св. Николая чудотворца“ Ѳ. Гусева, „Слава св. Николая чудотворца“ А. Вознесенскаго.

²⁾ См. № 47-й за 1910-й г.

что и въ настоящее время животное, къ которому, по его мнѣнію, принадлежитъ и человѣкъ, при своемъ развитіи изъ яйца проходить всѣ тѣ предварительныя ступени, которыя были пройдены въ теченіе миллионовъ лѣтъ, пока не получилось современное живое существо; можно было бы, на примѣръ, доказать, что млекопитающее произошло изъ рыбы. Но если бы это было и такъ, то пельзя же доказывать, что это произошло только въ борьбѣ за существованіе, черезъ механическое воздѣйствіе или благодаря случаю. И въ яйцѣ всякое животное проходить черезъ всѣ ступени развитія, но оно совершаетъ это законмѣрнымъ образомъ или, говоря естественно-научнымъ языкомъ, стремясь къ цѣли. Допустимъ даже, что основная матерія и въ настоящее время одна и та же у всѣхъ живыхъ существъ, и все же, несмотря на это, изъ одной той же матеріи происходятъ раличныя виды звѣрей. Отчего же это можетъ быть? Очевидно, существуетъ внутренняя сила, которая съ абсолютной необходимостью всегда приводитъ это развитіе къ цѣли. Итакъ, не внѣшнія случайныя условія, а внутренія силы приводятъ къ конечному результату бытія живыхъ существа.

2. Откуда происходятъ эти внутреннія силы? Мы до сихъ поръ смотрѣли только на землю. Но надъ нами есть еще звѣздный міръ; звѣзды, двигающіяся съ такой равномерностью, что ни одна человѣческая рука не въ состояніи соорудить часы, которые бы шли такъ же равномерно. Исполненный восхищенія передъ гармоніей вселенной, написалъ Гумбольтъ свой Космосъ. Почему же естествоиспытатели не хотятъ принять того, что законмѣрность во вселенной имѣетъ Творца? Потому что, принимая внѣвселенское вліяніе, они должны были бы признать чудо. Ибо всякое внѣвселенское воздѣйствіе приводитъ къ такой перво-причинѣ, которая не имѣетъ ничего общаго съ природой въ этомъ мірѣ.

Поэтому Геккель предпочитаетъ приписать первобытной слизи или клѣткѣ способность произвести весь видимый

міръ, человекъ съ его даромъ слова, съ его поэзіей, создавшей Иліаду, съ его архитектурой, создавшей Кельнскій соборъ, съ его наукой, создавшей „Критику чистаго разума,“ — чѣмъ отнести эти силы, проявившіяся такъ могущественно, къ Богу. Онъ можетъ, конечно, утверждать, что все возникло само собою изъ первобытной материн, но доказать, — доказать неопровержимо, такъ чтобы съ нимъ долженъ былъ согласиться каждый естествоиспытатель, — этого онъ не можетъ. Онъ говоритъ: это такъ; но другіе естествоиспытатели говорятъ: нѣтъ, напротивъ, это не такъ; ты этого не доказалъ. Поэтому Геккелевское естествознаніе, которое само въ этомъ пунктѣ есть дѣло вѣры, не можетъ намъ помѣшать вѣрить тому, что Богъ даровалъ вселенной стремленіе къ цѣли.

Кромѣ цѣлесообразности, которую мы познаемъ въ природѣ, есть еще и другіе пункты, (о нихъ я упомяну вкратцѣ), изслѣдуя которые мы приходимъ къ тому заключенію, что въ бытіи вселенной есть еще загадки, не разрѣшенныя до сихъ поръ естествознаніемъ.

Вотъ первая загадка: откуда произошла жизнь?

Геккель утверждаетъ, будто онъ доказалъ, что жизнь возникла гдѣкогда во вселенной сама собою. Дюбуа-Реймонъ выразился въ своей лекціи относительно міровыхъ загадокъ, что разрѣшить эти загадки — невозможно; Геккель же утверждаетъ, будто онъ эти загадки рѣшилъ. Какимъ же образомъ? Онъ подробно это описываетъ, но все-таки, въ концѣ концовъ, все сводится къ гипотезѣ.

Профессоръ Рейнке указываетъ ему также, со своей точки зрѣнія, на то, что его доказательства неправильны. Наука въ общемъ согласуется въ томъ, что первобытное происхожденіе до сихъ поръ не доказано, т. е. не доказано, что жизнь возникла сама собою; напротивъ, основнымъ закономъ естествознанія считается и до сихъ поръ тотъ, что все живое происходитъ изъ яйца. Но странно, почему же Геккель такъ настойчиво утверждаетъ, будто онъ доказалъ, что жизнь возникаетъ сама собою. Онъ дѣлаетъ это потому что, по его

словамъ, „отрицать первобытное происхожденіе, значить проповѣдывать чудо“. Если естествовѣдѣніе не можетъ доказать, что жизнь возникла сама собою, то оно должно признать, что жизнь возникла благодаря силѣ, которую мы по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не знаемъ; если эта сила внѣ вселенной, то она представляетъ собою чудо.

Второе: откуда происходитъ движеніе? Начало развитія вселенной должно было возникнуть черезъ движеніе. Это одинъ изъ основныхъ законовъ естествовѣдѣнія, что тѣло до тѣхъ поръ пребываетъ въ своемъ состояніи, будь это покой или движеніе, пока оно находится подъ дѣйствіемъ внѣшней силы. Итакъ, движеніе можетъ быть вызвано только внѣшней силой. Какая же это сила? Геккель утверждаетъ, будто въ первобытной субстанціи были удовольствіе и неудовольствіе, то есть, онъ отказывается доказать, какимъ образомъ движеніе возникло механически. Ясно, что онъ не можетъ объяснить, какъ явилось механически, но въ то же время естественнымъ путемъ, движеніе, а черезъ него и развитіе.

Третье: откуда вообще происходитъ первобытная субстанція?

Геккель говоритъ, будто онъ доказалъ, что существуетъ такъ называемый законъ субстанціи, то есть, что матерія и вещество существовали извѣчно. Однако этому утвержденію Геккеля противорѣчатъ два другихъ естественно-научныхъ закона: во первыхъ, законъ развитія, а во вторыхъ, законъ матеріи, которая сама по себѣ не знаетъ ни безконечности, ни вѣчности. Несмотря на это, многіе естествоиспытатели продолжаютъ настаивать на томъ, что первобытная субстанція существовала извѣчно. Доказать это они не могутъ; они даже соглашаются съ тѣмъ, что не могутъ этого доказать. Ихъ теорія зарожденія не обоснована научно. Если кто-нибудь говоритъ, что все произошло отъ Бога, то ему можно задать вопросъ: а откуда же произошелъ Богъ? Ибо если это законъ, что все существующее имѣетъ извнѣ лежащее начало,

то и Богъ долженъ тоже имѣть начало, и такъ идетъ до безконечности, вопросъ за вопросомъ.

Итакъ, естествознаніе—я здѣсь исключаю Геккеля—признаетъ, въ общемъ, что существованіе матеріи отъ вѣчности остается научной загадкой; ибо естествознаніе можетъ только утверждать, что матерія существуетъ извѣчно, но доказать это она не можетъ.

Мы признаемъ, что бытіе Бога прежде матеріи, Духа несозданнаго, но создавшаго матерію, есть также научная загадка. Нѣтъ научнаго доказательства какъ для вѣчнаго существованія матеріи, такъ и для бытія Творца. Но мы и не говоримъ: я знаю, что Богъ сотворилъ вселенную; нѣтъ, мы говоримъ: я вѣрю, что Богъ сотворилъ вселенную. Это значитъ, во-первыхъ, что я вѣрую въ Бога, даровавшаго вселенной такъ называемое стремленіе къ цѣли. Я бы хотѣлъ знать, какъ можетъ помѣшать намъ естествовѣдѣніе вѣрить этому; оно, вѣдь, не можетъ доказать намъ, что Богъ не далъ природѣ этого стремленія къ цѣли.

Это значитъ, во-вторыхъ: мы вѣримъ, что первоначало всѣхъ вещей проистекаетъ отъ Творца вселенной. Я бы хотѣлъ знать, какъ можетъ естествознаніе сдѣлать нашу вѣру сомнительной; оно же, вѣдь, не можетъ доказать, откуда же иначе происходитъ это первоначало; оно можетъ только доказать, что все, существующее здѣсь, на землѣ, указываетъ на общее первоначало, на единство субстанціи и силы, и больше ничего.

Самъ Геккель соглашается съ тѣмъ, что и въ естествовѣдѣніи приходится имѣть дѣло съ фантазіей, съ вѣрой и съ гипотезой. Онъ говоритъ, что естествознаніе нуждается для своихъ выводовъ въ этихъ трехъ помощникахъ, причемъ онъ прибавляетъ, имѣя въ виду гипотезу: она не должна была бы противорѣчить фактамъ и должна была бы не выходить за предѣлы человѣческаго познанія.

И въ то же время онъ принялъ много гипотезъ, занимающихъ сомнительное положеніе по отношенію къ наукѣ, а

иногда даже прямо ей противорѣчащихъ, и на основаніи этихъ-то гипотезъ онъ дѣлалъ свои выводы.

Наука должна, по его мнѣнію, говорить: „я вѣрю во всемогущую матерію и всемогущую силу, которыя пребываютъ отъ вѣчности и будутъ продолжаться во вѣки вѣковъ, которыя все изъ себя произвели и довели до высочайшаго развитія, въ вѣчныхъ, неизмѣнныхъ законахъ природы, хотя онѣ сами не знаютъ, что дѣлаютъ, ибо не имѣютъ ни сознанія, ни воли, ни разума“.—Мы никому не препятствуемъ вѣрить этому. Но кто же намъ можетъ воспрепятствовать вѣрить въ то, что все создано всемогущимъ Богомъ? Развѣ это неразумно? Болѣе неразумно утверждать, что матерія планомерно создала что-либо изъ самой себя, чѣмъ говорить: мы вѣримъ, что Богъ, Которому мы приписываемъ волю, мудрость и самоопредѣленіе, сотворилъ вселенную. Здѣсь, однако, рѣшаетъ не наука, здѣсь рѣшаетъ чувство. Каждый выбираетъ то, что ему болѣе по душѣ; нельзя никого заставить замѣнить свой символъ вѣры другимъ. Но нашъ символъ вѣры, во всякомъ случаѣ, не неразуменъ.

Символъ вѣры гласитъ слѣдующее: „Вѣрую въ Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли.“ Это мы можемъ твердо установить, основываясь на 1-ой главѣ 1-ой книги Мойсеевой, ибо подробности этого повѣствованія чудеснымъ образомъ согласуются съ выводами современнаго естествознанія.

Замѣчательны въ этомъ отношеніи четыре пункта.

1. Въ Библии написано, что въ началѣ всѣхъ вещей была первобытная матерія и Творческая сила. Итакъ, уже Библия учитъ насъ единству всей вселенной какъ здѣсь внизу, такъ и наверху,—единству, котораго требуетъ естествовѣдѣніе.

2. Библия учитъ, что всѣ растенія и животныя, видимыя нами теперь, возникли изъ бывшей на лицо матеріи. Богъ сказалъ: да произведетъ земля душу живую, да произраститъ земля зелень и т. д.

3. Тамъ написано, что свѣтъ явился раньше солнца. Какое удивительное пониманіе! Вѣдь естествовѣдніе учитъ тоже, что первобытная масса, приди въ движеніе и будучи чрезмѣрно раскалена, должна была засвѣтиться раньше, чѣмъ явилось солнце.

4. Далѣе, тамъ сказано: Богъ почилъ на седьмой день, т. е. Онъ пересталъ творить. Послѣ того какъ вселенная была сотворена, Богъ не одарялъ ее больше новыми силами. Такимъ образомъ Библия служить порукой неизмѣнности существующихъ законовъ вселенной и законовъ природы.

Это повѣствованіе (1 гл. 1 книги Моисеевой) подымается неизмѣримо вѣско надъ всѣми прочими повѣствованіями о сотвореніи міра, которыя мы знаемъ у другихъ народовъ. Оно являетъ намъ единаго Бога въ славѣ и творческомъ релічій и возвышаетъ человѣка, читающаго Библию съ пониманіемъ, до благоговѣйнаго восхищенія передъ всемогущимъ Богомъ, вызвавшимъ къ жизни первоначало всякаго бытія.

Геккель, который, по большей части, не понимаетъ прочитаннаго, осмѣлывается заявлять, говоря о Библии, будто Библия сравниваетъ Бога и твореніе имъ вселенной съ художественнымъ творчествомъ остроумнаго инженера-механика. Но видѣлъ ли кто когда-нибудь такого инженера-механика, который бы призвалъ къ существованію какую-либо машину посредствомъ слова: „да будетъ“? Можетъ быть, Геккель и видѣлъ. Онъ утверждаетъ далѣе, будто Библия описываетъ, что Богъ создалъ нѣкое существо по образу и подобию Своему, явившись въ образѣ человѣка, думая его мозгомъ, смотря его глазами и работая его руками, какъ великій механикъ-строитель. Это не согласуется съ 1-ой главой 1-ой книги Моисеевой. Нѣтъ ничего болѣе достойнаго удивленія, нежели Богъ въ его творческомъ могуществѣ, какимъ Его рисуетъ Библия. Тамъ написано: Богъ сказалъ: да будетъ свѣтъ—и сталъ свѣтъ. Рѣчь Божія не сравнивается съ рѣчью человеческой, наоборотъ, Богъ выставленъ, какъ противополо-

ожность намъ, людямъ, которые создаютъ все съ большими трудами и притомъ только изъ матеріи. О Богѣ же, Котораго описываетъ Моисей, говорится: „Онъ сказалъ—и сдѣлалось; повелѣлъ и сотворилось.“ Въ творческой дѣятельности Бога заключается величіе, могущее возбудить въ человѣкѣ благоговѣніе. Мы, конечно, не можемъ постичь нашимъ человѣческимъ разумомъ эту творческую дѣятельность Бога. Но если мы не въ состояніи постичь это, то все же не неразумно этому вѣрить. Когда разумъ подходитъ къ границамъ познанія, когда то, что мы видимъ, выходитъ за предѣлы всякаго изслѣдованія, а въ концѣ концовъ и человѣческаго познанія вообще, тогда разумно вѣрить и поклоняться. Тутъ я хотѣлъ бы поднять вопросъ: не проявляется ли Божественное откровеніе въ томъ, чему насъ поучаетъ 1 гл. 1-ой книги Моисеевой? Все то, на что я раньше указывалъ, далеко выходитъ за предѣлы разума людей. Все это ведетъ къ понятію о такомъ Богѣ, Котораго человѣкъ не можетъ представить себѣ своимъ разумомъ. Тамъ заключается описаніе величія Божія, далеко превосходящаго человѣческую мудрость. Только Богъ можетъ сказать, кто Онъ.

Писаніе повѣствуетъ далѣе, что Богъ почилъ послѣ шести дней. Но это не былъ покой, означающій прекращеніе труда. Христосъ сказалъ, оправдывая Свои субботнія дѣла „Отецъ Мой донинѣ дѣлаетъ, и Я дѣлаю“ (Іоанн. 5, 17). Въ этихъ словахъ содержится указаніе на то, что Богъ, создавшій вселенную, и дальше ее содержитъ въ порядкѣ и управляетъ ею.

Мы, такимъ образомъ, подходимъ къ послѣднему вопросу: можно ли вѣрить въ міронярядокъ, или въ Промыслъ Божій?

Перев. *Н. П. Селивановской.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹).

Въ старшемъ курсѣ вниманіе наше сосредоточено было на богословскихъ предметахъ. По уставной программѣ на этомъ курсѣ полагалось преподаваніе однихъ богословскихъ наукъ.

Во главѣ всѣхъ предметовъ стояло догматическое богословіе, съ краткимъ введеніемъ въ курсъ богословскихъ наукъ. Я назвалъ введеніе въ богословіе краткимъ, потому что оно въ лекціяхъ, намъ читанныхъ, далеко не получило такого широкаго размѣра, какой далъ этому предмету Макарій въ извѣстной своей книгѣ, и какой получило оно, когда для него учреждена была особая кафедра, въ послѣднемъ Уставѣ именуемая кафедрою основного богословія. Оно состояло изъ ряда нѣсколькихъ вводныхъ уроковъ, которые преподаватель главнаго богословскаго предмета считалъ нужнымъ предпослать изложенію своей науки, и въ нихъ онъ не входилъ въ разборъ тѣхъ пунктовъ, о какихъ подробно говоритъ нынѣшнее основное богословіе, и какіе съ большою обстоятельностью раскрыты Макаріемъ въ его „Введеніи въ православное богословіе“.

Читалъ догматическое богословіе ректоръ Антоній. При тогдашнемъ порядкѣ чтеніе богословскаго предмета, считавшагося главнымъ, обыкновенно поручалось начальнику заведенія—ректору. Антоній былъ образцовый, идеальный ректоръ. Но какъ профессоръ, онъ далеко уступалъ своимъ славнымъ предшественникамъ—Иннокентію (Борисову) и Димитрію (Муретову). Когда мы поступили въ академію, въ ней свѣжо было преданіе о томъ обаяніи, какое производилъ на студентовъ своими лекціями Димитрій, и многими высказываемо было сожалѣніе, что нѣтъ болѣе на главной богослов-

¹) См. № 47-й за 1910-й г.

ской кафедрѣ этого, обладавшаго сильнымъ умомъ и богатыми знаніями, профессора, умѣвшаго увлекать своихъ слушателей. Сухое, сдержанное слово его преемника Антонія, не блестящее новизною и силою сужденій, и облеченное въ безцвѣтную прозаическую форму, не могло производить сильнаго впечатлѣнія на слушателей. Но мы все-таки внимательно его слушали и не смѣли пропускать ни одного его урока. Фундаментомъ, или основаніемъ его лекцій; была его книга „Догматическое богословіе православной католической восточной церкви“, вышедшая въ 1848 году, за которую онъ получилъ степень доктора богословія. Но введенная въ качествѣ учебника въ семинаріяхъ, эта книга была недостаточна для академическихъ лекцій. Это чувствовалъ и сознавалъ Антоній, и на лекціи онъ приходилъ съ своими записками, въ которыхъ изложено было болѣе подробное уясненіе и подтвержденіе догматомъ святой православной церкви. Въ достоинство лекціямъ Антонія нужно поставить, что онѣ были проникнуты духомъ горячей ревности по православію, которую онъ внушалъ и намъ, своимъ слушателямъ. Онъ ревниво охранялъ чистоту православной вѣры, и гдѣ онъ видѣлъ уклоненіе отъ нея, или прямое нарушеніе постановленій церкви, тамъ съ негодованіемъ выступалъ съ настоятельною обличительною отвѣдью, и насъ всегда предостерегалъ отъ увлеченія раціонализмомъ, готовымъ псдрывать основы святой вѣры. Вѣруйте въ то, чему учитъ насъ церковь (вотъ его правило), а не въ то, что будетъ подсказывать вамъ, соблазняя васъ, самонадѣянный разумъ

Въ методѣ преподаванья, какого держался ректоръ Антоній, намъ не нравился одипъ пріемъ, который всѣ мы признавали мало пригоднымъ, только безъ нужды прерывающимъ плавную рѣчь лектора. Этотъ пріемъ состоялъ въ оригинальномъ его обращеніи съ текстами Писанія. Когда по контексту рѣчи, въ доказательство или разъясненіе той или другой догматической истины, ему нужно было привести текстъ Писанія, онъ не приводитъ, не высказываетъ его прямо, хо-

тя бы текстъ былъ всѣмъ извѣстенъ, и всѣ знали его наизусть, и хотя онъ напечатанъ въ его книгѣ, лежащей на столѣ, а произносить только цитацію, напр., Иоанна такая-то глава, такой-то стихъ, или посланія къ римлянамъ гл. 4, ст. 5. И по указанной имъ цитаціи студентъ долженъ былъ текстъ найти въ Библии, и прочитатъ его. Эту обязанность исполнялъ студентъ Гуглинскій, который садился для этого на первой партѣ и приносилъ въ классъ Библию. По прочтеніи текста студентомъ, ректоръ перифразируетъ его и нѣсколькими словами разъясняетъ мысль, въ немъ заключающуюся. Слѣдуетъ далѣе новый текстъ, и новое обращеніе къ студенту отыскать этотъ текстъ въ Библии. Иногда этихъ текстовъ сряду приводится нѣсколько, и долго тянется процедура ихъ отыскиванія, и эта процедура способна была нагнать скуку.

Ректоръ Антоній не усѣвалъ прочитывать всей системы догматическаго богословія. Нѣкоторые отдѣлы изъ нея онъ поручалъ читать бакалавру Іоанникію (Рудневу). Такъ, по порученію ректора, Іоанникій излагалъ намъ ученіе объ ангелахъ и отдѣлъ о таинствахъ. Іоанникій ставилъ предъ нами интересные вопросы, для рѣшенія которыхъ нѣтъ прямыхъ догматическихъ указаній, при чемъ открывался широкій просторъ для гаданій. Этимъ онъ значительно оживлялъ свои лекціи и заинтересовывалъ насъ. Въ ученіи объ ангелахъ онъ подвергалъ изслѣдованію вопросы о томъ, имѣютъ ли ангелы, не имѣющіе матеріальности, какую-либо индивидуальную личную форму, отличающую ихъ одного отъ другого, и въ чемъ она можетъ состоять; какъ сообщаются они между собою, и какіе могутъ быть ангельскіе языки; ограничиваются ли ангелы пространствомъ, и гдѣ жилища ангеловъ; въ чемъ состоитъ ихъ служеніе Богу, какое отношеніе ихъ къ міру человѣческому, сами ли они являются нашими руководителями и благотворителями, или посылаются на служеніе людямъ маніемъ воли Божіей; у каждаго ли человѣка есть ангелъ хранитель, и въ чемъ состоитъ его

содѣйствіе человѣку, къ которому онъ приставленъ... Подобные вопросы ставилъ онъ, когда говорилъ, о злыхъ духахъ, ихъ образѣ, жилищѣ, отношеніи ихъ къ ангеламъ и людямъ, ихъ количествѣ, о чиноначаліи въ мірѣ злыхъ духовъ и ихъ взаимныхъ сношеніяхъ между собою, о конечной судьбѣ ихъ и т. п. Когда Іоанникій читалъ намъ отдѣлъ изъ догматическаго богословія объ ангелахъ, онъ далъ намъ тему для мѣсячнаго сочиненія: „Возможно ли покаяніе для злыхъ духовъ?“—И въ отдѣлѣ о таинствахъ Іоанникій не ограничивался изложеніемъ положительнаго ученія. Утонченные, иногда мелкіе казуистическіе вопросы весьма часто ставились имъ, и онъ давалъ имъ иногда своеобразное оригинальное освѣщеніе. Нѣкоторые называли это схоластикой и говорили, что Іоанникій беретъ эти утонченные вопросы у средневѣковыхъ схоластиковъ богослововъ, и у нихъ заимствуетъ ихъ рѣшенія и объясненія. Какъ бы то ни было, это привнесеніе утонченныхъ, частію смѣлыхъ, вопросовъ въ изложеніе догматическаго ученія содѣйствовало возбужденію и усиленію вниманія въ слушателяхъ къ лекціямъ профессора. Эти вопросы будили мысль слушателей и въ предлагаемые имъ уроки вносили нѣкоторый интересъ новости и разнообразія. Это были какъ бы затѣйливыя украшенія на твердомъ стволѣ догматизма, привносимыя сюда изобрѣтательною мыслию лектора.

Собственный предметъ, который долженъ былъ преподавать Іоанникій,—обличительное богословіе. А лекціи по догматикѣ были добавочнымъ для него занятіемъ. Въ своихъ лекціяхъ Іоанникій съ силою убѣжденнаго православнаго богослова очень основательно показывалъ неправоту римско-католиковъ и лютеранъ. Въ программу его лекцій входило и обличеніе русскихъ сектантовъ и раскольниковъ. Особой каѳедры для изложенія исторіи и обличенія раскола не было, когда мы переходили въ старшій курсъ. Только въ послѣдній годъ нашего пребыванія въ академіи, по инициативѣ митрополита Григорія, открыта въ академіяхъ особая ка-

ѳедра для ученія о расколѣ. Но лекціи по этому предмету не были обязательными для всѣхъ студентовъ, а читались только для желающихъ. Когда получено было предписаніе Синода объ открытіи этой каѳедры, предложено было Правленіемъ записаться, кто изъ нихъ желаетъ слушать лекціи по расколу. Записавшихся было менѣе половины. Изъявившіе желаніе слушать лекціи по расколу освобождены были на послѣдній годъ курса отъ изученія еврейскаго языка. Лекціи по еврейскому языку и по расколу шли параллельно въ одни и тѣ же часы въ двухъ различныхъ аудиторіяхъ. Чтеніе лекцій по расколу поручено было Василю Ивановичу Добротворскому, бакалавру французскаго языка. Но такъ какъ Добротворскій имѣлъ дѣло съ небольшою группою студентовъ, которымъ долженъ былъ сообщать подробныя спеціальныя свѣдѣнія о расколѣ, то Іоанникій, состоя на каѳедрѣ обличительнаго богословія, не былъ освобожденъ отъ изложенія ученія о расколѣ съ своей стороны для всѣхъ студентовъ, хотя это изложеніе могло быть не такъ подробно и обстоятельно, какъ у спеціалиста-расколуучителя.

Іоанникій всегда произносилъ свои лекціи устно, безъ тетради, ходя по классу,—произносилъ скороговоркою. Голосъ у него былъ не громкій; рѣчь довольно торопливая; слововыраженіе, при поспѣшной рѣчи, не очень внятное. Потому слушать его, особенно на первыхъ порахъ, было затруднительно. Но мы старались его слушать, потому что лекціи его были строго обдуманы и содержательны. Чтеніе лекцій онъ иногда прерывалъ, поднимая того или другого студента, для рѣшенія какого-либо возраженія, или заставляя повторить то, что говорено имъ было прежде.

Второй, по значенію въ программѣ старшаго курса, предметъ—нравственное богословіе—въ старое время преподавалъ обыкновенно инспекторъ академіи. Въ періодъ моего студенчества въ академіи перемѣнились два инспектора. Когда я былъ въ младшемъ курсѣ, должность инспектора занималъ архимандритъ Даниилъ (Мусатовъ). А незадолго до

перехода нашего въ старшій курсъ (въ 1853 году) его смѣнилъ архимандритъ Леонтій (Лебединскій).

Архимандритъ Даніиль первоначально былъ преподавателемъ Калужской семинаріи. Изъ Калуги (говорило намъ преданіе) пришелъ онъ въ Кіевъ пѣшкомъ на богомолье, будучи въ то время только іеромонахомъ. Взысканный здѣсь митрополитомъ Филаретомъ, онъ, по его представленію, сдѣланъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ академіи (въ 1847 году), а въ 1850 году, по увольненіи отъ академической службы прежняго инспектора Теофана (Авсенева), опредѣленъ на его мѣсто инспекторомъ. Въ началѣ 1853 года онъ перемѣщенъ въ Екатеринославъ, на должность ректора семинаріи, гдѣ скоро и скончался отъ холеры.

Даніиль былъ строгій монахъ аскетъ, ученикъ по монашеству оптинскаго старца Леонида. Это его аскетическое настроеніе давало особенное направленіе его лекціямъ. Обладалъ онъ богатыми свѣдѣніями, въ особенности былъ начитанъ въ отеческой литературѣ, и его многознаніе обнаруживалось предъ студентами на его урокахъ. Только умъ его былъ умъ не систематическій. Обильныя идеи, гнѣздившіяся въ головѣ его, часто изливались у него не очень стройными рядами, давая и опережая одна другую. Желая передать слушателямъ побольше свѣдѣній и сужденій, онъ поспѣшно, не соблюдая строгой послѣдовательности, переходилъ отъ одной мысли къ другой, и выходило смѣшеніе цѣнныхъ матеріаловъ, нарушающее единство впечатлѣнія. Если бы тотъ же обильный умственный матеріалъ предлагаемъ былъ въ болѣе систематизированномъ, логически упорядоченномъ видѣ, впечатлѣніе отъ уроковъ Даніила было бы болѣе сильное и воспроизведеніе ихъ болѣе отчетливое. Говорю это, впрочемъ, не какъ непосредственный его слушатель (слушателемъ его я не былъ), а на основаніи отзывовъ о немъ старшихъ товарищей.

Было два пункта, которыми особенно занята была его мысль, и о которыхъ онъ любилъ много распространяться,

и не на лекціяхъ, что извѣстно было и намъ, младшимъ студентамъ, не бывшимъ его слушателями въ аудиторіи. Это, во-первыхъ, раціонализмъ, а во-вторыхъ, страсти.

Раціонализмъ онъ считалъ источникомъ всяческихъ заблужденій, влекущихъ человѣка на пути погибельные, и отъ заразы раціонализмомъ, какъ опасною язвою, онъ считалъ священнымъ долгомъ предостерегать всѣхъ, въ особенности учащихся юношей. Стоило, бывало, навести его мысль на раціонализмъ какимъ-либо намекомъ (а студенты часто нарочно это дѣлали), какъ онъ начнетъ въ длинныхъ горячихъ рѣчахъ нападать на это направленіе, уклоняющее насъ отъ вѣры. Бѣды не миновать, если бы онъ узналъ, это кто-либо изъ студентовъ зараженъ раціонализмомъ. И разъ бѣда стрясась надъ двумя студентами XIV курса, товарищами Филарета, стоявшими въ разрядномъ спискѣ въ первомъ пяткѣ. Донесли Данилу, что студенты Правиковъ и Бочковскій—чистые раціоналисты. Ужаснувшись, получивъ такое свѣдѣніе, Даниль, минуя ректора, доноситъ объ этомъ митрополиту Филарету, и митрополитъ приказываетъ уволить ихъ изъ академіи, хотя имъ оставалось только нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія курса.

Другая губительная сила, съ которою онъ побуждалъ насъ всемѣрно бороться,—страсти. Отъ страстей, по его выраженію, все зло, какое только постигаетъ человѣка. Заболѣетъ ли кто изъ студентовъ, Даниль въ страстяхъ указываетъ причину болѣзней, тѣлесныхъ и душевныхъ, и совѣтуетъ беречься страстей, растлѣвающихъ наше тѣло и нашу душу. Совершитъ ли кто неблаговидный проступокъ, опять рѣчь о страстяхъ и совѣтъ бороться съ ними. Постигнетъ ли кого какое-либо несчастье,—это наказаніе Божіе`человѣку, поддающемуся страсти. Святые люди боролись съ своими страстями и побѣждали ихъ, и тѣмъ благоугождали Богу. Самъ Даниль (объясняли студенты, слыша его частое упоминаніе о страстяхъ) испытывалъ на себѣ давленіе страстей и борьбу

съ ними, не безуспѣшную, считалъ главнымъ подвигомъ своей личной аскетической жизни.

Леонтій, въ послѣдствіи митрополитъ московскій, поступилъ инспекторомъ въ академію изъ инспекторовъ Кіевской семинаріи въ 1853 году, и пробылъ въ академіи до іюня 1856 года, когда былъ назначенъ ректоромъ Владимірской семинаріи. Это былъ другого склада человѣкъ. Его нравственныя воззрѣнія были болѣе умѣренны и мягки, чѣмъ воззрѣнія Даніила: аскетическое напряженіе онъ не выставлялъ, какъ обязательное для всѣхъ правило. Въ раскрытіи и уясненіи христіанскаго нравоученія никакихъ характерныхъ особенностей у него не было. Въ изложеніи науки, ему порученной, онъ шелъ обычнымъ путемъ, руководствуясь готовыми системами, не русскими только, но и иностранными. Но онъ не рабски слѣдовалъ имъ, а проявлялъ значительную долю самостоятельности. Чужія руководства были для него только пособіемъ. А главнымъ свѣточемъ, которымъ онъ пользовался, было чистое евангельское ученіе, указывающее намъ путь спасенія. Къ рѣшенію темныхъ и спорныхъ вопросовъ онъ приступалъ съ осторожною осмотрительностію, стараясь подыскать основанія для рѣшенія ихъ или въ словѣ Божіемъ, или въ писаніяхъ богомудрыхъ учителей церкви.

Леонтій намъ первый читалъ нравственное богословіе, и у него не было изготовлено полной системы науки. Но къ каждой лекціи онъ являлся въ аудиторію хорошо подготовленный, и намъ замѣтно было, что эта подготовка лекціи стоила ему не мало труда. Заявляя намъ, что у него нѣтъ готовыхъ записокъ по нравственному богословію, онъ просилъ насъ записывать за нимъ его лекціи, и свои записи представлять ему для просмотра и исправленія. И мы по очереди вели эти записи, и каждая запись, съ именемъ студента, ведшаго эту запись и придававшего ей болѣе или менѣе обработанный видъ, были подаваема ему, и онъ сдавалъ намъ эти студенческія записи своихъ лекцій, весьма рѣдко дѣлая въ нихъ небольшія измѣненія. Изъ этихъ записей со-

ставлялся цѣлый курсъ лекцій по нравственному богословію, и по нимъ мы готовились къ экзамену.

Леонтій очень дорожилъ репутаціею профессора и очень желалъ знать отзывы студентовъ о своихъ лекціяхъ. Разспрашивалъ онъ стороннихъ лицъ, примыкающихъ къ академіи. какъ студенты трактуютъ его лекціи. Случалось, что онъ и иныхъ студентовъ, являвшихся къ нему по какому-либо случаю, спрашивалъ: „довольны вы моими лекціями? Вѣдь, я кажется, хорошо преподаю нравственное богословіе“. Конечно, кромѣ утвердительнаго отвѣта и похвального отзыва онъ не могъ услышать отъ студента ничего.

Проф. *Василій Пивницкій.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

Объявленіе о продолженіи изданія при Кіевской д. Семинаріи журнала „РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

въ 1911 подписномъ году.

Вступая при помощи Божіей въ 52 годъ своего существованія, журналъ и въ этомъ году останется неизмѣнно вѣрнымъ своей задачѣ—содѣйствовать приходскимъ пастырямъ въ ихъ святомъ и многотрудномъ служеніи. Осуществляя эту задачу, нашъ журналъ отведетъ на своихъ страницахъ широкое мѣсто статьямъ, по изясненію Слова Божія, его проповѣданію и устроенію всей приходской жизни на основѣ Евангелія и церковныхъ каноновъ, а также статьямъ литургическаго и церковно-историческаго характера.

Въ виду нападковъ на Церковь Христову со стороны современныхъ невѣрія и отрицанія, иновѣрія и сектантства, а также въ виду широкаго распространенія въ русскомъ народѣ нравственной грубости и распущенности, журналъ займется посильнымъ освѣщеніемъ этихъ язвъ современной жизни и выясненіемъ средствъ исцѣленія ихъ, сообразныхъ съ духомъ Христовой вѣры. Точно также журналъ будетъ отзываться замѣтками и статьями о цѣлесообразной постановкѣ оживляющихъ приходскую жизнь организаций, каковы, напр., приходскіе совѣты, братства, общества трезвости, благотворительности и пр.

Предлагая свои страницы всемъ пастырямъ, желающимъ подѣлиться своими мыслями, и опытомъ съ сопастырями, нашъ журналъ независимо отъ этого будетъ давать время отъ времени свѣдѣнія о церковной и пастырской дѣятельности въ восточно-православныхъ и западныхъ инославныхъ церквахъ, а также обзоръ церковно-общественной жизни и выдающихся событій приходской жизни Россіи.

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 52 номеровъ, что составитъ три тома, изъ 12 книжекъ „Проповѣдей“ и 12 выпусковъ

„Богословскаго бібліографическаго Листка“. Крімъ того въ 1911 г. Редакція дасть подписчикамъ, въ качествѣ бесплатнаго приложенія, въ память исполнившагося еще въ 1908 г. столѣтія со дня смерти талантливаго и популярнаго духовнаго композитора А. Л. Веделя, изданіе его произведеній въ видѣ партитуры съ переложеніемъ для фортепіано подъ заглавіемъ: „Избранныя духовно-музыкальныя сочиненія А. Л. Веделя“, вып. 1 и 2.

Сверхъ этого подписчики 1911 г. могутъ выписывать изъ редакціи „Толковый Типиконъ“ М. Скабаллановича по уменьшенной цѣнѣ.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія бібліотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—14 марта 1885 г. за № 280).

Подписная цѣна съ пересылкой во всѣ мѣста Россійской Имперіи **ШЕСТЬ** рублей, за границу 8 р.

Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ Консисторій, Правленій семинарій и училищъ и благочинныхъ можетъ быть оторочена до сентября м. 1911 года.

За перемѣну адреса въ теченіе года подписчикъ* благоволятъ присылать 25 к.; можно марками.

Подписка принимается только на цѣлый годъ; на $\frac{1}{2}$ г. или на 1 м. не принимается.

Съ требованіями обращаться по адресу: Кіевъ, въ редакцію журнала: „Руководство для сельскихъ пастырей“.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 3-го декабря 1910 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Типографія Акціонер. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринг. ул.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублем.

№ 50.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года декабря 12-го дня.

Содержаніе: I. Къ біографіи А. Л. Веделя. В. Петрушевскій.—II. Вечер-
ній входъ. М. Скалабановичъ.—III. Библія и естествознаніе (Про-
долженіе). Перев. Н. П. Селивановской.—IV. Мои воспомнанія
(Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкій.

Къ біографіи А. Л. Веделя.

Редакція Руководства для сельскихъ пастырей предпо-
ложила дать свимъ подписчикамъ въ будущемъ 1911 году
въ качествѣ бесплатнаго приложенія изданіе духовно-музы-
кальныхъ произведеній популярнаго духовнаго композитора
Артемія Лукіановича Веделя. По первоначальному предположе-
нію, изданіе это имѣлось въ виду выпустить къ столѣтнему
юбилею со дня смерти композитора—къ 1910 году, такъ какъ
по существующимъ печатнымъ источникамъ о Ведельѣ наибол-
ѣе вѣроятнымъ годомъ смерти его считался 1810 г. Эта да-
та, какъ извѣстно, основывается на прямомъ и, повидимому,
авторитетномъ свидѣтельствѣ любимаго ученика и глубокаго
почитателя А. Л. Веделя извѣстнаго прот. П. И. Турчани-
нова. Но въ виду существованія и другой даты смерти—

1806 г., указываемой В. И. Аскоченскимъ на основаніи бывшихъ у него свѣдѣній ¹⁾, мы предприняли въ 1909 г. поиски въ архивѣ Кіевской духовной консисторіи документальныхъ данныхъ объ этомъ событіи и пересмотрѣли метрическія книги Кіево-Подольскихъ церквей (такъ какъ извѣстно, что Ведель жилъ и умеръ на Подолѣ) за время отъ 1806 по 1810 годъ. Наши поиски увѣнчались успѣхомъ, и оказалось, что обѣ указанія даты не соотвѣтствуютъ дѣйствительности: Ведель скончался 14 іюля 1808 года. Актъ о его смерти записанъ въ метрической книгѣ Кіево-Подольской Рождество-Предтеченской (болѣе извѣстной подъ именемъ Борисо-Глѣбской церкви) въ такомъ видѣ: „ Умре отставной капитанъ Артемій Ведель и по христіанскому обряду погребенъ, лѣтъ 36, болѣзнию натуральною. Исповѣданъ и приобщенъ священникомъ Евфиміемъ Грушинскимъ. Погребенъ на общемъ кладбищѣ.“

Такимъ образомъ столѣтіе со дня смерти Веделя исполнилось еще въ 1908 г., и потому не было уже неотложной необходимости выпускать юбилейное изданіе его сочиненій именно въ 1910 г., и въ силу нѣкоторыхъ соображеній изданіе перенесено на 1911 г. Вышеприведенная метрическая справка о смерти Веделя исправляетъ и другую неточность, допущенную Турчаниновымъ, именно относительно мѣста погребенія композитора. Въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ прот. Турчаниновъ говоритъ, что Ведель погребенъ на кладбищѣ бывшаго Кирилловскаго монастыря, и что въ 1837 г. онъ уже не могъ найти его могилу, чтобы поклониться праху своего учителя. По документальнымъ же даннымъ, Ведель былъ погребенъ на общемъ кладбищѣ, каковымъ тогда было Щекавицкое; а потому неудивительно, что Турчанинову и не могли указать его могилу на Кирилловскомъ кладбищѣ. Къ сожалѣнію, остается еще невыясненнымъ со всей точно-

¹⁾ См. Домаш. Бесѣду за 1860 г. н „Кіевъ съ его древ. училищемъ“ В. Аскоченскаго ч. II.

стью вопросъ о годѣ рожденія композитора. Въ приведенной метрической записи ему показано 36 лѣтъ; слѣдовательно, рожденіе его должно падать на 1772 г. По существующимъ же печатнымъ источникамъ годомъ рожденія Веделя одни считаютъ 1767 г., другіе—1770 г.

Метрическая запись о смерти можетъ служить неопровержимымъ доказательствомъ только времени смерти, такъ какъ извѣстно, что при составленіи этого акта обычно лѣта умершаго опредѣляются приблизительно, а не на основаніи точныхъ справокъ; время же рожденія со всей точностью можетъ быть опредѣлено только по метрическому акту объ этомъ именно событіи. Въ виду этого мы усумнились въ точности опредѣленія лѣтъ Веделя въ метрич. записи о его смерти и искали метрики о его рожденіи. Но таковой въ книгахъ упомянутой Борисо-Глѣбской церкви не оказалось, хотя эти книги сохранились съ половины XVIII в. Принимая же во вниманіе, что въ исповѣдныхъ реестрахъ вышеупомянутой церкви семейство Веделей (или Ведельскихъ) ¹⁾ упоминается только съ половины 80-хъ годовъ XVIII столѣтія, можно думать, что раньше Ведели жили въ другомъ приходѣ (въ какомъ именно, неизвѣстно), въ которомъ, быть можетъ, и былъ записанъ актъ о рожденіи композитора. Наше сомнѣніе въ точности опредѣленія лѣтъ Веделя въ найденной нами метрич. записи о его смерти основывается на трудности согласовать съ его лѣтами разныя біографическія обстоятельства, даты которыхъ болѣе или менѣе точно установлены. Изъ обзоренія метрическихъ книгъ Борисо-Глѣбской церкви мы извлекли еще одно указаніе на Веделя. Въ 1795 г. Ведель, уже въ чинѣ адъютанта генерала Леванидова, былъ восприемникомъ при крещеніи сына Борисо-Глѣбскаго дьячка П. Стефановскаго. Это согласуется съ свѣдѣніями, сообщаемыми Турчаниновымъ. Если принять во вниманіе, что къ этому време-

¹⁾ Фамилія пишется въ церковныхъ документахъ различно: чаще всего—Ведельскій, рѣже—Ведель и одинъ разъ встрѣчается „Ведѣловъ“.

ни Ведель пережилъ значительныя перемѣны въ своемъ положеніи (изъ Кіев. академіи былъ онъ командированъ въ Москву, состоялъ въ Москвѣ на гражданской службѣ и возвратился въ Кіевъ въ чинѣ губерн. секретаря, приблизительно въ 1792—3 гг. затѣмъ былъ приглашенъ на службу генераломъ Леванидовымъ и произведенъ въ офицеры), то трудно допустить, чтобы онъ достигъ этого, при медленности производства въ чины, къ 22 или 23 годамъ. Намъ представляется поэтому болѣе вѣроятнымъ и соответствующимъ дѣйствительности опредѣленіе года рожденія Веделя по даннымъ автобіографіи прот. П. Турчанинова, который говоритъ, что въ 1794 г., когда онъ впервые познакомился съ композиторомъ, ему было 27 лѣтъ. На основаніи этого свидѣтельства мы полагаемъ, что Ведель родился въ 1767 г.; но, само собой разумѣется, категорически утверждать это не можемъ.

Ведель, какъ композиторъ, пользуется широкой и прочно установившейся извѣстностью. Его произведенія у однихъ вызывали и вызываютъ восхищеніе, у другихъ строгую критику и осужденіе. Уже одно это обстоятельство показываетъ, что это была далеко незаурядная личность. Въ данномъ случаѣ мы не будемъ останавливаться на подробномъ разборѣ произведеній Веделя; мы уже имѣли случай высказать свой взглядъ на нихъ въ рефератѣ, читаномъ въ церковно-археолог. обществѣ при Кіев. д. академіи,¹⁾ и этого взгляда не измѣнили; считаемъ нужнымъ только еще разъ подчеркнуть, что Ведель заслуживаетъ вниманія не только историка русской духовной музыки, но и всякаго практическаго дѣятеля въ этой отрасли искусства, какъ несомнѣнный самородный талантъ, подкупающій своей глубокой искренностью. Изданіе духовно-музыкальныхъ сочиненій Веделя, бывшихъ долгое время подъ запрещеніемъ Придворной Капеллы и все-

¹⁾ См. Труды Кіев. д. Академіи № 7 1901 г., а также чтенія въ Цер.-Историч. и Археологич. обществѣ при Кіев. д. Академіи, вып. IV. 1902 г.

таки быстро распространившихся и удержавшихся въ пѣвческой практикѣ въ продолженіе цѣлаго столѣтія, несмотря на перемѣны въ направленіи церк. пѣнія и измѣненія вкусовъ, является, поэтому, достойнымъ и вполне подходящимъ памятникомъ этому русскому самородку.

В. Петрушевскій.

Вечерній входъ.

(Страница изъ печатаемаго „Толковаго типикона“) ¹⁾.

Чинъ входа и знаменованіе его.

Самый важный и священный обрядъ вечерни—*входъ* (εἵσοδος). Самое названіе этого обряда вполне указываетъ на его суть. Священнослужители теперь входятъ въ алтарь, приступаютъ къ престолу, очевидно, чтобы ходатайство ихъ за вѣрныхъ было сильнѣе. До сихъ поръ они входили въ алтарь на короткое время, боковыми дверями, для необходимыхъ священнодѣйствій; теперь они вступаютъ въ него торжественно, чтобы остаться тамъ для молитвы. Такое же значеніе прежде всего имѣетъ входъ и на литургіи, на основѣ которой возникла вечерня, иногда замѣняющая ее: какъ тамъ священникъ входитъ въ алтарь для принесенія безкровной жертвы, такъ здѣсь онъ входитъ для принесенія словесной жертвы. Со входа служба и получаетъ болѣе молитвенный, чѣмъ хвалебный характеръ, съ него начинаются благословенія священника, служба дѣлается благодатнѣе и дерзновеннѣе предъ Богомъ. „Входъ совершается“, говоритъ св. Симеонъ Солунскій, „для сообщенія отъ алтаря благодати Божіей и для возношенія молитвы нашей“ ²⁾. Входъ имѣетъ

¹⁾ Печатается для ознакомленія читателей съ характеромъ 2-го выпуска „Толковаго Типикона“.

²⁾ Симеонъ Сол. О бож. молитвѣ гл. 347 (311).

и другое болѣ таинственное знаменованіе, связанное, впрочемъ, съ указаннымъ. Онъ означаетъ „то, что Единородный Сынъ Божій, сошедши къ намъ съ небесныхъ круговъ, снова восшелъ и возвелъ насъ на небо“ ¹⁾. Такъ какъ это совершилось главнымъ образомъ чрезъ воплощеніе Сына Божія, то входъ знаменуетъ Его воплощеніе, а св. двери, подобно непроходимымъ вратамъ пр. Іезекіиля, Пресв. Дѣву (почему онѣ и снабжаются иконой Благовѣщенія ²⁾). Такимъ образомъ входъ на вечернѣ выражаетъ дѣйствіемъ то, что поемый при немъ богородиченъ словами. Дѣйствіе сильнѣе слова, и пророки, когда ихъ предсказанія возвышались до особаго напряженія, замѣняли слова дѣйствіями (такъ называемыми— „символическими“). Посему и тайна воплощенія не довольствуется для своего выраженія на богослуженіи словами пѣсни и ищетъ болѣ дѣйствительнаго выраженія, въ нѣкоторой степени какъ бы совершаясь опять чрезъ это дѣйствіе (какъ то происходитъ съ крестною смертью Спасителя при евхаристіи). Столь важное значеніе имѣетъ входъ на вечернѣ. Это по-истинѣ самый святой моментъ ея.

Изъ этого смысла и значенія входа объясняются всѣ частности въ обстановкѣ его, которыя Типиконъ во 2 гл. указываетъ кратко, отсылая очевидно за подробнымъ чиномъ къ Служебнику. По Типикону священникъ при пѣніи стиха „Яко утвердися милость Его на насъ“, т. е. послѣдняго на Господи возвахъ, поклонившись предстоятелю, входитъ въ алтарь и облачается въ фелонь. По произнесеніи „Слава“ открываются св. двери, и творится входъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди несутъ два подсвѣчника со свѣчами—въ знакъ, конечно, свѣта ученія

¹⁾ Тамъ же, 333 (297).

²⁾ По Евергетидскому уставу (XI—XII в.) на литіи предъ литургіей въ день Благовѣщенія, когда процессія достигала входныхъ дверей храма, пѣлся тропарь Пресв. Богородицѣ: „Радуйся Двере Божія“ (*Дмитриевскій, Тохтѣа, 431*), показывающій, что Церковь всегда смотрѣла на храмовыя двери, какъ на образъ Богоматери, а на торжественный входъ въ нихъ, какъ на образъ воплощенія.

Христова (два—или для большей торжественности по сравненію съ начальнымъ кажденіемъ, когда священнику предшествуетъ одна свѣча, или, можетъ быть, указаніе на два естества во Христѣ, какъ въ архіерейскомъ дикиріи); за ними идетъ діаконь съ кадильницею, емиамомъ которой по св. Симеону Солунскому „изображается благоухающая душа и жизнь Спасителя“¹⁾, а затѣмъ идетъ іерей „простъ“ (т. е. съ опущенными руками—въ знакъ благоговѣнія (что затѣмъ требуется и отъ всѣхъ возгласомъ „Премудрость, прости“), съ опущенною фелонью (разумѣется древній фелонь съ передней частью до ногъ)—конечно, въ знакъ благоговѣнія по подражанію серафимамъ, закрывавшимъ крыльями своими ноги²⁾). Служебникъ дополняетъ эти указанія замѣчаніемъ, что при входѣ „идутъ отъ десныя страны созади престола“ и исходятъ съ-верною дверью; послѣднее въ знакъ уничиженія Сына Божія при воплощеніи.

Выйдя изъ алтаря, священникъ (далѣе по Типикону) становится противъ св. дверей, діаконь же направо отъ него немного наискось; діаконь, немного склонившись, держитъ орарь тремя перстами правой руки, говоритъ тихо, но такъ, чтобы могъ слышать священникъ: „Господу помолимся“. Священникъ произноситъ тихо молитву „Вечеръ и утро и полудне“, названную въ Служебникѣ „молитвою входа“. Эта молитва, въ которой есть выраженіе изъ самой важной литургійной пѣсни „Тебе поемъ“: „хвалимъ, благословимъ, благодаримъ и молимся Тебѣ“ (знаменательно!)³⁾, повторяетъ моленія псалмовъ на Господи возвахъ (какъ бы принося эти моленія и отъ священника), именно проситъ Бога, чтобы молитва наша направилась къ Нему, какъ кадило, чтобы не уклонилось сердце наше въ лукавыя слова и мысли, проситъ далѣе объ изба-

¹⁾ *Симеонъ Сол.* О бож. молитвѣ 333 (297).

²⁾ Ис. 6, 3.

³⁾ Связь вечерни съ агапой; ср. также „Толковій Типиконъ“. Вступит. гл., стр. 88.

вленіи отъ всѣхъ ловящихъ души наши; молитва оканчивается славословіемъ (названнымъ „возглашеніе“) великой ектеніи „Яко подобаетъ Тебѣ“, чѣмъ выражается, что начинается новая самостоятельная часть вечерни, или что послѣдняя собственно начинается отсюда, а до сихъ поръ было подготовленіе. Дальнѣйшіе обряды входа Типиконъ описываетъ слѣдующимъ образомъ. Діаконъ, ставъ прямо („восклонився“), говоритъ священнику, показывая къ востоку (столь благодатной для христіанина странѣ) ораремъ, который онъ держитъ тремя пальцами правой руки: „Благослови владыко св. входъ“. Священникъ, благословляетъ къ востоку, говоря: „Благословенъ входъ святыхъ Твоихъ, Господи (окончаніе въ Служебникѣ на литургіи:) всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь“. Этимъ выражается увѣренность, что во входѣ участвуютъ и св. ангелы, о чемъ прямо молится священникъ на молитвѣ литургійнаго входа, и духи праведныхъ, по скольку онъ какъ бы повторяетъ входъ Спасителя на небо. Затѣмъ діаконъ отступаетъ въ сторону къ предстоятелю, кадитъ икону на его мѣстѣ и его самого (испрашивая этимъ и у него благословенія на входѣ) и возвращается на прежнее мѣсто, ожидая окончанія стихиры („стиха“); по окончаніи ея онъ „входитъ посредѣ“, т. е. подходит къ серединѣ св. дверей и начертавъ кадильницею ¹⁾ крестъ, въ знакъ того, что крестомъ отверзты намъ двери неба, возглашаетъ: „Премудрость, прости“, приглашая этимъ къ благоговѣйному стоянію въ виду священной важности настоящаго момента, т. е. входа, какъ то дѣлается и предъ важнѣйшими моментами литургіи—въ началѣ литургіи вѣрныхъ, предъ „канонемъ“ литургіи, а также предъ отсутствомъ вечерни и утрени. (Несправедливо этотъ возгласъ считается подготовительнымъ къ пѣсни Свѣте тихій или про-

¹⁾ Въ Типиконѣ сказано: „начертавъ крестъ съ кадильницею“; это слишкомъ буквальный переводъ греч. μετὰ τοῦ θυμιάματος: μετὰ обозначаетъ только орудіе дѣйствія. *Мансветовъ*, Церк. уст. 344.

кимну: ни то, ни другое не имѣеть мѣста послѣ входа на литургіи, когда такой же возгласъ; на будничной вечернѣ, когда входа нѣтъ, возгласъ не указанъ ни въ Типиконѣ, ни въ Служебникѣ). Послѣ возгласа, продолжаетъ Типиконъ, при пѣніи Свѣте тихій, чтецы, несущіе свѣчи при входѣ, подходятъ съ ними до св. дверей, діаконъ входитъ въ алтарь и кадитъ св. трапезу (не сказано „кругомъ“), священникъ же поклонившись предъ св. дверьми и поцѣловавъ ихъ, входитъ въ нихъ, послѣ чего св. двери закрываются. По входѣ въ алтарь священникъ по Служебнику, обратившись къ западу со сложенными руками стоитъ въ ожиданіи конца прокимна, затѣмъ кланяется и уходитъ на свое мѣсто,—предполагается должно быть, какъ дѣлается на практикѣ, стояніе священника при пѣніи прокимна у горняго мѣста. Практикой принято, что священникъ при входѣ цѣлуеть не самыя св. двери, которыя открыты, а косяки ихъ, вѣриже—помѣщенные на послѣднихъ небольшія иконы (цѣлованіе же самихъ дверей сохранено для архіерейскаго богослуженія). Точно также практикой принято св. двери закрывать не тотчасъ послѣ входа, а послѣ пѣнія прокимна ¹⁾.

¹⁾ Подробнѣе, съ добавками къ Типикону и служебнику, созданными общей и мѣстной практикой, изложено чинъ входа въ „Послѣдованіи утрени, вечерни и полунощницы“, изданіе Кіево-Печерской лавры 1861 г., 1884 г. По этому „Послѣдованію“, діаконъ предъ входомъ кадитъ престолъ кругомъ, а священникъ цѣлуеть престолъ; по выходѣ изъ сѣверныхъ дверей идутъ по-за амвономъ; когда остановятся діаконъ кадитъ иконы и іерея, беретъ кадило въ лѣвую руку, а въ правую орарь, и проситъ благословить входъ; на благословеніе входа священникомъ діаконъ отвѣчаетъ тихо „аминь“, кадитъ опять іерея и лики и, ставъ въ царскихъ вратахъ, ожидаетъ окончанія богородична; по входѣ въ алтарь, діаконъ кадитъ престолъ и горнее мѣсто, а іерей цѣлуеть престолъ и становится на горнемъ мѣстѣ справа отъ престола лицомъ къ западу; діаконъ снова исходитъ царскими дверьми, кадитъ предстоящихъ и по возвращеніи въ алтарь кадитъ переднюю сторону престола и іерея, послѣ чего становится на горнемъ мѣстѣ слѣва отъ престола; здѣсь онъ стоитъ со священникомъ до конца прокимна, дѣлая возгласы къ нему.

Чинъ входа по древнимъ уставамъ.

Въ древнихъ спискахъ Иерусалимскаго устава вечерній входъ описывается короче, чѣмъ въ нынѣшнемъ Типиконѣ, который даваемый имъ чинъ заимствуетъ съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями изъ *Διάταξις*'а, приписываемаго патриарху Константинопольскому Филоѳею (XIV вѣка). По грузинской рукописи Иерусалимскаго устава XIII вѣка при словахъ „Яко утвердится милость Его на насъ“ „священникъ съ діакономъ кланяются игумену, входятъ въ діаконикъ и облачаются, а потомъ выходятъ въ преднесеніи возженной свѣчи, при семъ всѣ обнажаютъ голову; оба хора соединяются и поютъ—Слава и нынѣ, богородиченъ воскресный на тотъ гласъ, на который пѣли Господи возвахъ; при входѣ діаконовъ возглашаетъ „Премудрость прости“. По греч. рук. XIII—XIV в. „на стихѣ „Яко утвердися“ отходитъ іерей и діаконовъ и творять поклонъ предстоятелю или мѣсту его, какъ выше сказано, и, войдя, облачаются въ свящ. одежду въ діаконикѣ и, войдя во храмъ (*ἐν τῷ ναῷ*), творять входъ (*εἰσοδεύουσι*) съ кадильницею въ предшествіи свѣтильниковъ (*λαμπάδων*), братія же всѣ обнажаютъ головы, соединившись (поздн. ркп.: „при соединеніи двухъ хоровъ“); затѣмъ діаконовъ, начертывая крестъ кадильницею, говоритъ „Премудрость прости“. По слав. ркп. XIV—XVI вѣка „на 10-мъ же стихѣ совокупаются два лика и поютъ стихъ Яко утвердися; іерей же и дяконовъ стваряета обычное поклоненіе игумену или мѣсту его, яко же речеся, и шедше въ алтарь облекутся въ служебніи въ священъскый чинъ (поздн. ркп.: „одежа“) и исходятъ на выходъ съ кадиломъ, свѣщи предъидуши, (поздн. ркп.: „предшествующу свѣщнику съ лампадомъ“). Мниси же вси кыйждо ихъ открываютъ главу, мы же поемъ слава самогласенъ святаго аще есть, и нынѣ богородиченъ наставшаго гласа; аще ли нѣсть самогласна святому, слава и нынѣ богородиченъ наставшаго гласа (поздн. ркп.: „поющимъ обо-

имъ ликамъ, по окончаніи же стихирь богородиченъ); діаконъ, начертавъ крестъ кадиломъ (поздн. ркп.: „знаменаеть кадиломъ ко царскимъ дверемъ крестообразно“), возгласить: Свѣте тихій, Премудрость (поздн. ркп.: „Премудрость прости“). По позднѣйшимъ рукописямъ излагаетъ чинъ входа и старообрядческій уставъ, съ слѣдующей разницей: „по скончаніи же стихирь и богородична діаконъ знаменаеть крестъ кадиломъ предъ царскими дверьми крестообразно и обращя кадитъ настоятеля, аще ли нѣсть ту настоятеля, то мѣсто его кадитъ; и паки приходитъ къ царскимъ дверемъ, знаменя кадиломъ крестообразно, глаголя Премудрость прости, Свѣте тихій, и мы поемъ: Святія славы безсмертнаго ¹⁾). По „Чину п. Филооєя“ послѣ кажденія на „Господи возвахъ“ „діаконъ, возвратившись, отлагаетъ кадельницу и остается тамъ; когда же поютъ Слава и нынѣ, входитъ іерей и надѣваетъ епитрахиль и фелонь и бываетъ входъ: діаконъ, взявъ кадельницу, положивъ еѣмѣмъ и испросивъ благословеніе, какъ мы сказали (т. е. какъ предъ каженіемъ на Господи возвахъ), входитъ вмѣстѣ съ іереемъ чрезъ сѣверныя двери, при открытыхъ св. дверяхъ, въ предшествіи чтецовъ двухъ со свѣтильниками (*λαμπάδων*); за ними, сзади діакона съ кадельницей, исходитъ и іерей, имѣя опущенный (*χεζαλασμένον*) фелонь и отходятъ на обычное мѣсто; здѣсь чтецы ставятъ подсвѣчники (*μανουάλα*) посреди храма по обѣимъ сторонамъ; іерей же становится прямо противъ (*καταντικρῶ*) св. дверей; становится же и діаконъ направо отъ іерея немного наискось (*ἐκπλαγίου*) и наклонившись (*κύφας*) немного, держа и орарь свой тремя пальцами правой руки, говоритъ тайно, только бы слышать іерею: Господу помолимся. Іерей же говоритъ тайно молитву сію: Вечеръ и заутра и полудне. И по мо-

¹⁾ *Прот К. Кекелидзе*, Литургическія грузинскія рукописи, 316. Рукописи: Москов. Румянцевск. музея Севастьяновск. собранія № 491/35, л. 3; Моск. Синод. библ. № 381 греч., л. 1 об. № 329/384 слав., л. 14; Музея Киевск. духов. Акад. Аа 194, стр. 22. Старообрядч. уставъ, л. 6 (11).

литвъ становятся прямо (*ἀνίστανται*) и говорить діаконь ко іерею, показывая вмѣстѣ и къ востоку ораремъ, держа его тремя пальцами правой руки: Благослови, владыко, св. входъ. И іерей благословляетъ къ востоку говоря: Благословенъ входъ святыхъ Твоихъ, Господи. Затѣмъ діаконь отходитъ и кадитъ св. икону на стасидіи предстоятеля и самого предстоятеля и опять становится на мѣстѣ, гдѣ стоялъ ранѣе, ожидая окончанія стиха; по окончаніи же его входитъ діаконь на середину и начертавъ крестъ кадильницею возглашаетъ: Премудеость прости... Чтецы, взявъ опять свѣтильники, идутъ впередъ до св. дверей; діаконь же, войдя внутрь св. алтаря, кадитъ св. трапезу; іерей, поклонившись предъ св. дверями и цѣловавъ ихъ, входитъ и затворяются двери¹⁾).

Исторія входа.

Уже на Іерусалимскихъ службахъ IV в. въ храмѣ Воскресенія было нѣчто соотвѣтствующее входу, именно вступленіе епископа за рѣшетку (иконостасъ) въ пещеру гроба Господня, замѣнявшую нашъ алтарь, для молитвы и изнесенія оттуда благословенія. Но замѣчательно, что такое вступленіе имѣло мѣсто на всѣхъ тамошнихъ службахъ, даже на часахъ, за исключеніемъ одной только вечерни, на которой епископъ молился не за рѣшеткой, а предъ ней²⁾. Это послѣднее м. б. потому, что входъ вечеромъ бывалъ на литургіи, кое-гдѣ тогда совершавшейся еще вечеромъ. Когда же литургія повсемѣстно перенесена была на утро, она должна была всѣ обряды своего входа передать вечернѣ.

Всѣ особенности вечерняго входа объясняются исторически изъ литургійныхъ входовъ и ихъ обстановки, особенно въ Константинопольскомъ храмѣ св. Софїи, уставъ которой вліялъ на всѣ другіе уставы. По описанію соч. „Объ обрядахъ

¹⁾ *Goar, Eὐχαλόγιον*, 3.

²⁾ *Толковый Типиконъ*, вступит. гл. стр. 152—155.

Византійскаго двора“ (De cerimoniis aulae Byzantinae) X—XI в. малый и великій входъ на литургiи большихъ праздниковъ въ св. Софiи происходилъ слѣд. образомъ. Патріархъ, какъ и царь, являлись на литургiю къ малому входу. Патріархъ приходилъ ранѣе и ожидалъ царя во внутреннемъ нарѣикѣ (притворѣ) со всѣмъ духовенствомъ; патріархъ держалъ крестъ, архидаконъ евангеліе, діакона кадильники и свѣтильники; до входа въ нарѣикъ царь въ особомъ помѣщенiи внѣшняго притвора снималъ корону (въ знакъ благоговѣнiя), чтобы войти въ храмъ безъ нея; войдя во внутренній нарѣикъ, царь прикладывался къ Евангелію и кресту, патріархъ кланялся царю и кадилъ его, они цѣловались, и царь, взявши патріарха за правую руку, шелъ съ нимъ чрезъ нарѣикъ къ его главнымъ дверямъ, называвшимся „царскими“; предъ ними патріархъ читалъ тихо входную молитву; царь со свѣчей въ рукѣ трижды кланялся предъ дверями и, по благословенiи входа патріархомъ нынѣшними словами, при пѣнiи „Придите поклонимся“, царь отдавши свѣчу, приложившись опять ко кресту и Евангелію и взявши патріарха за руку, входилъ съ нимъ во храмъ и проходилъ на солею въ предшествiи духовенства, архидакона съ Евангеліемъ, діаконъ, съ кадильницами и свѣтильниками и знаменъ; свита царя входила въ храмъ боковыми дверями ранѣе царя и, когда онъ проходилъ храмъ, говорила ему многолѣтіе; знамена разставлялись на солеѣ. Приложившись ко св. вратамъ патріархъ со словами „Вниду въ домъ Твой“... входилъ въ алтарь; царь же, опять взявъ свѣчу, совершалъ троекратное поклоненіе предъ св. вратами, и, отдавъ свѣчу, входилъ св. вратами въ алтарь, причемъ патріархъ или архіерей подвигали ему для цѣлованiя св. врата; подойдя къ престолу, царь цѣловалъ приподнимаемый для этого патріархомъ покровъ его, бралъ у одного изъ чиновниковъ, вошедшаго въ алтарь боковыми дверями, покровы или чашу, которыя онъ приносилъ въ даръ обязательно при каждомъ такомъ входѣ во храмъ, и ставилъ ихъ на престолъ, цѣлуя свящ. предметы,

находившіеся на послѣднемъ; затѣмъ царь кадилъ престоль, обходя его кругомъ съ патріархомъ; кадилъ и другія святыни алтаря, которымъ предварительно кланялся со свѣчею въ въ рукѣ. Послѣ каженія, раскланявшись съ патріархомъ и поцѣловавшись съ нимъ, царь удалялся въ особое отдѣленіе храма—мутаторій, гдѣ и слушалъ литургію до великаго входа. Предъ великимъ входомъ, въ которомъ кромѣ царя въ собственномъ смыслѣ или „великаго“ принималъ участіе и имѣвшій званіе кесаря или „малаго царя“ (т. е. наслѣдникъ, коронованный при жизни царя, или другой родственникъ царя), царю докладывали о наступленіи времени входа; онъ облачался въ хламиду (которую снималъ послѣ малаго входа) и въ предшествіи знаменъ шель правой стороною храма къ серединѣ его, гдѣ уже стояли священнослужители со св. Дарами; царямъ великому и малому чиновники подавали стоявшіе тутъ же подсвѣчники съ зажженными свѣчами, обычно носимые чтецами на входахъ, и цари, исполняя теперь обязанности „депотатовъ“ (самыхъ низшихъ клириковъ, свѣщеносцевъ ¹⁾), несли подсвѣчники предъ св. Дарами отъ амвона (на середину храма) до св. дверей въ предшествіи знаменъ; у св. дверей цари передавали подсвѣчники придворнымъ чинамъ, которые ставили ихъ на солеѣ; цари становились по обѣ стороны св. дверей, въ которыхъ стоялъ патріархъ и принималъ дискось и чашу отъ несшихъ ихъ архидiakона и перваго священника; послѣдніе, пронося св. Дары мимо царей, говорили; „царство ваше да помянетъ Господь во царствіи своемъ всегда...“; а, передавая патріарху св. сосудъ, говорили: „архіерейство твое...“; патріархъ, принимая св. сосудъ, молился о царяхъ и чинахъ; цари прощались съ патріархомъ и удалялись въ мутаторій до цѣлованія на символѣ вѣры ²⁾).

¹⁾ *Goar*, 240.

²⁾ *Бѣляевъ*, *Byzantina* II, 149 и д.

Хотя вечерній входъ выработался на основѣ литургійныхъ, но онъ существенно разнится отъ нихъ тѣмъ, что совершается безъ евангелія (съ евангеліемъ только тогда, когда на вечернѣ читается оно) и безъ Даровъ; благодаря этому средоточіемъ входа является самъ священникъ. Это ему, изображающему собою Христа, тогда какъ на литургіи Христосъ представляется евангеліемъ или Дарами, оказывается почестъ преднесеніемъ кадила и свѣчи. Куреніе благовоній было одною изъ принадлежностей царскихъ выходовъ на Востокъ и въ Византіи¹⁾. Точно также и преднесеніе свѣтильниковъ. Послѣднее въ Византіи взяло свое начало отъ ношенія факеловъ предъ римскими авгурами въ процессіяхъ. Предъ византійскимъ императоромъ при нѣкоторыхъ церемоніяхъ особый чиновникъ, лампадарій, несъ „дивамвулъ“, драгоценный подсвѣчникъ съ золоченой лампадой, края которой были окрашены киноварью. Похожій подсвѣчникъ, называвшійся „монамвулъ“ (въ эти слова входятъ числа 1—2 съ какимъ-то другимъ неизвѣстнымъ словомъ) носился въ Византіи предъ патриархомъ²⁾. Предъ Іерусалимскимъ патриархомъ въ VIII—IX в. въ торжественныхъ случаяхъ шло 12 монаховъ со свѣчами³⁾. Новоизбраннаго епископа въ древней Россіи провожали къ царю, патриарху и въ соборъ съ 12, 8, 6 или 4 свѣчами, которыя несли предъ нимъ особые клирики — „пламенники“ или „огненники“⁴⁾. По Типикону Великой Константинопольской Церкви вечернему входу предшествовало три свѣтильника⁵⁾.

¹⁾ Блѣевъ, Byzantina II, 35.

²⁾ Codini, De officiis VI, 45 Вальсамонъ въ Σβνταγμα, изд. Παλλη καὶ Πότλη, IV, 544.

³⁾ Tobler T., Itiner. et descript. I, 2, 301. Ст. Дмитриевскій. А. 544 Богослуженіе страстн. и пасхальн. седмиць во св. Іерусалимѣ IX—X в. Кіевъ 1894. 98.

⁴⁾ Гером. Америкій, Исторія російской іерархіи, М. 1807, стр. 316, 830. Голубцовъ А. Соборные чиновники. Чтенія въ Имп. общ. ист. и древн. рос. Мос. 1907, 251—8.

⁵⁾ Рукопись Дрезд. Корол. библ. № 140, л. 132 об. 21 об.

Къ 140 псалму входъ приуроченъ былъ, такъ какъ съ этого псалма въ древности начиналась вечерня ¹⁾. На пѣсенной вечернѣ входъ совершался на 8 ст. 140 пс.: „яко къ Тебѣ, Господи, Господи“ ²⁾. Но уже Студійскійскіе уставы указываютъ входъ послѣ богородична на Господи воззвахъ ³⁾. Потому нынѣшняя молитва входа имѣетъ отношеніе гл. обр. къ этому псалму. Въ большинствѣ древнихъ евхологіевъ эта молитва надписывается „входная“. Но евхологій въ рукоп. Аеоно-Пандократовской библ. № 149 XV в. имѣетъ такую молитву входа: „Входу нашему, Христе Боже, къ жертвеннику Твоему, всякія скверны измѣнену, пріятися отъ Тебе благаго; измывъ сердца наши отъ совѣсти лукавыя, сподоби молитвѣ нашей взыти яко ѳиміаму предъ Тобою молитвами всечистыя Матере Твоея и всѣхъ святыхъ твоихъ, яко подобаетъ Тебѣ“ ⁴⁾... По нѣкоторымъ Евхологіямъ въ качествѣ молитвы для вечерняго входа (очевидно, въ отличіе отъ литургійнаго) положенъ краткій стихокъ въ родѣ нынѣшняго благословенія входа. Такъ въ грузинской, рукоп. Имп. Публ. библ. № 208 XIII в. „молитва входа“: „Благословено пришествіе св. славы Твоея, Христе Боже нашъ всегда“... Въ Служебникѣ Новгородской Софійск. библ. (при Спб. Дух. Акад.) № 524 XIII в. молитва входа нынѣшняя, но стихъ благословенія: „Благословенно вхожденіе Христа истиннаго Бага нашего“ (усиленіе мысли нынѣшняго стиха).

Въ важнѣйшихъ русскихъ соборахъ XV—XVI в., какъ показываютъ рукописи ихъ „чиновниковъ“, д. б. подъ вліяніемъ позднѣйшей византійской практики, вечерній входъ также какъ практиковавшійся еще тогда въ качествѣ остатка пѣсеннаго послѣдованія, утренній входъ на словословіи великомъ совершались каждое воскресенье съ участіемъ не

¹⁾ Толковый Типиконъ, вступит. гл., стр. 146—147.

²⁾ Тамъ же, 379.

³⁾ Рукопись Моск. Синод. библ. № 330/380, л. 1. 3 об.

⁴⁾ *Дмитріевскій, Евхологія*, 486.

только всего соборнаго духовенства, большею частью очень многочисленнаго, но и приходскихъ священниковъ города, даже прѣзжихъ; но уже съ XVI в. въ Новгородѣ, Псковѣ и даже въ Москвѣ духовенство стало тяготиться обязанностью являться на „выходы“ въ соборъ каждое воскресенье; приходилось требовать этого отъ него подь угрозою штрафа, какъ то сдѣлалъ, наир., митр. Макарій въ грамотѣ Новгородск. архіеп. Серапіону 1551 г.; при патр. Филаретѣ и въ Моск. Успенск. соборѣ случалось, что „по нуждѣ одинъ недѣльной попъ ходилъ“¹⁾. Кромѣ другихъ причинъ на это сокращеніе торжественности могло повліять усиливавшееся господство Іерусалимскаго устава, вытѣснившее въ Россіи послѣдніе остатки практики Великой К—польской церкви, съ каковою практикой Студійскій уставъ, выросшій подлѣ нея, легко уживался²⁾.

М. Скабаллановичъ.

¹⁾ *Стоглавъ*, изд. Кожанчикова, Сиб. 1863, стр. 421. Чинovníкъ Моск. Успен. соб., стр. 142. *Голубцовъ*, Соборные чинови. 127—144.

²⁾ Въ р.-католической церкви и теперь есть нѣчто аналогичное нашимъ входамъ, а въ нѣкоторыхъ древнихъ чинахъ латинской литургіи былъ входъ вполнѣ по нашему чину. Такъ на галликанской литургіи въ самомъ началѣ послѣ „входнаго“, на пѣсни Захаріи „священникъ, представляя Христа, грядущаго въ міръ, является предъ собраніемъ, предшествуемый діакономъ, несущимъ Евангеліе, и служителями, несущими свѣтильники. въ знакъ евангельскаго свѣта, принесеннаго І. Христомъ въ міръ“. Точно также на этой литургіи переносятся съ бокового алтаря на главный діакономъ дискось (patena) съ хлѣбомъ, а священникомъ чаша съ виномъ предъ освященіемъ Даровъ*). На нынѣшнемъ римскомъ чинѣ литургіи нашему малому входу соотвѣтствуетъ въ началѣ ея такъ наз. *introitus* („входъ“), состоящій изъ антифона и псалма, особыхъ для каждаго праздника, при которыхъ священникъ, по каженіи престола, подходитъ отъ правой его стороны къ серединѣ со сложенными на груди руками, предварительно сдѣлавъ головой поклонъ кресту. Великому входу на р.-католич. литургіи соотвѣтствуетъ перенесеніе предъ литургіей чашки др. принадлежностей евхаристіи изъ ризницы на алтарь въ предшествіи клирика со служебникомъ при ударѣ въ колокольчикъ.

*) Собраніе древнихъ литургій. Сиб. 1878, в. IV г. 6 102.

Библия и естествознание.

(Окончание ¹⁾).

Геккель отрицает то, что Богъ управляетъ этимъ міромъ чрезъ Провидѣніе и мудрость, ибо для Геккеля нѣтъ Бога. Все, что совершается, въ исторіи народовъ и въ жизни отдѣльныхъ людей, совершается, по мнѣнію Геккеля, благодаря внѣшнимъ механическимъ причинамъ, а гдѣ отъ двухъ различныхъ причинъ, не находящихся другъ съ другомъ во взаимной связи, происходятъ дѣйствія, взаимно сталкивающіяся, тамъ царитъ случай. Но не съ этой только точки зрѣнія, что Богъ вообще не существуетъ, оспариваетъ Геккель ученіе о міропорядкѣ, устроенномъ Богомъ,—нѣтъ, онъ приводитъ еще два основанія, на которыя опираются также и многіе другіе естествоиспытатели

1. Черезъ Провидѣніе Божіе уничтожается ненарушимость законовъ природы и 2. Провидѣніе Божіе уничтожается тѣмъ, что многіе случаи во вселенной противорѣчатъ Промыслу Божію.

Что касается перваго, то вплоть до сегодняшняго дня ненарушимость законовъ природы не могла быть нарушена, благодаря дѣйствіямъ Божіимъ. Человѣкъ, напримѣръ, вмѣшивается въ теченіе вещей, не уничтожая законмѣрности въ природѣ. Онъ можетъ своимъ разумомъ, до извѣстной степени, покорить природу, заставить служить себѣ ея силы и достигать вмѣстѣ съ нею великихъ цѣлей. Успѣхамъ подчиненія природы человѣкомъ не видно конца. Человѣкъ при этомъ не нарушаетъ законовъ природы, но, опираясь на ихъ законмѣрность, онъ имъ даетъ жалаемое направленіе и создаетъ нѣчто, основываясь на ихъ ненарушимости. Онъ знаетъ, какъ они дѣйствуютъ, и можетъ поэтому заставить ихъ служить себѣ въ сферѣ ихъ дѣйствія. Если даже человѣкъ можетъ этого достигнуть, то почему же намъ не повѣрить въ то, что и Богъ, мудрость Котораго далеко превос-

¹⁾ См. № 49-й за 1910-й г.

ходить мудрость человѣческую, можетъ дѣйствовать во все-ленной безъ того, чтобы Онъ намъ всегда указывалъ мѣсто, гдѣ дѣйствуетъ Его направляющая десница.

Геккель смѣется надъ вѣрой христіанъ въ бытіе Бога, знающаго насъ такъ хорошо, что всѣ волосы на нашей головѣ Имъ сосчитаны, знающаго судьбы людей и направляющаго ихъ согласно со Своей волей, не показывая намъ, гдѣ вмѣшивается его направляющая десница,—но мы, вѣрующіе, чувствуемъ все же это вмѣшательство Божіе въ нашу жизнь и во всемірную исторію, при всей неизмѣнности законовъ природы. Это даетъ намъ также право молиться. Геккель не понимаетъ всѣхъ этихъ ощущеній, которыя способно испытывать сердце вѣрующаго челоуѣка. Онъ, по-просту, утверждаетъ, что будто, съ расширеніемъ знаній челоуѣка, этотъ послѣдній отброситъ всѣ подобныя ребячества. Однако тотъ, кто еще вѣритъ въ Провидѣніе можетъ утѣшать себя тѣмъ, что величайшіе герои исторіи прошлаго столѣтія вѣрили въ Провидѣніе и молились. Геккель пишетъ по поводу молитвы:

„Вѣра въ любящаго отца“, „управляющаго неустанно судьбами 1500 милліонѣвъ людей на нашей планетѣ и при этомъ во всякое время внимающаго милліонъ разъ перекрещивающимся просьбамъ и „смирненнымъ мольбамъ“ этихъ людей,—вѣра эта не выдерживаетъ критики: ея безпочвенность становится ясной, какъ только разумъ, размышляя по поводу ея, сбрасываетъ розовые очки вѣры.“

Но вѣдь, вѣрующій совсѣмъ не утверждаетъ, что Богъ внимаетъ всѣмъ молитвамъ!

А правильно ли второе, то есть, то, будто большое число разныхъ несчастныхъ случаевъ, имѣющихся мѣсто въ природѣ, должно ввести насъ въ заблужденіе относительно Провидѣнія Божія и міропорядка? Геккель пишетъ, по этому поводу, слѣдующее:

„При чрезвычайномъ развитіи торговыхъ сношеній въ 19-мъ столѣтіи неизбѣжно увеличилось до небывалыхъ ранѣ

размѣровъ число преступленій и несчастныхъ случаевъ: это мы узнаемъ ежедневно изъ газетъ. Каждый годъ тысячи людей гибнуть при кораблекрушеніяхъ, тысячи при желѣзнодорожныхъ крушеніяхъ, тысячи при катастрофахъ въ рудникахъ и т. д. Ежегодно многія тысячи умерщвляютъ другъ друга на войнѣ, а вооруженіе для этого массового убійства отнимаетъ у высоко-развитыхъ, исповѣдующихъ христіанскую любовь, культурныхъ націй самую значительную часть народнаго имуществва. А среди тѣхъ сотенъ тысячъ, которыя ежегодно погибаютъ жертвами современной цивилизаціи, находятся въ подавляющемъ большинствѣ здоровые, сильные, трудоспособные люди. Какъ можно тутъ говорить о міропорядкѣ и о Промыслѣ Божіемъ!

Онъ указываетъ на преждевременную смерть молодого физика Генриха Герца изъ Бонна (1888), который обѣщаль достигнуть многого:

„Смерть эта, также, какъ и преждевременная смерть Спинозы, Рафаэля, Шуберта и многихъ другихъ гениальныхъ юношей, принадлежитъ къ тѣмъ грубымъ фактамъ человеческой исторіи, которые сами по себѣ рѣзко противорѣчатъ беспочвенному мнѣю о „мудромъ Провидѣніи“ и о „любвеобильномъ небесномъ Отцѣ.“

Итакъ, потому что талантливые юноши часто умираютъ въ молодыхъ годахъ, потому что погибаетъ большое число людей,—поэтому нѣтъ Промысла Божія во вселенной?—Но, вѣдь, это же бессмыслица. Ибо если я скажу, что міропорядокъ долженъ проявлять себя тѣмъ, что талантливые люди должны оставаться жить, то я долженъ былъ бы въ то же время требовать, чтобы всѣ прочіе умирали рано, или же, чтобы талантливые люди жили вѣчно. Нѣтъ, Промыслъ Божій проявляется въ томъ, что, несмотря на всѣ несчастные случаи, все же добру можетъ быть уготована побѣда въ этомъ мірѣ. Въ человѣческой природѣ есть причина ¹⁾ того, то, что случаются не-

¹⁾ Грѣхъ.

счастья, что люди погибают сотнями и тысячами. Люди должны умереть. Раньше или позже это случится, погибнуть ли они при катастрофѣ, или будутъ убиты на войнѣ—изъ-за этого я не буду сомнѣваться въ Промыслѣ Божиємъ. Я только тогда могъ бы сомнѣваться въ существованіи Промысла Божія, если бы всѣ эти несчастные случаи исключали возможность наступленія послѣ нихъ чего-либо хорошаго.

Относительно этого пункта я процитирую изреченіе одного изъ величайшихъ пессимистовъ, философа Эд. Гартмана, который прямо-таки воспѣваетъ хвалу несчастнымъ случаямъ въ слѣдующихъ словахъ: „Если несчастье таково, что замыкается кругомъ семьи, то окончательный результатъ есть добровольное подчиненіе стремленія къ собственному благополучію требованіямъ семейныхъ обязанностей; если это общественное бѣдствіе (какъ наиримѣръ, пожаръ или наводненіе въ волости, голодъ или чума въ провинціи, война въ странѣ), то изъ этого несчастія слѣдуетъ добровольное подчиненіе эгоизма единичнаго человѣка интересамъ волости, провинціи или отечества. Какъ семейное несчастье укрѣпляетъ духъ семьи, такъ и общественное несчастье укрѣпляетъ духъ общества и патриотизмъ; какъ первое приводитъ членовъ семьи къ болѣе серьезному и глубокому міровоззрѣнію, такъ и послѣднее приводитъ народы къ нравственному обновленію. Въ счастья человѣкъ слишкомъ склоненъ поддаваться своему стремленію къ собственному благополучію, только несчастье сближаетъ сердца, только горе пробуждаетъ милосердіе. Нѣтъ болѣе тѣсной связи для двухъ людей или для цѣлаго народа, нежели сообща пережитое страданіе и воспоминаніе о вызванномъ имъ констинтѣ безкорыстномъ взаимномъ самопожертвованіи.“

Пусть каждый научится такъ смотрѣть на страданіе въ собственной жизни и въ жизни своихъ ближнихъ, какъ смотритъ этотъ философъ, и тогда ему станетъ ясно, что несчастье, даже и очень большое, все же можетъ послужить, при содѣйствіи Божиємъ, дѣйствительнымъ воспитательнымъ

средствомъ, и что поэтому, какъ таковое оно не противорѣчить идеѣ Промысла Божія во вселенной.

Врпчемъ, кто вѣруеть, тотъ охотно согласится съ тѣмъ, что именно въ отношеніи Промысла Божія мы всѣ имѣемъ дѣло съ загадками. Если мы вѣруемъ въ Бога, то намъ извѣстно, что Богъ нашъ есть Богъ непостыжимый и что цѣли, преслѣдуемая Имъ черезъ единичные случаи, очень часто выясняются только лишь въ значительно позднѣйшее время. Если мы вѣримъ въ вѣчность, то намъ извѣстно, что рѣшеніе нѣкоторыхъ загадокъ мы также узнаемъ только лишь въ вѣчности. Но при такой вѣрѣ сердце всеже можетъ найти успокоеніе и въ несчастіи. Тогда вѣрующій обращается съ молитвой къ Господу на небесахъ съ упованіемъ: „Моя душа находитъ успокоеніе въ Богѣ, помогающемъ мнѣ,“ и съ признаніемъ: „Мы знаемъ, что тѣмъ, кого Богъ любитъ, все служить ко благу.“

Куда однако направляетъ Геккель своихъ сторонниковъ? Какъ-то даже не вѣрится:—къ солнцу! Онъ пишетъ слово въ слово слѣдующее: „Культъ солнца: кажется современнымъ естествоиспытателямъ наиболѣе достойной изъ всѣхъ атеистическихъ формъ вѣрованій и той именно, которая легче всего согласуется съ современной монистической натуръ-философіей.“

Итакъ, мы, можетъ быть, доживемъ до того, что Геккель со своими приверженцами выстроить храмъ солнцу. Мы, разумѣется, знаемъ, что солнце обладаетъ большой силой, но оно согрѣваетъ землю, а не сердца людей, ибо оно не обладаетъ ни разумомъ, ни волей, ни жизнью. Ему недоста-етъ дѣятельной личности.

Пусть исповѣдуетъ этотъ матеріализмъ, а также и культъ солнца тотъ, кто имѣетъ для этого достаточно мужества. Мы же, вѣрующіе, знаемъ, что, вѣруя не въ мертвую, созданную матерію, а въ живого Творца, мы можемъ во всякое время съ упованіемъ предать нашу жизнь въ руки Бога, Который хочетъ насъ привести черезъ земную жизнь къ величію,

посылая намъ различныя судьбы и направляя насъ Своимъ Духомъ.

Мы знаемъ, что мы должны возвыситься къ Богу, Который находится выше вселенной и обитаетъ въ сіяніи вѣчнаго блаженства—отъ вѣка и до вѣка!

Переводъ *Н. И. Селивановской*.

Мои воспоминанія.

(Окончаніе ¹⁾).

Церковная исторія не пользовалась у насъ такимъ вниманіемъ, какое заслуживали по своему значенію въ составѣ богословскаго курса. Мы изучали ее плохо, и по выслушаніи полного курса исторіи, знакомство съ нею у насъ было самое поверхностное.

Профессоромъ церковной исторіи былъ протоіерей Григорій Никифоровичъ Крамаревъ, кончившій курсъ академіи въ 1841 году, въ 1857 году оставившій духовно-учебную службу, и скончавшійся въ санѣ кафедральнаго протоіерея Кіево-Софійскаго собора въ 1863 году. Это былъ человѣкъ, свободно владѣвшій живымъ словомъ, могущій съ увлеченіемъ говорить о любимыхъ предметахъ. Изъ него могъ выработаться бойкій ораторъ, какимъ частію онъ и былъ. Но для солиднаго историка мало было данныхъ въ его душевномъ расположеніи, и онъ историкомъ не былъ, и на историческую кафедру попалъ случайно, по нѣкоей роковой ошибкѣ. Но приглашенный на кафедру церковной исторіи, онъ первоначально съ энергіею взялся за изученіе предмета, мало ему сроднаго, начертилъ себѣ широкую задачу, но не выполнилъ до конца поставленной имъ задачи, и энергія его, направленная не въ ту область, куда влекло его природное расположеніе, послѣ нѣсколькихъ вспышекъ значительно ослабѣла.

¹⁾ См. № 49-й за 1910 г.

Въ своихъ лекціяхъ Крамаревъ хотѣлъ и обѣщаль проводить и развивать одну основную идею,—идею борьбы царства Божія съ царствомъ діавола, и начиналъ исторію этой борьбы съ первыхъ дней творенія человѣка и пребыванія его въ раю (тогда особой кафедрой для библейской исторіи не было, и Крамаревъ занималъ кафедру не просто церковной исторіи, но церковно-библейской). Онъ хотѣлъ показать, какъ велась эта борьба чрезъ рядъ вѣковъ, и какъ она должна завершиться полною побѣдою царства Божія надъ царствомъ діавола. Первые лекціи его по библейской исторіи написаны были пышнымъ, ораторскимъ слогомъ; но потомъ тонъ ихъ постепенно понижался, и наконецъ, на половинѣ исторіи, не стало и слѣда отдѣланныхъ лекцій, и слышалась только сухая, отрывочная проза, не сообщающая всей полноты свѣдѣній, необходимыхъ для связнаго обзрѣнія хода историческихъ событій. Равнымъ образомъ и въ исторіи христіанской церкви сначала полныя лекціи, изображающія начальную судьбу церкви, потомъ отрывки и наброски, и наконецъ, чтеніе чужихъ печатныхъ статей, посвященныхъ той или другой исторической личности или разбору какого-либо церковно-историческаго вопроса.

Крамаревъ былъ строгій ревнитель православія и горячій патріотъ. Какъ ревнитель православія, онъ въ сильныхъ эпизодическихъ рѣчахъ громилъ то папу и римско-католиковъ, то Лютера и протестантовъ, то вообще представителей невѣрующаго Запада. Какой-либо малѣйшій поводъ,—у него лились сильныя эпизодическія обличительныя рѣчи. Онѣ не имѣли прямого непосредственнаго отношенія къ предмету его лекцій, а были случайными вставками въ его лекціи по исторіи. Но мы слушали ихъ не безъ интереса, потому что онѣ были выраженіемъ искренняго убѣжденія и глубокаго чувства. Рядовыя лекціи велись частенько довольно вяло; а тутъ слышалась одушевленная рѣчь, вносящая оживленіе въ сухое преподаваніе исторіи и возбуждавшая наше вниманіе.—Сильныя патріотическія рѣчи—другія эпизодическіе

вставки на его урокахъ. Для выраженія патріотическихъ чувствъ много было поводовъ въ то время. Мы учились въ академіи во время Крымской войны. Извѣстія съ театра войны волновали всѣхъ, и Крамаревъ, полный патріотическаго одушевленія, не могъ сдержать себя, чтобы не передавать намъ волнующихъ его чувствъ. Онъ сообщалъ намъ извѣстія, приходившія съ театра войны, и по поводу ихъ раздражался гнѣвными словами противъ враговъ, предпринявшихъ несправедную войну съ нами или съ великодушнѣйшимъ изъ царей, защитниковъ угнетенныхъ. Онъ вѣрилъ въ конечное торжество Россіи, какъ вѣрилъ въ конечное торжество царства Божія надъ царствомъ діавола. „Я въ Бога не вѣрую (говорилъ онъ); если Россія будетъ побѣждена, — на ея сторонѣ правда, которой и помогаетъ Господь. Быть же не можетъ, чтобы Богъ далъ восторжествовать злу надъ добромъ“. Но ему пришлось измѣнить рѣшительные приговоры, диктуемые ему патріотическими чувствами, когда Россія не вышла изъ войны побѣдительною. Тогда онъ утѣшалъ себя и другихъ указаніемъ на то, что это только временное торжество враговъ нашихъ. Богъ не благословилъ успѣхомъ нашего оружія за грѣхи наши. Исправимся мы, и наша правда возсіяетъ сильнѣе прежняго.

Русскую церковную исторію читалъ намъ молодой бакалавръ Иванъ Игнатьевичъ Малышевскій. Это, въ противоположность Крамареву, былъ историкъ *par excellence*, наиболѣе всего предрасположенный къ воздѣлыванію исторической науки. Еще когда я былъ въ семинаріи, мнѣ братъ мой, его товарищъ по академіи, писалъ о немъ, что онъ помогъ ему сдать отлично экзаменъ по исторіи, и при этомъ выразился о немъ, что это „историкъ удивительный, имѣющій обширныя историческія свѣдѣнія, рѣдкія для семинариста“. И будучи студентомъ академіи, онъ обнаруживалъ особенную склонность къ изученію историческихъ наукъ. Когда онъ кончилъ курсъ (въ 1853 году), какъ разъ для него ослеплась кафедра русской исторіи. Въ лицѣ его сама судьба подгото-

вила лучшаго кандидата для занятія этой каѳедры. Избранный и опредѣленный на нее, онъ вполне оправдалъ надежды, на него возлагавшіяся, и въ продолженіе долговременнаго служенія въ академіи, (скончался въ 1897 году) былъ честію и славою академіи, снискавъ самую лестную репутацію не только въ кругу духовно-учебномъ, но и въ широкихъ кругахъ свѣтскаго общества.

Поступивъ на каѳедру прямо изъ-за парты, онъ отъ своего предшественника не получилъ никакого научнаго наслѣдства, и долженъ былъ самъ усиленнымъ трудомъ разрабатывать невоздѣланное поле. Напряженный трудъ, имъ принятый на себя, не обошелся для него даромъ. Въ первый же годъ профессорской службы у него открылось кровохарканье, и онъ, по совѣту докторовъ, долженъ былъ на нѣсколько мѣсяцевъ совершенно прекратить всякія занятія. Но, къ счастью, болѣзнь его имѣла временный характеръ, не внесла разрушенія въ его довольно крѣпкій организмъ, и онъ скоро оправился, и потомъ неустанно работалъ до послѣднихъ дней своей жизни.

Насъ, на первыхъ лекціяхъ, онъ много знакомилъ съ славяно-русскою миѳологіею, и потомъ, когда приступилъ къ изложенію исторіи русской церкви, онъ не хотѣлъ сообщить намъ только верхушки знаній, вычитанныхъ изъ книгъ, а обращался къ первоисточникамъ, изъ нихъ извлекалъ нужные для него матеріалы, и насъ склонялъ изучать исторію не столько по чужимъ сочиненіямъ и книгамъ, сколько по первоисточникамъ. Этой методъ слѣдовали многіе изъ его учениковъ, приобрѣтшіе потомъ извѣстность.

Большое значеніе въ наше старое время имѣла каѳедра гомилетики, и успѣхи, по предмету этой каѳедры, цѣнились наравнѣ съ успѣхами по главнымъ богословскимъ предметамъ. Большое значеніе каѳедры гомилетики, въ ряду другихъ богословскихъ наукъ, зависѣло отъ того, что наставнику гомилетики студенты писали и подавали проповѣди; а на проповѣди, со времени Иннокентія, и впоследствии подъ его влі-

яніемъ въ Кіевской академіи обращено было особенное вниманіе. По уставу 1814 года, гомилетика отнесена была къ разряду наукъ словесныхъ. По этому разряду полагался одинъ ординарный профессоръ, и одинъ экстра-ординарный или бакалавръ. И вотъ, когда въ 1834 году опросталась ординатура по разряду словесныхъ наукъ, званіе ординарнаго профессора предоставлено было, *по преимущественному значенію каѳедры*, наставнику гомилетики Якову Кузьмичу Амфитеатрову, хотя конкурентъ его, наставникъ общей словесности, Стефанъ Ѳеодоровичъ Соловьевъ былъ старше его по службѣ. Амфитеатровъ кончилъ курсъ въ академіи въ 1829 году, а Соловьевъ въ 1825 г.

Каѳедру гомилетики занималъ Назарій Антоновичъ Ѳаворовъ, кончившій курсъ академіи въ 1845 году, бывшій сначала бакалавромъ патрологіи, и потомъ (въ 1849 году) перешедшій на каѳедру церковнаго краснорѣчія; въ 1859 году поступилъ въ университетъ св. Владиміра профессоромъ богословія, логики и психологіи, въ 1862 году оставилъ службу въ академіи, скончался въ 1897 году.

Ѳаворовъ принадлежитъ къ числу талантливыхъ профессоровъ. Въ академіи онъ пользовался высокимъ авторитетомъ. Онъ былъ ученикомъ и преемникомъ Я. К. Амфитеатрова, въ свое время, знаменитаго профессора гомилетики, продолжателемъ его трудовъ, поддерживавшимъ то доброе направленіе въ наукѣ о проповѣдничествѣ, какое дано было его наставникомъ. Лекціи его, въ существѣ дѣла, были умѣлымъ и искуснымъ воспроизведеніемъ уроковъ Амфитеатрова. Научныя начала тѣ же самыя, что у Амфитеатрова; только языкъ другой и другое изложеніе. Лекціи свои онъ излагалъ устно, языкомъ чистымъ, отчетливымъ, плавнымъ, напоминающимъ печатный стиль. Не было у него въ рѣчи ни запинки, ни повтореній, ни неточныхъ и неловкихъ выраженій, что случается при экспромтахъ. Фраза его была выглажена, какъ бы заготовленная раньше, при обдумываніи лекціи. Когда въ первый разъ мы прослушали его лекціи, одинъ мой

товарищъ (Горностаевъ, впоследствии архимандритъ Гавріиль) сказалъ мнѣ: „какое прекрасное пріобрѣтеніе имѣемъ мы въ лицѣ Назарія Антоновича“. Хорошо, замѣтилъ я; но выдержать ли онъ до конца такой искусственно обработанный тонъ, въ какомъ изложена его нынѣшняя лекція? И пужно замѣтить, что сомнѣніе, мною выраженное, частью оправдилось. Всегда Оаворовъ говорилъ складно и гладко; но онъ былъ скупъ на свои, прекрасно изготовляемыя лекціи, и не все классное время, назначенное для его уроковъ, наполнялъ лекціями. Въ тѣ годы уроки были двухчасовые; наставники обыкновенно запаздывали и приходили на полтора часа, даже менѣе. У Оаворова заведенъ былъ такой порядокъ, что предъ лекціями, послѣ молитвы, прочитывалась одна глава изъ Библии, и послѣ прочтенія ни слова о содержаніи прочитанной главы. Чтеніе главы введено было (такъ мы смотрѣли на это) для того, чтобы занять чѣмъ-нибудь длинное время, назначенное для лекціи. И при этомъ выглаженная лекція не соразмѣрялась строго съ протяженіемъ времени, назначеннаго для нея, часто была короче той мѣры, какая нужна была для наполненія часа, даннаго въ распоряженіе наставника. Остающееся отъ лекціи свободное время до звонка наставникъ употреблялъ на прочтеніе какой-либо проповѣди или статьи. Назначено было правленіемъ на гомилетику три недѣльныхъ урока, и одинъ изъ этихъ трехъ-недѣльныхъ уроковъ состоялъ въ практическихъ занятіяхъ; а практическія занятія—въ чтеніи и критическомъ разборѣ проповѣдей, большею частью студенческихъ, и изрѣдка печатныхъ. Наставникъ прочитывалъ цѣликомъ какую-либо проповѣдь, первѣе всего очерредую проповѣдь, писанную на ближайшій воскресный или праздничный день, и по прочтеніи поднималъ одного изъ студентовъ и предлагалъ ему высказать свое сужденіе о прочитанной проповѣди. При разборѣ проповѣди подвергалось обсужденію содержаніе проповѣди, тонъ ея и характеръ, языкъ или изложеніе. Вялыя и не мѣткія замѣчанія студента наставникъ дополнялъ и исправлялъ своими

критическими замѣчаніями. Была нѣкоторая польза отъ такого разбора проповѣдей, на дѣлѣ показывалось намъ то направленіе, какого мы должны держаться въ проповѣднической практикѣ; могъ способствовать критическій разборъ проповѣдей очищенію проповѣдническаго вкуса. Но намъ такія практическія занятія были мало желательны; они велись довольно скучно, и мы не мало тяготились ими.

Программа лекцій, выполняемая Өаворовымъ, обнимала только теорію проповѣдничества. Исторіи проповѣди онъ не касался. Попадались только случайно характеристики извѣстнѣйшихъ проповѣдниковъ, что было очень рѣдко. Узкость программы по гомилетикѣ была причиною того, что Өаворовъ не находилъ достаточно матеріала для полныхъ лекцій по своей наукѣ въ теченіе двухгодичнаго академическаго курса.

Литургику и церковное право преподавалъ намъ священникъ Алексѣй Михайловичъ Колосовъ. Въ нашъ курсъ онъ заканчивалъ свою преподавательскую дѣятельность въ академіи, потому что былъ опредѣленъ законоучителемъ Кіевскаго кадетскаго корпуса. Ректоръ Антоній предполагалъ, что онъ уйдетъ изъ академіи предъ нашимъ переходомъ въ старшій курсъ (въ 1853 году), и имѣя въ виду кандидата на его мѣсто въ лицѣ Павла (Вильчинскаго), внослѣдствіи епископа пензенскаго, которому преждевременно обѣщалъ бакалаврское мѣсто въ академіи, — предлагалъ Колосову подать прошеніе объ увольненіи изъ академіи, указывая на то, что ему трудно совмѣщать службу въ академіи съ службою въ кадетскомъ корпусѣ. Но тогда въ кадетскомъ корпусѣ, недавно основанномъ, еще не всѣ классы были открыты, и Колосовъ находилъ для себя возможнымъ совмѣщеніе службы въ двухъ мѣстахъ—и въ академіи и въ кадетскомъ корпусѣ. Онъ, впрочемъ, подавалъ прошеніе объ увольненіи отъ академической службы, послѣ предъявленнаго ему предложенія ректора, но это прошеніе написалъ такъ, что ректоръ Антоній не нашелъ возможнымъ дать ему ходъ, боясь нареканій на себя за излишнее давленіе на своего сослуживца.

Лекціи Колосова были содержательны, и мы не отрицали ихъ достоинства. Но не смотря на это, студенты не оказывали имъ большого вниманія. Это зависѣло отъ того между прочимъ, что онъ читалъ свои лекціи какъ-то безучастно, ходя по классу съ тетрадкою въ рукѣ, ни на кого не смотря и не обращая вниманія на то, слушаютъ его, или нѣтъ. Въ назначенный часъ онъ являлся въ аудиторію, и урокъ отбывалъ, какъ формальную повинность, не внося души въ исполненіе формальнаго долга. Пробьетъ звонокъ, онъ прерываетъ лекцію, пожалуй, на полусловѣ, и, подписавъ журналъ, уходитъ изъ класса. Студентовъ онъ никогда не спрашивалъ, знаютъ ли и усваиваютъ ли они его уроки. Тогда у другихъ наставниковъ были въ обычаѣ репетиціи. Но А. М. Колосовъ никогда не назначалъ репетицій, и студенты къ изученію литургіи и церковнаго права не имѣли отъ наставника никакихъ принудительныхъ побужденій.

Преподавалась намъ патрологія. Но она въ наше время не имѣла въ курсѣ академическихъ наукъ такого значенія, какое придано ей послѣднимъ уставомъ академіи 1910 года. Послѣдній уставъ академій поставилъ ее въ числѣ основныхъ богословскихъ наукъ, и для преподаванія ея назначено два профессора. Я не хочу возражать противъ этого постановленія: оно имѣетъ свои основанія и, можетъ быть, при тщательномъ исполненіи его, оно принесетъ добрые плоды, ознакомивъ больше студентовъ съ твореніями отцевъ церкви, служащихъ выразителями церковнаго преданія. Когда мы учились въ академіи, патрологія была наукою новою. Она ведена была въ семинаріи и академіи при протасовской реформѣ, и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ не успѣли еще проникнуться убѣжденіемъ въ ея высокой важности. Въ разрядѣ академическихъ наукъ ей отводилось очень подчиненное мѣсто,—второстепенное и даже третьестепенное. Для лекцій по патрологіи назначались послѣобѣденные часы, къ какимъ приурочивались обыкновенно занятія по предметамъ считающимся наименѣе важными, наприимѣръ, по языкамъ древнимъ и новымъ.

Патрологію преподавалъ намъ Никифоръ Ивановичъ Щеголевъ, окончившій курсъ академіи въ 1849 году, и тотчасъ же по окончаніи курса оставленный бакалавромъ академіи, какъ человѣкъ высоко-талантливый, обѣщавшій изъ себя полезнаго работника на научномъ поприщѣ. Въ 1857 году, во вниманіе къ его дарованіямъ, онъ былъ перемѣщенъ на кафедру церковной исторіи, считавшуюся болѣе трудною и важною, чѣмъ патрологія, на которую заявляли желаніе поступить другіе изъ наличныхъ наставниковъ академіи, даже старшихъ его по службѣ. Считался онъ человѣкомъ, обладавшимъ умнымъ практическимъ тактомъ, поэтому долгіе годы былъ членомъ правленія академіи.

На лекціяхъ по патрологіи намъ сообщались подробныя свѣдѣнія объ отцахъ—учителяхъ церкви, ихъ жизни и дѣятельности и объ ихъ твореніяхъ и ихъ содержаніи. Но ознакомленіе съ самими твореніями предоставлено было нашему собственному усердію. Да на урокахъ, при небольшомъ числѣ ихъ, трудно, если не прямо невозможно, доставлять непосредственное ознакомленіе съ ними, даже чрезъ чтеніе только замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ.

Послѣдній предметъ, который, по уставу, мы обязаны были изучать,—еврейскій языкъ. Къ этому предмету большинство студентовъ старшаго курса относились съ такою же нелюбовію, съ какою въ младшемъ курсѣ студенты относились къ математикѣ. Одинъ мой товарищъ, заимствуя извѣстный терминъ изъ одной вечерней молитвы, математику и еврейскій языкъ характеризовалъ именемъ *наукъ злыхъ*, которыя, если не наносятъ намъ прямой гибели, способны портить наше душевное настроеніе и доставляютъ немалое безпокойство душѣ, не-хотя берущейся за занятія этими науками, и многіе изъ товарищей съ сочувствіемъ выслушивали такую характеристику двухъ упомянутыхъ наукъ. Конечно, такія рѣчи велись въ шуточномъ тонѣ, и серьезнаго значенія мы имъ не придавали. Но для уясненія отношеній студентовъ къ изученію еврейскаго языка и математики не

излишне упомянуть объ этой характеристикѣ ихъ, какъ на-
укъ злыхъ.

Лѣниво изучали мы еврейскій языкъ между прочимъ потому, что не видѣли прямого практическаго приложенія знаній этого языка. Безспорно и нами это признавалось, что для экзегета и библіофила весьма важно изученіе и знаніе того языка, на которомъ писаны священныя книги Ветхаго Завета. Но многимъ ли изъ насъ (говорили въ оправданіе свое лѣнящіеся изучать еврейскій языкъ) придется имѣть дѣло съ еврейскою Библіей? Выйдемъ изъ школы, и въ глаза не будемъ видѣть еврейской книги. Къ облегченію студентовъ, боящихся еврейскаго языка, въ послѣдній годъ курса послѣдовало открытіе новой каѳедры для ученія о расколѣ, и изъявившіе желаніе изучать расколъ освобождались отъ изученія еврейскаго языка, и многіе записались на расколъ не потому, что серьезно хотѣли изучать этотъ предметъ, а просто потому, что чрезъ это получали возможность освободить себя отъ изученія нелюбимаго ими еврейскаго языка.

Преподавалъ еврейскій языкъ пожилой профессоръ Иванъ Петровичъ Максимовичъ (кончилъ курсъ въ академіи въ 1831 году, скончался въ 1861 году), знающій свое дѣло. Но ему трудно было бороться съ равнодушіемъ студентовъ къ его предмету, и успѣхи наши по еврейскому языку были неважные. Сознывая, что ему еврейскимъ языкомъ не заинтересовать студентовъ, онъ по своему усердію открывалъ чтенія по библейской археологій, хотя преподаваніе библейской археологій не было для него обязательнымъ. Лекціи его по библейской археологій были интересны, и ихъ съ усердіемъ слушали даже тѣ, которые боялись еврейскаго языка, какъ предмета злого, для нихъ непріятнаго.

Проф. *Василій Пльвицкій.*

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 20-го декабря 1910 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Типографія Акціонер. О-ва Н. Г. Корчакъ-Новицкаго, Меринг. ул.

ГОДЪ

Ц.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 51.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1910-го года декабря 19-го дня.

Содержаніе: I. Одна изъ мѣръ къ возвышенію проповѣдническаго слова. Н. Пальмовъ.—II. Еще о словѣ „мертвомъ“ и „живомъ“. Свящ. Аѳ. Веселицкій.—III. Законъ Божій, какъ основа воспитанія въ началь-
ныхъ народныхъ школахъ. Свящ. В. Бажановъ.

Одна изъ мѣръ къ возвышенію проповѣдническаго слова.

О жаждѣ живого проповѣдническаго слова говорятъ теперь много. Его требуютъ отъ пастыря и свои, и чужіе: первые—потому, что искренно желаютъ изъ устъ пастыря слышать ученіе Христово въ передачѣ вразумительнымъ, доступнымъ уму и сердцу языкомъ, вторые—потому, что въ „безсловесности“ нашихъ пастырей находятъ лишній матеріаль для ихъ осужденія. Нельзя сказать, чтобы голоса о необходимости живого проповѣдническаго слова не останавливали на себѣ вниманіе нашихъ пастырей и пропускались ими мимо ушей. Не только отдѣльныя личности изъ широкаго пастырскаго круга, всегда, должно признать, стоявшія на высотѣ пастырскаго призванія и проповѣдническаго служенія

въ нашей Церкви, откликались и откликаются на призывъ къ живому церковному слову, но, повидимому, и все русское пастырство готово теперь пойти уже на встрѣчу предъявляемому къ нему запросамъ о живомъ словѣ и, по мѣрѣ силъ, удовлетворить имъ.

Чрезвычайно знаменательный фактъ, представляетъ, въ этомъ отношеніи, возникновеніе среди пасырей такъ называемыхъ проповѣдническихъ кружковъ, съ однимъ изъ которыхъ, возникшимъ въ г. Екатеринбургѣ въ концѣ сентябрю мѣсяца текущаго года, мы и намѣрены познакомить читателей „Р. д. с. п.“.

Мысль о пастырскомъ проповѣдническомъ кружкѣ, въ разработанномъ ея видѣ, была предложена на пастырскомъ собраніи духовенства городскихъ церквей г. Екатеринбурга и церквей Верхне—Исетскаго завода 21 сентября. Законоучитель Екатеринбургской мужской гимназіи священникъ о. Н. Буткинъ прочиталъ, предъ собраніемъ обстоятельный докладъ подъ заглавіемъ: „О проповѣднической организаціи въ связи съ вопросомъ объ усиленіи церковнаго учительства“, напечатанный въ № 39 Екатеринбургскихъ Епарх. Вѣдомостей,¹⁾ и въ этомъ докладѣ выяснилъ тѣ побужденія, которыя заставляютъ стоять за идею пастырскаго проповѣдническаго кружка, и раскрылъ основаніе, почему можно надѣяться, что проповѣдническая организація дѣйствительно принесетъ пользу дѣлу возвышенія церковной проповѣди.

Совершенно правильно отмѣтивъ то печальное явленіе нашихъ дней, что проповѣдники, желающіе идти на встрѣчу требованіямъ времени, нерѣдко полагаютъ всю суть своего дѣла въ увеличеніи количества проповѣдей и безъ особенной заботливости относятся къ улучшенію внутренняго ихъ содержанія, отъ чего дѣло проповѣди, конечно, не выигрываетъ, докладчикъ остановился на словахъ авторитетнаго англійскаго проповѣдника. Сперджона Въ книжкѣ: „Какъ мнѣ

¹⁾ Стр. 855—864.

сдѣлаться ораторомъ“, Сперджонъ, между прочимъ говоритъ: „Если проповѣдникъ Евангелія не обращаетъ вниманія на свою собственную духовную жизнь, это—большое несчастье и для него самого, и для его дѣла“. Такимъ образомъ, требованіе личнаго *самоусовершенствованія*,—жизни въ Богѣ, необходимо прежде всего предъявить къ проповѣднику, если онъ хочетъ, чтобы слово его было живымъ и благотворно дѣйствовало на сердца слушателей. Забота о личномъ самоусовершенствованіи по завѣтамъ Христовымъ не исключаетъ, однако, возможности для проповѣдника пользоваться, при осуществленіи своего служенія, и помощью со стороны. Даже напротивъ, такая сторонняя помощь необходима проповѣднику, если особенно она идетъ со стороны собратій, поставившихъ своимъ идеаломъ развитіе въ себѣ церковнаго самосознанія и благодатнаго Христова настроенія. Вотъ этотъ-то принципъ развитія церковнаго самосознанія и благодатнаго Христова настроенія и долженъ быть положенъ въ основу проповѣднической организаціи.

Доброе христіанское содружество вообще поддерживаетъ энергію духа, развиваетъ въ душѣ лучшія стремленія, сообщаетъ имъ крѣпость и устойчивость. Съ особенною силою необходимо утверждать это о содруществѣ пастырей. Въ самомъ дѣлѣ, какъ было бы полезно для пастырей, какими бы благими результатами отразилось на ихъ служеніи, если бы они собрались вмѣстѣ и внимательно прочли страницу Евангелія, побесѣдовали о прочитанномъ, напомнили другъ другу объ общехристіанскихъ и спеціально-пастырскихъ обязанностяхъ, обмѣнялись мыслями по поводу извѣстныхъ научныхъ положеній, или просто подѣлились между собою практическими свѣдѣніями и знаніями. Великое значеніе имѣетъ для пастырей общая молитва. Но она есть содружество молчаливое. Въ молитвѣ каждый переживаетъ единеніе съ другими внутри своего духа и не передаетъ его другимъ. Организація внѣбогослужебная, „содружество“ пастырское будетъ именно такимъ установленіемъ, гдѣ каждому участнику предста-

вится широкая возможность активно приобщаться къ многочисленной духовной братіи и освободить свою душу отъ личныхъ, подѣ часъ тяжкихъ переживаній. Объединившіеся для болѣе успѣшнаго прохожденія проповѣдническаго служенія пастыри почерпнуть въ этомъ объединеніи нравственную силу и найдутъ средства къ *самообразованію*. Проповѣдническая организація начнетъ пробуждать мысль, такъ какъ предъ нею предстанутъ во весь свой ростъ выдвигаемые жизнью духовные вопросы, и потребуются незаурядныя знанія и усилія ума со стороны пастырей, чтобы дать на нихъ отвѣты, достойные и православной нашей вѣры и высокаго пастырскаго званія. Не малое пособіе въ дѣлѣ самообразованія могутъ оказать пастырямъ наставники духовно-учебныхъ заведеній, которые не почтутъ для себя обремененіемъ принять участіе въ общемъ трудѣ религіозно-церковнаго воздѣйствія на текущую жизнь.

Проповѣдническая организація станетъ на стражѣ церковнаго слова и позаботится о томъ, чтобы въ пастыряхъ, участникахъ ея, не пресѣкалась энергія учительства, и чтобы слово пастырское было не безсильно, но—со властію. Источникомъ развитія слова должно быть *вдохновеніе*, а побужденіемъ къ учительству—духовная сила единенія и содружества. Нельзя не вѣрить, что городскіе пастыри, объединившіеся въ содружество, создадутъ совокупными усиліями очагъ духовнаго пламени, благодатно-созрѣвающіе лучи котораго прольются не только на пасомыхъ, но коснутся и духовныхъ собраній—пастырей по селамъ, привлеки къ содружеству изъ среды ихъ дѣятельныхъ членовъ—сотрудниковъ и работниковъ въ святомъ трудѣ Христова благовѣствованія.

Живое проповѣдническое слово—вотъ цѣль организаціи. Соудѣйствіе развитію живого слова—вотъ задача организаціи, которая при этомъ будетъ стремиться еще и къ тому, чтобы приучить проповѣдниковъ говорить съ церковной каедрой безъ пособія тетрадки, свободно. Организація можетъ взять на себя предварительную подготовку къ произнесенію

проповѣдей свободною рѣчью, безъ тетрадки. На собраніяхъ проповѣдническаго кружка можетъ обсуждаться тема проповѣди ближайшаго проповѣдника, можетъ намѣчаться содержаніе проповѣди, можетъ быть выслушана добровольная импровизація. Темы проповѣдей могутъ быть и одинаковы для всѣхъ и разнообразны. Если пастырь какого-либо прихода найдетъ нужнымъ говорить на особую тему, предложить ее на судъ кружка и попросить матеріала, можно разобрать эту тему и раскрыть ее при участіи членовъ кружка. Не будетъ недостаткомъ, но, можетъ быть, будетъ сопровождаться даже большой нравственной пользой, если всѣ члены проповѣдническаго кружка изберутъ для очередной проповѣди одну и ту же тему. Вѣдь и благовѣсть во всѣхъ церквахъ заразъ дѣйствуетъ сильнѣй,—то же можетъ быть и со словомъ. Когда всѣ пастыри, объединившись, ударятъ словомъ въ одну точку, то въ результатъ получится сильное впечатлѣніе. „Не будемъ смущаться неподготовленностью, неумѣніемъ владѣть рѣчью“, говоритъ о. Н. Буткинъ, обращаясь къ членамъ проповѣдническаго кружка. „Въ борьбѣ съ врагомъ говорить и неучъ. Мы ли не постараемся зацѣпиться, по мѣрѣ возможности, единственнымъ нашимъ оружіемъ въ борьбѣ—словомъ живымъ. Если есть Христосъ въ душѣ, уста пусть исповѣдаютъ Его. Дай Богъ, чтобы наша Екатеринбургская церковь нашла среди себя горячихъ проповѣдниковъ, смѣлыхъ ратоборцевъ. Они уже есть. Мы зовемъ ихъ только къ единенію. Общими силами, а не въ-одиночку будемъ трудиться во славу Божию!..“

Не закрывая, однако, глазъ предъ дѣйствительностью, считаясь съ фактомъ, что устнымъ и импровизированнымъ словомъ владѣть могутъ не всѣ, докладчикъ къ вышесказанному о живомъ словѣ прибавляетъ, что проповѣдническая организація должна притти на помощь и той части пастырей, которая не въ силахъ преоблѣдѣть природу и нуждается въ *писанномъ словѣ*. Организація позаботится о распространеніи среди духовенства лучшихъ печатныхъ произведеній церков-

наго слова. Организація и на общихъ собраніяхъ и чрезъ особую комиссію можетъ выбирать лучшія проповѣди современныхъ церковныхъ проповѣдниковъ, можетъ знакомить пастьрей съ проповѣдическимъ матеріаломъ, разсыпаннымъ по разнымъ сборникамъ, можетъ рекомендовать для произнесенія нѣкоторыя святоотеческія поученія, можетъ взять на себя популяризацію проповѣдей русскихъ святителей, незаслуженно забываемыхъ, можетъ упрощать трудныя иногда для пониманія старыя проповѣди, брать изъ нихъ цѣнныя мысли примѣнять къ потребностямъ нынѣшняго времени, словомъ—содѣйствовать тому, чтобы и въ писанномъ словѣ церковное ученіе было столь же дѣйствительно и сильно, какъ молитвословіе, преданное письмени ¹⁾.

Организація внесетъ въ дѣло проповѣди, наконецъ, *систему и порядокъ*. Въ настоящее время, темы для проповѣдей избираются большею частію случайно, и съ церковной кафедрой вѣрующей можетъ не услышать ученія Христова во *всей полнотѣ его раскрытія*. А между тѣмъ дѣло настоятельной необходимости раскрывать предъ слушателями благовѣстіе Христова Евангелія, переданное міру апосталами и сохраняемое во всей чистотѣ Православною Церковью. Разумѣется, вести этого рода проповѣдь можно съ большимъ успѣхомъ, когда проповѣдникъ прилагаетъ къ дѣлу не однѣ свои собственныя силы, но опирается еще на помощь организаціи, которая своимъ содѣйствіемъ восполняетъ въ немъ недостатокъ личныхъ усилій.

Таково содержаніе доклада о. П. Буткина.

¹⁾ Безъ сомнѣнія, и слово записанное можетъ быть словомъ живымъ. Отнюдь не умаляя достоинства устной церковной проповѣди, мы неоднократно имѣли случай разсуждать въ „Р. д. с. н.“ на тему, что и писанное слово, умѣло произнесенное, можетъ возбуждать духовную жизнь въ слушателяхъ, если представляетъ произведеніе благодатно-помазаннаго духа.

Докладъ былъ принятъ весьма сочувственно пастырскимъ собраніемъ, ¹⁾ которое признало вполне цѣлесообразную мѣру, предлагаемую о. Н. Буткинымъ для подъема церковнаго учительства въ храмахъ Екатеринбургской епархіи.—учрежденіе проповѣдническаго кружка, и согласилось съ проектируемымъ о. Н. Буткиномъ дѣленіемъ участниковъ кружка на четыре разряда. Къ первому разряду относятся тѣ члены, которые принимаютъ на себя трудъ самой проповѣди въ приходскихъ храмахъ; ко второму—тѣ, которые занимаются приготовленіемъ проповѣдническаго матеріала для священнослужителей съ низшимъ образованіемъ; къ третьему—тѣ преимущественно—члены изъ свѣтскихъ лицъ, которые могутъ посвятить дѣлу проповѣди свободное отъ прямыхъ обязанностей время и помочь участникамъ кружка своими знаніями, и, наконецъ, четвертый разрядъ составляютъ тѣ, кто желаетъ заняться самообразованіемъ и подготовкой себя къ дѣлу проповѣди, а также тѣ, кто старается о привлеченіи къ проповѣдническому кружку лицъ изъ сельскаго духовенства и вообще всѣхъ, сочувствующихъ задачамъ кружка и способныхъ оказать ему и его дѣлу какую-либо существенную услугу. Производя дѣленіе участниковъ проповѣдническаго кружка на четыре группы, пастырское собраніе оговорило, что такое дѣленіе—только приблизительное, а отнюдь не безусловное и не формальное. Между участниками кружка должно царить полное взаимообщеніе и полное единеніе.

Послѣ выбора предсѣдателя и членовъ народившейся проповѣднической организациі, пастырское собраніе рѣшило положить въ ближайшемъ будущемъ начало проповѣднической библіотекѣ и поручило выбраннымъ членамъ организациі составить списокъ книгъ, наиболѣе необходимыхъ для цѣлей организациі въ первое время, каковой списокъ долженъ быть представленъ на разсмотрѣніе ближайшаго пастырскаго собранія.

¹⁾ Отчетъ о собраніи напечатанъ въ томъ же 39 № Екатеринбург. Епарх. Вѣдомостей на стр. 871—874: „Пастырское собраніе духовенства“. С. И. К.

Преосвященный епископъ Екатеринбургскій и Ирбитскій Митрофанъ, присутствовавшій на пастырскомъ собраніи и, какъ видно, также озабоченный дѣломъ возвышенія церковнаго учительства въ предѣлахъ Екатеринбургской епархіи, предложилъ возникшему проповѣдническому кружку избрать мѣстомъ для своихъ очередныхъ засѣданій залъ архіерейскихъ покоевъ.

Привѣтствуя возникновеніе въ г. Екатеринбургѣ проповѣдническаго кружка, позволимъ себѣ выразить пожеланіе полного успѣха въ его дѣятельности, которая можетъ быть *великой*, при помощи Божіей и добросовѣстной работѣ участниковъ кружка, а съ тѣмъ вмѣстѣ позволимъ себѣ высказать и надежду, что о ходѣ работъ проповѣдническаго кружка будутъ появляться хотя бы краткіе сообщенія на страницахъ Екатеринбургскаго епархіальнаго органа печати. Весьма возможно, что доброму примѣру екатеринбургскаго духовенства послѣдуетъ духовенство и другихъ епархій. Въ опытѣ первыхъ піонеровъ симпатичнаго дѣла многіе организаторы проповѣдническихъ кружковъ по епархіямъ не откажутся, думается намъ, позаимствовать полезныя уроки для себя и почерпнуть цѣнныя практическія указанія.

И. Пальмовъ.

Еще о словѣ „мертвомъ“ и „живомъ“.

IV.

(Окончаніе ¹⁾).

Углубленіе религіознаго самосознанія, расширеніе собственной религіозной жизни, обогащеніе души религіознымъ опытомъ,—однимъ словомъ, пробужденіе въ самомъ себѣ и

¹⁾ См. № 35—36-й за 1910-й г.

развитіе живой, дѣйственной религіозной вѣры—вотъ единственный путь и единственное средство, при помощи которыхъ пастырь-проповѣдникъ можетъ превратить церковное учительство въ живое дѣло, свою проповѣдь—въ слово „живое“. Къ такому выводу пришли мы, собратъ-читатель, въ статьяхъ „о мертвомъ и живомъ словѣ“, на основаніи разсмотрѣнія причинъ бесплодности прежнихъ усилій къ оживленію проповѣдничества и признанія за послѣднимъ особеннаго вида духовно-религіознаго словеснаго творчества. Какъ въ области литературно-художественнаго творчества,—говорили мы, только тѣ произведенія обладаютъ свойствомъ жизненности и неотразимымъ вліяніемъ на читателя, которыя являются плодомъ и мастерской передачей въ словѣ личныхъ эстетическихъ переживаній писателя—художника; такъ и въ религіозной сферѣ мыслей и чувствъ, должны явиться, по аналогіи, живыми и дѣйственными тѣ словесныя передачи послѣднихъ слушателямъ, которыя имѣютъ въ основѣ личныя душевныя переживанія самого проповѣдника, его собственный религіозный опытъ. Путь, ведущій къ обладанію тайной „живого слова“, отмѣченный нами, до того очевидно-ясенъ, вѣренъ и простъ, что, повидимому, напрасенъ былъ и трудъ настойчиво упоминать о немъ и разъяснять лишній разъ необходимость слѣдовать по этому пути. Тутъ нѣтъ ни признака какой-либо новизны, ни тѣмъ болѣе—открытія, и мы, приступая къ писанію предшествующихъ статей, не мало смущались очевидной простотой, чуть ли не тривіальностію, настойчиво просящейся на выясненіе темы. Пусть—такъ.

Но, дорогой собратъ-читатель, вы, конечно, согласитесь съ нами, что бываетъ въ жизни множество положеній, въ которыхъ ясно опредѣляетъ наше поведение наша же совѣсть, и жизнь предъявляетъ намъ не мало запросовъ, на которые мы знаемъ прямой отвѣтъ; но на дѣлѣ не оправдываются нами неуклонно. Эти требованія нравственной природы, и мы ищемъ обходныхъ, болѣе легкихъ путей для ея уми-

ротворенія, склоняемся на компромиссы. Въ этомъ—горе наше, крушеніе идеаловъ, рѣдко удающееся въ жизни нашей осуществленіе возвышенныхъ цѣлей. Дѣло въ томъ, что физическій законъ, по которому всякая сила проявляетъ дѣйствія по линіи наименьшаго сопротивленія, не чужды и нашей слабой нравственной природѣ. Человѣкъ и здѣсь, въ этой священной области, для осуществленія нравственныхъ цѣлей склоненъ искать „лініи наименьшаго сопротивленія“ своей энергіи—волевымъ усиліямъ, лишь бы найти себѣ нравственно-призрачное самооправданіе. Труденъ, тернистъ путь истиннаго религіозно-нравственнаго совершенства, и человѣкъ избираетъ болѣе легкій—путь внѣшней религіозности, фарисейства, лицемѣрія, обрядоваго благочестія. Въдъ, для всего этого не требуется мучительнаго труда переработки духовной личности, ломки, уничтоженія грѣховнаго, плотскаго склада своей жизни,—все можетъ остаться на своемъ мѣстѣ...

Согласитесь, что то же самое вліяніе закона „лініи наименьшаго сопротивленія“ сказывается и въ направленіи нашихъ усилій къ достиженію религіозно-нравственной цѣли—поднятія церковнаго учительства, обладанія „живымъ и дѣйственнымъ словомъ“. Всѣ мы знаемъ, въ чемъ заключается тайна дѣйственности и жизненности и силы нашей проповѣди, но „тѣсенъ путь и узки врата“, ведущія къ обладанію этой тайной. Для осуществленія цѣли церковнаго учительства нужно, безусловно необходимо самому проповѣднику подняться на высоту религіозныхъ созерцаній и переживаній, нужно самому опытно, по мѣрѣ силъ, испытать, пережить тайну богообщенія, чтобы вести къ Богу слушателя. Но это же такъ трудно и достижимо, развѣ для избранныхъ,—думаемъ мы,—и неужели нѣтъ болѣе легкихъ и доступныхъ каждому путей, чтобы достичь той же цѣли?

И вотъ мы начинаемъ усердно изыскивать и открывать эти сподручныя для себя пути и средства, тщательно изучая образцы „живого слова“, оставленные прежними и новыми

церковными витіями—проповѣдниками. Но надобно сознаться, что здѣсь вниманіе даже болѣе останавливается на второстепенныхъ, внѣшне-формальныхъ сторонахъ проповѣдническихъ шедевровъ, чѣмъ на ихъ внутренней, равно всѣмъ имъ присущей сторонѣ.

Находимъ мы, что у однихъ проповѣдниковъ живое слово облечено въ искусную ораторскую форму, у другихъ выражено языкомъ жизни, у третьихъ носитъ характеръ художественнаго творчества: и вотъ мы начинаемъ думать, что для уловленія тайны живого слова достаточно обладать ораторскимъ искусствомъ, пользоваться языкомъ жизни, говорить на злободневныя темы и подражать литературно-художественнымъ приѣмамъ изложенія. Наконецъ, наши наблюденія надъ дѣятельностію витій—проповѣдниковъ открываютъ намъ и еще одинъ секретъ „живого слова“: большая часть изъ нихъ проповѣдывали устно, безъ записи, способомъ импровизаціи, и живую, импровизаторскую рѣчь мы оцять готовы отождествить съ самымъ „живымъ учительнымъ словомъ“. Такъ, въ общемъ, легко и удобно слагается у насъ теорія достиженія жизненныхъ результатовъ въ церковномъ учительствѣ, и, заручившись ею, мы со дерзновеніемъ и надеждой на вѣрный успѣхъ начинаемъ свою проповѣдь. Нами приняты во вниманіе требованія ораторскаго искусства, мы владѣемъ въ совершенствѣ языкомъ жизни, говоримъ о самыхъ жизненныхъ предметахъ, облакая мысли въ красочные, художественные образы, и при томъ свободной импровизаціей безъ всякой тетради: тутъ бы, казалось, и родиться только живому слову, но нѣтъ,—наши слушатели, и простецы и образованные, упорно отказываются признать въ нашей проповѣди „слово живое“! Тяготятся они нашей проповѣдью и бѣгутъ отъ нея, какъ и раньше, обвиняя церковное учительство въ безжизненности и бесплодности.

Въ чемъ же причина безплодности нашихъ честныхъ усилій?

Думается, единственно въ томъ, что мы, желая искренне поучиться у вдохновенныхъ церковныхъ витій и тщательно изучая ихъ творенія, роковымъ образомъ опускаемъ изъ вида одну, общую всѣмъ имъ и самую существенную сторону ихъ религіозно-проповѣдническаго творчества. Эта основная сторона, равно присущая каждому проповѣднику, обладающему тайной живого слова, заключается въ ихъ личной, богатой религіознымъ опытомъ, христіанской жизни, въ ихъ личной живой, глубокой и сознательной вѣрѣ, устойчивой религіозной настроенности. Огонь зажигается отъ огня, и вѣра оживаетъ въ сердцѣ отъ слова, исходящаго изъ пламенно вѣрующаго сердца: „вѣруй въ Мя, якоже рече писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы“—слова живаго. И текли и текутъ словесныя рѣки воды живой съ устъ узбранныхъ пастырей-проповѣдниковъ, которые заботливо, постояннымъ духовнымъ подвигомъ развили, углубили въ себѣ даръ Божій, вѣру во Христа, которые сами живутъ полною религіознаго личнаго опыта. Самымъ близкимъ для насъ примѣромъ въ этомъ отношеніи является приснопамятный о. Іоаннъ Кронштадскій, какъ, съ одной стороны, вдохновенный церковный учитель-проповѣдниковъ, и—съ другой, какъ носитель благодатной вѣры, глубоко воздѣланной личнымъ духовнымъ подвигомъ. Въ его жизни видимъ мы наглядно осуществленіе тайны „живого слова“. Его дневникъ „Моя жизнь во Христѣ“, гдѣ день за днемъ отражено развитіе его религіозной личной жизни, представляется каждому изъ насъ тѣмъ неистощимымъ родникомъ, откуда истекали „рѣки воды живой“,—его жизненно-дѣйственыя слова церковнаго учительства, неотразимо плѣнявшія слушателей ихъ въ послушаніе вѣры Христовой. И если бы мы съ этой же стороны взглянули на жизнь и содержаніе церковно-учительныхъ твореній всѣхъ древнихъ и новыхъ обладателей „слова живого“, то, несомнѣнно, у каждаго изъ нихъ „Жизнь во Христѣ“, у всѣхъ ихъ былъ свой личный богатый содержаніемъ религіозный опытъ, своя внутренняя, широко развитая религіозная

жизнь. Тогда осталось бы и намъ слѣдовать только примѣру своихъ великихъ учителей въ дѣлѣ проповѣди: для ея оживленія прежде всего озаботиться о созиданіи и расширеніи своей собственной „жизни во Христѣ“, и, кто знаетъ, не было ли бы теперь богаче „живыми словами“ современное церковное учительство!

Но, къ сожалѣнію, далеко еще намъ до подобнаго жизненного поворота въ проповѣдническомъ служеніи; по прежнему снова и снова даются намъ обманчивые совѣты и обѣщанія достичь желанной цѣли безъ всякихъ трудовъ и усилий по пересозданію собственной личности, подъему и углубленію своей религіозной жизни, — единственно внѣшне-учебными, образовательными средствами. Какъ на новѣйшій печальный примѣръ упорства нѣкоторыхъ нашихъ руководителей въ излюбленномъ ими направленіи, можно указать на статью: „О причинахъ упадка церковнаго учительства и о средствахъ оживленія его“, помѣщенную въ майской книжкѣ „Странника“ за настоящій годъ.

Досточтимый авторъ статьи, протоіерей Андріевскій, высказывая не мало здравыхъ второстепенныхъ сужденій о безуспѣшности современнаго проповѣдничества, продолжаетъ рекомендовать для его подъема уже испытанныя и недѣйствительныя средства, хотя и въ болѣе широкой, всеобъемлющей, а потому и болѣе неосуществимой формѣ. Какъ и другіе руководители наши въ дѣлѣ церковнаго учительства, онъ приписываетъ упадокъ проповѣди только внѣшнимъ случайнымъ, и второстепеннымъ ея недостаткомъ въродѣ неприспособленности къ пониманію слушателей, игнорированія условій современной жизни, неумѣнія согласовать евангельскія требованія съ дѣйствительностію, совершенно опуская изъ вида главнѣйшую причину нашего убожества — оскудѣнія въ нашей проповѣди ея единой жизненной основы — духа религіозной вѣры, личныхъ глубокихъ религіозныхъ переживаній самого проповѣдника. Объ этомъ въ статьѣ нѣтъ и упоминанія; нѣтъ яснаго указанія и на то, чему долженъ собствен-

но учить проповѣдникъ, какая цѣль проповѣдничества церковнаго: онъ, правда, представляется учителемъ жизни, но жизни скорѣе всего земной только съ ея многоразличными преходящими интересами, а не жизни религіозно-духовной, вѣчной. Сооувѣтственно такой цѣли учительства, скажемъ прямо—необъятной и неопредѣленной, для ея осуществленія предлагаются и средства, усвоеніе которыхъ едва ли доступно и по силамъ любому проповѣднику—пастырю. Для этого онъ долженъ одолѣть страшную (слава Богу, еще не существующую, а только будущую семинарскую) науку о жизни человѣка (біотику). „Она, по мысли о. Андріевскаго, должна представлять собою синтезъ человѣческихъ знаній, она должна научить законамъ жизни, раскрыть смыслъ человѣческаго бытія, указать средства къ достиженію цѣли, показать ростъ человѣка изъ зародышевой клѣтки въ материнскомъ яйцѣ въ мѣру возраста Христова, т. е. до богоуподобленія“... И вотъ такая-то „постановка семинарскихъ наукъ дастъ обильный матеріалъ для церковной проповѣди... Церковные учителя превратятся тогда... въ дѣйствителтныхъ учителей жизни, и тогда изъ устъ ихъ потекутъ рѣки воды живой... И пойдутъ опять люди къ церковному амвону... Дождется ли осуществленія только наша мечта?“

„Такъ говоритъ Заратустра“ и такъ заканчивается статья о. Андріевскаго. Что сказать о ней? Думается, что она предвѣщаетъ своимъ появленіемъ конецъ ошибочнаго направленія въ нашихъ усиліяхъ къ поднятію церковнаго учительства. Своимъ ярко-одностороннимъ направленіемъ раскроетъ она наконецъ, глаза на правильное рѣшеніе вопроса объ оживленіи церковнаго учительства. Святая мечта о. Андріевскаго, вѣримъ и надѣмся, непременно осуществится, но только не чрезъ „біотику“, а чрезъ сознательное раздѣленіе различныхъ по значенію областей жизни-временной и религіозно-духовной, вѣчной. Живое слово водворится въ нашей проповѣди не при помощи естественно-научнаго знанія, а при познаніи вѣры и при условіи нашего личнаго религіознаго подъема,

при обогащеніи насъ самихъ личнымъ религіознымъ опытомъ. Будеть это тогда, когда мы обратимъ вниманіе на отрипательныя условія своего бытоваго положенія и отвоюемъ себѣ хотя не много простора и свободы для жизни духа, когда поймемъ слова апостольскія, что „не достойтъ намъ, оставивъ слово Божіе, служить трапезамъ (Дѣян. 6 гл. 2 ст.)“. Не біотика, а слово Божіе, упражненіе и совершенствованіе въ личной жизни со Христомъ и во Христѣ откроеть намъ тайну „слова живаго“, и это уже—не „мечта“!.

Свящ. *Аванасій Веселицкій.*

Законъ Божій, какъ основа воспитанія въ начальныхъ народныхъ школахъ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду показать идеалы воспитанія, существующіе въ начальныхъ народныхъ школахъ—церковно-приходскихъ и земскихъ,—какъ двухъ общеизвѣстныхъ направленій народнаго образованія.

Не смотря на то, что, по своему назначенію и программамъ, школы того и другого типа почти одинаковы, онѣ въ то же время рѣзко разнятся между собою по характеру. Церковно-приходскія школы самымъ своимъ наименованіемъ уже указываютъ на свой тѣсный союзъ съ церковію и православною вѣрой. Согласно своему положенію, онѣ имѣютъ и опредѣленныя цѣли воспитанія. Съ христіанской точки зрѣнія, потребность въ просвѣщеніи есть необходимое слѣдствіе Божественнаго происхожденія души человѣка: душа должна получать просвѣщеніе потому, что она, по своему высокому происхожденію, достойна развитія, и оставляетъ ее въ темнотѣ и невѣжествѣ есть тяжкій грѣхъ. Отсюда проистекаетъ обязательность воспитанія дѣтей прежде всего для родителей, затѣмъ для духовенства и всѣхъ лицъ, на то поставленныхъ, а также и полное равенство правъ на воспитаніе всѣхъ людей, безъ различія пола, племени и состояній. Спа-

сителемъ дано было апостоламъ, а послѣдними—и всѣмъ духовнымъ учителямъ и отцамъ Церкви Христовой, право „учить“ народы. (Матѳ. 28, 19). Отсюда, изъ этого источника, возникаетъ преимущественное право Церкви руководить воспитаніемъ и первоначальнымъ обученіемъ, которое тѣсно связано съ нимъ. Такимъ образомъ, „церковность“—вотъ основной принципъ воспитанія въ начальныхъ церковно-приходскихъ школахъ, и этому важному началу никогда не измѣняло въ цѣломъ—духовенство, призванное вести воспитаніе дѣтей родного народа въ указанномъ направленіи. Соответственно этой великой задачѣ, понимается и идея учительскаго званія. На учащемъ персоналѣ церковно-приходскихъ школъ лежитъ почетная миссія истолковывать жизнь при свѣтѣ Евангелія и улучшать ее въ нравственномъ отношеніи.

Средствомъ для достиженія означенной цѣли въ церк.-приходскихъ школахъ служить широкая, по возможности, постановка преподаванія Закона Божія. Здѣсь это—главный предметъ, при помощи котораго концентрируются и приводятся въ систему всѣ умственные и нравственные силы учащихся. Въ дѣйствительномъ значеніи и пользѣ такого положенія главнаго предмета едва ли есть какое-либо основаніе сомнѣваться. Церковная школа имѣетъ цѣлію воспитывать не только умъ, но и сердце и волю въ гармоническомъ соотношеніи ихъ между собою. Она имѣетъ дѣло съ первыми начатками умственной и нравственной организаціи, и ея призваніе заключается въ томъ, чтобы воспитать и возрастить эти начатки. Цѣль такой школы—не наука въ собственномъ смыслѣ, а именно—воспитаніе, чтобы дѣти, развиваясь умственно и нравственно подъ извѣстнымъ руководствомъ,—могли бы стать способными для всякаго серіознаго дѣла, для жизни, въ которой одинаково требуются укрѣпленными всѣ духовныя и благородныя силы и способности человека. Но для такого воспитанія необходимо, чтобы умственные дарованія и нравственные качества сосредоточивались на одномъ какомъ-либо положительномъ и твердомъ

основаніи, воспитываясь на которомъ въ продолженіе всего отрочества изъ года въ годъ, дѣти постепенно бы приходили къ собственному опознанію и къ опознанію окружающаго ихъ міра. Справедливо, поэтому, мнѣніе опытныхъ педагоговъ, что „школа дѣйствуетъ противно цѣлямъ воспитанія, если она ставитъ задачею поровну раздѣлять предоставленное ей время между многими разнородными науками съ тѣмъ, чтобы сообщать младенческимъ умамъ самыя разнородныя свѣдѣнія, которыя покажутся ей важными и интересными“. вмѣсто знаній такая школа внесетъ въ юные умы одинъ только хаосъ словъ и всевозможныхъ формулъ, вмѣсто приготовленія ихъ къ серіозной дѣятельности она сдѣлаетъ ихъ неспособными къ ней; она не разовьетъ, не возбудитъ умственныхъ силъ, но замутитъ, разстроитъ и разслабитъ начатки умственной и нравственной организаціи своихъ питомцевъ, поступающихъ въ нее прямо изъ родительскаго крова. Вотъ почему такъ часто бываетъ въ дѣйствительности, что если добрая—толковая школа приноситъ великую и ощутимую пользу, то школа съ хаотическимъ содержаніемъ, безъ ясно выраженной цѣли, не приноситъ никакой пользы, но причиняетъ одинъ только вредъ.

Итакъ, если нравственное и умственное воспитаніе требуетъ, чтобы надъ всѣми предметами, входящими въ составъ школьнаго ученія, непременно господствовалъ одинъ, самый важный, предметъ, которому посвящалась бы большая часть времени, къ которому сознаніе воспитанниковъ всегда возвращалось бы въ теченіе всего школьнаго періода, то справедливо отмѣтить, что этому педагогическому требованію вполнѣ отвѣчаютъ церковно-приходскія школы раціональной постановкой Закона Божія, какъ предмета обученія и воспитанія. Всѣ остальные науки въ названныхъ школахъ имѣютъ второстепенное значеніе: онѣ скорѣе являются вспомогательными средствами по отношенію къ главному предмету и къ общему развитію учащихся. Съ принятой нами точки

зрѣнія, такой взглядъ слѣдуетъ назвать совершенно нормальнымъ. Учитель неправильно понимаетъ свою задачу, если онъ думаетъ, что для выполненія принятыхъ имъ на себя обязанностей ему достаточно преподать ученикамъ тотъ или другой учебный матеріалъ, провѣрить, какъ хорошо онъ ими усвоенъ, а о развитіи религіознаго и нравственнаго сознанія и чувства своихъ питомцевъ можно не заботиться: такое обученіе не имѣло бы никакой воспитательной силы и значенія. Учитель никогда не долженъ забывать, что его главная обязанность—пробуждать душу и воспитывать цѣлаго чело-вѣка. Своимъ личнымъ примѣромъ, добрымъ поведеніемъ и внимательнымъ отношеніемъ къ святынямъ народнаго сердца, учащіе должны раздѣлять апостольскій трудъ со своими завѣдующими. Исходя изъ этой мысли, мы видимъ, что въ школахъ указаннаго типа имѣется въ виду нѣчто большее, чѣмъ только одна грамотность: это—нравственныя правила, которыя трактуемыя школы должны развивать и утверждать въ учащихся не только посредствомъ случайныхъ наставленій, но и при содѣйствіи всего школьнаго режима. Слѣдовательно, здѣсь идея воспитанія имѣетъ твердую почву: его перспективы совершенно ясны и справедливы, онѣ понятны всѣмъ и каждому. И родители дѣтей, отдавая ихъ въ школу, знаютъ и понимаютъ, что они дѣлаютъ, такъ какъ вопросы церкви, вѣры и нравственности для нихъ—родные вопросы.

Но на ряду со школами, о которыхъ мы говорили, существуютъ школы и свѣтскія, находящіяся въ вѣдѣніи земскихъ учрежденій, школы „мірскія“, какъ ихъ назвалъ самъ народъ. За немногими счастливыми исключеніями школы указаннаго типа представляютъ собою странное явленіе. На вопросъ, какую цѣль онѣ преслѣдуютъ, не всегда бываетъ легко отвѣтить. Изъ случайныхъ разговоровъ съ учащимъ персоналомъ этихъ школъ и съ представителями того вѣдомства, которому онѣ подчинены, также трудно сдѣлать какіе-либо ясные и опредѣленные выводы по вопросу о характерѣ воспитанія въ нихъ. Здѣсь открывается возможность услышать

все, что создано свѣтской педагогикой, базирующей на началахъ естественнаго человѣческаго разума, независимо отъ свѣта Божественнаго Откровенія.

Какое же значеніе имѣетъ Законъ Божій между другими науками въ этихъ школахъ, какъ предметъ образованія и воспитанія, мы сейчасъ увидимъ.

Со всею справедливостію слѣдуетъ замѣтить, что этотъ главный предметъ церковно-пр. школъ въ земскихъ училищахъ на практикѣ, но пока не официально, занимаетъ второстепенное мѣсто... Если мы будемъ удовлетворять свое любопытство только справками въ программахъ и циркулярахъ по Министерству Н. Просвѣщенія, то не узнаемъ и половины дѣйствительнаго положенія дѣла. Лучшимъ отвѣтомъ на поставленный нами вопросъ являются наши непосредственныя наблюденія „на мѣстѣ.“ Что же мы видимъ въ названныхъ училищахъ, „державшихъ въ своихъ рукахъ будущее всего русскаго народа?“ Самыя широкія программы, самыя безграничныя затѣи! Въ каждой школѣ, гдѣ работаетъ болѣе или менѣе усердный педагогическій персоналъ, добросовѣстно реализующій собою спеціальныя „земскія начала,“ вы встрѣчаете цѣлый пантеонъ знаній. Естественновѣдѣніе, географія, исторія, иногда—литература, математика, физика съ космографіей. въ нѣкоторыхъ школахъ—медицина и сельское хозяйство; и все это проходитъ въ какіе-либо 3—4 года. Та многопредметность, которая господствуетъ въ среднихъ казенныхъ школахъ, изъ которыхъ выходятъ люди, ничему основательно не научившіеся, фразеры и обладатели чрезвычайнаго высокомерія,—переносится теперь и въ начальныя народныя школы. При массѣ предметовъ, о которыхъ гг. учащіе изо всѣхъ силъ стараются дать понятіе своимъ ученикамъ,—говорить о воспитаніи, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не приходится. Въ дѣйствительности его и не существуетъ. Толковать о Законѣ Божіемъ, какъ главной основѣ воспитанія, въ то время, когда гг. учащіе, болѣею частію, сами не вѣруютъ, обыкновенно, признается бесполезнымъ. Вѣдь это

значило бы—совершать походъ на многопредметность, походъ на то, что въ принципѣ считается основой образованія, къ чему земскія школы прежде всего спѣшатъ приобщить „бѣдныхъ и темныхъ сыновъ нашего отечества“. Въ вѣкъ социализма и господства политико-экономическихъ ученій возможно ли витать „въ области химеръ, заоблачныхъ міровъ и всевозможныхъ фикцій“, о которыхъ бесконечно трактуютъ духовныя особы. И вотъ, какъ въ свѣтскихъ—среднихъ и высшихъ—учебныхъ заведеніяхъ, давшихъ, современную типическую интеллигенцію, Законъ Божій, этотъ—номинально—первый предметъ по программѣ, на самомъ дѣлѣ не имѣетъ господствующаго положенія надъ остальными предметами обученія, такъ и въ начальныхъ народныхъ школахъ онъ можетъ быть совершенно обезличенъ и обезцвѣненъ самой практикой, или „обычнымъ правомъ,“ какъ говорятъ. Есть полное основаніе думать, что наступитъ время, когда послышатся голоса, которые, впрочемъ, раздаются кое-гдѣ и теперь,—призывающіе къ окончательному упраздненію этого „ненужнаго балласта“ въ школѣ, по примѣру заграничныхъ образцовъ во Франціи. Къ этому уже склоняется желаніе многихъ школьных „реформаторовъ,“ увлекающихся своими личными и политическими взглядами на всѣ безъ разбора вещи и явленія въ мірѣ. Для иллюстраціи того, что совершается иногда на практикѣ, по инициативѣ лицъ, отличающихся самонадѣянной развязностію, которую они любятъ приносить въ школьную сферу въ провинціи, имѣемъ привести нижеслѣдующій колоритный примѣръ, бывшій лѣтъ 7—8 тому назадъ въ одномъ школьномъ экзаменическомъ пунктѣ.

Пишущему эти строки, какъ бывшему учителю церковно-приходской школы, сроднившемуся съ ея характеромъ и особенностями, съ ея религіозно-церковнымъ духомъ,—чрезвычайно рѣзкой показалась та разница, съ которою ему пришлось встрѣтиться на экзаменахъ въ земской школѣ, въ качествѣ законоучителя. По отношенію къ мѣстнымъ жителямъ экзамены представляютъ собою событіе большой важности:

они въ большомъ количествѣ собираются въ классную экзаменаціонную комнату. Немного нужно наблюдательности, чтобы отмѣтить въ числѣ любопытствующихъ свидѣтелей экзамена—крестьянъ двѣ категоріи. Одни—уже „сбившійся“ народъ, доросшій до той „образованности“, которою онъ любитъ „пускать пыль въ глаза“, при всякомъ удобномъ случаѣ, своимъ темнымъ и невѣжественнымъ землякамъ; другіе—это большею частію родители оканчивающихъ курсъ дѣтей. Среди послѣднихъ можно встрѣтить людей, питающихъ въ груди своей живое чувство родительской заботливости—видѣть въ дѣткахъ воплощеніе завѣтныхъ желаній, т. е. чтобы дѣти, по мѣрѣ обученія, становились вѣрующимъ, воспитанными и нравственными. Посѣтители экзамена этой категоріи едва ли могли думать, что имъ придется жестоко обмануться въ своихъ лучшихъ ожиданіяхъ. Неожиданно для всѣхъ присутствующихъ вошедшій въ классную комнату председатель экзаменаціонной комиссіи, играющій видную роль въ мѣстномъ земствѣ, человекъ, по идеѣ долженствующій идти во главѣ народно-просвѣтительнаго дѣла,—открыто заявляетъ, что онъ не специалистъ по Закону Божию (высшее свѣтское образованіе не сдѣлало его специалистомъ по этому предмету даже въ объемѣ курса начальныхъ школъ!), и что хорошо бы оо. законоучителямъ составить свою комиссію, для которой и отводилось, обыкновенно, мѣстечко гдѣ-то въ уголкѣ обширнаго класснаго помѣщенія, какъ для чего-то даже менѣе, чѣмъ второстепеннаго. Въмѣсто того, чтобы выдѣлить законъ Божій изъ всѣхъ остальныхъ предметовъ, какъ предметъ особой важности, вмѣсто того, чтобы воспользоваться благодарнымъ случаемъ—преподать и сообщить уроки по Закону Божию не только дѣтямъ, но и ихъ родителямъ, изъ которыхъ иные съ радостью послушали бы рассказы и бесѣды о „божественномъ“,—главному предмету не находится лучшаго мѣста, какъ въ уголкѣ классной комнаты, откуда не слышно для посѣтителей ни вопросовъ, ни дѣтскихъ отвѣтовъ.—Но вотъ и экзаменъ. Быстро прочитанная молитва послужила слабымъ сигналомъ къ открытію столь великаго

акта въ сознаіи крестьянской дѣтвѣры. Начавшійся процессъ испытанія учениковъ постепенно вводитъ слушателей въ курсъ свѣдѣній, составляющихъ „насущенный хлѣбъ“ начальной земской школы. Если вы неопытный учитель, то многое потеряете въ мнѣніи о себѣ свѣтскаго начальства, руководясь въ своемъ преподаваніи и школьной дѣятельности только программой, одобренной М. Н. П. для начальныхъ школъ. Дѣло въ томъ, что отъ учащихся требуется, чтобы они обязательно имѣли универсальныя свѣдѣнія, не исключая свѣдѣній о спеціально-земской организаціи, какъ это видно изъ такихъ вопросовъ, предлагавшихся на экзаменъ: „что такое земское собраніе, о чемъ на немъ разсуждается, изъ кого оно состоитъ и о чемъ заботится?“ Далѣе: „что такое судъ, какъ онъ раздѣляется, или какіе виды суда, и кто въ немъ засѣдаетъ?“

Послѣ того, какъ въ отвѣтъ на большинство сказанныхъ вопросовъ слѣдуетъ молчаніе ученика или же какой-либо несвязный наборъ словъ, ему предлагается вопросъ буквально въ такой формѣ: „а какъ, голубчикъ, ты думаешь: тихо въ судѣ или пѣтъ?“ Испытуемый, по аналогіи со школьной дисциплиной, разумѣется, отвѣчаетъ: „да, тихо“. „Что же у насъ судъ по-твоему негласный?“—рѣзко обрываетъ оторопѣвшаго ученика предсѣдатель комиссіи. Прибавьте къ этому рядъ вопросовъ: „какое государство образованнѣе—русское или заграничныя?“ „почему Богъ разсѣялъ евреевъ по всей землѣ?“ „что такое машина, какъ она ходитъ въ чемъ заключается дѣйствіе пара?“ и т. п., и вы увидите, какія широкія задачи предносятся уму и сердцу ревнителѣ народнаго просвѣщенія. Для полноты впечатлѣнія не лишнее упомянуть о характерѣ отношеній перваго члена комиссіи къ вопросамъ, такъ или иначе соприкасающимся съ областію религіозной. Такъ, напримѣръ, при разборѣ басни Крылова — „Волкъ на псарнѣ“, гдѣ, между прочимъ, встрѣчается выраженіе: „въ минуту псарня стала адомъ“,—предсѣдатель комиссіи достаточно поглумился надъ церковнымъ понятіемъ „объ адѣ“. Потребовавъ отъ ученика объясненія выраженія—

„царня стала адомъ“ и самаго слова—„адъ“,—экзаменаторъ не удовольствовался краткимъ и заученнымъ отвѣтомъ ученика, что „адъ есть царство сатаны, и мѣсто вѣчнаго мученія“, а началъ допытываться, насколько конкретно мальчикъ представляетъ себѣ адъ — несомнѣнная басня для предсѣдателя комиссiи. „Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, ты думаешь“,—вопрошаетъ предсѣдатель ученика:—„тихо въ аду, или нѣтъ; я думаю, небось, тамъ такой шумъ и трескотня, въ особенности, когда грѣшниковъ поджариваютъ?..“ Понятно, почему нѣкоторые ученики и ученицы на многіе вопросы не могли дать толковаго отвѣта и уходили отъ экзаменационнаго стола, оставляя на членовъ комиссiи невыгодное для себя, а еще болѣе для учащихся, впечатлѣніе, хотя нѣкоторые между ними были примѣромъ прилежанія, поведенія и успѣховъ.

Какое получается впечатлѣніе отъ экзамена, показываютъ отдѣльныя сценки и обсужденіе между собою родителей и родственниковъ только что проэкзаменованныхъ дѣтей. „А я все думала, что дѣвочку-то будутъ сирвивать изъ уроковъ; она, бѣдная, дни и ночи учила, уже вотъ какъ старалась, заботная, а на то мѣсть про машину сиросили, а я ее, милая, и на станцію-то никогда не брала,“—говоритъ разочарованная мать-крестьянка другой матери. Рядомъ съ ними стоятъ и ихъ дочери, только что подвергшіяся первому въ жизни экзамену. Ни живости въ глазкахъ, не радости нѣтъ на этихъ дѣтскихъ лицахъ: какая-то растерянная улыбка бродитъ по нимъ. То же уныніе, вѣроятно, наполняло и душу педагоговъ, изъ которыхъ иные привезли изъ далека своихъ питомцевъ на сборный экзаменическій пунктъ. Гдѣ же захватывающее и воздуществляющее чувство, котораго въ правѣ каждый ожидать отъ живого школьнаго дѣла?

Итакъ, какой же выводъ слѣдуетъ сдѣлать изъ всего вышензложеннаго? Если мы ясно представимъ себѣ настоящее состояніе нашихъ воспитательно-образовательныхъ заведеній и въ то же время никѣмъ изъ благомыслящихъ не

оспариваемое духовное и нравственное убожество нашего народа, то по-истинѣ станетъ страшно и больно за наше „православное“ отечество, а въ особенности за молодое русское поколѣніе. Что станетъ съ этимъ, когда-то могучимъ, богатыремъ-великаномъ,—неволью напрашивается на мысль этотъ роковой вопросъ,—что можетъ спасти его? Всѣми признано, что недавняя, трагическая для насъ, война,—этотъ экзаменъ для всего народа,—открыла глаза на всю нашу русскую дѣйствительность, представляющую собою глубокий нравственный упадокъ какъ высшихъ, такъ и низшихъ, классовъ общества. Но правда и то, что „отъ всякаго, кому дано много, много и потребуетъ; и кому много ввѣрено, съ того больше взыщутъ“ (Лук. 12, 48).

Какъ же мы относимся къ тому дѣлу, за которое должны будемъ понести тяжелую отвѣтственность предъ Богомъ и людьми,—къ дѣлу народнаго воспитанія? Мы очень часто любимъ говорить о своей незрѣлости и неспособности жить и мыслить своимъ умомъ, всему „не нашему“ мы рабски подражаемъ и въ результатъ на каждомъ шагу вредимъ себѣ примѣненіемъ понятій, чуждыхъ намъ, къ нашему національному быту. Все, что уже потеряло всякій кредитъ и значеніе у передовыхъ народовъ, мы ревностно переносимъ на свою почву;—словомъ, все чужое для насъ—авторитетъ. А между тѣмъ того, что дѣйствительно заслуживаетъ вниманія въ чужихъ странахъ, мы большей частью замѣчать и брать въ примѣръ не желамъ.

Всѣмъ, допускающимъ великое злоупотребленіе своимъ правомъ хозяйничанія въ народной школѣ, не бесполезно прочесть извѣстную книгу Евграфа Коваленскаго: „Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ“ (1904 г.). Изъ нея мы видимъ, что религіозные, нравственные и гуманитарные принципы въ Америкѣ служатъ главнымъ основаніемъ начальной народной школы. „Высшая цѣль воспитанія“,—говоритъ завѣдующій народнымъ образованіемъ въ Америкѣ Г'аррисъ,—„не выгоды, доставляемая силой для эгостиче-

скаго пользованія человѣка, но доставленіе послѣдному способовъ и навыковъ выполнить неизмѣнныя обязанности, возложенныя на него его мѣстомъ во вселенной, его отношеніемъ къ Богу и къ ближнимъ. Тотъ, кто добывалъ знаніе ради знанія, немного лучше того, кто добываетъ деньги только ради денегъ“ (стр. 79, 266). „Школа есть вспомогательное учрежденіе, созданное ради упроченія четырехъ устоевъ цивилизаціи: семьи, общества, государства и церкви“ (ibid).

Безбожная школа—явленіе положительно невозможное въ Америкѣ.

Интересно узнать, что отвѣтила бы Америка тому человѣку, который позволилъ бы себѣ назвать церковную школу „презрѣнной“, законъ Божій—„никому ненужными баснями,“ а тружениковъ этого святого дѣла—„тупыми реакціонерами и одержимыми мракобѣсіемъ“? Но тамъ такое явленіе едва ли возможно. Американская интеллигенція, проникнутая глубокой вѣрой въ силу религіи своихъ отцовъ, любовью къ родинѣ и уваженіемъ къ закону,—идетъ впереди народа, но не отдѣляется отъ него, не разрушаетъ преданій, не мѣняетъ путей. Она дѣйствительно открываетъ и расчищаетъ дорогу, руководясь свѣтомъ вѣры, исторіи и народнаго духа, къ дальнѣйшему развитію и совершенству послѣдняго. Есть ли что-либо похожее у насъ? Сохранилась ли у насъ народно-русская христіанская школа? Отвѣтить можно только одно,—довольно ясныя и опредѣленныя черты означенной школы можно видѣть только въ типѣ церковно-приходскихъ школъ.

Въ виду того, что въ настоящее время въ Государственной Думѣ, въ обществѣ и печати разрабатывается проектъ о всеобщемъ и обязательномъ обученіи, къ осуществленію котораго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже приступаютъ наши соотечественники,—православное духовенство, въ лицѣ своихъ авторитетныхъ представителей, должно съ усиленной энергіей отстаивать христіанскій, православный и національный характеръ нашей народной школы. Врагъ свѣта Христова,

свѣта Евангелія, не дремлетъ. Онъ не останавливается ни передъ чѣмъ, лишь бы вырвать начальную школу изъ вѣдѣнія духовенства и правительства и отдать ее въ безконтрольное распоряженіе земства и при томъ не настоящаго русскаго, а такъ называемаго „прогрессивнаго меньшинства“. Общественная печать и духовно-зоркіе люди уже давно обращаютъ вниманіе на этотъ важный вопросъ, отмѣчая его острыя формы, какія онъ начинаетъ принимать въ ближайшее къ намъ время. Поэтому, полагаемъ мы нисколько не погрѣшили въ своемъ рѣшительномъ, но справедливомъ отзывѣ о дѣйствительномъ положеніи Закона Божія,—этого главнаго предмета,—какъ самой важной и первой основы христіанскаго воспитанія въ начальныхъ народныхъ русскихъ школахъ.

Священникъ *Василій Бажановъ*.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

о продолженіи изданія при Кіевской духовной семинаріи
ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

въ 1911 подписномъ году.

Вступая въ 52 годъ своего существованія, журналъ нашъ останется неизмѣнно вѣрнымъ своей задачѣ—содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, православному русскому духовенству въ его святомъ и многотрудномъ служеніи; останется вѣрнымъ и своимъ, испытаннымъ полувѣковою жизненностью, традиціямъ—разрѣшать и освѣщать волнующіе жизнь приходскаго пастыря вопросы въ духѣ Христова Евангелія и ученія Святой Его Церкви.

Въ этихъ видахъ журналъ отведетъ на своихъ страницахъ широкое мѣсто статьямъ по основнымъ и неизмѣнно насущнымъ вопросамъ церковно-пастырскаго служенія, связаннымъ съ изъясненіемъ Слова Божія, его проповѣданіемъ

и съ устроениемъ всей приходской жизни на основѣ Евангелія и церковныхъ канонѣвъ, а также статьямъ литургическаго и церковно-историческаго характера.

Всегда трудное, пастырское служеніе при современныхъ условіяхъ религіозной и церковной жизни требуетъ необычайнаго напряженія духовныхъ силъ пастыря и знакомства съ умственными и общественными теченіями въ ихъ правильномъ освѣщеніи. Певѣріе и отрицаніе, никогда не прекращавшія своихъ нападокъ на Церковь Христову, въ настоящее время уже проникли въ среду простого народа, доселѣ бывшаго вообще благочестивымъ и преданнымъ Церкви. Иновѣріе и сектантство, получивъ права свободнаго исповѣданія, съ удвоенной энергіей отторгають отъ Церкви ея чадь, настоятельно вызывая пастырей и архипастырей на неотложную борьбу съ этимъ зломъ нашихъ дней. Въ то же время въ русскомъ народѣ широко распространяются правственная грубость и распущенность, и замѣчается извращеніе элементарныхъ правственныхъ и человѣческихъ понятій. Освѣщать всѣ эти язвы современной религіозно-правственной жизни, указывать сообразныя съ духомъ вѣры Христовой средства къ исцѣленію ихъ нашъ журналъ считаетъ предметомъ, входящимъ, какъ это было и раньше, въ кругъ его задачъ и въ подлежащемъ подлинномъ году изданія.

Точно также журналъ будетъ откликаться на своихъ страницахъ замѣтками и статьями о цѣлесообразной постановкѣ оживляющихъ приходскую жизнь организацій, каковы, напр., приходскіе совѣты, братства, общества трезвости, благотворительности и пр..

Во взаимобщеніи и единеніи — прочный залогъ для успѣшной дѣятельности, а потому „Руководство для сельскихъ пастырей“ съ полною готовностью предлагаетъ свои страницы всѣмъ пастырямъ, желающимъ подѣлиться своими мыслями, наблюденіями и опытомъ съ сопастырями. Въ тѣхъ же цѣляхъ возможно широкаго ознакомленія читателей съ указаніями пастырскаго опыта журналъ въ 1911 под-

писномъ году будетъ давать время отъ времени на своихъ страницахъ, свѣдѣнія о церковной и пастырской дѣятельности въ восточно-православныхъ и западныхъ инославныхъ церквахъ, а также обзоръ церковно-общественной жизни и выдающихся событій приходской жизни Россіи.

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 52 еженедѣльно выходящихъ номеровъ, что составитъ три тома; изъ 12 книжекъ „Проповѣдей“ и 12 выпусковъ „Богословскаго библиографическаго Листка“.

Кромѣ того, въ память исполнившагося еще въ 1908 г. столѣтія со дня смерти талантливаго и популярнаго духовнаго композитора А. Л. Веделя, редакція Р. д. с. п. дастъ въ 1911 г., въ качествѣ бесплатнаго приложенія, изданіе его произведеній въ видѣ партитуры съ переложеніемъ для фортепіано подъ заглавіемъ „Избранныя духовно-музыкальныя сочиненія А. Л. Веделя“, вып. 1 и 2.

Сверхъ всего этого подписчики 1911 года могутъ выписывать изъ Редакціи „Толковый Типиконъ“ М. Скабаллановича по уменьшенной цѣнѣ.

Подписная цѣна съ пересылкой во всѣ мѣста Россійской имперіи *шесть рублей*; за границу *8 руб.* Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ Консисторій, Правленій семинарій и училищъ и благочинныхъ, можетъ быть отсрочена до сентября 1911 г.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія библіотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—20 марта 1885 г. за № 280).

Съ требованіями обращаться по адресу: Кіевъ, въ Редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.

За переѣзду адреса среди подписного года гг. подписчики благоволятъ присылать *25 коп.* (Можно почтовыми марками).

Подписка принимается только на весь цѣлый годъ, на $\frac{1}{2}$ г. или на 1 м. не принимается.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій

Печатать дозволяется. Кіевъ, 18-го декабря 1910 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Типографія Акціонер. О-ва Н. Т. Корчакъ-Повицкаго, Меринг. ул.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть № 52. Подписка принимается въ редак-
пять руб., съ пересылкою ШЕСТЬ цѣи журнала, при Киевской духов-
гублей. ной Семинаріи.

1910-го года декабря 26-го дня.

Содержаніе: I. Памяти почившаго о. протопресвитера Іоанна Леонтіевича Янышева († 13 іюня 1910 г.). Свящ. А. Веселицкій.—II. О церковныхъ лѣтописяхъ и программѣ ихъ веденія. П. Пальмовъ.—III. По разнымъ дорогамъ. Свящ. А. Веселицкій.—IV. Какъ лучше устроить праздникъ для дѣтей въ святочные дни? П.—V. Замѣтка. Письмо бывшаго священника, лишеннаго сана.

Памяти почившаго о. протопресвитера Іоанна Леонтіевича Янышева († 13 іюня 1910 г.).

Недавняя кончина о. протопресвитера І. Л. Янышева по справедливости должна считаться горестной, невознаградимой утратой для всѣхъ насъ русскихъ православныхъ людей, для церкви русской, для русскаго народа. Личности, подобныя о. І. Л. Янышеву, нечасто посылаются Провидѣніемъ извѣстному народу для подъема его общественной, религіозной жизни, для проясненія его нравственныхъ идеаловъ, и нашъ долгъ предъ ними съ благодарностью принять и усвоить тотъ великій духовный даръ, который они оставляютъ намъ въ своей жизни, въ своемъ ученіи. Почившій протопресвитеръ именно оставилъ намъ такое безцѣнное духовное на-

слѣдство, и сочувственные, сердечно-трогательные некрологи какъ духовной, такъ и свѣтской печати своевременно и всесторонне освѣтили и, отчасти, оцѣнили его многоразличную церковно-общественную и учебно-богословскую дѣятельность. Обаятельная по высотѣ религіозно-правственнаго характера и по ясности, широтѣ и новизнѣ ученыхъ взглядовъ, кристальная въ смыслѣ христіанской чистоты личность почившаго, какъ при жизни, такъ и по смерти, вѣрно, долго еще будетъ руководственнымъ свѣточемъ, не только для знавшихъ его, но и вообще для всѣхъ христіански просвѣщенныхъ слоевъ русскаго общества. Но если вообще всей своей плодотворной дѣятельностью и жизнью имѣеть почившій право на благодарную и вѣчную память среди насъ, то одной стонной своей личности и дѣятельности онъ по преимуществу долженъ надолго остаться нашимъ живымъ, незамѣнимымъ учителемъ и просвѣтителемъ. Мы подразумѣваемъ здѣсь дѣятельность о. прот. Янышева, какъ профессора нравственнаго богословія въ С.-Петербургской духовной академіи, и представляемъ его, какъ личность, надѣленную Самимъ Богомъ высшей нравственной чуткостію и необычно-проникновеннымъ, яснымъ постиженіемъ евангельскаго жизненнаго ученія. Послѣднее свойство духовной природы, тщательное воздѣланное и осуществляемое въ личной жизни, въ связи съ сильнымъ самостоятельнымъ умомъ и широкимъ общеевропейскимъ научнымъ образованіемъ, создало въ лицѣ о. Янышева выдающагося моралиста-мыслителя строгаго - православнаго христіанскаго направленія. И, не взирая на внѣшнюю эпизодичность и кратковременность дѣятельности почившаго въ этой области, по сравненію съ другими много-различными служебными и общественными обязаностями, какія онъ несъ, эта профессорская служба его и, какъ плодъ ея, его ученія сочиненія: „Православно-христіанское ученіе о нравственности“ и чтенія „О сущности христіанства съ нравственной точки зрѣнія“, должны по праву считаться самыми прочными памятниками такой рѣдкой вы-

соко-христіанской личности, ся благотворной для современниковъ и потомства жизни.

Въ самомъ то дѣлѣ,—всѣ другія стороны болѣе чѣмъ полувѣковаго служенія почившаго Церкви, Царю и отечеству, не взирая на ихъ неоспоримую цѣнность въ историческомъ и другихъ отношеніяхъ, все же имѣють значеніе лишь въ извѣстныхъ границахъ, для той или другой сферы церковно-общественной жизни; между тѣмъ духовный вкладъ, внесенный имъ въ сокровенную религіозную и правственную жизнь родного народа въ формѣ болѣе глубокаго пониманія и осуществленія въ жизни началъ христіанства, долженъ явиться для всѣхъ насъ новымъ шагомъ и неотъемлемымъ приобрѣтеніемъ на всѣ времена. Для лучшаго освѣщенія непреходящей цѣнности заслугъ о. прот. Янышева въ области жизненнаго и научнаго пониманія правственнаго ученія христіанства приводимъ мнѣніе о немъ одного продолжателя ученой дѣятельности почившаго въ той же области, профессора-моралиста Московской академіи М. М. Тарѣва. Вотъ что пишетъ послѣдній, о приснопамятномъ протопресвитерѣ ¹⁾.

„Мы, профессора и преподаватели этой науки (нравственнаго богословія), гордились тѣмъ, что имѣли своимъ учителемъ Іоанна Леонтьевича. Янышевъ былъ для насъ тѣмъ же, чѣмъ В. В. Болотовъ для церковныхъ историковъ. Самъ о. Янышевъ считалъ именно это дѣло близкимъ своему сердцу, въ него влагалъ свою дуню. Имъ впервые сдѣлана попытка объяснить понятіе о нравственности вообще, всѣмъ элементамъ, входящимъ въ это универсальное понятіе, дать ясное и точное опредѣленіе, намѣтить психологическую связь и, такимъ образомъ, выяснивъ нравственное достоинство и назначеніе человѣка, опредѣлить верховное благо человѣка, какъ оно осуществляется спасеніемъ именно во Христѣ. Нравственно-богословская система прот. Янышева имѣетъ не только фор-

¹⁾ Богословскій вѣстникъ. іюль - августъ. Протопресвитеръ Г. П. Янышевъ, какъ моралистъ.

малыня, научныя достоинства, но и наполнена цѣннымъ содержаніемъ обще-культурнаго знанія. Въ культурной исторіи народа не могутъ быть *quantité négligeable* книги, которыя читають тысячи священниковъ, проповѣдующихъ милліонамъ гражданъ. Черезъ эти каналы цѣнная (живая) мысль изъ книги переливается въ самое сердце народа“.

Къ этому отзыву присоединится каждый, кто знакомъ съ содержаніемъ сочиненій почившаго христіанина-моралиста, и мы горько сожалѣемъ лишь о томъ, что при жизни его, животворныя идеи этихъ сочиненій не имѣли достаточно широкаго распространенія не только въ народѣ, а даже и въ нашей средѣ, между „тысячами священниковъ“. Между тѣмъ, намъ-то, священникамъ, и могло бы сослужить великую службу знакомство съ ними, указуя вѣрные пути къ проникновенію въ душу народную чрезъ ознакомленіе съ внутреннимъ процессомъ зарожденія и развитія нравственной жизни. Но что, по обычному у насъ русскихъ непростительному упущенію не было сдѣлано ранѣе, то слѣдуетъ исполнить теперь. Непростительно было бы пренебречь великимъ даромъ духовнымъ, оставленнымъ во благо родного народа почившимъ, не использовавъ его до конца, не усвоивъ свѣтлой мысли своего учителя, не приобщивъ къ ней православный народъ. Особенно необходимо это теперь при нашей общей нравственной расшатанности, помраченіи высокихъ идеаловъ Евангелія во всѣхъ сферахъ современной жизни на Руси.

Свящ. А. Веселюкій.

О церковныхъ лѣтописяхъ и программѣ ихъ веденія.

Во многихъ епархіяхъ существуетъ добрый обычай вести по церквамъ лѣтописи, въ которыхъ записываются всѣ выдающіяся событія изъ общественной, епархіальной и, главнымъ образомъ, мѣстной приходской жизни. Не говоря уже

о томъ, что церковныя лѣтописи со временемъ могутъ представить изъ себя серьезный и цѣнный матеріалъ для науки, за который отъ души поблагодарить потрудившихся надъ записью священнослужителей и историкъ, и археологъ, и этнографъ,—церковныя лѣтописи весьма полезны и для самихъ членовъ причта того или другого прихода. Лѣтописи, давая картину приходской жизни за значительный періодъ времени, наглядно показываютъ ростъ или же, наоборотъ, умаленіе религіозно-нравственной жизни прихода и тѣмъ самымъ то ободряютъ пастыря въ его дѣятельности, то побуждаютъ проявить въ ней болѣшую степень рачительности въ цѣляхъ преобѣжденія зла. Въ пастырскомъ служеніи огромное значеніе имѣетъ то искусство, съ какимъ прилагаются къ искорененію пороковъ духовныя средства, находящіяся въ распоряженіи пастыря. Чтобы въ совершенствѣ владѣть этимъ искусствомъ, надо.—помимо обладанія имъ, какъ даромъ Божіимъ,—учиться ему. Какое счастье для молодого пастыря, только что вступившаго на приходъ, если его предшественникъ былъ обладателемъ великаго искусства управлять душами вѣрующихъ, и съ его искусствомъ молодой, робкій въ первыхъ шагахъ своего служенія, пастырь можетъ познакомиться не по однимъ плодамъ дѣятельности, но еще и по собственноручнымъ замѣткамъ и сообщеніямъ предшественника въ церковной лѣтописи. Рисуя жизнь прихода за 30, 40, 50 лѣтъ священства и открывая все, что было предпринято пастыремъ къ исправленію и подъему приходской жизни за этотъ длинный періодъ времени, церковная лѣтопись явится для молодого священника своего рода духовнымъ завѣщаніемъ оставленнымъ ему его почтеннымъ предшественникомъ въ назиданіе и руководство, какъ, въ какомъ духѣ, въ какомъ направленіи, съ какими средствами должно продолжать ему веденіе уже налаженнаго приходскаго дѣла. Съ лѣтописью подъ руками новый настоятель прихода быстро войдетъ въ курсъ приходской жизни, не растеряется, не почувствуетъ себя въ безпомощномъ состо-

янии, не растратитъ понапрасну запаса энергій на такія начинанія, которыя оказались бы неудобоисполнимыми при различныхъ условіяхъ, или нашли уже себѣ то или иное осуществленіе въ приходѣ при прежнемъ настоятелѣ и требуютъ только продолженія и поддержки со стороны его преемника.

Радости и скорби въ настырской дѣятельности смѣняются другъ друга. То настырь съ отрадою замѣчаетъ, что прихожане, внимая его голосу, стараются освободиться отъ обуявшихъ ихъ пороковъ и заблужденій, то, наоборотъ, съ сердечной болью видитъ, какъ съ ужасной быстротой, подобно пожару, охватившему деревянныя строенія, разрастается зло среди прихожанъ, и нѣтъ средствъ въ распоряженіи настыря остановить это зло въ минуту его временнаго торжества. И опять страницы лѣтописи, на которыхъ добросовѣстно отмѣчены години настырскихъ радостей и печалей, способны ободрить унывающій духъ священника и вселить въ него вѣру, что торжество остается, въ концѣ концовъ, только за добромъ, а зло беретъ перевѣсъ лишь на время. Такъ было раньше, такъ будетъ и теперь, и послѣ.

Полезь церковныхъ лѣтописей несомнѣнна, и поэтому весьма желательно, чтобы онѣ были заведены при всѣхъ церквяхъ русскихъ епархій. Весьма важно при этомъ, конечно, чтобы лѣтописи велись по всесторонне обдуманной программѣ. Подъ руководствомъ высокопреосвященнаго архіепископа Арсенія (нынѣ новгородскаго и старорусскаго), Псковская духовная консисторія выработала, на нашъ взглядъ, прекрасную программу церковной лѣтописи, которую мы и предлагаемъ вниманію настырей, сочувствующихъ дѣлу веденія, при церквяхъ лѣтописей, въ надеждѣ, что они отзовутся своимъ словомъ по поводу этой программы, выскажутъ сужденіе о ней ¹⁾.

¹⁾ Программа напечатана въ № 21 Псковскихъ епарх. Вѣдомостей за текущій годъ.

Програма веденія церковной льтописи.

„Приходскій храмъ, часовни, школы, кладбища и ихъ принадлежности. Измѣненія въ нихъ отъ времени, физическихъ явленій и человѣческаго творчества. Обветшаніе, ремонты, расширеніе, пристройки, кѣмъ, на чьи средства произведены, обнесеніе оградой, древесныя насажденія. Подновленіе иконостасовъ, живописи. Пожертвованія церковныхъ вещей и изытіе ихъ по разнымъ причинамъ, описаніе ихъ; кѣмъ пожертвованы.

Причтъ, составъ его, перемѣны въ немъ, выдающіяся событія въ жизни его. Пастырская дѣятельность, въ пользу храма, школь, благоустройства кладбищъ, богадѣлень. Удовлетвореніе духовныхъ и матеріальныхъ нуждъ прихожанъ и своихъ собственныхъ. Дѣятельность учителей и учительницъ.

Дѣятельность церковнаго старосты, представителей отъ прихода, церковно-приходскихъ попечительствъ и совѣтовъ, обществъ трезвости. Собраніе благочинническихъ и попечительныхъ совѣтовъ, сѣзды благочинническіе и епарх. Выдающіяся постановленія ихъ, епархіальнаго начальства и высшей церковной власти.

Приходъ пространство и численность; перечисленіе деревень, увеличеніе и уменьшеніе числа прихожанъ по разнымъ причинамъ.

Религіозно-правственное состояніе прихожанъ. Отношеніе къ церкви, причту и школь, взаимныя отношенія ихъ семейныя и общественныя. Наблюденіе надъ ихъ хозяйственною дѣятельностью. Выдающіяся по своему христіанскому укладу семьи, характеристика и образъ жизни. Замѣчаемыя въ приходѣ ослабленія религіозности и нравственности нестроенія, причины ихъ; мѣры противодѣйствія.

Дѣятельность раскольниковъ и сектантовъ и противодѣйствія имъ.

Совершеніе воскресныхъ богослуженій, время совершенія; продолжительность, прибытіе въ храмъ прихожанъ; при-

близительное число ихъ; преобладаніе пола и возраста. Совершители богослуженія. Участіе прихожанъ. Возженіе свѣчъ, поминаніе родныхъ, чтеніе на клиросѣ, участіе въ пѣніи хоровомъ и общенародномъ. Поведеніе прихожанъ въ храмѣ и внѣ его. Проповѣдь; обстоятельства, вызвавшія произнесеніе ея, краткое содержаніе и цѣль ея; воздѣйствіе на прихожанъ, по скольку оно замѣтно

Совершенныя требы, молебны, внѣбогослужебныя собесѣдованія, чтенія въ школахъ. Какъ провели причтъ и прихожане воскресный день.

Болѣе подробное описаніе совершенія богослуженій въ двенадцатые и мѣстные праздники. Совпаденіе ихъ съ временемъ года, атмосферическими и другими явленіями природы — морозами, ранней весной, засухой, и періодами сельскохозяйственной дѣятельности прихожанъ. Какъ проведены они причтомъ и прихожанами.

Совершеніе молебновъ въ деревняхъ.

Описаніе нѣкоторыхъ церковно-семейныхъ торжествъ: свадебъ, крестинъ, похоронъ, съ указаніемъ характерныхъ мѣстныхъ обрядовъ и обычаевъ. Выдающіяся событія общественной жизни прихожанъ, характерныя постановленія сельскихъ сходовъ, волостныхъ судовъ и другихъ высшихъ учрежденій, обуславливающихъ строй жизни прихожанъ, учрежденіе пожарнаго, сельско-хозяйственнаго общ., судосберегательнаго товарищества и тому подобныя; ихъ дѣятельность. Обширныя рубки лѣса, осушеніе болотъ, проведеніе дорогъ, устройство мостовъ.

Учрежденіе крупныхъ промышленныхъ предпріятій, большихъ мельницъ, фабрикъ и заводовъ, вліяніе ихъ (указаніе фактовъ) на религіозно-нравственную жизнь и матеріальную жизнь прихожанъ.

Отраженіе въ приходѣ выдающихся моментовъ жизни Православной Церкви, Русскаго Государства и другихъ мировыхъ событій“.

Н Пальмовъ.

По разнымъ дорогамъ.

Въ раздумьи и съ неохотою, — всего на двѣ минуты, — остановился московскій вечерній поѣздъ на маленькой станціи; обдалъ бѣлымъ паромъ станціонное зданіе, нашумѣлъ, и, не находя для себя здѣсь большого дѣла, хлопотливо умчался впередъ на сѣверъ. Съ отходомъ поѣзда станція скоро приняла свой обычный сонный и скучающій видъ. Потухли лишніе фонари, разбрелось начальство по квартирамъ, убралъ буфетчикъ со стойки скудную снѣдь, вздыхая и жалуясь въ душѣ на плохія времена и скудость пассажировъ. Скоро только два человѣка оживляли опустѣвшую станцію. Богатыремъ растянувшись на единственномъ диванѣ для чистой публики, храпѣлъ станціонный сторожъ. Бодрствовалъ возлѣ аппарата телеграфистъ, разгонявшій молодую тоску бречаніемъ на гитарѣ. Скоро по отходѣ поѣзда, вмѣстѣ съ широккой струей морознаго воздуха, ввалился на станцію очевидно запоздавшій пассажиръ; за нимъ возница внесъ небольшой изящный чемоданчикъ. Сбросивъ шубу и протеревъ запотѣвшія очки, пассажиръ мелькомъ взглянулъ на часы и въ отчаяніи схватился за голову.

Опоздалъ!...— Вотъ такъ сюрпризъ! Миронъ! Что ты со мною сдѣлалъ, идолъ ты эдакій, заговорилъ пассажиръ къ извозчику.

— Дорога тяжелая, баринъ. Вьюга такъ и сшибаетъ съ ногъ...

— Пожалуйста не оправдывайся. Говорилъ тебѣ, ироду, не возись, не трать времени, подгоняй лошадей. Такъ нѣтъ: успѣмъ, баринъ... еще ждать будемъ. Подумай ты, своей мудрой головой, что я здѣсь буду дѣлать до утра?

— Почивать будемъ, Александръ Михайловичъ.

— Покорно благодарю: почивай ты самъ въ этой грязи.— Пассажиръ брезгливо обвелъ глазами станціонную комнату.— Однако волей-неволей устраиваться надо.

— Почтеннѣйшій, а почтеннѣйшій,—сталь онъ тор-мошить сторожа, хранившаго во весь носъ. Не можете ли вы удѣлить часть своего уютнаго ложа бѣдному путнику? Милые порядки—не на чемъ сѣсть—на всю станцію одинъ диванъ.

— Скажите, маэстро, обратился онъ черезъ окошко къ телеграфисту, скоро ли будетъ поѣздъ на Москву?

— Въ пять часовъ утра...

— Ой, батюшка, что же мнѣ дѣлать несчастному?..

— Почуйте, господинъ, на станціи.

Господина такой выходъ не особенно радовалъ: въ боковомъ карманѣ у него лежала приличная сумма денегъ, судьба которой не была для него безразличной.

— Отгадай ка,—размышлялъ онъ,—что придетъ въ голову этому Ильѣ Муромцу, покосился пассажиръ на сторожа,—а особаго довѣрія музыкантъ этотъ тоже не внушаетъ. А ночь впереди длинная...

— Еще пару словъ, обратился онъ снова къ телеграфисту. На мое имя могли быть телеграммы и письма. Какъ бы выяснить—есть ли онѣ?

— А вотъ пожалуйста сюда.

Телеграфистъ разложилъ передъ путникомъ десятка два писемъ, открытокъ и телеграммъ. Ничего на свое имя пассажиръ не нашелъ но среди писемъ его вниманіе привлекла фамилія одного адресата. „О. Федору Власовскому. Въ деревню Тарасовку“—Не онъ ли, мой товарищъ юности, дѣлившій со мною и горе радость семинарскаго житья, надежный когда-то другъ и незамѣнимый подсказчикъ, на нѣтъ сводившій всѣ козни строгаго догматиста противъ моей лѣнливой персоны?—При воспоминаніи добраго товарища милой юности какъ-то свѣтло стало на душѣ пассажира, ступшевались и забылись неудачи путешествія.

— Тарасовка далеко ли отъ вашей станціи? спросилъ онъ телеграфиста.

— Рукой подать—верстъ пять не больше.

— А священника тамъ вы не знаете?

— О. Ѳедора Власовскаго? Какъ не знать?

— Не знаете ли отчества, и сколько ему лѣтъ?

— Отчество его—Петровичъ, а по лѣтамъ онъ, пожалуй, не много старше васъ будетъ.

— Такъ это онъ, мой старый товарищъ. Вотъ неожиданность и какая пріятная! Спасибо вамъ, тепло пожалъ онъ руку телеграфиста.

Въ головѣ путешественника скоро созрѣло рѣшеніе.

— Миронъ, обратился онъ къ своему возницѣ.—Слышаль ли ты о томъ, что на свѣтѣ есть село Тарасовка, совсѣмъ близко отсюда, а въ немъ батюшка—о. Ѳедоръ?

— Бываль не разъ, баринъ, и батюшку знаю.

— Такъ вотъ что: заворачивай ты своихъ рысаковъ и со скоростью тысячу верстъ въ часъ мчи меня къ товарищу, и пожалуйста скорѣе: затылокъ не чеши, міровыхъ вопросовъ не рѣшай и на счетъ чаевыхъ и прибавки ни мало не сомнѣвайся: все будетъ въ порядкѣ.

Сидя въ просторныхъ деревенскихъ саняхъ, Александръ Михайловичъ Гурскій весь отдался воспоминаніямъ юности. Какъ жизнь-то идетъ скоро! 17 лѣтъ прошло, какъ Гурскій окончилъ К. семинарію, а кажется, будто вчера все это было. Какъ живой вспомнился ректоръ, говорившій въ классѣ свою послѣднюю рѣчь къ ученикамъ. Мы,—говорилъ онъ,—свою миссію окончили; плохо ли, хорошо—насъ Богъ будетъ судить. Передъ вами, какъ море, откроется жизнь съ различными путями, съ радостями и скорбями. Большинство изъ васъ пойдетъ во священники, и благо имъ,—скажу. Голодно это служеніе, отвѣтственно, не мало—печалей на тернистомъ пастырскомъ пути, но есть въ немъ радости, какихъ не знаетъ другое служеніе. А самая главная притягательная сторона въ этомъ служеніи—это близость къ Богу, къ дѣлу спасенія, къ вопросамъ вѣры, отъ которыхъ вѣрующій ни уйти, ни скрыться никогда не можетъ. Сотни учениковъ прошли передъ моими глазами, и много примѣровъ я знаю, какъ въ пастырствѣ

бывшіе сорванцы, юноши не церковной закваски, становились энергичными тружениками слова Божія. Въ пастырствѣ сокрыта глубокая преобразующая сила, которая восполнить ваши силы, вдохновить, подкрѣпить. Въ выборѣ жизненнѣйшей дороги дѣйствуйте свободно — идите туда, куда влечетъ васъ сердце: честные работники, богословски образованные люди, вездѣ будутъ полезны для общества и Церкви, и объ одномъ лишь васъ прошу: никогда не забудьте, что Церковь православная, копеечная свѣчка русскаго мужика, да мозолистыя руки вашихъ отцовъ, кормившихся отъ алтаря, выкормили васъ, дали вамъ право, кое-чему научили.

Поочереды спрашивалъ ректоръ своихъ питомцевъ, кто куда думаетъ идти; большинство шло во священники, но были и такіе, что выбирали академію, университетъ, спеціальныя учебныя заведенія.

Очередь дошла до Гурскаго.

— Вы, Гурскій навѣрно пойдете во священники, обратился къ нему Петръ Андреевичъ (такъ звали о. ректора). Способностями васъ Богъ не обидѣлъ, только лѣни въ васъ много — артистическая натура! Священникъ изъ васъ будетъ хороший — сердце у васъ доброе. А голосъ-то чего стоитъ? Не скоро нашъ хоръ будетъ имѣть такого превосходнаго пѣвца. Священникомъ отлично будете служить, хоръ заведете, народъ васъ полюбитъ. Что же вы молчите? смущаетесь?.. съ улыбкой спросилъ ректоръ. Не бойтесь: театральныя вашихъ походовъ мы въ аттестатѣ не вспомнимъ, кто не былъ молодъ?.. Петръ Андреевичъ перешелъ къ слѣдующему воспитаннику.

— Надулъ я старика — съ улыбкой вспомнилъ Гурскій. Какъ проходящій воспитанникъ, Александръ Михайловичъ больше другихъ имѣлъ свободы: хотя съ рискомъ и очевиднымъ ущербомъ для занятій, онъ могъ посѣщать мѣстный драматическій театръ, соблазнительно торчавшій черезъ улицу отъ семинаріи, противъ квартиры ректора. Когда въ городъ случайно забрела второстепенная опера, судьба Гурскаго

была рѣшена. Опера—вотъ моя дорога, тамъ цѣль и смыслъ жизни,—говорилъ онъ пріятелю и повѣренному во всѣхъ своихъ дѣлахъ Оедѣ Власовскому. Нашелся въ городѣ и учитель пѣнія, старый артистъ; голосъ Гурскаго привелъ старика въ восторгъ, и онъ взялся готовить его для сцены. Отъ искусства старикъ отсталъ, пѣлъ онъ самъ дребежащимъ голосомъ, но на Гурскаго онъ имѣлъ огромное вліяніе, поддерживая въ немъ настроеніе, предсказывая ему блестящую артистическую карьеру.

Въ выпускномъ классѣ съ Гурскимъ случилась большая непріятность. Тщательно загримированный, подстриженный, въ чужомъ изящномъ фракѣ, рискнулъ онъ выступить въ благотворительномъ концертѣ. Пѣніе его произвело впечатлѣніе, нѣсколько разъ его вызывали, но разговоры объ успѣхѣхъ неизвѣстнаго молодого пѣвца, дошло и до семинаріи, молвою успѣхъ былъ отнесенъ къ Гурскому, что грозило ему большими непріятностями... Петръ Андреевичъ любимаго пѣвца отстоялъ.

— Вы участвовали въ концертѣ? келейно допрашивалъ онъ Гурскаго.

— Да, о. ректоръ.

— На bis сколько разъ выходили?

— Три раза.

— Ну и что же,—большое удовольствіе получили отъ аплодисментовъ?

Семинаристъ молчалъ.

А много ли людей знаетъ о вашемъ участіи въ концертѣ?

— Человѣкъ пять.

— Попрошите ихъ не болтать объ этомъ и на будущее время воздерживайтесь отъ выступленія на эстрадѣ. Охота изъ-за самолюбія карьерой рисковать... Идите съ Богомъ.

Инцидентъ кое-какъ замаяли.

Въ школьныхъ воспоминаніяхъ Гурскаго одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежало Оедѣ Власовскому: ему открывалъ

свои тайны Александръ Михайловичъ, съ нимъ дѣлился планами и мечтами. Одея умѣрялъ его крайности, десятки разъ выручалъ его предъ начальствомъ; онъ же убѣдилъ его не оставлять ради сцены семинаріи раньше ея окончанія.

Появленіемъ у себя вечеромъ незнакомаго человѣка о. Оедоръ былъ очень удивленъ и недоумѣвающе смотрѣлъ на гостя, какъ бы спрашивая, что ему нужно.

Глядя на нихъ со стороны, чужой человѣкъ едва ли подумалъ бы, что это товарищи и однолѣтки. Здоровый, выхотенный гость былъ одѣтъ въ изящный костюмъ отъ хорошаго портного, имѣлъ цвѣтущій видъ. О. Оедоръ, въ старомъ заплатадномъ подрясникѣ, сутулый и съ лысиной, лѣтъ на 10 казался старше своего гостя и замѣтно волновался передъ незнакомымъ человѣкомъ.

— Здравствуй, Одея, проговорилъ гость, протягивая руку. Не узнаешь?—Гурскій Александръ. . твой семинарскій пріятель, если помнишь.

— Саша, голубчикъ! Откуда ты—словно съ неба свалился. Какой изъ тебя красавецъ вышелъ! Спасибо, что заглянулъ—большую радость доставилъ—вотъ-то поговоримся, да старину вспомнимъ. Садись, а я мигомъ распоряджусь самоварчикъ вздуть, да поѣсть приготовить.

— Распорядись, Одея, получше накормить моего возницу. Его лѣности я обязанъ сегодня удовольствіемъ видѣть тебя. Гость, смѣясь, рассказалъ, какъ онъ нашелъ товарища.

Пріятели расположились за столомъ и съ улыбкой разсматривали другъ друга.

— Какой ты здоровый да жизнерадостный, заговорилъ хозяинъ. Жизнь, видно, улыбается. Рассказывай, какъ живешь? Какъ разошлись послѣ семинаріи, такъ и не знаемъ ничего другъ о другѣ. Обычная судьба школьной дружбы.

— Зачѣмъ школьной? Всякой. Только житейская дружба чаще холодностью или враждой оканчивается, а школьная всегда сохраняетъ отпечатокъ искренности и теплоты.

Развѣ мы съ тобой сейчасъ не друзья и не рады другъ другу?

— Это ты правду сказалъ. Не будемъ однако философствовать, а послѣдуемъ совѣту нашего незабвеннаго историка, помнишь, чѣмъ онъ тебя доѣзжалъ?

— Какъ не помнить? „Вы, Гурскій, отлично скопировалъ гость историка, прекрасно развиваете теоретическую сторону событій, философію исторіи, но пожалуйста перейдите къ фактамъ“. На счетъ фактовъ тутъ уже ты, Одея, работай.

— Перепадало и мнѣ на орѣхи. Только не угадалъ старый учитель нашей судьбы. Мнѣ онъ карьеру театральнаго суфлера предсказывалъ... Итакъ, Саша, перейдемъ къ фактамъ. Гдѣ ты, что ты, въ какомъ званіи и состояніи?

— Я—артистъ императорской оперы, не безъ достоинства сказалъ гость.

— Вотъ это хорошо. Саша. Значитъ достигъ того, къ чему стремился.

— Достигъ, но чего мнѣ стоило? Нужно было нечеловѣческихъ усилій, огромной работы надъ собою, терпѣнія и выносливости...

— Отчего такъ? Голосъ превосходный, и всѣ предсказывали тебѣ большую карьеру.

— Голосъ-то у меня есть, да школы никакой. Учитель-то мой, пухомъ ему земля, лѣтъ на сто отъ искусства отсталъ. И пришлось мнѣ въ Питерѣ учиться пѣть чуть не съ азбуки и средства добывать къ жизни. Отецъ помогалъ,—спасибо ему,—но не хотѣлось особенно и налегать на старика, тѣмъ болѣе, что моя дорога была ему не по душѣ. Главныя препятствія встрѣтили меня на сценѣ. Мелочность, дразни, угодничество и протекціонизмъ на сценѣ развиты, кажется, какъ нигдѣ. Трудно было мнѣ, семинаристу, съ нашей грубоватой прямою, стать своимъ человѣкомъ въ блестящемъ, внѣшне изящномъ, театральномъ мірѣ.

— Что же, Саша, знаменитымъ ты сталъ, имя себѣ создалъ, славу?

— Черезъ край ты хватаешь. Чтобы стать первоклассной величиной, для этого много нужно—природный талантъ, огромный трудъ, соответствующее воспитаніе чуть не съ пеленокъ, или же нужно родиться самородкомъ и притомъ удачливымъ.

Пришлось мнѣ съ самимъ знаменитымъ Шляповымъ сначала пѣть, а потомъ пить. Ловко онъ меня опредѣлилъ: голосъ у васъ, говоритъ, прекрасный, а школы замѣтно мало, и въ пѣніи вашемъ чуть замѣтно мотивы изъ октоиха слышатся. Въдь хорошо, шельмецъ подмѣтилъ, хотя наверное не зналъ, кто я и откуда.

— А ты, Саша, и пьешь?

— Нашель, что спросить! Какъ же быть артистомъ и не пить? Мотовство и кутежи—тоже артистическія занятія: черезъ нихъ многіе изъ насъ и дни свои оканчиваютъ въ печали. Другихъ я не превосхожу, но гдѣ нужно, стараюсь не отстать: иначе скрягой и плохимъ товарищемъ прослывешь.

— Женатъ ты, Саша; дѣтей имѣешь?

— Что это ты, другъ мой, на радостяхъ инквизиціей занимаешься и пріятеля неприличными вопросами изводишь? Кто же въ нашъ вѣкъ женится? Это у васъ тутъ въ провинціи на бракъ смотрятъ какъ на что-то необходимое и даже неизбѣжное, и все взрослое человѣчество на женатое и холостое дѣлятъ. Въ столицѣ этотъ матримоніальный критерій, особенно среди артистовъ, оставленъ, и твой вопросъ показался бы неприличнымъ.

— Какъ же живутъ люди.

— Сходятся между дѣломъ и расходятся, когда надо—дѣлятъ одинъ другому.

— И ты Саша, такъ?

— И я, Федя,—скрывать не буду.

— Доволенъ ты, Саша, своей жизнью, лучшаго не ищешь, вообще—счастливъ?

— Какъ, милый коллега, въ тебѣ семинарская идеалистическая закваска крѣпко сидитъ. Какое слово сказалъ — счастье! До двадцатаго вѣка никто не сумѣлъ точно опредѣлить, что за штука—это самое счастье. Удивительно ли, что теперь это слово или совсѣмъ оставили или все рѣже употребляютъ его въ разговорѣ. Теперь люди хотятъ быть здоровыми, сильными, ищутъ роскоши и удобствъ, жаждутъ денегъ и чѣмъ больше есть этихъ пріятныхъ вещей, тѣмъ человекъ больше доволенъ, или, по твоей архаической терминологіи,—счастливъ.

Перваго у меня, какъ видишь, предостаточно, второго не много, а пенензовъ мало. Расчитывалъ я на родителя, но обманулся; впрочемъ, не сержусь—милый былъ старикъ.

Какимъ образомъ обманулся?

Я тебѣ не сказалъ, зачѣмъ я въ ваши палестины забрался. Въ самый разгаръ сезона получилъ я телеграмму отъ тетушки о томъ, что родитель скончался, а меня, единственнаго сына, своимъ наследникомъ сдѣлалъ. На погребеніе я не успѣлъ, а въ послѣдствѣ сильно обманулся. Подумай, сорокъ лѣтъ папаша священствовалъ, послѣднія десять лѣтъ отличный приходъ занималъ, велъ большое хозяйство, а оставилъ суціе пустяки,—я расчитывалъ на большее... Надо-бло мнѣ подчиниться и отъ всякаго хама зависѣть, на денежки родителя думалъ купить себѣ свободу и свою трупну завести... Передъ смертью отецъ всѣ бумаги въ порядокъ привелъ и въ отдѣльный портфель запечаталъ, вскрылъ я портфель, и въ пять минутъ мнѣ стало ясно, что больше, какъ тысячь на пять, мнѣ нечего расчитывать. Тутъ же я выяснилъ, что отецъ мой мужикамъ большой благодѣтель былъ и меня, своего блуднаго сына, крѣпко любилъ.

Въ календарѣ Андріяшева, служившемъ родителю бухгалтерской книгой, сохранились трогательныя записи: дадено бабѣ Ониськѣ на хату 40 р. Куплена Омельку рыжая кобыла за 50 р. вмѣсто украденной. Роздано мужикамъ на обѣ-

мененіе 200 пуд. ржи. На календарѣ и надпись учинилъ: „всѣ сіи долги я прощаю, и сыну моему въ нихъ не вступать“.

— Значить, твоя труппа больше по карманамъ мужиковъ разошлась, пошутить хозяинъ.

— Почти. Но и съ тѣмъ, что я получилъ, все же думаю рискнуть. Кое-что и у меня найдется... А какъ любилъ меня отецъ! Въ отдѣльной папкѣ я нашелъ цѣлое „дѣло“, написанное „біографія моего сына Александра“. Здѣсь отецъ подобралъ всякій пустякъ, говорившій обо мнѣ: бурсацкія диктовки, сочиненія, письма, вырѣзки изъ всевозможныхъ газетъ, описывавшія мои лицедѣйства. И куда бы меня судьба ни забрасывала—въ Тифлисъ, Харьковъ, Житомиръ, Курскъ, отовсюду онъ газетныя свѣдѣнія обо мнѣ имѣлъ и на нихъ свои замѣчанія дѣлалъ, въ родѣ: „добре, Сашка“; а гдѣ меня поругивали—„и все то вы врете, господа“. Думаю, что старикъ вѣрилъ въ то, что изъ меня великій артистъ выйдетъ, и, кажется, эта мысль у него особенно окрѣпла послѣ того, какъ онъ у меня въ Петербургѣ на первомъ моемъ бенефисѣ побывалъ.

— Твой папаша на бенефисѣ! Гдѣ это у старика такая прыть взялася?

— Представь, былъ. Изъ газетъ узналъ о бенефисѣ и пріѣхалъ, чѣмъ очень меня обрадовалъ.—Узналъ, говоритъ, о твоёмъ бенефисѣ: у васъ, у артистовъ, это большой день въ родѣ свадьбы, вотъ я и пріѣхалъ, даромъ, что ты про отца забылъ.

— Что же, папаша и въ театръ пошолъ?

— Вотъ то-то и есть, что не пошолъ; какъ мы ни убѣждали его съ компаніей: и въ каретѣ доставимъ, и ходъ въ театръ будетъ отдѣльный, и ложа закрытая, и ни одинъ человекъ васъ видѣть не будетъ—ничего не помогло.

— Ты, говоритъ, не безпокойся, я и здѣсь тебя душой услышу и молитвой поддержу.

-- Да чего вы, пана, боитесь? Кто васъ тутъ знаетъ?

— При моихъ лѣтахъ, сынокъ, мнѣ уже на землѣ никого не страшно, кромѣ Бога. Не подобаетъ намъ на зрѣлища ходить—запрещено.

— Это пережитокъ, папа! Кто этому вѣрить?

— Ты, Саша, меня не обижай, и не говори о томъ, чего не понимаешь.

Такъ и не пошелъ. На бенефисъ меня иконой благословилъ, и, какъ рассказывалъ потомъ лакей, все время молился.

Когда я вернулся съ пріятелями на товарищескій ужинъ, отецъ меня хлѣбомъ-солью встрѣтилъ. Успѣху моему радовался, больше, чѣмъ я самъ: разговорился и интернаціональное мое общество прямо въ восторгъ привелъ. Половина ея съ сельскимъ священникомъ въ жизни своей ни разу не говорила.

До утра затянулась наша бесѣда, и былъ на ней бенефициантомъ больше панаша, чѣмъ я. На радостяхъ даже лишнее старикъ выпилъ: кажется, на шампанскомъ ошибся: все просилъ что-нибудь божественное спѣть, и очень огорчился, что ничего въ нашемъ репертуарѣ не оказалось.

На раставанье далъ строгій приказъ непременно обѣдню Чайковского выучить; просилъ всѣхъ къ себѣ лѣтомъ на дачу, а артисткамъ обѣщалъ цѣлый возъ розъ и другихъ цвѣтовъ. Думалъ, совсѣмъ очаровали старика: Зорина наше *metto soprano* на прощаньи даже руку у старика поцѣловала: въ то время мы съ ней довольно близки были, и, кажется, на меня она брачные виды имѣла.

На слѣдующій день мы со старикомъ дѣлились впечатлѣніями.

— Интересное твое общество, Саша, деликатные люди. Понравилось мнѣ милое обхожденіе со мною; говорятъ, интеллигенція чуждается и не любитъ духовенства,—оказывается, не всегда такъ. Только все-таки бѣжалъ бы ты отсюда: безалаберная, безпокойная жизнь ваша, и все у васъ навыворотъ: день за ночь сходить; роскошь и мотовство не-

помѣрныя. Бриллианты у вашихъ артистокъ гдѣ берутся? И обращеніе у нихъ съ мужчинами не хорошее: женской скромности невидно: даже со мною, старикомъ, женское кокетство проявляютъ... На такихъ не женятся... Взять ту же Зорину: женись на ней—намучаешься и непременно уйдетъ съ тѣмъ, кто краше тебя да лучше пѣть будетъ. Уйдетъ, Саша?..

— Непременно уйдетъ, папа!

— А мотовство у васъ какое: десятирублевое шампанское пьютъ, какъ воду, не спрашивая хозяина, много ли его есть?

Расходы по бенефису отецъ самъ заплатилъ; разстались мы съ нимъ друзьями и съ той поры не видѣлись...

Товарищи на минуту смолкли, и, казалось, тѣнь старика невидимо витала среди нихъ.

— На главный вопросъ мой ты, Саша, все же не отвѣтилъ: счастливъ ли ты, нашелъ ли ты удовлетвореніе своей душѣ и не тянетъ ли тебя къ иной, болѣе простой и покойной жизни?

— Какъ тебѣ сказать? Порою тоскливо бываетъ на душѣ. Въ такія минуты ушелъ бы куда глаза глядятъ, и отъ дѣла и отъ людей—продажныхъ, пошлыхъ, жалкихъ. Но это только въ минуты малодушія и въ такія минуты меня спасаетъ красота. Я—язычникъ, Ѳедей; красота это—мой идолъ: красота въ природѣ, въ искусствѣ, красота въ звукахъ, музыкѣ, и я стараюсь среди красоты жить и хотѣлось бы среди красоты умереть. Я служу красотѣ и въ этомъ—цѣль и смыслъ моей жизни...

— Красота—то эта—мишурная, Саша...

— Нѣтъ. Обстановка, люди—да, но не само искусство. Все, что есть прекраснаго въ жизни и въ душѣ человѣка,—отбросивъ все пошлое, все ничтожное, что непременно примѣшивается въ жизни къ высокому,—запечатлѣлъ талантъ въ дивныхъ чарующихъ звукахъ бессмертныхъ твореній. Что изъ того, что въ жизни я не вижу и не встрѣчаю ни любви, ни дружбы, ни чувствъ высокихъ, но когда я о нихъ пою,

въ ту минуту я имъ вѣрю, и вѣрять въ нихъ завороженная, замирающая въ восторгѣ толпа. А поклоненіе толпы, которую я въ обычное время презираю—какое оно даетъ наслажденіе! Когда я стою возлѣ рамы, я переживаю и испытываю то же, что полководецъ передъ своей арміей, или блестящій проповѣдникъ—передъ аудиторіей: я тогда хочу заставить толпу думать, жить и чувствовать вмѣстѣ со мною, и чѣмъ больше она меня понимаетъ, тѣмъ больше я удовлетворенъ...

— Отчего ты, Саша, по самымъ важнымъ вопросамъ не высказываешься? О Богѣ и Божьей правдѣ ничего не говоришь? Помнишь, какъ бывало долгими вечерами мы спорили и мучились надъ этими вопросами? Или ты теперь уже—невѣрующій, какъ большинство нашей интеллигенціи?

— Объ интеллигенціи напрасно ты думаешь, что она—сплошь невѣрующая. У многихъ изъ интеллигентовъ есть своя религія и своя мораль, аскетическая даже. Развѣ мы не видимъ въ ней порывовъ, готовности на жертву, когда отодвигается на послѣдній планъ все, касающееся личной жизни? А большая часть интеллигенціи и въ живого Бога вѣрять, только скрываетъ это ради моды:—не хочется отсталыми быть. На отрицаніе у насъ давно мода пошла, вотъ и отрицаютъ... на словахъ, а на дѣлѣ тоскуютъ по Богѣ и часто завидуютъ вѣрующему мужику. Это пройдетъ... и тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше православіе явитъ примѣровъ живой вѣры, а не сухой проповѣди по гомилетикѣ Фаворова.

— А ты какъ, Саша?

— Я служу красотѣ и беру отъ жизни все лучшее, что она даетъ, вѣковѣчные вопросы пока въ сторонѣ оставляю, на старость что ли...

— Все же въ жизни огромный пробѣлъ, какое-то пустое мѣсто остается и мѣсто какое важное. А тоскуешь ты по Богѣ, Саша, сознайся!

— Какой ты, Оеда, неутомонный—все тебѣ выложи да разъясни, что я и самъ не ясно повимаю. И не пора ли тебѣ бросить меня и о себѣ рассказать?..

— Живешь ты скверно: объвелъ гость глазами квартиру,—бѣдно неуютно, какъ вообще сельскому батюшкѣ судьбой предопредѣлено. Книгъ много, это—хорошо, а я, другъ мой, по мѣсяцамъ, кромѣ ролей да театральныхъ рецензій въ газетахъ, ничего не читаю... нѣтъ времени. Какая я, однако, телятина! Болтаю о сеяѣ сколько времени и не спрошу тебя о женѣ и милыхъ дѣтушкахъ. Отчего это у тебя въ домѣ пусто и тихо: не видно матушки, ребятъ, незамѣтно пеленокъ, всего, что такъ необходимо въ жизни іерея?

— Пѣтъ ихъ у меня, Саша: я вдовець.

— И давно?

— Пятнадцать лѣтъ.

— Оеда, извини меня, но дай мнѣ попробовать твою голову—въ порядкѣ ли она?

— Это почему?

— Я не знаю, какъ это назвать: силишь ты тутъ, въ медвѣжьей берлогѣ, пятнадцать лѣтъ одинъ, какъ перстъ, тра-тишь лучшія годы, какіе только бываютъ въ жизни,—ради чего?

— Что же дѣлать?

— Неужели за 15 лѣтъ ты не надумалъ, что тебѣ дѣлать? Уйти... Давно надо было это сдѣлать, да и теперь это не поздно: впереди у тебя еще лѣтъ 20 жизни...

Сколько васъ священниковъ, неудачниковъ, заѣденныхъ консисторскими судами, но людей съ живой душой, съ энергіей оставляетъ ваше вѣдомство и ищетъ лучшей доли на разныхъ поприщахъ! Люди семейные рискуютъ, а ты одинокій, свободный, здоровый коптишь здѣсь небо. Поступишь въ университетъ—черезъ 5 лѣтъ, при твоёмъ трудолюбіи, ты—адвокатъ, врачъ, пусть даже учитель, все же не сельскій пощъ, надъ которымъ всякій въ правѣ измываться, какъ хочетъ, который всѣмъ во всемъ обязанъ и никакихъ правъ самъ не

имѣть. Не хочешь въ университетъ—иди въ академію. Лѣтъ черезъ 10 ты—епископъ, окруженный поклоненіемъ, почетомъ, самый вліятельный человѣкъ въ губерніи.

— Зачѣмъ мнѣ все это?

— Какъ зачѣмъ? Для того, чтобы жизнь имѣла смыслъ, содержаніе. Человѣкъ только тогда и живетъ, когда чего-нибудь ищетъ, къ чему-то стремится, за что-то борется, а у васъ тутъ, въ захолустьи, смерть живой душѣ. Посмотри на себя: живешь ты деревенской нормальной жизнью, а весь полняль какъ-то, нахмурился и смѣешься кривой улыбкой, а не живымъ смѣхомъ здороваго человѣка...

— Думалъ объ всемъ этомъ, Саша, давно и вотъ къ какому выводу пришелъ: къ чистой наукѣ я охоты въ себѣ не замѣчаю, а карьера меня не прельщаетъ,—зачѣмъ же мнѣ ломать свою жизнь? И не думай, будто наша жизнь безцвѣтна и лишена всякаго содержанія. Это съ вашей—городской и интеллигентной точки зрѣнія: На самомъ дѣлѣ мы несемъ на своихъ плечахъ огромное и страшно отвѣтственное предъ Богомъ и людьми дѣло.

— Ну и пусть другіе несутъ это дѣло по необходимости, по нуждѣ. Зачѣмъ ты-то приносишь себя на закланіе?

— Если всѣ такъ станутъ разсуждать, Саша,—кто же останется въ деревнѣ? Подневольные работники? Невелика имъ цѣна. Мы—священники, да еще учителя, единственные интеллигентные люди, не убѣжавшіе еще изъ деревни. Къ сожалѣнію, влеченіе къ городу, какъ чума, распространяется и среди насъ. На городскія псаломщицкія вакансіи священники десятками просятъ,—бросаютъ живое, огромное дѣло.—И этой тоской по городѣ болѣетъ добрая половина изъ насъ.

— Навѣрное,—лучшая, неопустившаяся, живая?

— Не думаю. Вотъ твой отецъ жилъ 40 лѣтъ въ деревнѣ и не опустился и сберегъ душу живую: Есть еще, слава Богу, среди насъ люди, что находятъ смыслъ для жизни и въ деревнѣ, и не мѣняють ее на городъ. Вотъ и я хотѣлъ

бы быть такимъ, и предъ другими имѣю на это нѣкоторыя удобства. Вдовство, одиночество—это страшная вещь: многіе изъ насъ гибнуть отъ него, спиваются, тонуть въ грязи. Тяжекъ этотъ крестъ, но, освобождая насъ отъ семейныхъ радостей, вмѣстѣ и заботъ, не указываетъ ли намъ Богъ этимъ самымъ, чтобы мы тѣмъ крѣпче привязались къ народу, и свою любовь и доброе сердце цѣликомъ, безъ остатка, отдали бы этимъ дикимъ, темнымъ, но, право, милымъ мужикамъ.

— Ты, о. Ѳеодоръ, уже, кажется до католическаго целибата договорился...

— Совсѣмъ нѣтъ. Я признаю необходимость и пользу брака для духовенства. Семейнымъ укладомъ я отчасти объясняю то, что наше духовенство проще, отзывчивѣе и добрѣе католическаго. Но неужели же человѣкъ разумный, владеющій собой, внѣ семьи никакого смысла въ жизни найти не можетъ?

— Не женился ли ты, Ѳедея, безъ любви, что такъ холодно и сухо говоришь объ этомъ?

— Нѣтъ. Женился я по влеченію сердца, и жена у меня была добрая, вѣрующая, кроткая,—и въ приходскомъ дѣлѣ была лучшая моя помощница и вдохновительница.

При воспоминаніи о женѣ, о. Ѳеодоръ какъ-то весь сгорбился, крупная слеза покатила по лицу, за ней другая, третья...

— Извини меня, горячо заговорилъ Александръ Михайловичъ, я сдѣлалъ тебѣ больно, напомнилъ твое горе...

— Ничего, Саша, ты меня извини за чувствительность: многое вспомнилось... хорошее, что было и такъ скоро ушло... Оставимъ заниматься другъ другомъ, сказалъ, успокоившись, о. Ѳеодоръ, вспомнимъ лучше наши молодые годы, юность золотую. Хорошее времячко было... Семинарію-то часто вспоминаешь?

— Случается. Какъ учился, частенько, быцало, порядками возмущался и недовольство передъ тобой изливалъ, а

теперь все плохое забылось, и, кажется, что совсѣмъ недурно намъ въ школѣ жилось. Въ семинаріи перемѣнъ навѣрно много, мало стариковъ осталось?

— Перемѣны большія, но кое-кто еще живъ. Живъ и такъ же молодъ душой Петръ Андреевичъ, только еще добрѣе сталъ. Живъ и здоровъ „Фактъ“, что тебя фактами изводилъ... Съ Никишей неприятность большая вышла. Помнишь, онъ большой любитель былъ поострить и непременно требовалъ, чтобъ отъ его остроу, очень рѣдко удачныхъ, весь классъ во весь голосъ хохоталъ. Приѣхало въ семинарію какое-то начальство, зашло къ нему на урокъ; ученики отвѣчали великолѣпно, Никиша былъ въ ударѣ и два съ острилъ,—по рассказамъ, на этотъ разъ даже удачно. Семинаристы постарались и грохнули такъ, что стѣны задрожали, хотѣли показать, какъ у нихъ весело и еживленно на урокахъ. Начальство удивилось, Никишка отшутился, а семинаристы отъ восторга прямо взвыли. Въ результатѣ пришлось Никишкѣ изъ родной семинаріи куда-то на окраину уйти.

— Товарищей кого-нибудь встрѣчаешь? Большинство въ священники ушло?

— Кое-кто даже близко живетъ. Въ десяти верстахъ отъ меня Яворскій Стефанъ священствуетъ. Ты его помнишь?

— Изящный такой, весельчакъ? Отъ него я не ожидалъ, что онъ въ духовные поидеть.

— Онъ и дѣлалъ было попытку уйти изъ духовенства, но неудачно. Забавно онъ рассказывалъ свою исторію. Окончилъ онъ варшавскій ветеринарный институтъ. Пока, говорить, шла теорія ветеринарнаго искусства, дѣло ничего себѣ казалось, а какъ сталъ теорію на практикѣ примѣнять, вышла полная чепуха: лѣчить животныхъ куда труднѣе, чѣмъ людей. Человѣкъ—тотъ скажетъ, что болитъ, а животное на всѣ твои вопросы хрюканьемъ или мычаньемъ отвѣчаетъ, и разбирайся въ его настроенія, какъ хочешь... Особенно трудно было вести дѣло съ мужиками: приведетъ иной завалящую клячку, лѣтъ 40, и ты долженъ ей здоровье и мо-

лодость вернуть, а околѣеть—съ тебя же мужикъ править деньги за убытки. Одичаль, говорить, на своемъ участкѣ такъ, что по-человѣчески говорить разучился и въ обществѣ, даже дамскомъ, „тпру“ или иной скотій комплиментъ хочется сказать. По ночамъ во снѣ то лошадиная голова къ тебѣ тянется, то корова облизать языкомъ хочетъ, то бѣшеная собаченка искушать норовить. Промучился такъ онъ годъ. Тутъ съ нимъ случился весьма пріятный, по его разсказу, казусъ. Въ деревнѣ появилась сибирская язва, и его съ приставомъ командировали зараженныхъ животныхъ истреблять. Мужики, говорить, дай Богъ имъ здоровья, до такого варварства насъ не допустили и приняли насъ, голубчики, въ колья... Ноги свои мы кое-какъ унесли, но на участокъ я не вернулся и поѣхаль прямо къ владыкѣ милости и хлѣба просить...

Епископъ было покапризначаль, но, тронутый искренностью ветеринара, мѣсто далъ.

— Недалеко отъ меня живетъ и другой товарищъ Собковскій Владиміръ. Помнишь, большой любитель былъ въ картишки перекинуться.

— Какъ не помнишь? Съ нимъ же вышелъ случай, надѣлавшій смѣха и шуму въ семинаріи. Помощникъ инспектора на картежниковъ вечеромъ облаву устроилъ въ излюбленномъ мѣстѣ всякихъ собраній—въ умывальной комнатѣ. Часть партнеровъ попалась съ поличнымъ, а Володя въ умывальный ящикъ съ холодной водой спрятался и сидѣлъ, пока помощникъ другихъ отчитываль. Коллеги отдѣлались четверкой въ поведеніи, а Собковскій съ мѣсяцъ въ больницѣ послѣ такой ванны провалялся.

— Послѣ этой ванны онъ въ карты бросилъ играть. Въ настоящее время учительствуетъ. Изъ жалости, кажется, женился на вдовѣ старше себя, съ 5 сиротами, и живетъ на 40 рублей въ мѣсяцъ.

— Представь, Одея, кромѣ меня въ Петербургѣ оказался и еще одинъ изъ нашихъ товарищей—Яворскій Антонъ.

— Это, кажется, былъ самый талантливый изъ нашего выпуска, человекъ на всѣ руки. Большую карьеру навѣрно онъ сдѣлалъ?

— Еще какую! Окончилъ онъ институтъ инженеровъ, теперь въ большихъ чинахъ, и еще въ большихъ капиталахъ обращается. Своихъ домовъ въ Питерѣ съ полдесятка имѣеть, выстроенныхъ по послѣднему слову технического искусства.

Женатъ на богачкѣ; влюблена въ него, какъ кошка, и если съ чѣмъ не можетъ въ немъ примириться, такъ это съ его худороднымъ происхожденіемъ отъ дьячка. Меня она не любитъ; всякій разъ, какъ зайду къ нимъ, у меня съ Антономъ бурсацкія воспоминанія пойдутъ, отъ которыхъ тонную барыню то въ краску, то въ холодъ бросаетъ. Особенно памятна мнѣ одна съ нимъ встрѣча; какъ-то на радостяхъ мы съ нимъ за ужиномъ лишнее хватили. Сначала Яворскій все смѣшныя исторіи вспоминалъ изъ семинарской жизни, а потомъ сталъ плакать и во грѣхахъ своихъ каяться.

— Подлецъ я, говорилъ, настоящій подлецъ, и не слѣдуетъ меня честнымъ людямъ за товарища считать. Воръ я и все, что ты, мой коллега, видишь у меня, все то краденое: и домъ краденый, и брилліанты у жены краденые, и шампанское, какимъ я налакался какъ свинья, тоже краденое...

Съ барыней отъ такой откровенности дурно стало, а онъ цѣлуетъ у нея руки и сквозь пьяныя слезы упирается: бросимъ, Оля, все, уйдемъ отсюда, отъ роскоши, воровства и праздної жизни. Папаша мой, говоритъ, честный дьячекъ, теперь въ гробу переворачивается, глядя на своего безпутнаго сына. Пресерьезнымъ образомъ сталъ мечтать, какъ онъ самъ станетъ дьячкомъ въ селѣ и будетъ „Всемирную славу“ на клиросѣ пѣть, на томъ и заснулъ. Никуда, разумѣется, онъ не ушелъ: къ жизни своей и богатству не меньше жены привыкъ...

Долго еще говорили пріятели, вспоминая школу, старыхъ учителей, товарищей.

— Заговорились мы съ тобой, сказалъ, наконецъ, хозяинъ. Съ дороги тебѣ давно отдохнуть пора.

Гость мелькомъ взглянулъ на часы.

— Отдыхать теперь когда же? Мнѣ до поѣзда одинъ часъ остался. Распорядись пожалуйста, чтобы моего Мирона растолкали.

— Погостилъ бы; навѣстилъ бы кое-кого изъ товарищей.

Нѣтъ, я давно уже изъ Петербурга, нужно спѣшить.

Дружески обнялись пріятели на разставаньи, и легкая грусть затуманила лица обоихъ.

— Можетъ быть, Оеда, не навсегда разстанемся?

— Почему знать? Говорять, гора съ горой не сходится...

— Я не о томъ: можетъ быть, надумаешь и пріѣдешь въ Питеръ искать лучшей доли...

— Нѣтъ, Саша, приросъ я къ мѣсту, и отъ него мнѣ не оторваться, и смысла я не вижу дѣлать это.

Дружно подхватили по скрипучему снѣгу отдохнувшія лошаденки сани, унося петербургскаго случайнаго гостя съ пригорка, гдѣ удобно расположился церковный погостъ съ храмомъ, школой, домою священника. Сквозь тьму уходящей зимней ночи внизу видно было село, съ низенькими избами, занесенными снѣгомъ: кое-гдѣ въ окнахъ мелькали огоньки, бабы спѣшили за водой—въ деревнѣ начиналась ежедневная трудовая суতোлка. И глядя на эту скучную, бѣдную красками жизнь, думалъ путникъ о томъ, что для нея, какъ и для города, нуженъ свѣтъ и теплая ласка, нужны люди съ горячимъ и любящимъ сердцемъ.

Священникъ *В. Пестряковъ.*

Какъ лучше устроить праздникъ для дѣтей въ святочные дни?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ много матеріала можетъ дать предложеніе архіепископа Херсонскаго и Одесскаго Димитрія Попечительному Совѣту Херсонско-Одесскаго Епархіальнаго Дома, отъ 21 дек. 1910 г., напечатанное въ № 23 Херсонскихъ Епарх. Вѣдомостей.

Дѣлаемъ извлеченіе изъ этого замѣчательнаго предложенія.

„Приближается свѣтлый христіанскій праздникъ Рождества Христова. Съ сегодняшняго праздника (Введеніе) Церковь начинаетъ готовить православныхъ христіанъ къ празднику Рождества Христова: „Христось рождается! Славите!“ Это—радостный праздникъ семействъ христіанскихъ, всерадостный праздникъ христіанскихъ дѣтей. На святой Руси (Кіевской) къ церковно-богослужебному прославленію Христа, рождагося отъ Дѣвы, издревле присоединялось прославленіе Младенца-Христа внѣбогослужебное, церковно-народное. Церковно-народная поэзія въ теченіе вѣковъ сложила этотъ праздникъ славленья Христа-Младенца въ формѣ особыхъ рождественскихъ пѣсенъ, такъ называемыхъ колядь (нѣкоторыя собраны въ Богогласникѣ). Колядованіе наполняло, по деревнямъ и теперь наполняетъ всѣ дни и „святые вечера“ рождественскихъ святокъ. Въ обстановочной части колядованья главное мѣсто занимала звѣзда,—*Виолеемская Звѣзда*. Ходили (и теперь ходятъ) со звѣздой дѣти и подростки, и колядовали у родныхъ, у знакомыхъ, а затѣмъ и просто подъ окнами у всѣхъ односельчанъ, и получали за колядованье гостинцы. Колядованье „со звѣздой“ происходило главнымъ образомъ по вечерамъ, когда освѣщенная внутри звѣзда производила извѣстный эффектъ. Колядовали не только дѣти, но и взрослые. Колядованье этихъ послѣднихъ, кромѣ праздничнаго славленья Христа, имѣло цѣль и церковно-благотворительную: эти колядники собирали пожертвованія,

и немалыя, деньгами и вещами на благоукрашение своего приходскаго храма, на приобретение цѣнной утвари церковной и проч. „Вифлеемская звѣзда“ въ рождественскомъ праздникѣ славленія Младенца-Христа имѣла у насъ глубокой трогательный церковно-народный смыслъ. Въ ней воплощалась вѣрность историческому евангельскому содержанию священныхъ событій. „Волсви со звѣздой путешествуютъ; звѣздой учахуся кланяться Солнцу правды, Христу“.

Къ глубокому сожалѣнію, въ настоящее время „звѣзда“ совсѣмъ устраняется изъ дѣтскихъ развлеченій въ рождественскія святки. „Вифлеемскую звѣзду“ вытѣснила „Рождественская елка“. Елка! Никого, конечно, не смущаетъ то, что „елка“ не даетъ ни малѣйшаго намека на обстановку великаго, всемірнаго таинственнаго событія Вифлеемскаго, что Вифлеемъ никогда не видалъ ни ели, ни сосны, ничего хвойнаго; тамъ только дубъ, да маслина и виноградъ. Но наша подражательность сдѣлала все. Изъ-за границы (тамъ хвой достаточно) и привезли елку въ наши школы; изъ школъ она перешла въ семейства; наконецъ, устроится она не только для дѣтей, но и для взрослыхъ. Только на окраинахъ городовъ появляется еще въ Рождественскія святки „звѣзда“ да по деревнямъ, гдѣ школьное подражаніе нѣмецкой елкѣ еще не совсѣмъ вытѣснило Вифлеемскую звѣзду; и дѣти „звѣздари“ еще путешествуютъ со звѣздой, на память о той „звѣздѣ ясной, что надъ вертепомъ возсіяла свѣтомъ“ (Богослужбникъ).

Предполагая дать маленькимъ посѣтителямъ нашихъ дѣтскихъ попедѣльниковъ доброе христіански-праздничное веселье, мы намѣрены устроить на святкахъ не „Рождественскую елку“, при видѣ которой можетъ возникнуть въ дѣтскихъ умахъ только ошибочное представленіе и о природѣ страны, гдѣ Христосъ родился, и объ обстановкѣ мѣста Его рожденія, — а „Вифлеемскую звѣзду“. Наша „звѣзда“ напомнитъ дѣтямъ о той Евангельской звѣздѣ, которую волхвы-мудрецы видѣли на востокѣ, которая шла предъ ними и, на-

конецъ, останоѵилась надъ Виѵлеемомъ.—тамъ, гдѣ былъ Младенецъ-Христосъ.

Не могу не упомянуть, въ связи съ Виѵлеемской звѣздой, еще объ одномъ важномъ обстоятельстве, составляющемъ принадлежность семейнаго празднованія дня Рождества Христова. Вошла въ общій обычай раздача рождественскихъ подарковъ дѣтямъ. Это—добрый обычай. Онъ трогательно напоминаетъ о тѣхъ дарахъ, что восточные волхвы-мудрецы принесли Младенцу-Христу. Желательно, чтобы этой обычай праздничный установился и упрочился въ Епархіальномъ Домѣ для вечера Виѵлеемской звѣзды.

Жертвуй отъ себя изрядную сумму денегъ на устройство вечера Виѵлеемской звѣзды и раздачу дѣтямъ праздничныхъ подарковъ, архіепископъ Димитрій приглашаетъ и добрыхъ христіанъ г. Одессы посодѣйствовать успѣху вечера своими денежными и иными матеріальными пожертвованіями.

И.

ЗАМѢТКА.

Письмо бывшаго священника, лишеннаго сана.

Въ редакцію „Оренб. Епарх. Вѣд.“ поступило письмо бывшаго священника Оренбургской епархіи съ такою резолюціею отъ 26 сентября с. г. преосвященнаго Теодосія, епископа оренбургскаго и тургайскаго: Редакція „Епарх. Вѣд.“ помѣститъ настоящее письмо на страницахъ своего органа. Не найдутся ли въ епархіи лица, желающія помочь павшему жалкому, несчастному собрату? Его письмо—обвинительный приговоръ страшному пороку и его жертвамъ. Фамилія и адресъ писавшаго редакціи извѣстенъ.

Означенное письмо слѣдующаго содержания:

„Ваше Преосвященство, Милостивѣйшій Архипастырѣ и Отецъ! Простите за дерзновенное прошеніе, которымъ осмѣливаюсь утруждать особу Вашего Преосвященства и отнимать драгоцѣнное время на прочтеніе моего прошенія, но

крайняя нужда, ужасъ нравственнаго паденія, до котораго я дошелъ въ настоящее время заставляютъ меня обратиться къ вамъ, какъ единственному по Богѣ покровителю и помощнику лицъ духовнаго званія, котораго я лишень. Пишу откровенно. За 24 года моей службы въ епархіальномъ вѣдомствѣ много я надѣлалъ зла, какъ себѣ, такъ и моей семьѣ—и все это благодаря безобразному пьянству, которое и довело меня до настоящаго положенія. Я нагъ, босъ, голодень. Радъ бы всякой работѣ, но меня никто и никуда не беретъ. Просить Христа ради и стыдно, да едва ли кто и дастъ, смотря на мою мускулистую фигуру. Не дайте, Преосвященнѣйшій Владыко, погибнуть мнѣ нравственной смертью, а естественной—я былъ бы радъ, чтобы освободить свою семью отъ позорнаго мужа и отца. Пьянство, которымъ я одержимъ и которое я всегда у себя оправдывалъ и такъ обѣлялъ, у меня запойное, хотя я и не пивалъ по году. Выбитый изъ коленъ привычной жизни, догадываясь о потерѣ семьи, чувствуя на себѣ позоръ, я вращался въ средѣ самаго низшаго разбора,—все это при слабоволіи усугубило порокъ, и я палъ, Поддержите, Владыко, дайте мнѣ работу, хотя бы и самую черную,—все приму и за все буду благодаренъ и буду просить Господа Бога подкрѣпить меня въ борьбѣ съ пьянствомъ моимъ. Явиться лично и просить Васъ, Преосвященнѣйшій Владыко, я не могу, потому что не имѣю буквально одежды, которую отчасти продалъ самъ и часть ея взяли добрые люди. Есть одежда у жены, но гдѣ она проживаетъ въ настоящее время—мнѣ неизвѣстно, да и опасается жена при моей беззубной жизни дать мнѣ одежду. Не оставьте, Милостивый Владыко, меня падшаго, помогите и спасите, дайте мнѣ встать нравственно, а я, сколько Богъ поможетъ, буду стараться при Его помощи бросить пьянственную безобразную жизнь, чтобы былъ, если и не мужемъ примѣрнымъ, то опорой семьи, состоящей изъ жены и дѣтей, изъ коихъ одна пристроена, 2 учатся въ епархіальномъ женскомъ училищѣ. 1—въ духовномъ и 2 живутъ при матери. Помогите!“ (Совр. лѣтопись).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 23-го декабря 1910 года.

Цензоръ сзязценникъ *Николай Гроссу.*

Типографія Акціонер. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринг. ул.